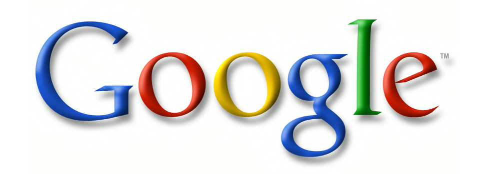
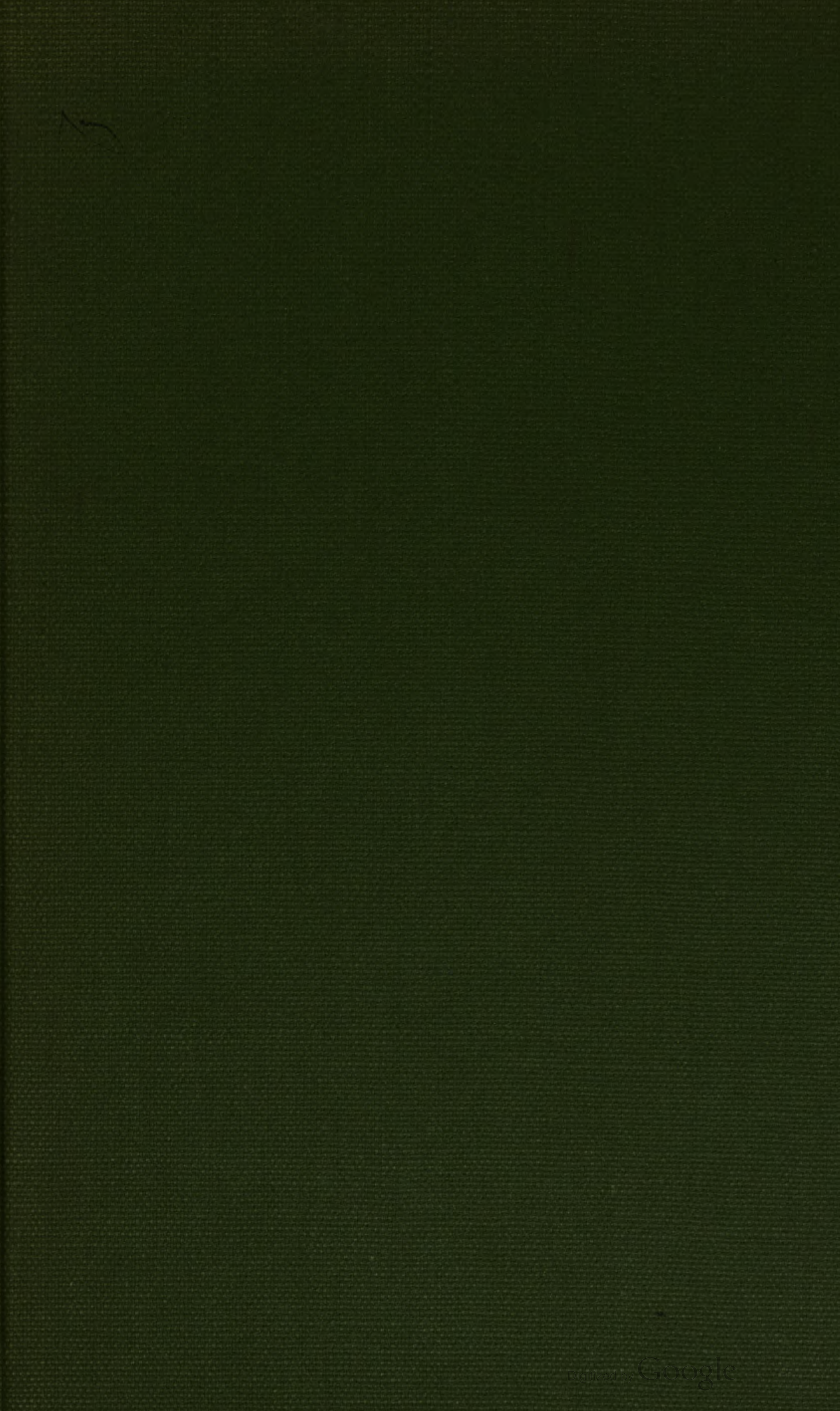

TRI PISMA

ТРИ ПИСЬМА

КЪ

GOGOL

Н. В. ГОГОЛЮ,

ПИСАННЫЯ ВЪ 1848 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

1860.

Отъ С. Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. 9 Августа, 1860 г.

Цензоръ Архимандритъ *Фотій.*

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Издаваемыя здѣсь три письма къ Н. В. Гоголю, составляютъ собственно изслѣдовательное сочиненіе о Гоголѣ, о его литтературномъ дѣлѣ и значеніи, только писанное собесѣдовательно съ самимъ Гоголемъ какъ вообще для оживленія рѣчи, такъ въ особенности по приспособленію къ извѣстному его желанію, чтобы писали къ нему о его дѣлѣ. Это сочиненіе было писано еще при жизни покойнаго, за двѣнадцать лѣтъ доселѣ по слѣдующимъ обстоятельствамъ и побужденіямъ. Извѣстно, что, когда покойный Гоголь издалъ «выбранныя мѣста» изъ своей переписки, образовалось общее почти мнѣніе, будто онъ отказывается отъ своихъ прежнихъ твореній, какъ уже противныхъ новому его направленію. Одни, именно прежніе его поклонники, считали его измѣнникомъ предъ искусствомъ и самою истиною и приписывали эту перемѣну болѣзненному его разстройству. Другіе, и это даже самые поборники началъ, провозглашенныхъ Гоголемъ въ «выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки», большею частію съ недовѣріемъ смотрѣли на эту книгу и отыскивали въ покойномъ признаки духовной гордости. Иные, можетъ быть, и изъ самыхъ его друзей, колебались между тѣмъ и другимъ взглядомъ на Гоголя, жалѣли, судили, недоумѣвали. Были и такіе, какъ мнѣ извѣстно, и это наилучшіе изъ всѣхъ, которые съ живѣйшею любовію поддерживали и развивали возникшее въ немъ сознаніе истины въ одномъ Христѣ; но они не заботились и, можетъ быть, не могли отчетливо помирить Гоголя съ прежнею

дѣятельностію, такъ, чтобы онъ благословлялъ и съ бодростію продолжалъ свое поприще. Между тѣмъ самъ онъ находился тогда въ положеніи человѣка, который, идя своею, независимою отъ другихъ дорогою, имъ же самимъ и пролагаемою, рѣшительно уже выходилъ изъ многаго, прежде болѣе или менѣе безсознательнаго, въ полную, разумную и опытную отчетливость духа. Въ такомъ переходномъ положеніи мысль и чувство и вся душа находятся точно въ болѣзняхъ рожденія, требующихъ самаго заботливаго вниманія и ухода близкихъ. Всего тяжелѣе и опаснѣе для покойнаго было неизбѣжное раздвоеніе его духа между своею прежнею, не озаренною прямо благодатнымъ сознаніемъ, дѣятельностію и вновь открывающимся, какъ будто, непохожимъ ни на что прежнее, сознаніемъ истины въ одномъ Христѣ. Надобно было изъ словъ и дѣлъ самаго Гоголя выяснить предъ нимъ и предъ публикой, что въ существѣ дѣла, не было и нѣтъ противорѣчія между прежнею его дѣятельностію и новымъ духовнымъ сознаніемъ: въ первой уже глубоко завито было послѣднее,—послѣднее, вполнѣ раскрывшись только увѣнчивало первую. Раскрытію этого, во славу Христовой истины и благодати, освящающей и освѣщающей вѣрующаго человѣка на всѣхъ его путяхъ, и посвящены были «три письма» здѣсь предлагаемыя, которыя, при самомъ написаніи ихъ, были назначаемы непремѣнно въ печать, но по обстоятельствамъ доселѣ оставались въ рукописи.

Гоголь умеръ. Но понятія о немъ остались и иногда повторяются прежнія; переписка его, изданная во всей возможной полнотѣ, выясняла образъ его только въ общежительныхъ отношеніяхъ покойнаго къ современному обществу и къ его условіямъ, которымъ Гоголь уплачивалъ свою долю дани. Дѣло и значеніе Гоголя остаются и доселѣ для однихъ загадочными, а у другихъ только односторонне рѣшенными. Да и самое общее сознаніе о высшихъ или дѣйствительно-вѣрныхъ началахъ искуства и науки едва ли сколько нибудь подвинулись у насъ впередъ послѣ Гоголя, хотя стремленіе къ возможно-точной отчетливости въ мысли стало, по видимому, сильнѣе прежняго, покрайней мѣрѣ рѣзче выражается нынѣ. Для достиже-

нія того благословеннаго берега истины, къ которому Гоголь стремился всей душей, который видѣлъ онъ съ восторгомъ, но къ которому въ нравственномъ его одиночествѣ трудно было ему благоуспѣшно пристать и прикрѣпиться, представляются современной мысли, большею частію, прежнія затрудненія и препятствія Эти затрудненія и препятствія состоятъ въ томъ, что въ одних много духовно-живаго и истиннаго, слѣдовательно Христова, уже есть и раскрывается, только болѣе или менѣе безсознательно, какъ было въ Гоголѣ, во время его могущественнаго и свободнаго творчества; а въ другихъ духовное сознаніе истины въ одномъ Христѣ связывается какою то рабскою страшливостію и безпощадностію относительно всего, не носящаго открыто печати Христовой, какъ и это отчасти испыталъ покойный въ послѣднее время жизни. Потому какъ для способствованія къ лучшему понятію о самомъ Гоголѣ, такъ и по желанію послужить общему дѣлу уясненія истины, въ современныхъ затрудненіяхъ мысли, представляется и нынѣ не позднимъ и не излишнимъ изданіе трехъ, такъ названныхъ мною, писемъ къ Гоголю.

Ему самому были читаны изъ этихъ писемъ только нѣкоторые коротенькіе отрывки, по черновымъ листамъ. Замѣчательное въ его рѣчахъ, или близко относящееся къ предмету писемъ, отмѣчено въ разныхъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ подъ чертою.

«Но зачѣмъ духовному человѣку вмѣшиваться въ дѣла и запутанности мысли и литературы свѣтской? что общаго у богословской точки зрѣнія съ мірскимъ словомъ?» На подобныя возраженія (которыя приходилось мнѣ слышать и при самомъ изученіи Гоголя) прежде всего хочется разсказать одинъ случай, касающійся также Гоголя.

Ему случилось быть въ одномъ изъ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Студенты приняли его съ восторгомъ. И когда при этомъ высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствіе возбуждаетъ онъ къ себѣ тою благородною открытостію, съ которою онъ держится въ своемъ дѣлѣ Христа и Его истины; то покойный замѣтилъ на это просто: «чтожь? Мы всѣ

работаемъ у однаго Хозяина.» И такъ вотъ и свѣтскій человѣкъ не хотѣлъ отдѣлять своего дѣла отъ благодатнаго владычества Христова; тѣмъ болѣе служителю Христовой благодати свойственно и должно служить распространенію благодатнаго освѣненія на все, сколько возможно. Настоящая богословская точка зрѣнія—смотрѣть на все на основаніи и по духу Христа Бога Слова, Который создалъ и носитъ всяческая глаголомъ силы своея, содѣлался человѣкомъ для спасенія всего человѣческаго отъ заблужденій и грѣховъ, вина которыхъ Имъ же взята на Себя и понесена до крестной смерти, Который, такимъ образомъ, сіяетъ на всѣхъ и на все любовію своею, упраздняющею зло и изъ смерти изводящею жизнь.

Притомъ, мнѣ лично извѣстенъ одинъ человѣкъ, который чрезвычайную духовную пользу, относящуюся именно къ богословскому его образованію, получалъ отъ свѣтскаго писателя, извѣстнаго притомъ направленіемъ, со всѣмъ повидимому противоположнымъ и Гоголевскому, какъ это послѣднее выражено въ выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки Гоголя. «Когда во мнѣ, говорилъ этотъ человѣкъ, только-что возбуждалась самостоятельная мысль, я любилъ читать въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи, относящіяся къ критикѣ, писанныя покойнымъ Бѣлинскимъ. Само собою разумѣется, что настоящаго значенія его мыслей я не понялъ, или лучше понималъ ихъ по своему. Извѣстно, что онъ иногда въ развитіи своихъ мыслей цитовалъ тексты изъ Св. писанія. Онъ давалъ этимъ текстамъ *свою* мысль, а я понималъ ихъ въ ихъ надлежащемъ значеніи, и соотвѣтственно этому понималъ и всю его рѣчь. И потому выходило, что слѣдя систему его мыслей, извращающую Христову истину, я въ своемъ умѣ развивалъ живую систему самой Христовой истины. И сколько, помню, радостей было у меня, что вотъ наконецъ взялись люди за умъ углубляться въ премудрость Божію и раскрывать ея свѣтъ для всякихъ дѣлъ! Я обманывался; но, благодаря именно такому чтенію Бѣлинскаго, мысль моя довольно развилась и окрѣпла въ свѣтломъ, живомъ и отчетливомъ направленіи Вѣры. Добрыя слѣдствія этого для меня вышли самыя неоцѣненныя. Съ одной

стороны я уже никакъ неостанавливался на одной буквѣ текстовъ, изучаемыхъ въ богословскихъ наукахъ; умъ мой, вѣрный направленію Вѣры, всегда стремился входить въ самую силу догматовъ, и Святые Отцы для меня были авторитетами живой, обнимающей въ высшихъ своихъ представителяхъ (1) все современное имъ образованіе, мысли Вѣры. Съ другой стороны, когда, случалось, слушать и изучать ту или другую науку по началамъ новѣйшей философіи, умъ мой всегда работалъ на возведеніи этой науки и ея началъ къ истинѣ Христовой, какъ это было у меня (только не такъ сознательно) и при чтеніи Бѣлинскаго. Мысль моя такъ настроилась, что безотчетно не поддавалась въ наукѣ никому и ничему, обращая все въ *разумное по вѣрѣ служеніе* Христу. Рим. XII, 1. Послѣ этого, какъ же я могу смотрѣть и на свѣтскую литературу, какъ стороннюю и чужую для моего богословскаго образованія? Напротивъ по собственному моему опыту вижу, что иное направленіе мысли и слова, и не признавая открытымъ образомъ Христа своимъ началоводцемъ, тѣмъ не менѣе можетъ находиться подъ Его же незримымъ водительствомъ и благоуправиться Имъ на прямую пользу вѣры и любви къ Христовой истинѣ, подобно язычнику Киру, освободившему Израиля отъ вавилонскаго плѣна». Ис. XLV, 1-5. Такъ то говоритъ нерѣдко этотъ близкій ко мнѣ человѣкъ, и знаю, что онъ говоритъ совершенную правду. Во всякомъ случаѣ, на возможныя пререканія о мнимой несовмѣстимости живаго вниманія къ свѣтскому слову съ богословскимъ образованіемъ напомню видѣніе св. Апостола Петра, указывавшее на призваніе ко Христу языческаго міра. Петръ въ восхищеніи духа видѣлъ, что изъ отверстаго неба спустилась предъ нимъ какъ будто *плащаница*, въ которой были *вся четвероногая земли и звѣріе и гади и птицы небесныя.* Петру сказано было при семъ: *воставъ заколи и яждь;* и когда Апостолъ находилъ это не совмѣстнымъ съ воззрѣніями Ветхозавѣтнаго Богословія, то ему былъ гласъ уже Новозавѣтнаго Богословія: *яже Богъ*

(1) Какъ въ святыхъ, Василіѣ Великомъ, Григоріѣ Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ, Іоаннѣ Домаскинѣ и др.

очистилъ есть, ты не скверни (Дѣян. 10, 11-15). Знать, что всѣ и все, отчуждаясь отъ Христа Сына Божія, становятся чужды и любви Отца небеснаго, почивающей всею полнотою своею въ одномъ Сынѣ и только ради Его простирающейся на міръ, и съ упорною жесткостію не хотѣть, по мѣрѣ вѣры своей, входить въ открытый намъ духъ любви Христовой къ гибнущимъ отъ заблужденій людямъ въ какихъ бы ни было ихъ средахъ,—было бы дѣломъ, очевидно, не христіанскимъ, покрайней мѣрѣ не православно-христіанскимъ.

Впрочемъ при неуслѣдимомъ, особенно въ наше время, разнообразіи оттѣнковъ въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, вся надежда къ выясненію истины относительно какихъ бы ни было пререкаемыхъ предметовъ, остается въ той добросовѣстности и терпѣливости, съ которою читатель книги, затрудняясь (*) тою или другою стороною ея содержанія, не поспѣшитъ отбросить книгу, а потрудится вникнуть во все ея содержаніе. Любовь къ истинѣ, любовь къ людямъ, которымъ всѣмъ нужна истина,—достаточна, кажется, для поддержки въ комъ бы ни было добросовѣстной терпѣливости при чтеніи книги.

Архимандритъ Ѳеодоръ.

(*) Иныхъ, можетъ быть, болѣе всего затруднитъ встрѣчающаяся по мѣстамъ (особенно въ «третьемъ письмѣ») отчасти и отъ трудности предмета, главнымъ же образомъ конечно отъ недостатковъ писателя, нѣкоторая *неудобоуразумительность*.—Случилось же такъ, что этотъ недостатокъ усилился опечатками, изъ которыхъ иныя довольно важны; но это послѣднее затрудненіе легко устранить посмотрѣвъ въ концѣ книги на «поправки опечатокъ». Вообще же несовсѣмъ понятное у одного, только бы принадлежало къ нужной всѣмъ истинѣ, можетъ упрощать другой....

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вы не разъ публично выражали сильное желаніе, чтобы читатели ваши сообщали вамъ свои мнѣнія о сочиненіяхъ вашихъ. Вы говорили, чтобы въ такомъ случаѣ они писали просто, безъ излишней заботы о слогѣ, имѣя въ виду одно—сдѣлать мысль свою совершенно понятною. Потому я, одинъ изъ вашихъ читателей, и рѣшаюсь сказать вамъ свои мысли, касательно послѣдняго вашего сочиненія: «Переписки съ друзьями»; буду по возможности говорить просто и прямо. И такъ какъ послѣднее ваше произведеніе уже стало достояніемъ публики: то признаю приличнымъ и говорить о немъ съ вами открыто предъ публикою. Да и въ самомъ дѣлѣ, нужно заботиться, чтобы твореніе, изданное въ свѣтъ, было понято всѣми въ своемъ истинномъ значеніи. Не беру на себя быть удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ истолкователемъ вашей послѣдней книги. Довольно будетъ съ меня, если бы только отчасти съумѣлъ я дотронуться до той великой и живой мысли, которая васъ одушевляетъ и столь чудно выразилась въ вашемъ послѣднемъ сочиненіи. Довольно, если бы удалось мнѣ хотя указать точку, съ которой надобно смотрѣть на васъ. Иногда, тоже самое, что многимъ кажется или страннымъ, или прямо недостаточнымъ,— оглянутое другимъ, не предубѣжденнымъ взглядомъ, представляется въ новомъ, уже прекрасномъ, свѣтѣ. Какъ бы то нибыло—мнѣ хочется сказать вамъ, какъ понимаю я васъ. Кому не доведись—крайне тяжело быть непонятымъ, и особенно тѣми, для кого онъ трудится, кого обнимаетъ любовію такъ, что плачетъ о ихъ горѣ, болитъ ихъ болѣзнею и радуется объ ихъ добрѣ прямо, какъ о своей драгоцѣн-

ной собственности. Потому хотѣлось бы мнѣ такъ сдѣлать то дѣло, за которое берусь, чтобы вы сказали обо мнѣ: «онъ своею душею, хоть отчасти, хотя немного понимаетъ меня». Сказать это, не мало не будетъ гордо съ вашей стороны; потому что и всѣ-то мы другъ друга понимаемъ развѣ отчасти.

Думаю я свою критику о васъ, или какъ угодно проще назовите мое дѣло, сдѣлать такимъ порядкомъ: сначала изложу въ общей связи или въ общей системѣ ваши мысли въ «Перепискѣ».

Вы писали здѣсь большею частію письма, къ разнымъ лицамъ, по разнымъ случаямъ: потому у васъ мысли необходимо разбросаны,—въ одномъ письмѣ указана только одна сторона предмета, другая сторона—раскрывается въ иныхъ письмахъ и проч. Но понять васъ нельзя иначе, какъ представляя всѣ эти разсѣянныя мысли, или покрайней мѣрѣ, болѣе существенныя и основныя изъ нихъ въ общей связи. Иначе, пожалуй, найдемъ въ нихъ много несообразностей, противорѣчій; пожалуй, все покажется извѣстными намъ, перетверженными, и уже оставленными общими мѣстами, скучною и лицемѣрною моралью, надмѣнными поученіями свѣтскаго человѣка.... и чѣмъ намъ не покажутся ваши «выбранныя мѣста изъ Переписки», если не подведемъ подъ общій взглядъ всѣхъ вашихъ разрозненныхъ мыслей? Потому первымъ дѣломъ моимъ будетъ сказать, какъ понимаю вашу систему мыслей, которая только изложена не систематически, а по разнымъ отдѣльнымъ статьямъ и письмамъ.

Далѣе попытаюсь показать отношеніе послѣдняго вашего сочиненія къ прежнимъ. Дѣло и всякаго человѣка, особенно если онъ не безхарактеренъ, не легкомысленъ—словомъ хороній дѣлецъ, трудно понимать безъ соображенія всего извѣстнаго о его дѣятельности. Ваша же «Переписка съ друзьями» составляетъ тайну, неразрѣшимую для многихъ, именно при сличеніи этаго сочиненія съ прежними.

Наконецъ попытаюсь сдѣлать и сужденіе объ образѣ мыслей и направленіи вашемъ, выраженномъ въ послѣднемъ сочиненіи. Осмѣлюсь, хоть въ общихъ чертахъ, раскрыть ту незыблемую, саму по себѣ, систему, которая, здравые умы торжественно плѣняетъ въ послушаніе себѣ, а упорно заблуждающихъ низлагаетъ,—систему самой истины: въ этой системѣ имѣетъ твердое основаніе для себя ваша система мыслей; и предъ нею же, съ другой стороны, обличатся, если есть, и всѣ недостатки, всѣ недосмотры въ вашемъ образѣ мыслей.

Для васъ, конечно понятны и просты мои слова. Но со стороны мо-

гутъ перетолковать меня, могутъ замѣтить, что или я высокопарно выразился, или хочу все дѣло, касательно васъ, рѣшить буквою положительнаго закона, или берусь за огромный трудъ не по силамъ своимъ и не по призванію. Нѣтъ! система, которую имѣю въ виду, есть не мертвая, только стѣсняющая и убивающая буква закона; напротивъ она есть вся—духъ и живая истина. Что въ насъ же самихъ есть духовнаго и живаго, все это утверждается на ней; вся дѣйствительность, вся исторія человѣчества есть выраженіе и развитіе этой системы, только здѣсь, система развивается не на словахъ, а въ фактахъ—въ событіяхъ и судьбахъ рода человѣческаго. Потому, сколь бы ни было высоко слово и выраженіе о такой системѣ, это слово и выраженіе не будетъ высокопорно или надуто. И я берусь сдѣлать только малый, ничтожный опытъ раскрыть эту систему въ ея свѣтѣ. Не въ какой нибудь литтературной статьѣ или въ двухъ-трехъ статьяхъ можно изложить ее вполнѣ, но она должна бы раскрываться во всѣхъ наукахъ, въ жизни каждаго, и все еще не исчерпается она. Мнѣ нужно раскрыть ее только по отношенію къ образу мыслей, выраженныхъ въ вашей «Перепискѣ съ друзьями». Всѣ недостатки и недосмотры, какіе допущу въ предпринятомъ дѣлѣ, составятъ только мою вину. Даже и ваше сочиненіе отъ того не можетъ потерпѣть. Тѣмъ болѣе истина, во имя которой желаю дѣлать свое дѣло, останется всегда истиною, торжествующею и незыблемою, при всѣхъ нападеніяхъ на нее лжи, при всей слабости и недостаткахъ самыхъ ея поборниковъ.

Примемся за самое дѣло.

Мысли въ вашей «Перепискѣ съ друзьями», какъ онѣ по внѣшнему виду ни разбросаны и ни разсѣяны въ письмахъ, имѣютъ строгую, внутреннюю связь и послѣдовательность, а потому представляютъ стройное цѣлое. Во всемъ составѣ вашихъ мыслей легко различить три отдѣла: первый составляютъ общія и основныя мысли—о бытіи и нравственности, о судьбахъ рода человѣческаго, о церкви, о Россіи, о современномъ состояніи міра и проч.—мысли второго отдѣла касаются искуства и въ собственности поэзіи, и наконецъ третій отдѣлъ состоитъ изъ нѣкоторыхъ личныхъ объясненій вашихъ о себѣ, о сочиненіяхъ вашихъ, объ отношеніи вашемъ къ публикѣ, и пр. Отзывы ваши лично о себѣ объясняются изъ вашихъ мыслей объ искуствѣ и поэзіи,—а эти послѣднія имѣютъ основаніе свое въ вашемъ взглядѣ вообще на бытіе и жизнь. Буду излагать ваши мысли, по возможности, вашими же словами.

Въ мірѣ и жизни вы смотрите, или желаете смотрѣть на все въ соприкосновеніи съ Богомъ, который Одинъ возноситъ и выводитъ все изъ глубины ничтожества, Который есть Отецъ всѣхъ и сама любовь, соединяющая всѣхъ союзомъ самаго близкаго и прекраснаго родства, Который одинъ подаетъ мудрость, долженствующую просвѣтить всего человѣка, умъ и сердце и открыть въ немъ новую, небесную жизнь, Который столько великъ, что отъ одного живаго прикосновенія къ Нему мысли, объемлетъ душу благоговѣйный ужасъ, что при одномъ предслышаніи величія только высшихъ духовныхъ твореній Его представляется пылью все земное величіе. Во всѣхъ вещахъ и обстоятельствахъ въ мірѣ видите вы Его творческую, промышляющую руку. Во всемъ осуществляется Его воля, заранѣе все предначертывающая и въ настоящемъ уже полагающая живыя семена будущаго; все живое есть дѣло и отраженіе Его любви, а человѣку кромѣ того дано самому входить въ эту Его любовь и дѣтски испрашивать у Него все благопотребное и въ земномъ мірѣ и въ небѣ. Умѣть бы только на все смотрѣть въ такомъ соприкосновеніи съ Богомъ, тогда во всемъ можно открыть мудрое значеніе, всякое твореніе явится прекраснымъ, всѣ событія будутъ внушать трепетное благоговѣніе къ Промыслу и давать духу прозирать въ настоящее, отчасти и въ будущее.

И такъ вы оптимистъ? На все смотрите въ радужномъ свѣтѣ? Нѣтъ; никто, кажется столь хорошо, какъ Вы, не видѣлъ и дурной стороны въ человѣкѣ и въ мірѣ. Зло духовное, порокъ, вы понимаете и изображаете во всей его гнусности и ядовитости, знаете, что мы такъ и родимся съ этимъ смертоноснымъ зломъ, что область и дѣйствія его въ мірѣ нашемъ обширнѣе области добра и чистоты духовной. Вы называете служителей добра *избранными*. Видите вы и прекраснаго, но дремлющаго молодого человѣка: видите какъ несетъ и несетъ его ничтожная верхушка свѣта, несутъ обѣды, ноги плясавицы, ежедневное, сонное опьяненіе; видите, какъ онъ нечувствительно облекается плотію и сталъ уже весь плоть и уже почти нѣтъ въ немъ души.... Видите и вѣдьму—старость, идущую незамѣтно къ такому человѣку, которая вся изъ желѣза, передъ которою желѣзо милосердіе, которая ни крохи чувству не отдаетъ назадъ и обратно. Вы видите дѣльныхъ людей, но предавшихся унынію, которое дѣлаетъ человѣка дрянью во всѣхъ отношеніяхъ,—имѣли дѣло съ такими людьми, у которыхъ много прекрасныхъ свойствъ, но которые по недостатку крѣпкой воли и власти надъ собою нахо-

дятся въ опасности погубить всѣ достоинства свои въ безпорядочности дѣйствій и сдѣлаться на конецъ олицетворенными безсиліями. Указываете живо на лихоимца и на его проклятую роскошь, и на его жену, погубившую щегольствомъ и тряпками и себя и мужа, и даете чувствовать всю презрѣнность порога ихъ богатаго дома, гнусность самаго возд ха, которымъ тамъ дышатъ. Особенно глубокъ и точенъ вашъ взглядъ на общую почти язву новаго времени—гордость и нравственною чистотою своею и особенно умомъ,—гордость, чрезъ которую, неминуемо и болѣе нежели чрезъ что другое, отпадаетъ человѣкъ отъ Бога любви, расторгаетъ всѣ связи любви, убѣгаетъ даже отъ самаго себя, прямо въ руки къ сатанѣ, отцу самонадѣянности. Вы знаете, какъ, потому, при всѣхъ мечтательно-высокихъ замыслахъ гордаго человѣка, далеко отъ его мысли освященіе небесное, какъ, при хвастливыхъ порывахъ къ добру, такой человѣкъ не умѣетъ сдѣлать прочнаго и истиннаго добра, какъ въ умныхъ, повидимому, проэктахъ его болѣе боязни какого то зла, угрожающаго въ будущемъ, нежели предусмотрительности и свѣтлаго, бодраго взгляда впередъ. Вы знаете, какъ этотъ гордый человѣкъ, при всѣхъ притязаніяхъ своихъ на благородство и человѣколюбіе, безчувственно отрекается отъ братства съ человѣкомъ, оскорбившимъ его даже малѣйшей насмѣшкой надъ умомъ его, съ человѣкомъ, несогласнымъ съ нимъ въ какихъ нибудь ничтожныхъ, человѣческихъ мнѣніяхъ, или страждущимъ виднѣе другихъ тяжелыми ранами своихъ душевныхъ недостатковъ. Вы примѣтили, что гордый человѣкъ во всемъ усомнится, въ сердцѣ человѣка, котораго онъ нѣсколько лѣтъ знаетъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнится, только въ себѣ, или въ умѣ своемъ не усомнится. Вы хорошо видите, какъ этотъ же самый гордый человѣкъ, не менѣе, какъ и лихоимецъ, съ своей, живущей для одного щегольства женой, не менѣе, какъ и тотъ несчастный, кого несутъ далѣе и далѣе отъ берега ноги плясавицы и постоянное опьяненіе,—боится неисполнить малѣйшее приказаніе внѣшнихъ приличій и моды, дрожа предъ нею, какъ робкій мальчишка. Чувствуете вы, что при повсюдномъ почти разлитіи зла начинаетъ исчезать свобода въ ея истинномъ значеніи; человѣкъ обратилъ себя въ подлое подножіе всего и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ.... И непонятною тоскою, говорите вы, уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ и возрастаетъ только въ виду всѣхъ, одинъ исполинскій образъ скуки.... Слышите, какъ раздаюся вопли стра-

даній человѣчества, какъ мечется бѣдный человѣкъ, не зная самъ какъ и чѣмъ себѣ помочь; всякое прикосновеніе къ его исцѣленію— уже жестко разболѣвшимся его ранамъ.... А какъ вы понимаете и живо по собственному опыту чувствуете дѣйствіе другого роду,— бѣдствія физическія,—эти нервическіе недуги, въ которыхъ все тѣло, до послѣдней частички, болитъ; эти припадки агоніи, жизненнаго онѣменія, въ которомъ и живой замираетъ до того, что сердце и пульсъ перестаютъ биться! Какъ понимаете вы бѣдствія еще инаго рода, тяготѣющія часто даже надъ избранною частію рода человѣческаго, когда человѣкъ съ нѣжною истинно благодарною душею терпитъ грубыя обвиненія, терпитъ презрѣніе отъ презрѣнныхъ,— человѣкъ съ возвышенными чувствами живетъ среди грубыхъ, неуклюжихъ людей, которыхъ уже одно безчувственное прикосновеніе въ силахъ разбить даже безъ ихъ вѣдома лучшую драгоцѣнность сердечную, медвѣжьею лапою ударить по тончайшимъ струнамъ душевнымъ, даннымъ на то, чтобы выразить небесные звуки, разстроить и разорвать ихъ и проч. и пр!.. Кто такъ поразитетьно и глубоко проникалъ въ эту могильную, страшную пустоту міра, въ которой, если и очутится что живое, становится еще страшнѣе отъ раздирающихъ воплей жертвы?... Съ намѣреніемъ распространился я объ этомъ вашемъ, столь широкомъ взглядѣ на пустую, мертвую сторону бытія и жизни.—Гдѣ выходъ изъ этой могилы? Теперь, повидимому, для васъ въ мірѣ все черно и пусто, также какъ прежде вы показались-было оптимистомъ. Гдѣ примиреніе этихъ столь несовмѣстныхъ противорѣчій?

«Въ день Воскресенія Христова, отвѣчаете вы, нѣтъ ни подлыхъ, ни презрѣнныхъ людей; но всѣ люди братья той же семьи и всякому человѣку имя брата, а не какое либо другое. Въ этотъ день разошедшіеся люди скликаются вмѣстѣ, дабы каждый взглянулъ въ этотъ день на человѣка, какъ на лучшую свою драгоцѣнность, такъ обнялъ и прижалъ его къ себѣ, какъ наироднѣйшаго своего брата; такъ бы ему обрадовался, какъ бы своему наилучшему другу, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видались и который неожиданно къ намъ пріѣхалъ. Еще сильнѣе, еще больше! потому что узы, насъ съ нимъ связывающія, сильнѣе земнаго кровнаго нашего родства, и породнились мы съ нимъ по нашему Прекрасному Небесному Отцу, въ нѣсколько разъ ближайшему нашего земнаго отца и день этотъ мы въ своей истинной семьѣ, у Него именно въ дому. День этотъ есть тотъ святой день, въ который празднуетъ святое, небесное свое

братство все человѣчество до единаго, ни исключая изъ него ни одного человѣка....» Теперь понимаю я васъ. Въ Воскресенiи Христа, Который есть, сходившее на землю Слово, воспрiявшее къ Божественному естеству и человѣческое, какъ вы хорошо высказываете въ одномъ мѣстѣ и эту мысль, въ Воскресенiи Христа, Который и на землю пришелъ для принятiя на себя всей этой тяжести зла, тяготѣвшаго на людяхъ, почему и умеръ и во адъ сходилъ,—вотъ въ чемъ вы созерцаете возсiявшую для человѣчества во всей его могильной темнотѣ и пустотѣ, Божественную, животворящую и всеобъемлящую Любовь. Теперь въ новомъ свѣтѣ представляется мнѣ вашъ какой то торжественный, величественный взглядъ на мiръ. Въ живомъ соприкосновенiи къ Вседержавной любви, творящей жизнь въ самой области смерти,— на что ни посмотри въ мiрѣ: точно— въ какомъ мудромъ, возвышенномъ значенiи все представляется,— какъ все величественно и прекрасно, при всѣхъ видахъ разрушенiя и безобразiя. Ибо Она среди безобразiя и тлѣнiя и являетъ свою вѣчную красоту, среди разрушенiя и разливаетъ свою жизнь. Нечего и договаривать всего: дѣло ясное—и я понимаю вашъ, сопровождаемый умиленiемъ и благоговѣнiемъ предъ Богомъ, свѣтлый взглядъ на все, не омрачаемый нимало мрачною пустотою жизни человѣческой. Съ другой стороны, мнѣ теперь понятнѣе и этотъ столь углубленный, столь проницательный взоръ и на пустоту и пошлость въ мiрѣ: предъ свѣтомъ живой и животворной Вѣчной любви, снизошедшей до самыхъ послѣднихъ глубинъ нашего зла до ада, только и можно до корня проникнуть смертоносное зло въ мiрѣ. Да! только кто просвѣтленъ понятiемъ о справедливости Божеской, а не человѣческой, примѣтитъ и признаетъ, что нѣтъ никого праваго изъ людей, а правъ одинъ только Богъ, предъ Которымъ всѣ виноваты.

Итакъ вотъ пунктъ, съ котораго вы смотрите на все: это Воскресенiе нашего Спасителя или любовь Бога, обнимающая въ Воскресшемъ Спасителѣ всѣхъ,—всѣхъ, и грѣшныхъ скликающая въ одну семью, въ одинъ домъ Отца небеснаго.

Сiя-то любовь Бога или чрезъ своихъ представителей, или чрезъ обстоятельства, или непосредственнымъ благодатнымъ внушенiемъ— вооружаетъ каждаго, послушнаго разумѣется, тѣмъ высшимъ взглядомъ на себя, безъ котораго невозможно человѣку разобрать, осудить самаго себя и воздвигнуть въ себѣ брань противъ всего темнаго. Она-то, судя по прiемлемости и потребностямъ каждаго, въ иномъ распоряжается такъ, что предъ нимъ постепенно и понемно-

гу открываются его же дурныя качества, его же душевныя низости и мерзости и даетъ противъ нихъ воевать и постепенно изгонять ихъ болѣе и болѣе; другому можетъ разомъ выставить на видъ всѣ гнуснѣйшіе его пороки, вдругъ пробудить его отъ позорнаго сна, побудить плюнуть въ виду всѣхъ на всѣ свои мерзости, сбросить съ себя вдругъ и разомъ все позорящее высокую природу человѣка и стать первымъ ратникомъ добра. И чѣмъ виднѣе въ комъ страданія тяжелыми язвами душевныхъ недостатковъ, чѣмъ крѣпче вопли сихъ страданій, тѣмъ сильнѣе онѣ вызываютъ высшую Божескую любовь на участіе въ себѣ, такъ что обращенію грѣшника она болѣе радуется, нежели праведнику, и всѣ небесныя силы участвуютъ въ небесномъ пиршествѣ Божіемъ.—Только бы серьезно кто обратился къ Божественной любви, спасающей насъ, искалъ и просилъ всего у ней, всякаго она приметъ, и сильный у нея окрѣпнетъ, рабъ обстоятельствъ и прихотей станетъ въ духѣ свободнымъ. Такъ она рада всѣмъ и щедра ко всѣмъ! Мало того, она усиливается какъ-бы насильно (хотя безъ малѣйшаго нарушенія нашей свободы) привести насъ къ себѣ, къ чему мы не пришли бы сами: вооружаетъ, для этаго самаго, противъ насъ бѣду, зло, болѣзнь, умягчающія человѣка, дѣлающія природу его болѣе чуткою и доступною къ пониманію предметовъ, превосходящихъ понятіе человѣка, находящагося въ обыкновенномъ и вседневномъ положеніи. И когда уже человѣкъ привлеченъ и плѣненъ ею, и тутъ она еще не оставляетъ этихъ и другихъ возбуждающихъ средствъ, чтобы человѣкъ не оставлялъ ея, чтобы, напротивъ, все болѣе и болѣе стремился къ ней, видѣлъ всю свою потребность и крайнюю нужду въ ней, познавалъ бы всю ничтожность и гибельность безъ нея, и все безцѣнное, высокое, истинное и благое для себя искалъ и находилъ бы въ ней. А на днѣ души нашей столько таится, говорите вы, всякаго мелкаго ничтожнаго самолюбія, щекотливаго честолюбія, что—того и гляди—забудетъ человѣкъ, что онъ ученикъ этой любви, поучающей его всѣмъ, и возмечтаетъ о своемъ довольствѣ и совершенствѣ. Потому иногда крайне нужна и публичная оплеуха, и нанесшій ее—можетъ быть избавителемъ нашимъ,—орудіемъ, которымъ, безъ его вѣдома, воздѣйствовала Божія любовь. Самъ же, почувствовавшій зовущую его Милость небесную, человѣкъ убѣждается, что насъ ежеминутно, слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку. Самая борьба со всѣми этими внѣшними враж-

дебными силами и особенно со внутренними врагами, открывающимися болѣе и болѣе для просвѣтляемаго духовнаго взора, уже становится для ратоборца—не труса поощреніемъ и наградою. Онъ знаетъ и чувствуетъ, что всѣхъ насъ озираетъ небесный Полководецъ и ни малѣйшее наше дѣло не ускользаетъ отъ Его взора; онъ, въ своихъ подвигахъ, предощущаетъ рукоплесканія на небесахъ. И всегда, какъ юноша, алчетъ жизненной битвы; ему есть съ чѣмъ воевать, предъ кѣмъ подвизаться. И между тѣмъ бѣжитъ отъ всего, похожаго на выраженіе признательности со стороны людской; для него уже не цѣлы, недостойны становятся тѣ его подвиги, за которые послѣдовала ему какая нибудь награда отъ міра; ему все хотѣлось бы сохранить для одного взора Божія.

Такъ, Божія, спасающая насъ во Христѣ любовь, снявшая съ человѣка зло на себя, а ему въ себѣ дарующая всякія блага, любовь Отчая, въ послушномъ ей во всю его жизнь до смерти, подвигаетъ всѣ силы и способности души въ стройному, крестоносному шествію впередъ и устремляетъ все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ Верховному существу. Она-то, раскрывающая для вѣры и вѣрности свои сокровища и внутреннія въ Богѣ и содержимыя во всемъ мірѣ или во всѣхъ мірахъ—и есть тотъ свѣтъ, который всего насквозь просвѣтляетъ человѣка во всѣхъ силахъ его, тотъ очистительный огнь, сквозь который должно пронести всю природу человѣка. И когда возбужденіями, поощреніями, всѣми своими способами она даетъ человѣку день и ночь духомъ своимъ стремиться къ ней, въ ея чистомъ свѣтѣ,—даетъ ему возвести душу свою до голубинаго незлобія и убрать все внутри себя до возможнѣйшей чистоты, все душевное хозяйство привести въ порядокъ и полное согласіе: то, небесная гостья, она сама приходитъ къ такому человѣку и вселяется въ его душу. Тогда онъ бываетъ мудръ мудростію не пріобрѣтенною образованіемъ, не природною намъ, но дарованною отъ Христа. Тогда начинается для человѣка небесная жизнь, и онъ постигаетъ всю сладость быть ученикомъ. Все, будучи положительнымъ или поступительнымъ выраженіемъ всезиждительной любви и премудрости, становится для него учителемъ; ничтожнѣйшій изъ людей можетъ быть для него учителемъ; глупѣйшій предметъ станетъ къ нему своею мудрою стороною, и вся вселенная предъ нимъ станетъ, какъ одна открытая книга ученія: больше всѣхъ будетъ онъ черпать изъ нея сокровища, потому что больше всѣхъ будетъ слышать, что онъ ученикъ,—потому что уже стала его внутреннимъ учите-

лемъ—эта Божія любовь, на всѣхъ простирающаяся и все объемлющая. Тогда-то во всей силѣ онъ почувствуетъ и сознаетъ свое призваніе и увидитъ въ себѣ способность все направлять къ добру, даже и то, что уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло: ибо нѣтъ такого орудія, которое бы не было назначено на службу Богу.

И чѣмъ больше такой избранный будетъ просвѣщаться и проникаться свѣтомъ и огнемъ этой любви Божіей, чѣмъ болѣе ей послушенъ и преданъ,—тѣмъ естественно болѣе и одушевляется любовію къ человѣку и къ бѣдной душѣ его, любовію, благоухающею смиреніемъ и готовою на всякое самоотверженіе. Въ этомъ-то духовномъ состояніи онъ и будетъ готовъ обнять и прижать къ себѣ человѣка, какъ наироднѣйшаго брата, обрадоваться какъ бы своему наилучшему другу. Еще болѣе! Еще сильнѣе! Свѣтлымъ взоромъ Ангела обниметъ онъ разомъ всю пустоту и темноту своихъ ближнихъ, еще чуждыхъ, еще враждебныхъ милующей любви. И ему будетъ становиться такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно Ангелу (*) на небѣ. И завопивъ раздирающимъ сердце воплемъ, онъ готовъ будетъ упасть къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя всѣхъ—и ихъ благомъ и своею любовію, и ихъ вниманіемъ къ нему; вообще любовію Христовою, во всемъ проторгающеюся у такого человѣка, умоляя, хоть бы одинъ разъ, одинъ день свѣтлаго Воскресенія Христова они дали бы приближиться къ своему сердцу Небесной любви, простирающейся ко всѣмъ съ такимъ усиліемъ и желаніемъ безконечнымъ, хоть бы одинъ день они взглянули серьезно на свою жизнь, а не какъ на игрушку. Онъ обратитъ все, что ни есть въ страждущихъ братіяхъ, какъ бы въ собственное тѣло, возболитъ духомъ о всѣхъ, скорбя и рыдая о нихъ... И исполняясь такой любви къ бѣдствующей душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ человѣкъ самъ, этотъ избранный Божій будетъ исполняться въ такой же мѣрѣ и гнѣва противъ того, что губитъ человѣка, или же презрѣнія ко всѣмъ этимъ ничтожностямъ, или же гнѣва и презрѣнія вмѣстѣ, смягченныхъ опять елеемъ любви къ человѣку и получившихъ характеръ того прекраснаго и мирнаго смѣха, съ которымъ напр. глубоко и нѣжно любящій братъ бесѣдовалъ бы съ братьями, выставляя въ глаза бѣднымъ всю пустую мелочь и всю смѣшную пошлость гибельной ихъ жизни; хотя ни

(*) Это представленіе покойнаго Гоголя о скорби, съ какою Ангелы смотрятъ на грѣшниковъ, оправдывается сказаніями церковными и нѣкоторыми Богослужебными.

на минуту онъ не забываетъ, что онъ и самъ еще на войнѣ, подъ крестомъ, что у него самаго еще не искоренены домашніе враги, готовые отнять жизнь и строгую дѣйствительность и у такой его любви. Зная, что эта любовь должна быть не мечтательнымъ, а истиннымъ усовершеніемъ его самаго, ни на минуту онъ не теряетъ изъ виду себя самого и внутренно поражаетъ такимъ гнѣвомъ или презрѣніемъ или смѣхомъ себя самого и притомъ въ первую голову, слѣдитъ и разитъ собственныхъ домашнихъ враговъ. Открывая и освѣщая глубины своего духа онъ и находитъ ключь ко всѣмъ душамъ. И если не одинъ, не два, если многіе, если и цѣлый народъ далъ бы коснуться сердца такой милости и любви Божіей, то проникнутые и одушевленные одной и тойже любовію—всѣ они, при всей многочисленности, были бы, какъ одинъ человѣкъ, всякій бы вошелъ въ законные предѣлы своего сословія, званія и должности,—и такимъ образомъ явился бы, къ изумленію міра, одинъ прекрасный согласною стройностію организмъ.

Такъ-то вообще—избранный—послушный Богу человѣкъ всѣми силами своими, съ возрастающею энергіею всегда идетъ впередъ путемъ креста—къ возможно-полному *завладѣнію* или *подчиненію самого себя* (это все равно) Божественной любви, пока, наконецъ, дѣйствительно не войдетъ въ открытыя обители сей любви, — другимъ словомъ— въ открытую славу воскресенія Христа, въ радость Господа своего. Здѣсь же царствуетъ такая любовь и такое блаженство, что даже только служить тѣмъ избраннымъ, которые удостоились созерцать во всемъ величіи Его славу, лежать бы только у ногъ ихъ и цѣловать ихъ свѣтлыя ноги—уже есть всевожделенная блаженная участь.

Теперь тѣ, которые не хотятъ, или еще не умѣютъ подчинить все свое существо этому животворному началу всеобъемлющей Небесной любви,—тѣ въ такой мѣрѣ теряютъ или терпятъ лишеніе въ дѣлѣ собственнаго духовнаго развитія, благоустроенія и усовершенія; и тѣмъ хуже для нихъ, чѣмъ многостороннѣе и глубже ихъ натура; силы ихъ, не находя полнаго законнаго занятія, будутъ мучить ихъ самихъ, и въ ихъ словахъ и поступкахъ будетъ обнаруживаться что-то нестройное, придавленное, замерзшее въ ихъ духѣ. Тѣ, которые во имя этой любви съ нетерпѣніемъ возстаютъ на все, на чемъ только не примѣчаютъ прямаго, открытаго ея напечатлѣнія, остаются односторонними и не понимаютъ, не принимаютъ Ея въ самой Ея существенной сторонѣ и значеніи,—въ томъ

значеніи, что она именно разрушенное и возсозидаетъ, испорченное и обновляетъ, темное и просвѣщаетъ, чуждое Ея—влечетъ и зоветъ къ Себѣ. Тѣ же, которые замышляютъ то или другое въ той или другой сферѣ, сами по себѣ, безъ освященія и проникновенія этою Божественною любовію, не сдѣлаютъ добраго, хотя и желали бы того и мечтали о томъ; все у нихъ будетъ безъ духа живаго, при всей наружной блистательности или высотѣ, все будетъ гниль и само въ себѣ будетъ носить сѣмя распаденія, какъ бездушное тѣло, все будетъ пусто и несостоятельно; души ихъ рано или поздно горько почувствуютъ свою пустоту и сиротство, свою бѣду и нужду. Тѣ же, наконецъ которые при всѣхъ и всякихъ зовахъ и возбужденіяхъ, отовсюда дѣлаемыхъ имъ Небесною милостію,—не примѣчаютъ, не принимаютъ и не хотятъ ея, идутъ противъ нея на какомъ бы то ни было поприщѣ, возстаютъ противъ ея избранныхъ, чернятъ ихъ клеветою, презрѣніемъ, для которыхъ, по ихъ внутреннему состоянію, по ихъ душѣ, не признающей и упорно отвергающей святыню спасающей любви Божіей, наконецъ не будетъ ничего святаго и проч. и пр.,—эти истинно бѣдные люди наконецъ получатъ ужасныя, исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена теперь сѣютъ въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся... И лучше бы не родиться этимъ людямъ: весь сонмъ небесныхъ силъ содрогнется отъ ужаса загробнаго наказанія, ихъ ждущаго, отъ котораго уже никто неизбавитъ ихъ....

Эта самая Отеческая безконечная Божія любовь во Христѣ, общники которой всѣ свободные дѣти Отца Небеснаго, изъ подъ державы которой все направляется къ своимъ цѣлямъ, не выступаетъ даже никакое уклоненіе свободы, никакая произвольная слѣпота людей, и которая простерта ко всѣмъ людямъ гибнущимъ и всѣхъ и всячески влечетъ къ себѣ,—влечетъ чрезъ самое зло—къ добру своему, чрезъ смерть—къ жизни,—наконецъ, подъ осѣненіемъ которой умѣютъ же нѣкоторые рѣшительною и ожесточенною враждою противъ Нея, собрать вѣчный страшный гнѣвъ на свои главы,—вотъ что составляетъ тайну жизни всего человѣчества и каждаго человѣка «съ ея сокровеннѣйшею, какъ вы выражаетесь Небесною музыкою!» Вотъ вѣчныя идеи, которыя умираютъ развѣ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, за тѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру!—Договорю и не высказанную Вами прямо, но уже заключенную и завитую въ сказанномъ мысль: если бы эти основныя для

міра идеи и были когда нибудь наконецъ готовы угаснуть въ человѣчествѣ, если бы малое число избранныхъ готовы были бы люди совсѣмъ стереть съ лица земли, то и міру нельзя было-бы стоять; ниспровергнется и кончится онъ, вывѣтривѣвшійся и готовый стать мертвымъ безъ надежды къ оживленію, и любовь Божія возсіяетъ уже открытымъ, существеннымъ своимъ свѣтомъ, явится вѣчный домъ Отца съ своими вѣчными обителями, слава Воскресенія Христова возсіяетъ во всемъ и навѣки.... Это самыя основныя мысли, душа и духъ вашей Переписки съ друзьями! Изъ общаго соображенія этихъ вашихъ мыслей видно, что всѣ они направлены къ тому, чтобы, съ одной стороны всѣ виды и стороны человѣческаго и земнаго освѣщались, исправлялись и благоустроялись истиною Христовою, а съ другой, чтобы намъ соблюдать и раскрывать истину Христову въ истинномъ ея духѣ, въ человѣколюбивомъ духѣ самаго Христа, сошедшаго съ неба на землю и на землѣ дошедшаго до смерти, для открытія во всемъ своей животворной любви, силы и премудрости.

Обратимся къ вашимъ мыслямъ объ исторіи человѣчества и Россіи (*)

Какимъ же образомъ носилась таинственно надъ міромъ, двигала и управляла человѣчествомъ, возсіявшая изъ смерти, животворящая любовь Божія во Христѣ, столь безконечно снисходящая къ намъ, послушныхъ столь чудно ведущая къ себѣ изъ зла и смерти? Уже указалъ я вашу мысль, отвлеченную мною отъ разныхъ частныхъ вашихъ сужденій, ту именно мысль, что Она дѣйствуетъ всегда, судя по пріемлемости и потребности каждаго. Это общее Ея правило, такъ сказать! Оно имѣетъ всю силу и по отношенію къ каждому человѣку, и къ каждому народу, и ко всему человѣчеству. По какому закону раскрываются въ человѣчествѣ, или чѣмъ условливаются сія духовная пріемлемость и потребность, которыя бываютъ разнообразны, какъ у разныхъ недѣлимыхъ, такъ и у разныхъ народовъ, въ разныя эпохи и времена, какъ этотъ законъ опредѣляется изъ основнаго, вами раскрытаго закона жизни въ человѣчествѣ, объ этомъ вы не имѣли случая и нужды объясняться. Да и вопросъ этотъ не вашъ. По крайнѣй мѣрѣ вы то знаете, что и въ

(*) Ваша книга какъ ни мала, какъ, повидимому, ни однообразно содержаніе ея,—все поученія, все повидимому общія мѣста изъ морали,—пусть кому нибудь такъ и кажется: но мнѣ и бѣглымъ, легкимъ взоромъ не вдругъ еще можно обнять широту ея содержанія.

исторіи, такъ же какъ въ природѣ, совершается все чинно и мудро, въ строгомъ и стройномъ законѣ и удивительно-разумно исходитъ одно изъ другаго. И у васъ покрайнѣй мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ, можно видѣть отчасти, въ какомъ порядкѣ и въ какихъ видахъ раскрывались въ человѣчествѣ потребность и пріемлемость къ спасающей небесной милости, и какъ она сообразно тому дѣйствовала въ немъ.

Вы носите въ душѣ память о прекрасномъ райски-свѣтломъ и чистомъ младенчествѣ человѣчества,—томъ младенчествѣ, отъ котораго, какъ выражаетесь вы, небесное лобзаніе вѣчной весны изливается на душу (младенчествѣ, долженствующемъ быть неотъемлемою собственностію и на всякомъ степени возрастанія и зрѣлости духовной, но утраченномъ, видимомъ людьми уже какъ бы въ отдаленномъ снѣ, и въ преизобиліи возвращаемомъ человѣчеству въ Воскресеніи Христовомъ). Вамъ не нужно было болѣе распространяться объ этомъ небесномъ младенчествѣ, въ которомъ люди были ангельски-прекрасны, какъ непорочные дѣти нашего Высочайше-прекраснаго Небеснаго Отца, и о которомъ, какъ объ отчизнѣ, тоскуетъ постоянно человѣкъ, о которомъ душа, при особенно возвышенныхъ и вмѣстѣ умиротворяющихъ своихъ движеніяхъ, какъ будто еще лепечетъ съ Ангелами....

Не говорите вы ничего, когда и какъ утратилъ человѣкъ это райское младенчество, какова была жизнь его въ первыя минуты или (какъ рѣчь идетъ о всемъ человѣчествѣ) въ первыя времена послѣ такой ничѣмъ невознаградимой утраты, какъ человѣчество не отвернуто осталось милостію Божіею. Вы взглянули на человѣчество (и то не много и легко) уже въ ту пору, когда милующая во Христѣ любовь Божія почила въ особенности уже на одномъ народѣ, носясь таинственно и надъ прочими стремительно бѣгущими отъ нея народами, вы благоговѣйно замѣтили это! Думаю, что здѣсь меня обвинятъ въ ложномъ показаніи объ васъ. «Да гдѣ же объ этомъ сказано въ перепискѣ?» Воззрѣніе ваше на любовь Божію, осѣнявшую въ древности особенно одинъ народъ, у васъ прямо и хорошо высказано. Вотъ это гдѣ:

Вы предлагаете христіанскому поэту, пѣвцу собственно сей милующей насъ любви Божіей (но объ этомъ еще рѣчь впереди) — разогнуть книгу Ветхаго Завѣта, и изъ этой книги набираться духа, нужнаго ему, именно: гнѣва противъ того, что губитъ человѣка; любви къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ, вы указываете поэту величественный, Самимъ Богомъ данный и

начертанный первообразъ въ Св. древнихъ Пророкахъ, столько возлюбившихъ спасеніе Богоизбраннаго своего народа. Одна и главная сторона мысли, сказанная выше мною, именно объ особенномъ избраніи извѣстнаго древняго народа въ любовь Божію, ясна! Остальная ея половина, именно воззрѣніе на любовь Божію, носившуюся и надъ прочими, убѣгавшими и потому оставляемыми отъ нея, языками, видна изъ того, что главное и высшее требованіе отъ того, кто желалъ бы понять и передать Гомера, по вашему есть то: «нужно сдѣлаться глубже христіаниномъ, дабы пріобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни. Тогда-то послышалось бы въ переводѣ Одиссеи слово живо и вся Россія приняла бы Гомера, какъ роднаго... И простой Христіанскій народъ смѣкнетъ, почему таже верховная Сила помогала и язычнику за его добрую жизнь и усердную молитву, не смотря на то, что онъ взывалъ къ ней въ нелѣпомъ образѣ Посейдоновъ, Кроніоновъ и всей подобной вереницы». Это говорите вы, въ тоже время представляя Одиссею очевиднымъ и для народа доказательствомъ, въ какихъ нелѣпыхъ видахъ станетъ человѣкъ представлять Бога безъ Его откровенія, раздробивши единство и единосиліе на множество образовъ и силъ. Теперь, конечно, и за другую сторону мысли вашей, раскрытой мною, спорить не будутъ. Я заговорился объ этомъ, но безцѣнная мысль о несовершенномъ отверженіи и язычниковъ завѣтною Божіею любовію, избравшею Израиля, стоитъ того, чтобы упрочить ее за вашими воззрѣніями. Мы все это въ своемъ мѣстѣ еще припомнимъ и эту мысль увидимъ въ полномъ ея свѣтѣ, если Богъ дастъ.

Какую же пріемлемость къ небесной милости имѣло человѣчество въ это время, и какъ она, сообразно тому, осѣняла его тогда?

Вы и въ эти времена еще поражаетесь живыми слѣдами свѣжести жизни и не притупленной, младенческой ясности человѣка; разносится, говорите вы, въ оставшемъ отъ этой древности памятникѣ духъ еще дѣвственной стыдливости юношей, благостнаго безгнѣвія старцевъ, уваженія и почти благоговѣнія къ человѣку, какъ представителю образа Божія, и проч. — духъ, неубитый даже у самыхъ страстныхъ изъ язычниковъ. Поражаетесь вы величавою патріархальностію древняго быта, величаваго потому, что на всемъ этомъ бытѣ напечатлѣна мысль о верховномъ Существѣ даже у тѣхъ народовъ, которые представляли Его въ самыхъ нелѣпыхъ обра-

захъ. Всюду еще имѣло силу вѣрованіе, что ни одна благая мысль не зараждается безъ верховной воли Высшаго насъ Существа, и что ничего не можемъ мы сдѣлать своими силами; такъ даже у самаго вольнаго народа. И между тѣмъ средства у тогдашняго человѣчества такъ скудны и ничтожны! Быть такъ простъ и несложенъ! Съ другой стороны вы понимаете и непокорную, жестокую, несклонную къ повиновенію природу тогдашняго человѣка, умѣвшаго въ язычествѣ самою религіею освятить месть, коварство, — самые благородные свои порывы направлявшаго, почти исключительно, къ военнымъ подвигамъ противъ обыкновенныхъ чувственныхъ враговъ, и под. Указываете на это необузданное, омрачаемое игрою своихъ нечистыхъ образовъ, воображеніе, которое наплело у образованнѣйшихъ народовъ древности такую вереницу боговъ и богинь. Въ самомъ избранномъ народѣ, въ которомъ спасающая любовь Божественная заключила тогда свои сокровища, который былъ Ея храмомъ, Церковію, въ самомъ этомъ народѣ вы поражаетесь [illegible] болѣе явленіями страшнаго суда Божія, поражавшаго преступныхъ, огнями, излетающими отъ древнихъ Пророковъ, одушевленныхъ Божественною ревностію противъ того, что губитъ человѣка. И притомъ непосредственныя дѣйствія и суды Бога, милующаго и въ карахъ своихъ, въ святыхъ книгахъ сего народа являются такъ очевидны, наглядны, какъ бы чувственны, каковы напр. начертанныя невидимою рукою буквы на пиру Валтасара. Болѣе, кажется, не говорите вы объ этихъ временахъ. Не говорите прямо и того, какъ измѣнился этотъ порядокъ дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Но нѣкоторыя ваши образныя выраженія собственно о современныхъ намъ обстоятельствахъ въ человѣчествѣ, явно взяты съ минувшихъ временъ, когда на мѣсто древняго порядка вещей открылся съ христіанствомъ новый великій порядокъ. И потому можно изъ сихъ выраженій примѣтить, что въ вашихъ мысляхъ о настоящихъ временахъ предносилась у васъ, какъ величественный первообразъ, мысль о тѣхъ минувшихъ временахъ. Слѣдовательно можно понять эту послѣднюю мысль. Выраженія, о которыхъ говорю, слѣдующія: «не умираютъ тѣ обычаи, которымъ опредѣлено быть вѣчными. Умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ; умираютъ въ пустыхъ вывѣтрившихся толпахъ, и воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ за тѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру.» Понятія и нѣкоторыя даже слова взяты изъ Св. Писанія, гдѣ говорится о воцареніи бла-

годати среди развалинъ Ветхозавѣтнаго порядка вещей. И потому первообразная, лежащая въ основѣ вашей рѣчи, мысль ясна: тѣ обычаи и обряды, на которыхъ напечатлѣла себя милующая любовь, въ которыхъ духъ ея еще не совсѣмъ убитъ былъ и у язычниковъ, стали наконецъ мертвою буквою, формою безъ содержанія. Человѣкъ и въ избранномъ даже народѣ, сдѣлалъ ихъ негодными въ отношеніи къ своей душѣ. И спасающая во Христѣ любовь Божія совершилась и открылась, въ самомъ живомъ существѣ своемъ и духѣ, и чрезъ избранныхъ своихъ пронеслась съ своимъ свѣтомъ и силою животворно по всему міру. — Обо всемъ этомъ у васъ говорится, видимо, недоконченно, болѣе намеками. Сущность дѣла чуется вами, но далеко еще не тронута въ своей полнотѣ и глубинѣ. Далѣе у васъ будетъ все полнѣе и опредѣленнѣе.

И такъ въ послѣдовательномъ ходѣ вашихъ мыслей мы дошли до того, когда уже въ полномъ свѣтѣ открылась эта духовная область спасающей во Христѣ любви Божіей, это царство не отъ міра сего, Апостольская, вселенская церковь, которая будучи обладательницею животворящей любви, вся жизнь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами снесена, точно, съ самаго неба, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣній человѣческихъ, примирить всѣ противорѣчія и привести все въ стройность (*). Въ ней всесторонній взглядъ на жизнь, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога; въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму во всѣхъ верховныхъ его силахъ, только бы все это вошло въ ея область, предалось бы всецѣло Божественной любви послушаніемъ и вѣрою. Однимъ словомъ: въ ней Божественная спасающая любовь со всѣми своими Божественными сокровищами.

Но не могло или не захотѣло и теперь человѣчество идти стройно и дружно, по открытому царскому направленію.

Вотъ западная половина Вселенской Церкви (чрезъ допущенія, конечно, папскаго главенства) болѣе и болѣе переставала духомъ своимъ внимать самому Христу, и потому отъ Божественнаго и духовнаго, что составляетъ основаніе и душу Церкви, стала скло-

(*) Все это сказано у васъ собственно о Восточной Церкви, но она названа у васъ единою, сохранившеюся отъ Апостольскихъ временъ въ своей цѣлости. Слѣдовательно я ваши же мысли здѣсь излагаю, говоря объ Апостольской Вселенской Церкви.

ниться къ мірскому и грѣховно-человѣческому. Она стала заботливо хлопотать около людей, — не проникнутая, не подвигнутая вполнѣ любовію Христовою въ семъ случаѣ, — спѣшила всякими способами передавать имъ слова Господни, въ хлопотахъ не взвѣшенныя полнымъ разумомъ. И незамѣтно увлекалась человѣческими видами, мірскими цѣлями и стала дѣйствовать по мірскому. Правда, такою хлопотливою и быстрою дѣятельностію западная Церковь успѣла было овладѣть чуть не всѣмъ міромъ; но сама впала въ опасную односторонность, опустила изъ виду или перестала съ должнымъ и всецѣлымъ вниманіемъ имѣть въ виду ту существенную и основную сторону Церкви, чтобы держаться собственно Господа своего, чтобы, потому, въ цѣляхъ и видахъ своихъ быть далеко не отъ міра сего, подъ условіемъ чего только и можно дать должное направленіе и настрой всему въ мірѣ. Словомъ: она съузила взглядъ свой на жизнь и міръ до невозможности охватить ихъ. Отъ того хотя сначала еще мирила съ своимъ Католичествомъ міръ, покоренный ею во Имя Христово: но міръ съ безсмертными, безконечными потребностями духа человѣческаго, жизнь со всегдашнимъ воплемъ о примиреніи всѣхъ ея нестроеній, не могли находить удовлетворенія въ своей западной Церкви.... Церковь не могла не слышать ничѣмъ незаглушимыхъ требованій человѣка и жизни, и должна была волноваться съ людьми, мѣняться и примѣняться ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духу, привычкамъ людей. Очевидно, этимъ она еще далѣе и далѣе шла отъ своего верховнаго начала и назначенія во всемъ водиться и одушевляться любовію Небесною: она принимала множество постановленій чисто человѣческихъ, сдѣланныхъ Епископами, недостигшими святостію жизни своей до полной и многосторонней Христіанской мудрости, вносила нововведенія, дѣланныя прямо порочными предстоятелями.... Міръ и жизнь тѣмъ менѣе и менѣе, слѣдовательно, могли находить въ такой Церкви духовнаго удовлетворенія себѣ. И отторгнутый или неутвержденный въ самомъ началѣ въ любви Христовой, устремляющей все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ Богу, западный человѣкъ мало по малу сталъ самъ въ себѣ, въ собственномъ только разумѣ и произволѣ искать удовлетворенія себѣ. Въ этой-то внутренней борьбѣ Западнаго человѣчества постепенно образовалась и развивалась западно-европейская честь и правда, которая, какъ уже грѣховно-человѣческая, а не во Христѣ основанная, не имѣетъ въ себѣ должнаго величія, а въ самыхъ возвышенныхъ, повидимому, своихъ порывахъ заключаетъ

много пустаго, донкихотскаго. И съ такою правдою и честію, уже вполнѣ развитою, западно-европейскій человѣкъ мечталъ бы все человѣчество обнять братскою любовію и не дрогнетъ сказать о своемъ, страждущемъ тяжкими душевными недугами, братѣ: «я не могу обнять этого человѣка (такъ скажетъ Европейскій человѣкъ даже въ самый свѣтлый праздникъ спасающей погибшихъ людей Любви)—онъ мерзокъ, онъ подлъ душою», — не дрогнетъ за малѣйшее оскорбленіе поставить своего собрата на благородное разстояніе и посадить пулю ему въ лобъ.... Въ той же внутренней тяжкой, борьбѣ Западнаго человѣчества открылось и развивалось и западно-европейское просвѣщеніе, блистательное широкое, потому что нужно было ему отвѣтить на всѣ духовныя неудовлетворенныя потребности, но (грѣховно)-человѣческое, не проникнутое въ своей общности истиннымъ свѣтомъ Христовымъ, не достигающее потому истинно живыхъ, глубокихъ и удовлетворительныхъ результатовъ, напыщенное впрочемъ самонадѣянностію и самоувѣренностію, которая не дозволяетъ смиренно внять стороннему внушенію, потому еще болѣе органичиваетъ и съуживаетъ взглядъ на вещи въ мѣрку личной односторонности, и еще болѣе закрываетъ глаза для свѣта истины.

Такое Европейское развитіе, начатое, правда, въ Христіанствѣ, только тронутомъ въ своемъ основаніи, и потому одностороннее, фальшивое, не проникнутое истинною жизнію, развитіе, тѣмъ паче не можетъ удовлетворить живымъ и безконечнымъ потребностямъ духа. Внутреннія, тяжкія противорѣчія и страданія въ западномъ человѣчествѣ были неизбѣжны. Западная Церковь, съ своею развившеюся односторонностію, чѣмъ больше хлопотала бы о примиреніи человѣка со Христомъ и о разрѣшеніи въ Немъ всѣхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе вносила бы раздора, будучи не въ силахъ освѣтить узкимъ свѣтомъ своимъ всякій нынѣшній предметъ со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ далѣе отталкиваетъ человѣчество отъ Христа и отъ себя самой. И чѣмъ болѣе и усиленнѣе напрягался бы, съ другой стороны, самъ Европейскій человѣкъ удовлетворить всему, самъ въ собственномъ сокрушенномъ кладенцѣ открыть живой источникъ; тѣмъ менѣе, на самомъ дѣлѣ, онъ можетъ удовлетворить и успокоить свой духъ своими измышленіями, тѣмъ менѣе можетъ привести жизнь въ стройность своими проэктами: потому-то тѣмъ отчужденнѣе онъ становится отъ Христа, въ любви Котораго и въ преданности Которому только и можно найти все потребное.

Гражданскій бытъ, полагающій въ основаніе свое (грѣховно)-человѣческую, а не Божественную правду, самъ находится во внутреннихъ противорѣчіяхъ; власти и подчиненные имъ только думаютъ каждые о своихъ правахъ и интересахъ, и недовѣрчиво, враждебно смотрятъ другъ на друга; сословія находятся во взаимной ненависти; всюду озлобленныя партіи.

И вотъ уже раздаются вопли страданій всего человѣчества, которыми заболѣлъ почти каждый изъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ, и мечется бѣдный, какъ въ страшной горячкѣ, не зная самъ, какъ и чѣмъ себѣ помочь: всякое прикосновеніе жестко разболѣвшимся его ранамъ; всякое средство, всякая помощь, придуманная умомъ, ему груба и не приноситъ цѣленія. Хотя въ то же время есть люди, которые, вооружаясь взглядомъ современной близорукости, мечтаютъ постигнуть тайну исторіи человѣчества безъ Бога и Христа, мечтаютъ поправить въ мірѣ дѣла. Западное развитіе такимъ образомъ уже доходитъ до своихъ послѣднихъ результатовъ, уже созрѣло для полнаго раскрытія своей односторонности и фальшивости; Западное человѣчество такой металлъ, который уже отлился въ свои формы и готовъ застыть. Воплемъ своихъ страданій однако еще зоветъ оно къ себѣ милующую небесную любовь, и она носится надъ нимъ.

На Восточной половинѣ христіанства другое зрѣлище. Здѣсь Церковь, какъ цѣломудренная дѣва сохранилась отъ временъ Апостольскихъ въ непорочной, первоначальной чистотѣ своей. Она не принимала въ Себя никакихъ новостей, кромѣ тѣхъ, которыя были внесены Святыми людьми лучшихъ временъ христіанства и первоначальными Отцами Церкви. Она, при неблагопріятныхъ ли обстоятельствахъ со стороны міра, или не развлекаемая его шумомъ, не принимала участія въ его ходѣ, направленномъ къ расточенію ея же сокровищъ, и какъ бы умерла для міра. Подобно скромной Маріи, отложивши всѣ попеченія о землѣ, помѣстилась она у ногъ Самого Господа, чтобы лучше наслушаться словъ Его. И неразвлекаемо внимала Ему, исполнялась Его жизни, хотя сестра ея — Церковь западная, хлопотавшая съ людьми подобно Марѳѣ, уже-было осмѣлилась называть ее мертвымъ трупомъ и даже заблудшею и отступившею отъ Господа. Эта свобода Восточной Церкви отъ увлеченій мірскихъ выразилась уже и въ томъ, что представители Ея, хранители и раздаватели Ея сокровищъ—духовенство и доселѣ находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ міра и свѣта, хотя притомъ

стоитъ во внутренней связи и соприкосновенія съ нимъ особенно въ проповѣди и исповѣди. Въ противоположность Римско-Католическимъ духовнымъ, которые отъ того и потеряли должное свое значеніе и достоинство, что сдѣлались слишкомъ свѣтскими, какъ Церковь ихъ слишкомъ мірскою, — здѣсь духовные не толкаются среди свѣта. Опять въ противоположность Западной Церкви, представители Восточной даже самой одеждой отдѣлились отъ прочаго міра, и остались доселѣ неподвластны измѣненіямъ и прихотямъ мірскимъ, даже во внѣшнемъ видѣ своемъ носятъ вѣчное напоминаніе о Томъ, Чей образъ они должны представлять собою. Вопреки проповѣдникамъ католичества Западнаго, исторгающимъ скоро высыхающія слезы искуственнымъ или напряженнымъ краснорѣчіемъ рыданій и словъ, проповѣдникъ православный имѣетъ долгомъ сказать слово, хотя бы простое и просто, спокойно, но отъ души, живущей изрекаемыми Божественными истинами, такъ чтобы при своемъ проповѣданіи и онъ самъ, а отъ того и слушатели его слышали присутствіе Самого Бога. И на задорные крики со стороны западной Церкви, Восточная блюстительница и владѣтельница живыхъ сокровищъ Божественной всеобъемлющій любви и милости— отвѣчаетъ величавымъ спокойствіемъ. Будучи вся жизнь, она не иначе желаетъ и возвѣстить свою истину, какъ благоуханіемъ душъ и жизни своихъ дѣтей.

Эта Церковь распространилась и утвердилась въ Россіи, пространство которой съ ея странами далекими, съ равнинами широкими, съ рѣками великими, съ высокими горами, съ осмью морями— уже обѣщаетъ такой великій просторъ, такое широкое поприще для дѣлъ. Въ самой духовной природѣ русскаго человѣка заключалось много близкаго закону Христову: это чуткая душа, въ движеніяхъ и звукахъ которой уже мало видно привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ чему-то безграничному, тоска по лучшей отчизнѣ, этотъ русскій умъ, умѣющій сдѣлать великіе выводы и изъ бѣднаго времени, эта отвага рвануться на дѣла добра, которая у насъ даетъ вдругъ молодость старцу и юношѣ и сливаетъ въ одно чувство всю разнородную массу, эти, видные и доселѣ въ нетронутой русской натурѣ слѣды патріархальной величавой простоты, это побратаніе людей, всегда бывшее у насъ роднѣе кровнаго родства.... И потому, не какъ въ Западной Европѣ, безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ; приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слово. Но всему

видно, что Церковь съ Неба снесена, какъ бы прямо для русскаго народа, и что съ другой стороны, все нужное для жизни, истинно русской во всѣхъ ея отношеніяхъ, заключено въ этой Церкви. Только бы всѣмъ дружно и согласно и бодро слѣдовать ея настрою... Что же однако было на дѣлѣ? Церковь въ своихъ избранныхъ жила всею возможною на землѣ полнотою и красотою своей неземной жизни, такъ что у насъ явились мужи, достойно ставшіе въ рядъ Св. Отцевъ Церкви (у васъ указанъ Св. Димитрій Ростовскій). Она разливала свою жизнь благодатную по всему организму народа, и въ ней постоянно слышалось слово церковныхъ пастырей, слово простое, некраснорѣчивое, но замѣчательное по стремленію стать на высоту христіанскаго безстрастія, направить человѣка не къ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ стройной и трезвой дѣятельности для Бога всѣхъ духовныхъ его силъ. И русской человѣкъ, чувствуя безцѣнность врученнаго ему сокровища, трепеталъ за него, имѣлъ въ виду, какъ бы только сохранить его, и впалъ въ односторонность своего рода; въ его душу вкралась мысль, что съ сохраненіемъ небеснаго сокровища и все дѣло свое онъ сдѣлаетъ, и онъ опустилъ изъ виду, что должно употреблять это сокровище, пользоваться имъ, данные таланты приращать своими трудами. Онъ сталъ засыпать духовно. Такъ я понимаю вашу довольно глухо сказанную мысль: «стала дремать наша масса.» И какъ было она задремала! какой, наконецъ, безчувственный застой произошелъ и на всемъ пространствѣ отчасти и въ особенности въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Россіи!

Вы указали нѣкоторые степени огрубѣнія народнаго, постепенно образовавшагося въ тѣ поры и открываемаго въ послѣдствіи нашими поэтами. Русская, сильная любовь матери къ своему дѣтищу сопровождалась звѣрствомъ ко всему, что не было этимъ дѣтищемъ. Русское сочувстіе обращалось въ какое-то сердечное влеченіе, совсѣмъ безсловесное. А слабосильные и забитые обстоятельствами люди были полнымъ притупленіемъ всего. Эти виды безчувственнаго застоя даютъ уже понять, какъ задремала, какъ глубоко готова была наконецъ заснуть наша масса въ тѣ поры; — хотя этими же столь низкими степенями огрубенія предполагаются безчисленныя степени выше и выше до явленія, наконецъ, живыхъ и прекрасныхъ членовъ нашего народнаго организма.

Да, были эти живые и прекрасные члены въ составѣ народа, иначе въ чемъ бы и была Церковь, въ чемъ бы держалась она,

будучи жизнію? И вся масса, даже до послѣдних отрубѣлыхъ своихъ оконечностей, двигалась и одушевлялась, какъ душею, чистыми или православными христіанскими началами. И уже, въ послѣднее время духовной дремоты Русскаго человѣка, была минута, когда жизнь духовная явилась во всемъ организмѣ народа со всею свѣжестію и красою, возбужденная, правда, чрезвычайными обстоятельствами. Это была для русскаго человѣка крайность и грозящая гибель — остаться безъ того, кто былъ для русскаго представителёмъ и образомъ водворившейся въ Россіи спасающей, небесной любви, при посредствѣ котораго она и водворилась въ Россіи, — остаться безъ законнаго верховнаго властелина. Прекрасно схвачена у васъ эта минута возбужденной вдругъ Христіанско-русской жизни: послѣдній и низшій подданный въ государствѣ принесъ и положилъ свою жизнь для того, чтобы дать намъ Царя. Какъ непостижимо это возведеніе на престолъ никому неизвѣстнаго Отрока! Тутъ же стояли рядомъ древнѣйшіе родомъ и притомъ мужи доблести. Всѣхъ ихъ мимо произошло избраніе, и ни одного голоса не было противъ. Никто не смѣлъ предъявлять правъ своихъ! И случилось это въ то смутное время, когда всякій могъ вздорить и оспаривать и набирать шайки приверженцевъ. И кого же выбрали! Того, кто приходился по женской линіи родственникомъ царю, отъ котораго недавно ужасъ ходилъ по всей землѣ! И при всемъ томъ все единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, положило, чтобы онъ былъ на престолѣ. Да, и не поэты даже могутъ слышать здѣсь волю Господа, непосредственно воздѣйствовавшую въ духѣ помилованнаго Имъ народа. Но опасность миновалась и русскій возвратился къ своей дремотѣ, отъ которой на минуту со всею бодростію восталъ какъ бы только для того, чтобы узнать и показать, какая сильная, великая дана ему жизнь, какъ бы только для пробы этой жизни и приготовленія къ какому-то дѣлу, достойному ея.

Явился Царь преобразователь, которому воля Бога вложила мысль ввести молодой народъ свой въ кругъ Европейскихъ государствъ и вдругъ познакомить его со всѣмъ, что ни добыла себѣ Европа долгими годами кровавыхъ бореній и страданій. Крутой поворотъ былъ нуженъ Русскому народу, и Европейское просвѣщеніе было огниво, которымъ слѣдовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массѣ. Нужно было пробудить Русскаго человѣка, чтобы онъ, съ помощію Европейскаго свѣта разсмотрѣлъ поглубже самого себя и свои внутреннія сокровища. И какъ чудно, какъ величественно

произведенъ такой крутой переворотъ, такое богатырское потрясеніе! Самъ Царь великодушно отказался на время отъ царскаго величія своего, рѣшился извѣдать самъ всякое ремесло и съ топоромъ въ рукѣ стать передовымъ во всякомъ дѣлѣ, дабы не произошло никакихъ безпорядковъ, слѣдующихъ при малѣйшемъ измѣненіи государственныхъ формъ. И переворотъ, который обыкновенно на нѣсколько лѣтъ обливаетъ кровію потрясенное государство, если производится бореніями внутреннихъ партій, былъ произведенъ въ виду всей Европы въ такомъ порядкѣ, какъ блистательный маневръ хорошо выученныхъ войскъ.

Итакъ нужно было огрубѣвшій отъ бездѣйствія русскій духъ, владѣвшій сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, выполировать и прочистить ему очи европейскимъ образованіемъ, чтобы ему блеснуло всѣмъ свѣтомъ его же собственное внутреннее сокровище и онъ возбудился бы все изъ этого сокровища до послѣдняго денарія употребить въ дѣло. И Божественная любовь, чрезъ своего избраннаго, чрезъ свое орудіе и представителя на землѣ, вдругъ дала западному просвѣщенію, уже приближающемуся къ своей зрѣлости — проторгнуться въ Россію со всѣхъ сторонъ и совершила этотъ чрезвычайный переворотъ въ возлюбленномъ народѣ стройно и величественно, что Ей единой и возможно. Проторглось Европейское просвѣщеніе въ Россію, но вдругъ ли Россія могла совершенно освоиться съ нимъ и тѣмъ самымъ глубже войти въ себя? Постепенное совершеніе этого и представляетъ новая Исторія Россіи. Вы чудесно умѣли услѣдить такую постепенность, въ одной, впрочемъ, только области, отражающей въ себѣ словомъ народную жизнь. Сначала, говорите вы, у насъ «все только услышало, что онъ пробудился. Все въ молодомъ государствѣ пришло въ восторгъ, издавши тотъ крикъ изумленія, который издаетъ дикарь при видѣ навезенныхъ сокровищъ.» Этотъ восторгъ уже былъ прекрасное явленіе жизни именно Русско-Христіанскаго духа, который былъ возбужденъ къ великому дѣлу и сразу же почувствовалъ у себя огромныя средства, не умѣя еще дать въ томъ отчета. Этотъ восторгъ былъ «что-то близкое къ библейскому, то высшее состояніе духа, которое чуждо увлеченій страстныхъ и есть твердый возлетъ въ свѣтѣ разума, верховное торжество духовной трезвости, какъ вы оригинально выражаетесь. Рускій человѣкъ всю русскую землю озиралъ отъ края до края съ какой-то свѣтлой вышины, любуясь и не налюбуясь ея безпредѣльною и дѣвственною природою. Онъ восхи-

щался отъ свѣта, принесеннаго въ Россію, но потому, что при этомъ свѣтѣ видѣлъ или чуялъ великое поприще, ей предстоящее, и торжественно благодарилъ Царей того виновниковъ. Отселѣ, чѣмъ болѣе мы освоивались съ Европейскимъ просвѣщеніемъ, тѣмъ глубже при этомъ свѣтѣ избранные изъ насъ на всѣхъ поприщахъ (*) входили въ себя, въ нашъ Христіански-русскій духъ и раскрывали его богатства. Они своей, высшей отъ насъ по дарованіямъ, духовной натурой показали, каждый, которое нибудь изъ нашихъ народныхъ качествъ, давъ имъ развиться въ себѣ и блеснуть предъ нами во всей ихъ красѣ. Одинъ, напр., поражаетъ насъ величавыми и крѣпкими чертами русскаго человѣка, утвержденнаго на непотрясаемомъ камнѣ Церкви; другой восхищаетъ русскою чуткостію и воспріемлемостію, съ какою, на что только въ мірѣ ни взглянулъ бы онъ, чувствуетъ величіе и красоту этой вещи, какъ созданія Божія, какъ дѣла Его любви; третій отразить въ себѣ тотъ вѣрный тактъ Русскаго ума, который, умѣя схватить существо всякаго дѣла, умѣетъ выразить его такъ, что никого не оскорбитъ выраженіемъ и не возстановитъ ни противъ себя, ни противъ мысли своей, даже не сходныхъ съ нимъ людей, который упрочиваетъ за человѣкомъ уваженіе и довѣріе всѣхъ и проч. и проч. Съ другой стороны, избранныя натуры, которыя, бывъ подвигнуты образованіемъ, почуяли и выражали движенія и черты православно-русскаго духа, по тому же самому глубоко прозрѣвали и въ безчувственный застой, образовавшійся въ нашей массѣ отъ бездѣйствія, обличали, поражали его, усиливались сокрушить или смягчить его.... Все это дѣлалось въ избранныхъ только и могучихъ натурахъ, которыя, при наплывѣ отвсюду Европейскаго просвѣщенія, нетронулись во внутреннѣйшихъ своихъ глубинахъ съ основаній русскаго духа, хранили въ себѣ цѣлымъ небесное сокровище, держались духомъ въ замѣтной или незамѣтной внутренней связи съ любовію всетворящею и оживляющею. Такихъ натуръ не много, онѣ избранныя, хотя бываютъ и на всѣхъ поприщахъ жизни. Нужно же было, *на чемъ* Европейскому просвѣщенію въ массѣ нашей держаться и все болѣе и болѣе усвоиваться Россіи. Симъ самымъ и было (да и что иное могло быть?) наше общество, эта верхушка,

(*) А не въ одной поэзіи: Это вы даете понимать, когда напр., при воспоминаніи о Карамзинѣ, говорите: «все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ. И выслушаетъ съ такою любовію, съ какою можетъ выслушать только одна чудная наша Россія.»

какъ вы называете, или верхній слой нашей народной массы. И вотъ наше общество отъ Петровскаго времени, начало воспитываться, говорите вы, подъ вліяніемъ гувернёровъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изъ всѣхъ Европейскихъ странъ, изъ всѣхъ возможныхъ сословій, съ различными образами мыслей, правилъ и направленій. Кромѣ тѣхъ избранныхъ, о которыхъ мы уже говорили, (а, можетъ быть, и вмѣстѣ съ ними въ извѣстныхъ отношеніяхъ) все, кого касалось и пробуждало Европейское просвѣщеніе, столь развившееся, столько вопросовъ задающее и столько предлагающее всякихъ отвѣтовъ на каждый изъ нихъ, подумало, что въ немъ-то, въ этомъ одностороннемъ просвѣщеніи, и сущность дѣла, начало и конецъ всего, доселѣ недостававшаго намъ. И въ такомъ случаѣ то сокровище, которому цѣны нѣтъ, обществомъ болѣе и болѣе пренебрегалось и оставлялось безъ вниманія. Общество наше, чего не случалось еще ни съ однимъ народомъ, воспитывалось въ невѣденіи земли своей посреди самой земли своей. Даже и языкъ былъ позабытъ такъ, что русскому голосу все тѣхъ же нашихъ передовыхъ людей были отрѣзаны дороги и пути къ тому, чтобы коснуться уха въ нашемъ обществѣ. Тѣмъ скорѣе и полнѣе усвоивалось нами Европейское просвѣщеніе со всѣми результатами своими, со всѣми запросами, ненаходящими однако истиннаго, удовлетворительнаго и успокоительнаго разрѣшенія, тѣмъ успѣшнѣе и полнѣе примѣчали и собирали наши передовые люди разныя высокія черты нашего духа. Это была тоже великая внутренняя борьба; тяжелая борьба была — эта встрѣча западнаго просвѣщенія, столько уже противоборнаго истинному свѣту, съ нашимъ свѣтоносныъ сокровищемъ. И избранные у насъ люди забирали лучшее отвсюду, гдѣ находили, и спѣшили выносить его на свѣтъ, — гдѣ и какъ поставить, — точно такъ какъ бѣдный хозяинъ изъ обхваченнаго пламенемъ дома старается выхватить только то, что есть въ немъ драгоцѣннѣйшаго, незаботясь о прочемъ. И такая борьба была во всѣхъ и каждомъ, въ комъ была такая встрѣча православнаго, глубоко-затаеннаго свѣта и блестящаго Европейскаго просвѣщенія, хотя еще дѣло вполнѣ не уяснилось ни для кого. Во всякомъ была болѣе или менѣе безтолковая встрѣча чужеземнаго съ своимъ и неразумное извлеченіе того вывода, для котораго повелѣна Богомъ эта встрѣча.

Изъ вашей «Переписки» можно было бы прослѣдить, въ главныхъ степеняхъ весь ходъ всей этой исторіи нашей новой Россіи. Но если

бы вздумалъ я все выставить на видъ, что есть въ вашей довольно и необширной книжкѣ, мнѣ никогда бы съ вами не покончить; а еще не мало мнѣ нужно говорить, и черпая изъ вашей книги и осматривая содержаніе со всѣхъ сторонъ.... Впереди, что Богъ дастъ! Возьму у васъ очертаніе одного послѣдняго момента всей этой новой русской жизни. Въ это новое время, много, много уже совершено нашими избранными представителями, передовыми всей нашей массы. Они обозначили и собрали безчисленные оттѣнки разнообразныхъ качествъ нашего Православно-Русскаго духа; они раскрыли и совокупили, какъ бы въ одно казнохранилище, разныя, отдѣльно впрочемъ пока взятыя, стороны нашей разносторонней природы. Мало того, вы фактически доказали, что прекрасное новое зданіе мысли и жизни православно-народной уже зиждется у насъ, только покамѣстъ не для всѣхъ видимо. Между тѣмъ хотя уже полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Государь Петръ I-й прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія Европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла, и Правительство, преемное Петру, во все время дѣйствовало безъ устали по его направленію и до сихъ поръ однако остаются также пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, также безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ и дышетъ намъ отъ Россіи нерадушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовою станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель, съ черствымъ отвѣтомъ: нѣтъ лошадей!.. Съ другой стороны, просвѣщенный, Европейскій XIX-й вѣкъ уже освоенъ нашимъ обществомъ, чуть ли не со всѣми своими результатами, всѣми запросами, по надлежащему неразрѣшенными, съ возбужденными безконечными потребностями, но мнимо удовлетворенными, вѣкъ, блестящій повидимому человѣколюбіемъ, но напыщенный безчеловѣчною гордостію, дошедшею до страшнаго духовнаго развитія, убившею въ нашемъ духѣ много живаго, свѣжаго и даже имѣющаго только какой-нибудь видъ жизни и свѣжести, вѣкъ со всѣмъ своимъ гордымъ умомъ небоящійся преступать постоянно первѣйшіе и святѣйшіе законы Христа и трепещущій преступить малѣйшаго приказанія моды, имъ же понимаемой въ своей ничтожности, дрожащій предъ нею, какъ робкій мальчишка.... И какъ русскій человѣкъ не любитъ держаться отвлеченныхъ идей, а обращаетъ

*

ихъ въ дѣло, въ жизнь; то по правиламъ Европейскаго просвѣщенія, съ такимъ его духомъ составляются проэкты близорукими умниками, имѣющими притомъ не малыя способности, Европейскіе человѣколюбцы стремятся пустить Европейскіе идеи въ самый народъ, елико то возможно... И по всему этому, по всѣмъ этимъ успѣхамъ у насъ западнаго просвѣщенія, столько неудовлетворяющаго и неблагоустрояющаго самого Запада, въ нашемъ обществѣ, также какъ и повсюду въ западной Европѣ, таинственною волею Провидѣнія, отдаются хотя слабые и глухіе отголоски болѣзненнаго ропота неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что ни есть на свѣтѣ, на порядокъ вещей, на время, на себя самого; всѣмъ, наконецъ, начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, на которое возвела насъ наша новѣйшая гражданственность и просвѣщеніе; слышна у всякаго какая-то безотчетная жажда быть не тѣмъ, что онъ есть; раздались громкіе споры и крики противъ Западнаго и Европейскаго, а съ другой стороны явились и жаркіе поборники Европейскаго просвѣщенія, мечтающіе въ немъ найти настрой всему родному и готовые стереть въ лица нашей земли всю восточно-русскую старину. Но при всемъ томъ самое недовольство каждаго настоящимъ состояніемъ своимъ, самая жажда лучшаго, особенно самое крайнее отвращеніе Русскаго отъ всего ничтожнаго и гадкаго, приставшаго къ нему, (оказавшееся на прим., при яркой картинѣ этихъ ничтожностей, «Мертвыхъ Душахъ») еще ручается, что мы еще не застывшій и охолодѣвшій въ своемъ состояніи металлъ, что въ Русскомъ есть еще, часто невѣдомое ему, все то, что противоположно ничтожному...

Такъ западное просвѣщеніе всею полнотою своею уже освоивается съ нами и касается до самаго сѣдалища въ насъ Божественной любви, проникаетъ въ самыя внутреннія глубины нашего провославно-русскаго духа. И по закону развитія нашей новой жизни, который милость небесная предначертала намъ со временъ Петра,—это есть тотъ моментъ, за которымъ, если только мы поймемъ и примемъ благую волю Божію о насъ, и насъ не оставитъ до конца милость Божія (*), сей часъ же, возбужденный уже во всѣхъ силахъ, возстанетъ и возмется за великое дѣло нашъ православный русскій духъ, когда размягченная и растопленная, какъ металлъ, находящаяся въ сильномъ броженіи, наша природа приметъ законную свою форму, вполнѣ обор-

(*) У насъ это условіе вездѣ слышится.

ганизуется.... Западники и Восточники примирятся, что они,—тѣ и другіе, видѣли только разныя стороны одного и того же зданія. Всѣ нерѣшенные, великіе запросы западнаго просвѣщенія найдутъ живой и твердый отвѣтъ, всѣ узлы недоумѣній и противорѣчій внутреннихъ и повсюдныхъ будутъ одинъ за другимъ разрѣшаться. Оживетъ въ избранныхъ все изъ нашей старины до послѣдняго зерна, все, что есть въ ней Русскаго и освящено Христомъ. Полный и всесторонній взглядъ на жизнь и міръ, блюдомый во всей своей чистотѣ Церковію Восточною, падетъ на все и все освѣтитъ. И выступитъ, многими дотолѣ забытая и не знаемая даже въ родной землѣ, всѣми вѣрующими и невѣрующими теперь признанная,—наша Церковъ, съ настроемъ и направленіемъ всему, съ законнымъ просторомъ въ ней всѣмъ духовнымъ силамъ человѣка и устремленіемъ всѣхъ ихъ въ одинъ согласный гимнъ Верховному Существу. И воспразднуетъ свѣтло Христово воскресеніе прежде у насъ, нежели во всякой другой землѣ...

Уже въ послѣднее время, многими довольно сознательно, другими безсознательно это слышится. Внутри нашей земли уже есть что-то смѣющееся равно надъ стариною огрубѣлою и надъ новизною надутою, и благоговѣющее только предъ однимъ нестарѣющимъ и вѣчнымъ. Уже во многихъ душахъ начинается или предчувствуется какъ бы иное царствіе, или такой благодатный порядокъ вещей, въ которомъ вся глубина православно-русскаго духа блеснетъ своимъ внутренимъ свѣтомъ и свѣтъ сей отразится на всю землю. Двѣнадцатый годъ, въ который, не пожалѣвъ самихъ себя и имуществъ своихъ, Русскіе даже жгли домы свои и земные свои достатки, дабы необычайная сила и власть Европейскаго человѣка не восторжествовала надъ святою Русью и ея царемъ, уже есть предварительная образцовая проба и приготовленіе Русскаго народа къ тому, чтобы, къ сбереженію домашняго безцѣннаго сокровища отъ наплыва западныхъ идей съ притязаніемъ ихъ на истинность, все рванулось у насъ сбрасывать и ветхое и новое, позорящее природу человѣка, чтобы дать цѣну и силу только Христомъ освященному: въ такія минуты у насъ всякія ссоры и вражды и ненависти будутъ забыты, братъ повиснетъ на груди у брата, и вся Россія—одинъ человѣкъ.

И между тѣмъ, обозрѣвая весь ходъ дивныхъ и страшныхъ и величественно-прекрасныхъ дѣлъ Божіихъ видимъ, что мы, которые было заснули, огрубѣли и съ сокровищемъ у себя жизни безконечной стали мертвы, ни чуть не лучше другихъ народовъ, не правѣе

ихъ предъ Богомъ. И Онъ Одинъ является самою правдою и вмѣстѣ любовію, милующею всѣхъ насъ людей, отвергающихъ ее и не слѣдующихъ ея водительству, и блуждающими нашими стезями, путемъ бѣдствій и смерти, въ которыя мы безумно стремимся,—ведущею въ свое блаженное общеніе. Да, поэтъ дивный, вы не сказали прямо послѣднихъ словъ, но мысль ихъ выражена въ вашей книгѣ,—мысль, взятая вами въ душу изъ слова Божія: *затвори Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ,*—какъ сказалъ Св. Апостолъ Павелъ раньше всѣхъ насъ, раньше самыхъ событій новаго міра, обнявшій умомъ Христовымъ всю исторію міра отъ начала до конца.

И чувствуя и сознавая послѣдній, въ которомъ мы живемъ, моментъ жизни и нашей Русской и всей Европейской и человѣческой, понимая всю рѣшительность и значеніе его, трепеща предъ его важностію, вы точно такою рѣчію, въ которой слышатся библейскіе отголоски, живописали это современное наше племя, по западному гордое и вѣтреное и еще далеко не отдѣлившееся совсѣмъ отъ прежняго огрубѣнія, и страждующее и нуждающееся, безъ словъ вопіющее о помощи.

Повторяя заразъ, или подводя къ общему итогу всѣ эти ваши мысли о прежнемъ и отчасти нынѣшнемъ времени, вижу, что духовную бѣду новѣйшаго времени человѣка, и особенно русскаго, вы указываете съ двухъ сторонъ: съ одной стороны развивается у насъ до-нельзя человѣческая мысль, правда, честь, по Западно-Европейски, безъ возведенія къ живому духу и истинѣ Богочеловѣка, Спасителя всего человѣческаго; съ другой стороны, истина самаго Христа, содержащаяся въ всей чистотѣ въ Восточномъ православіи соблюдается нами какъ-то бездѣйственно, безъ дѣятельнаго всесторонняго приложенія ко всѣмъ областямъ человѣческой жизни. Въ силу преобразованія петровскаго православнымъ - Русскимъ волею и неволею пришлось сближаться со всѣмъ западнымъ одностороннимъ развитіемъ человѣческой мысли, правды и чести. Въ этомъ ясна для васъ мысль Бога, промыслителя нашего, чтобы намъ провославно - русскимъ, въ силу самаго православія или по безмѣрно-человѣколюбивому духу Христовой истины, войти съ ея свѣтомъ во все дольнее человѣческое, чтобы чрезъ это и самимъ выйти изъ овладѣвшаго многими бездѣйственнаго сна, и для всего міра раскрыть вселенское значеніе православія. Но пока не дойдетъ у насъ дѣло до общаго отчетливаго сознанія этой промыслительной о насъ воли Божіей, неминуемо происходитъ у насъ вотъ что: или совсѣмъ жаромъ бросимся въ широкое западное развитіе человѣческаго, но безъ усвоенія или безъ

достаточнаго и прочнаго усвоенія истины Христовой, или станемъ неколебимо держаться нашего роднаго, православно-русскаго, но безъ заботливаго вниманія, къ человѣческому или даже только съ осужденіемъ сего человѣческаго, вопреки человѣколюбивому духу православія. Въ томъ и другомъ случаѣ неустойчивость предъ нещаднымъ ко лжи огнемъ истины (*). И вотъ вы видите, что, начиная съ петровскаго преобразованія, у насъ то и дѣло бываетъ все равно тоже, что на пожарѣ; только бы далъ Богъ выхватить и спасти наилучшее въ хозяйствѣ. Плачете вы, что часто у насъ и ревнители православія, или, такъ называемые у васъ, *восточники*, сами же первые не входятъ въ духъ и силу православія, въ мысли и расположенія Господней любви, осуществившей и въ *земномъ* мірозданіи и непрестающей осуществлять въ міроправленіи *на землѣ*, мысль и волю небеснаго Отца,—спасающей погибшее, возсозидающей испорченное и разрушенное, милующей и прощающей человѣка-грѣшника. Умоляете вы ихъ, хоть такъ для пробы, отступить отъ этой, не совмѣстной съ истиннымъ вселенскимъ Православіемъ Востока, односторонности; потому что знаетс, что съ закрытіемъ снисхожденія Божіей истины къ человѣческой мысли и правдѣ, поклонники послѣднихъ, эти такъ названные у васъ, западники, не могутъ усмотрѣть чуднаго, со всѣхъ сторонъ свѣтлаго зданія истины Божіей, какова православная вселенская церковь. Посмотрю, гдѣ вы ищете помощи такому горю многихъ.

Ища въ нашемъ бытѣ средствъ ко спасенію, озираясь, чѣмъ бы возбудить вниманіе къ нашему же безцѣнному сокровищу, и подвигнуть насъ къ тому, чтобы забытая многими въ истинномъ своемъ духѣ и достоинствѣ, церковь все въ насъ просвѣтила и благоустроила, возводите во первыхъ какой-то благоговѣйный и умоляющій взоръ къ Царю, этому Богоизбранному вождю нашей народной жизни отъ самаго начала народа,—этому земному представителю величія и Любви небесной для русскаго духа, къ тому, на рамена котораго страшно обрушилась судьба милліоновъ его собратій, кто страшною отвѣтственностію за нихъ предъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности предъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности, не понятнымъ даже для стоящаго внизу человѣка, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ушахъ кличъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій. Самая природа Русская и всѣ страницы нашей исторіи, говорите вы (и то до-

(*) Въ этомъ отношеніи примѣчательна недавняя статья въ Современникѣ о Державинѣ: взятое съ одной стороны, все дѣло Державина представлено жалкою жертвою духовнаго пожара.

вольно доказали, какъ мы и видѣли выше), слишкомъ ясно говорятъ о волѣ Промысла, да образуется въ Россіи эта власть въ ея полномъ и совершенномъ видѣ, всѣ событія въ нашемъ Отечествѣ, (особенно) начиная отъ порабощенія татарскаго, видимо клонятся къ тому, чтобы собрать могущество въ руки одного, дабы одинъ былъ въ силахъ произвесть этотъ знаменитый переворотъ всего въ государствѣ, все потрясти и, всѣхъ разбудивши, вооружить каждаго изъ насъ тѣмъ высшимъ взглядомъ на самого себя, безъ котораго невозможно человѣку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть въ себѣ самомъ ту же брань всему невѣжественному и темному, какую воздвигнулъ Царь въ своемъ государствѣ. Чтобы потомъ, когда уже загорится каждый этою святою бранью, и все придетъ въ сознаніе силъ своихъ, могъ бы также одинъ, всѣхъ впереди, со свѣтильникомъ въ рукѣ, устремить, какъ одну душу, весь народъ свой къ тому верховному свѣту, къ которому просится Россія. Значеніе Государя въ Европѣ неминуемо приблизится къ тому же выраженію. Все къ тому ведетъ, чтобы вызвать въ Государяхъ высшую Божескую любовь къ народамъ. Уже раздаются вопли страданій душевныхъ всего человѣчества, которыми заболѣлъ почти каждый изъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ... Эти крики усилятся, наконецъ, до того, что разорвется отъ жалости и безчувственное сердце, и сила, еще доселѣ небывалаго, состраданія вызоветъ силу другой, еще доселѣ небывалой, любви. Загорится человѣкъ любовію ко всему человѣчеству, такою, какой еще никогда не загорался. Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единаго человѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое, возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, Государь пріобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, который одинъ только можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся человѣчеству и котораго прикосновеніе будетъ не жестко его ранамъ, который одинъ только можетъ внести примиреніе во всѣ сословія и обратить въ стройный организмъ государство. Тамъ только исцѣлится вполнѣ народъ, гдѣ постигаетъ и осуществляется въ монархѣ высшее значеніе быть образомъ Того на землѣ, Который Самъ есть *Любовь*.

Съ этой горней, хотя и на землѣ, высоты, вашъ взоръ обращается къ семейному и ежедневному нашему быту, и по отношенію, въ особенности, къ высшему обществу, останавливается съ любовію и надеждою особенно на *женщинѣ*, безсильномъ, всегда подвластномъ существѣ. Вы

знаете, что душа жены хранитель, талисманъ для мужа, оберегающій его отъ нравственной заразы, что она есть сила, удерживающая его на прямой дорогѣ и проводникъ, возвращающій его съ кривой на прямую; и на оборотъ душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его на вѣки. Равнымъ образомъ вы знаете, что женская натура скорѣе мужской можетъ быть подвигнута—почувствовать все прекрасное величіе своихъ обязанностей, которыя, какъ и вообще обязанности, несравненно прекраснѣе и возвышеннѣе всякихъ мечтаній; вы знаете, что избранная женская натура, даже при разсѣянности и слабости характера, можетъ вымолить себѣ у Бога внутренней собранности и крѣпости. И если въ самомъ дѣлѣ въ душу этой избранницы падетъ лучь небесный, если она для выполненія требованій Того, Кто создалъ человѣка, съумѣетъ великодушно простить не злонамѣреннаго, но и не совсѣмъ дальновиднаго человѣка, который публично сравнилъ бы ее съ какой нибудь «коробочкою» (въ вашихъ Мертвыхъ Душахъ) (*), и не возмутиться безстыдствомъ зубоскала, который хотѣлъ бы осмѣять ее предъ всѣми прозваніемъ «женщины о семи кучкахъ», не помышляя того, что онъ не надъ человѣкомъ ругается;—словомъ, если она твердо и не колеблясь ничѣмъ, пойдетъ по своему прекрасному, однажды избранному, пути: то будетъ она точно самой дѣятельной помощницей мужу на всякомъ поприщѣ, будетъ знать, какъ ободрить его при встрѣчѣ по службѣ со всякою непріятностію или гибельнымъ обольщеніемъ, какъ заставить его перенести терпѣливо то, на что не стало бы у него силы. Готовая лучше носить старомодный чепецъ и стать предметомъ насмѣшекъ другихъ, нежели допустить мужа своего сдѣлать несправедливость и подлость, она будетъ истиннымъ его возбудителемъ на все прекрасное, любовію нѣжною, незнающею; чѣмъ бы не пожертвовала и чего бы не рѣшилась сдѣлать для счастія мужа, любовію, всегда проникнутою тою мыслію, что мужъ ея глава, а она его помощница, сама же жена повелитъ своему даже слабохарактерному, готовому недостойнымъ образомъ покориться ей, мужу, дабы онъ былъ ея достойнымъ главою и повелителемъ, твердымъ, мужемъ въ своихъ обязанностяхъ. И по отношенію къ обществу, въ которомъ съ одной стороны представляется утомленная образованность гражданская, а съ другой какое-то охлажденіе душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворенія, вы мно-

(*) Въ современныхъ журналахъ были эти насмѣшки.

гаго ждете отъ женщины; чтобы произвести это оживотворенiе, говорите вы, необходимо содѣйствiе женщины. Если уже одинъ безсмысленный капризъ красавицы бывалъ причиною переворотовъ всемiрныхъ и заставлялъ дѣлать глупости наиумнѣйшихъ людей, что же было бы тогда, заключаете вы, если бы этотъ капризъ былъ осмысленъ и направленъ къ добру? Но не какая нибудь нынѣшняя львица, не женщина нынѣшняго свѣта, утратившая женскую прелесть и красоту душевную, ни даже женщина дѣйствительно умная, все испытавшая съ своею гордою самоувѣренностiю, не онѣ могутъ имѣть благотворное влiянiе на общество. Пусть будетъ женщина, хотя и слишкомъ молодая, не прiобрѣтшая ни познанiя людей, ни познанiя жизни, но только не обдѣленная красотою, съ неопозоренньмъ, неоклеветаннымъ именемъ и главное съ властiю чистой души. И такая-то слабая неопытная женщина будетъ очень сильна къ оживленiю и освѣженiю общества, въ которомъ ей судьбою суждено быть, если только въ душу ея западетъ благодатное беспокойство о людяхъ, всегда внутренно болѣющихъ и особенно въ наше время страшныхъ болѣзней ума, если она среди самыхъ развлекательныхъ увеселенiй носитъ въ сердцѣ ангельскую тоску о людяхъ, всегда душевно нуждающихся и безъ словъ вопiющихъ о помощи. Тогда даже отъ одного своего присутствiя, невѣдомо самой себѣ, она имѣетъ такое влiянiе, что и развратные изъ молодежи не отваживаются сказать при ней не только двусмысленнаго слова, но и просто никакого слова, чувствуя, что все предъ ней будетъ какъ-то грубо и неприлично, что при ней не утратившiе совсѣмъ чувства красоты и особенно душевной не позволятъ себѣ и дурной мысли. Если она заговоритъ въ сопровожденiи того чистаго взора и улыбки, въ которой такъ и свѣтится голубиная ея душа, заговоритъ просто, свободно какъ бы въ кругу домашнихъ и близкихъ ей людей: то каждому покажется, какъ будто бы заговорила какая-то небесная родная сестра. Не даромъ опредѣлено, говорите вы, чтобы всѣхъ равно поражала красота даже и такихъ, которые ко всему безчувственны и ни къ чему не способны. А отъ жалкихъ соблазновъ свѣта такая женщина безопасна своимъ чистымъ и скромнымъ стремленiемъ къ добру, христiанскою жаждою добра себѣ и другимъ.

Съ сердечною заботливостiю и нѣкоторымъ даже уваженiемъ вы останавливаетесь мыслiю и на нашемъ простомъ народѣ, въ которомъ, съ одной стороны, несравненно цѣлѣе, нежели въ обществѣ

высшемъ, блюдутся сокровища нашего православнаго русскаго духа, и эти прекрасныя свойства, составляющія отличіе Русскаго народа отъ другихъ, и эти возвышенныя христіанскія понятія о правдѣ и душѣ въ видѣ непреложныхъ вѣрованій, разнесшихся всюду, но съ другой стороны замѣтнѣе, нежели въ высшихъ классахъ и мертвый застой жизни съ высокими народными свойствами.

Есть кое-что изъ доброй Русской жизни, что прежде было, дѣйствительно, живо и сильно въ народѣ (напр. патріархальное отношеніе народа къ помѣщикамъ), и что теперь до того потеряло жизнь свою и ослабѣло, что нѣкоторые, правда близорукіе, признаютъ то утраченнымъ на вѣки. Для того, чтобы все православно-русское было живо въ народѣ и все ослабѣвшее укрѣпилось, нужно все прежде соблюдаемое народомъ, наиболѣе по доброму русскому чувству, оживить и утвердить прямо и отчетливо во Христѣ. И въ этомъ дѣлѣ можетъ много послужить Государю и Отечеству помѣщикъ, или вообще образованный начальникъ простаго народа. Только въ темъ случаѣ слѣдуетъ ему искренно взглянуть на свою обязанность глазомъ христіанскимъ. Слѣдуетъ ему убѣдить изъ слова Божія и себя самого во первыхъ, и потомъ своихъ крестьянъ, что онъ помѣщикъ или начальникъ надъ ними не потому, чтобы ему хотѣлось повелѣвать и быть начальникомъ, но потому, что взыщетъ съ него Богъ, если бы онъ промѣнялъ это званіе на другое; потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ; равно какъ и они также, родясь подъ властію, должны покаряться этой власти; потому что нѣтъ власти, которая не была бы отъ Бога. И за дѣло помѣщика пусть онъ примется не по какимъ нибудь затѣямъ, съ нововведеніями, а просто, по русски. Должно растолковать мужикамъ, отъ всей души, всю правду: что душа человѣка дороже всего на свѣтѣ, что съ него—помѣщика взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ, и что, по этому самому, онъ будетъ еще болѣе смотрѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно, не только ему, но и себѣ самимъ.... И все, что ни скажетъ, долженъ подкрѣпить тутъ же словами Св. Писанія, въ которое, слава Богу, всею душею вѣритъ нашъ народъ; показать имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставить каждаго предъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано. Словомъ: нужно, чтобы мужики видѣли ясно, что помѣщикъ во всемъ, что до нихъ клонится, сообразуется съ волею Божіею, а не съ своими измышленными затѣями. Равнымъ образомъ

мужика нечего забивать разными нравственными и хозяйственными и другими затѣями изъ пустыхъ книжонокъ, издаваемыхъ Европейскими человѣколюбцами. Деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно-нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки. По настоящему, народу и не слѣдуетъ знать, есть ли какія нибудь другія книги, кромѣ священныхъ, которыя онъ такъ любитъ.

Само собою разумѣется, что помѣщикъ не одними своими возгласами и не одинъ долженъ дѣйствовать. Онъ долженъ самъ дѣятельнымъ образомъ заняться всего болѣе судомъ и расправою надъ своими крестьянами. И здѣсь пусть онъ сначала совершаетъ судъ человѣческій, по которому оправдался бы правый, и осужденъ былъ бы виноватый. И правда праваго и вина виноватаго должны быть ясны, какъ день, для всѣхъ мужиковъ. Другой судъ помѣщикъ долженъ совершить Божескій, т. е. показать правому, не былъ ли самъ онъ такъ или иначе виною тому, что другой его обидѣлъ, а виноватому — не вдвойнѣ ли онъ виноватъ предъ Богомъ и людьми; перваго укорить, что онъ не простилъ брата, какъ повелѣлъ ему Христосъ, а другаго попрекнуть, за чѣмъ онъ обидѣлъ Самого Христа въ лицѣ своего брата. Вообще же во всѣхъ упрекахъ и выговорахъ, въ разборѣ тяжбы, ставить мужиковъ предъ лицемъ Бога, а не предъ своимъ лицемъ: *судъ Божій*. Виноватого не одного онъ долженъ упрекать, но пусть призоветъ и его бабу, его семью, соберетъ сосѣдей, попрекнетъ бабу, за чѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божіимъ; попрекнетъ сосѣдей, за чѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди нихъ же, зажилъ собакою и губитъ не-прочто свою душу, докажетъ имъ, что дадутъ всѣ за то отвѣтъ Богу. Нужно устроить такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность, и чтобы все, что ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться. Нужно собрать силу вліянія, а съ нею и отвѣтственность негодяевъ на головы примѣрныхъ хозяевъ и лучшихъ мужиковъ. Нужно и самому и чрезъ священника растолковать имъ ясно, что они не за тѣмъ, чтобы только самимъ хорошо жить, но чтобы и другихъ учить хорошему житью, что пьяница не можетъ учить пьяницу, что это ихъ доля. Негодяямъ же и пьяницамъ пусть строжайше повелитъ оказывать добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, прикащику, попу или самому помѣщику. Во всѣхъ такихъ случаяхъ нужно стараться пронять мужика не столько руками и палками, сколько словомъ мѣткимъ, нужно ругнуть негодяя при всемъ наро-

дѣ такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ: это будетъ въ нѣсколько разъ полезнѣе всякихъ подзатыльниковъ и зуботычекъ, отъ которыхъ мужикъ, привыкнувъ къ нимъ, только почешетъ въ затылкѣ. Хорошо держать у себя въ запасѣ всѣ синонимы «молодца» для того, кого нужно подстрекнуть, и всѣ синонимы «бабы» для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть баба и дрянь. Что касается хозяйства, не только слѣдуетъ придерживаться всего стараго, но всмотрѣться въ него насквозь, чтобы изъ него же извлечь для него улучшеніе. А главное пусть помѣщикъ, по возможности будетъ самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ крестьянскихъ, почаще является на крестьянскія работы и появляется такъ, чтобы все отъ его прихода глядѣло веселѣе и живѣе, изворачиваясь молодцемъ въ работѣ. Здѣсь-то, гдѣ и прилѣжный и лѣнтяй, видны сами собою, такъ кстати употреблять мѣткія слова. Начало и конецъ работъ пусть ознаменовываются праздникомъ, молебномъ, общимъ обѣдомъ помѣщика съ крестьянами, какъ патріарха съ домочадцами.

Только бы добрая воля у помѣщика поступать такъ, и постоянство особенно въ началѣ дѣла; очевидно, что простой человѣкъ, именно въ своемъ простомъ бытѣ, будетъ и достоинъ всего уваженія и счастливъ, все православно-русское оживетъ у него и для него; связи съ помѣщиками окрѣпнутъ и содѣлаются связями въ Самомъ Христѣ; съ добрымъ нравомъ, благосостояніе, особенно въ простомъ народѣ, неразрывно; самъ помѣщикъ, позаботясь болѣе всего о главномъ и существенномъ, объ истинной душевной пользѣ своихъ крестьянъ, увидитъ, что выгоды ихъ идутъ не врозь съ его выгодами, разбогатѣетъ, наконецъ, какъ Крезъ, и даже чужіе крестьяне будутъ приходить въ своихъ тяжбахъ къ его прекрасной расправѣ; и представивъ своихъ крестьянъ примѣромъ для окружающихъ, онъ сослужитъ Государю въ званіи помѣщика такую службу, какой не сослужитъ иной велико-чиновный человѣкъ. Между тѣмъ все было для него такъ просто, безъ новостей, безъ затѣй, все только по православному, русскому обычаю и духу!..

Вотъ ваша система мыслей о жизни, о мірѣ, о Россіи. Неупомянуты развѣ немногія ваши мысли, уже вытекающія прямо, или хорошо объясняемыя изъ сказаннаго. Таковы напр, мысли: безумна и мысль ввести какое нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь, не испросивъ у нея на то благословенія. Нелѣпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то нибыло Европейскія

идеи, пока не окрестить ихъ она свѣтомъ Христовымъ. И также понятенъ этотъ вашъ трепетъ, чтобы западное просвѣщеніе, съ своими разрушительными вопросами и противорѣчіями, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы не коснулось дѣвственной природы нашего простаго народа, который не съумѣлъ бы оборониться противъ его вліянія, и незамѣтно, безсознательно, уже набрался бы его духа, прежде чѣмъ сознаъ бы, чего онъ чрезъ это лишился. «Учить мужика грамотѣ, говорите вы, учить именно за тѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издають для народа Европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ.» Ктожъ любящій истинное благо народа съ этимъ не согласится? И однако эти самыя слова ваши, направленныя противъ народной грамотности, именно въ духѣ неправославно-западномъ, перетолковывали такъ, будто идете вы вообще противъ обученія народа грамотѣ. Нѣтъ! по всему, что сказано вами объ истинѣ Божіей и мудрости истинной, для меня, какъ день—ясно, что только бы наша общественная мысль, наша литература созрѣла до того, чтобы то простое житейское, въ кругу котораго обращается и трудится народъ, и выяснять, и утверждать, и усовершать, по началамъ и въ духѣ Христовой истины и благодати,—тогда бы вы явились первымъ и самымъ пламеннымъ ревнителемъ народнаго, столь возможно разносторонняго образованія. Но когда это будетъ, что Сынъ Человѣческій, какимъ содѣлался единосущный Сынъ Божій для насъ человѣковъ, для спасенія всего человѣческаго, для усвоенія Себя всему человѣческому, перестанетъ быть у насъ странникомъ, не имѣющимъ, гдѣ главы приклонити?...

Замѣчательна также ваша мысль о помощи бѣднымъ. Вы чудесно выставили на видъ готовность всякаго русскаго на общественныя и частныя пожертвованія для бѣдныхъ и несчастныхъ; но и тутъ настаиваете вы на предосторожность противъ двухъ крайностей, со стороны или невѣжества, или Европейскаго человѣколюбія. И именно, говорите вы, нужно, чтобы помощь произведена была истинно-христіанскимъ образомъ, чтобы несчастному вмѣстѣ съ пособіемъ ему истолковали, по возможности, святой и глубокій смыслъ несчастія, этого гласа небеснаго, вопіющаго человѣку о перемѣнѣ всей его жизни.

Наконецъ укажу вотъ эти ваши мысли: Церковь *въ насъ* должна святиться; безъ *жизни* мы опустили настоящій, столь великій моментъ въ нашей народной жизни; безъ самоисправленія и думать

нечего о должномъ направленіи другихъ; ибо любовь Христова, дающая и заботы и средства къ исправленію другихъ, должна быть для того утверждена въ насъ самихъ и насъ благоустроить; и нужно подумать всѣмъ намъ, какъ каждому на своемъ собственномъ мѣстѣ, на которомъ поставилъ его Богъ, сдѣлать добро. Даже театръ и актеры, доселѣ большею частію та́къ низвращенные въ своемъ значеніи, и они представляютъ въ себѣ: первый поприще, другіе служителей добра. Но обратимся къ вашимъ мыслямъ объ искуствѣ.

Поэтъ, живописецъ или вообще художникъ, эти творческія натуры, потому и таковы, что они уже такъ сотворены и родились, что несравненно глубже и живѣе другихъ могутъ слышать и возвѣщать всезиждущую и управляющую всѣмъ любовь, о которой уже имѣлъ я дерзновеніе говорить доселѣ вашими словами. Потому если поэтъ, внявъ такому, уже природному призванію своему отъ Бога, послѣдуетъ ему твердо и вѣрно, то пусть онъ будетъ въ отношеніи къ намъ иноземецъ, иновѣрецъ, даже язычникъ;—онъ скажетъ такое слово, которое будетъ слушать, какъ слово живое, и православный христіанскій народъ, которое вполнѣ уразумѣть и передать никто не возможетъ, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни. Потому же всѣ истинно художественныя произведенія, не исключая даже и дѣйствія актера-художника, понявшаго истинное значеніе своего дѣла и проникнутаго имъ, все будетъ не замѣтною, тѣмъ не менѣе дѣйствительною степенью, возводящею изъ пошлой и мертвой нашей жизни къ свѣтлой и животворной области христіанства. Словомъ: искуство или поэзія, одинъ и притомъ важнѣйшій изъ видовъ искуства, есть восторженное восклицаніе человѣка при видѣ чудныхъ и прекрасныхъ дѣлъ творческой и возсозидающей любви.

И истинно-художественное произведеніе создать даже и призванному художнику нельзя, если онъ не проникнется вполнѣ идеею своего предмета, сказать тоже другими словами (судя по преждесказанному): если онъ не коснется всею душею творческой любви, объемлющей взятый имъ предметъ, содержащей въ себѣ его условія, и совершающей въ немъ свою мысль, если хоть частію не возгорится небесною искрою этой самой любви, разумѣется, сколько то ему возможно въ его положеніи, съ его средствами, съ его отношеніями, къ сей любви. Потому и дѣло художника *творить*, живо воспроизводить словомъ, или кистію или чѣмъ инымъ дѣла Того,

Кто все создалъ и животворитъ своею любовію. Иначе и всякій художникъ произведетъ не художественное твореніе, но жалкую и смѣшную карикатуру на себя самого, напишетъ мертвую академическую картину, хотя бы предметъ ея былъ духовное обращеніе людей къ Самому Спасителю, къ Самой Любви воплотившейся, и о святѣйшемъ предметѣ скажетъ слово гнилое. Это такое условіе, безъ котораго художникъ не выполнитъ главнаго, составляющаго задачу всего произведенія,—это основаніе творчества!

Если художникъ, разумѣется съ должнымъ приготовленіемъ и образованіемъ своего дара, загорится и проникнется небесною искрою творческой силы, условливающей взятый имъ предметъ, т. е. если душею, хотя и безотчетно иногда, прикоснется къ Всезиждущей любви, и въ глубинѣ своей души приметъ не въ отвлеченіи, а въ самой жизни и силѣ, животворящую ея мысль объ извѣстномъ предметѣ: то въ предпринятомъ имъ художественномъ трудѣ, будетъ ли то картина явленія Спасителя въ міръ при Іорданѣ, или поэма, въ которой поэтъ былъ бы подвигнутъ изобразить милость неба къ его родному народу, со всѣми страждущими и почти мертвыми членами его организма, все въ такомъ великомъ предметѣ, отъ человѣка до бездушной вещи, вперитъ въ него глаза свои, дастъ ему почувствовать свои требованія и ожиданія отъ него. Все онъ изучитъ, усвоитъ, освѣтитъ своею творческою мыслію; и все въ его произведеніи, отъ выраженія дѣйствующихъ лицъ даже до наброски на нихъ одеждъ, до камешка послѣдняго, до древеснаго листка около нихъ, вся даже матеріальная часть будетъ исполнена въ совершенствѣ, проникнутая и оживленная высокой идеей предмета. И твореніе его будетъ прекрасное гармоническое цѣлое, величавое и простое, въ которомъ не будетъ ни малѣйшей соринки, даже наружнаго неблагоприличія; каждое слово и выраженіе будетъ поставлено въ надлежащемъ мѣстѣ; вся группа, во всѣхъ мелочахъ даже, умно и отчетливо расположится, все будетъ прекрасно и само по себѣ, и не даромъ, *не безъ цѣли* въ отношеніи къ цѣлому. Да, это будетъ живой, свѣтлый, хотя и безконечно малый и ничтожный, сравнительно, образъ созданій Того, Кто все въ своемъ твореніи объемлетъ своею творческою и промыслительною любовію; Кто ведетъ человѣка къ наслѣдію Своей любви всѣмъ Его окружающимъ, и все потому направляетъ къ Своей славѣ и нашей истинной пользѣ, также какъ со стороны самаго человѣка, все, что онъ ни поставилъ бы такъ или иначе, уже выражаетъ его пріемлемость или от-

чужденіе отъ небесной Любви... Видно такимъ образомъ, что и область искуства также, какъ весь Божій міръ, немножко въ разладѣ съ новѣйшей физіологіей, которая, чтобы постичь послѣднія начала живаго организма, разсѣкла, убила его, и въ своихъ изысканіяхъ дошла до этаго неоспоримаго результата, что въ разложенномъ и разрѣшенномъ организмѣ каждый атомъ самъ по себѣ и для себя, и по своему существу и законамъ показываетъ такія или другія слѣдствія и дѣйствія, а все кромѣ того вздоръ, теперь только обличаемый строгой наукой.... И живая, творческая мысль художника, объявшая предметъ, сознательно или еще безсознательно, въ живой его сущности, тоже видно немножко расходится съ новѣйшею мыслительностію, которая, напримѣръ, въ ученіи о, такъ называемыхъ, *конечныхъ причинахъ,* никакъ не понимаетъ того, какъ оправдывается это ученіе существомъ самаго дѣла, именно: какъ изъ сущности предмета вывести его конечную причину, и какъ объяснить въ семъ случаѣ переходъ отъ одного предмета къ другимъ, отдѣльнымъ отъ него, часто находящимся въ случайной съ ними связи? Для художника и христіанина—мыслителя это просто: одна и таже Творческая Любовь объемлетъ всѣ предметы и содержитъ въ себѣ условіе всего ихъ существа, ведя все одно чрезъ другое, или въ другомъ къ Себѣ; потому изъ сущности же самого предмета, или только изъ сущности его положенія, условливаемой мыслію Творца и Промыслителя, сама собою слѣдуетъ и конечная причина предмета, она лежитъ уже въ самомъ основаніи предмета или положенія его. И живая связь одного предмета съ другими тутъ, также или еще болѣе естественна, какъ, напримѣръ, естественна связь въ живомъ тѣлѣ одного атома съ другимъ. Извѣстный предметъ, равно какъ и другіе предметы, въ которыхъ онъ имѣетъ свою конечную причину, или въ себѣ для нихъ имѣетъ эту причину, держится, движется и существуетъ одною и тою же всеобъемлющею мыслію и волею вѣчной Божіей Любви. Простите меня, что, желая истолковать вашу же мысль о творчествѣ художника, прервалъ послѣдовательный ходъ мыслей.

Такъ, кажется, объяснилась отчасти ваша мысль и о должномъ выполненіи художникомъ идеи всякаго предмета, о самомъ процессѣ художественнаго произведенія, также какъ выше объяснилась ваша мысль объ основаніи творческой дѣятельности. И между тѣмъ это творчество и въ основаніи и процессѣ: остается все тайною, ощутимою въ своей силѣ только художникомъ: потому что все дѣ-

ло здѣсь — въ живомъ прикосновеніи души художника къ мысли Верховнаго Творца, въ проникновеніи художника искрою этой свѣтоносной мысли, зароненною уже въ самой природѣ художника. Да, «вся поэзія тайна,» какъ вы говорите, все искуство тайна..

Вникая такимъ образомъ въ самое существо искуства, вы услѣдили одно и тоже коренное основаніе двухъ главныхъ, повидимому, противуположныхъ, направленій — именно поэтическаго искуства-*Лиризма*, благоговѣющаго или восхищающагося предъ безконечною красотою безконечной Любви, какъ бы входящаго въ Ея благоволеніе къ добру и строгое отвращеніе отъ зла и безобразія, и *комизма*, предъ свѣтомъ зиждительной любви разоблачающаго всю жалкую и смѣшную пошлость и пустоту отступленія отъ этой Любви. О различныхъ родахъ искуства вообще и въ частности поэзіи, вы не имѣли случая говорить и, не знаю, что особенно-замѣчательнаго сказали. Но вами полно и многосторонне раскрыто значеніе искуства.

Если поэтъ или художникъ, вообще, есть такая натура, что онъ несравненно глубже и живѣе другихъ можетъ отчасти ощутить и выражать Всезиждущую Волю, все осѣняющую и движущую Любовь Творца и Вседержителя: то понятное дѣло, что поэтъ или художникъ вообще, свято исполняющій свое призваніе, есть вмѣстѣ и глубокій, понимаемый или вовсе лишенный вниманія, провозвѣстникъ дѣйствительности, устрояемой и управляемой сею Любовію, а искуство, Поэзія—полная и вѣрная картина нашего быта въ его глубочайшемъ значеніи, и художникъ есть также дѣятельный служитель воспитанія и образованія людей, могущихъ понимать и сочувствовать ему, а искуство истинное должно имѣть, прямое или не замѣтное, благотворнѣйшее вліяніе на духъ людей. Въ истинномъ художникѣ живо отразится пріемлемость къ небесной милости какъ вообще человѣчества, такъ въ особенности того народа и времени, въ которомъ онъ живетъ и мыслитъ и говоритъ. Глубоко падетъ въ душу истиннаго художника и отчужденіе современной эпохи и роднаго народа отъ Божественной Любви, и проникнетъ душу его ангельская скорбь о человѣкѣ, соединенная, судя по натурѣ художника, или съ негодованіемъ на вѣтреное племя, или съ презрѣніемъ ко всей пустотѣ и гадости, обуявшей человѣка, или съ свѣтлымъ, благостнымъ смѣхомъ на все, губящее его, потому только, что человѣкъ хорошо не видитъ и не чувствуетъ всей смѣшной, ничтожной пошлости своихъ идоловъ. И такимъ образомъ истинное иску-

ство, достойная своего имени, поэзія, самыя огрубѣлыя души можетъ смягчать, пролагать въ нихъ путь духовному назиданію и благоустроенію ихъ, и даже, при помощи Бога, Который даетъ силу слову безсильному, можетъ вносить въ эти души святыню того, чего никакія силы и орудія не могли бы утвердить въ иномъ человѣкѣ. Такое значеніе искуства вытекаетъ изъ самаго существа его.

Будучи чистѣйшею, высшею другихъ *личностію* отъ самаго рожденія своего, будучи совершеннѣйшимъ другихъ порожденіемъ *человѣчества, своего времени, своего народа* (*), — великій поэтъ, истинный художникъ, живо въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ вѣренъ своему призванію, и сообразно тому, какой его талантъ и личный характеръ, слышитъ, какая воля Божія совершается надъ человѣчествомъ, надъ современностію, надъ роднымъ его народомъ, къ чему направляетъ и ведетъ этотъ народъ, эту современность, вообще человѣка Милость небесная; или по какимъ стремнинамъ стремглавъ бѣжитъ человѣчество отъ нея. Потому онъ можетъ даже много предслышать и будущаго о человѣчествѣ, о своемъ народѣ, можетъ прозрѣвать и въ зернѣ, едва замѣтномъ для другихъ, будущій великолѣпный плодъ: въ такой мѣрѣ естественно развиться въ избранной натурѣ тому естественному дару, который еще иногда чуетъ и испытываетъ въ себѣ душа, созданная Творческимъ вдохновеніемъ вѣчнаго Божества и особенно еще не забывшая Его, — дару, который мы называемъ *предчувствіемъ* (**). Эту мысль вывожу я изъ тѣхъ мѣстъ вашей книги, гдѣ вы говорите подобное напр., сему: «новое зданіе покамѣстъ не для всѣхъ видимо зиждется, и которое можетъ слышать все слышащимъ ухомъ поэзіи поэтъ... Теперь начинаютъ слышать по немногу и другіе люди, но выражаются такъ неясно, что слова ихъ похожи на безуміе» и проч. Повторю еще разъ, избранный, вѣрный своему призванію, художникъ живо и многосторонне отразитъ въ своихъ созданіяхъ небесную Любовь, осѣняющую человѣчество, время и народъ, въ которомъ онъ живетъ, и, открытую предъ свѣтомъ или отраженіемъ Ея, дѣйствительность, до внутреннихъ ея глубинъ. Между тѣмъ въ тоже время выразитъ въ сво-

(*) Очевидно, что такое превосходство дарованія не составляетъ въ поэтѣ или художникѣ, еще ни малѣйшей заслуги, а только подвергаетъ его большей отвѣтственности предъ раздаятелемъ дарованій.

(**) «Поэту дано, говорилъ Гоголь въ устной бесѣдѣ, живѣе другихъ *чувствовать*. Не мудрено, что поэтическое чувство упреждаетъ во многомъ отчетливую мысль и опытъ.

*

ихъ твореніяхъ всѣ и высокія и уничижительныя черты своей личности и свободнаго характера даже до недовольства малѣйшимъ тѣлеснымъ недостаткомъ, хотя не всякому и не всегда замѣтно это. На все, даже изъ прошедшихъ временъ, даже на иноземное и совершенно чуждое духу его и его народа, или прямо на общечеловѣческое, поэтъ откликнется именно, какъ извѣстная личность, принадлежащая извѣстному народу и времени.

Потому исторія искуства и поэзіи, съ одной стороны, представляетъ вѣчныя и всеобщія идеи творческой любви, выраженныя художниками, (только бы умѣть это выслѣдить), съ другой, имѣя дѣло съ разными личностями художниковъ, идетъ въ связи съ исторіею человѣчества и народовъ, открываетъ самыя внутреннія движенія человѣческой и народной жизни въ разныя времена, даетъ примѣтить важнѣйшія и рѣшительнѣйшія ея моменты.

Такимъ образомъ, по вашей мысли, даже язычникъ Гомеръ въ своемъ неутомимомъ Одиссеи, во первыхъ, оставляетъ примѣръ на общечеловѣческомъ поприщѣ. (*) Вы говорите, что читая Одиссею, прежде всего поразишься и проникнешься этимъ *общимъ*, живымъ духомъ ея содержанія: что человѣку вездѣ, на всякомъ поприщѣ предстоитъ много бѣдъ, что нужно съ ними бороться, для того и жизнь дана человѣку, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать, какъ не унывалъ и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался къ своему сердцу, неподозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву Богу, которую въ минуты бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого вѣрнаго понятія о Богѣ. И, продолжаете вы, какъ искусно сокрытъ весь трудъ многолѣтнихъ обдумыванiй подъ простотою самаго простодушнѣйшаго повѣствованія! Кажется, какъ-бы собравъ весь людъ въ одну семью и усѣвшись среди нихъ самъ, какъ дѣдъ среди внуковъ, готовый даже съ ними ребячиться, ведетъ онъ добродушный разсказъ свой и только заботится о томъ, чтобы не утомить кого, не запугать длинотою поученія, но разсѣять и разнести его невидимо по всему тво-

(*) Опять прерву я рѣчь съ вами, высокій для меня поэтъ и мыслитель, и забѣгу напередъ въ ту еще часть моего длиннаго посланія къ вамъ, которая не вдругъ еще даже и начнется. Вы сказали глубокую истину, — такую, которую за пятнадцать вѣковъ изрекъ великій Отецъ Церкви, величайшій мыслитель и поэтъ Св. Григорій Богословъ. Онъ сказалъ объ Одиссеи что она вся похвала добродѣтели.

ренію, чтобы играя набрались всѣ того, что дано не на игрушку человѣку, и незамѣтно надышались бы тѣмъ, что зналъ онъ и видѣлъ лучшаго на своемъ вѣку и въ своемъ вѣкѣ. Послѣ этаго, еще и не читая Одиссеи, а соображая всѣ ваши, доселѣ разбираемыя мною основанія, понимаю, какъ и не дерзка, и вѣрна, и естественна эта замѣтка, сказанная мимоходомъ: «какъ глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ миѳъ, а всѣ творенія его народныя пѣсни и рапсодіи»!

Во вторыхъ, по вашему, отъ Одиссеи такъ и дышетъ временемъ минувшимъ; древній человѣкъ, во всемъ своемъ патріархальномъ величіи и простотѣ, и именно человѣкъ древней Эллады какъ живой, такъ и стоитъ предъ глазами, какъ будто ты еще вчера его видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Такъ его и видишь во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣ часы дня: какъ приготовляется онъ благоговѣйно къ жертвоприношенію, какъ бесѣдуетъ чинно съ гостемъ за пировою критерой, какъ одѣвается, выходитъ на площадь, какъ слушаетъ старца, какъ поучаетъ юношу; его домъ, его колесница, его спальня малѣйшая мебель въ домѣ отъ подвижныхъ столовъ до ременной закладки у дверей—все передъ глазами. Но всего не перескажешь, что вы говорите объ Одессеи. Книга можетъ быть въ рукахъ у всякаго. Желающій и самъ многое примѣтитъ, примѣтитъ и болѣе, чѣмъ сколько я хотѣлъ бы замѣтить. Я же съ перваго раза и небрался быть полнымъ истолкователемъ вашимъ. Особенно полно и хорошо (и вполнѣ, разумѣется, сообразно съ вашими понятіями объ искуствѣ) указанъ у васъ характеръ и услѣжена исторія нашихъ художниковъ поэтовъ. Наши поэты, по самому существу и характеру Православно-Русскаго духа, по значенію нашего народа въ Европѣ и человѣчествѣ, «всезрящими очами поэзіи, достойной этаго имени, видятъ всякій предметъ» (и особенно такой, въ которомъ яснѣе и полнѣе напечатлѣніе небесное) «въ законномъ соприкосновеніи съ Богомъ». Одни видятъ это сознательно, другіе безсознательно, потому что Русская душа, въ слѣдствіе своей Русской природы, уже слышитъ это какъ-то сама собою. Даже такой поэтъ у насъ, который поэтической душей своей откликнулся не только на всякую высокую черту внутренняго нашего человѣка, но и на малѣйшій вздохъ его слабости, и ничтожную примѣту, его смутившую, на все великое и ничтожное и во внѣшней видимой природѣ, и этотъ поэтъ изо всего умѣлъ исторгать, съ особенною свѣтлостію и силою, электрическую искру того поэтическаго огня, который при-

сутствуетъ во всякомъ твореніи Божіемъ. И въ мелкихъ, повидимому, столь мгновенныхъ созданіяхъ этаго поэта, одаренные поэтическимъ чутьемъ слышатъ живой голосъ поэта, обо всемъ: «смотрите какъ прекрасно твореніе Божіе!» Впрочемъ такое слово услышать и отличать, особенную предъ иноземными поэтами, выразительность и живость этаго слова у нашего поэта, может быть, только имѣющіе особенно чуткое поэтическое ухо. Но есть предметы, о которыхъ чуть ни заговоритъ этотъ или другой нашъ поэтъ, въ рѣчи его раздаются также величественные звуки, въ которыхъ уже и не поэты могутъ слышать нѣкоторые, какъ бы библейскіе, отголоски. Эти предметы: во первыхъ Россія, болѣе другихъ народовъ видѣвшая и сильнѣе ихъ слышащая Божію руку на всемъ, что ни сбывается въ ней, чающая и чующая приближеніе иного царствія, т. е. такого порядка вещей, въ которомъ православіе раскроется для міра во всемъ свѣтѣ своего *вселенскаго* царственнаго значенія, какъ самый свѣтъ и жизнь для всего человѣческаго, даже и дольне мірскаго. При одномъ имени: Россія, какъ то вдругъ просвѣтляется взглядъ у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозоръ, все становится у него шире, и онъ самъ какъ бы облекается величіемъ, становясь выше обыкновеннаго человѣка. Заговоритъ, напр., Державинъ о Россіи, и, со стороны внимая, слышишь въ себѣ неестественную силу и какъ бы самъ дышешь величіемъ Россіи. Эта богатырски трезвая сила, которая временами даже соединяется съ какимъ то невольнымъ пророчествомъ о Россіи, раждается отъ невольнаго прикосновенія мысли къ Верховному Промыслу, который такъ явно слышенъ особенно поэту въ судьбѣ нашего отечества. Другой такой же предметъ, гдѣ также слышится у нашихъ поэтовъ этотъ необыкновенно высокій лиризмъ, есть *Царь*—этотъ наблюдающій общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія въ великомъ Государствѣ, — эта власть, которую вымолило у небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило ее крикомъ не о правосудіи небесномъ, предъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, и для выраженія и исполненія котораго уже достаточно карающей буквы закона, но крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла простить намъ и забвеніе долга нашего и самый ропотъ нашъ, все, что ни прощаетъ на землѣ человѣкъ, — эта милость, умягчающая законъ, этотъ образъ Того на землѣ, Который самъ есть Любовь. И у насъ, по самой природѣ Русской, признаютъ и слышатъ всѣ такое значеніе сей Власти. И цари принесли къ намъ

тотъ свѣтъ небесный, котораго уже сама собою призывала приготовленная земля сердецъ нашихъ. Цари были виновниками того великаго переворота, совершившагося къ нашему истинному просвѣщенію роднымъ намъ, но глубоко-было затаившимся, свѣтомъ; Цари и доселѣ предводительствуютъ на этомъ великомъ поприщѣ, дорожа болѣе всего нашимъ православно-Русскимъ сокровищемъ, залогомъ нашего спасенія, являя не разъ все небесное величіе своего званія.

Такое высшее значеніе монархіи прозрѣли у насъ поэты, съ трепетомъ услышали они волю Бога создать ее въ Россіи въ ея законномъ видѣ; отъ того и звуки ихъ становятся библейскими всякій разъ, какъ только излетаетъ изъ устъ ихъ слово! Царь. Таковъ характеръ нашей поэзіи. Обратимся къ ея исторіи.

Уже и въ то время, когда мы принявъ въ нѣдра своего духа Христа и почуявъ, что намъ больше ничего и ненужно, понемногу стали большинствомъ своимъ склоняться къ духовной дремотѣ, уже въ это время у насъ, говорите вы, въ груди нашего народа былъ самородный ключь поэзіи, тогда какъ и самое имя поэзіи еще не было ни начьихъ устахъ. Таковъ этотъ необыкновенный лиризмъ, который изходитъ отъ нашихъ церковныхъ пѣсней и кановонъ, и покуда безотчетно возноситъ духъ поэта. Струи самороднаго ключа поэзіи тѣхъ временъ пробиваются, за тѣмъ, въ словѣ Церковныхъ пастырей—простомъ, но столь замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святаго безстрастія, на которую опредѣлено взойти Христіанину. Струи его же пробиваются въ пословицахъ нашихъ, которыя представляютъ въ себѣ столь животрепещущее слово, проникающее насквозь природу Русскаго человѣка, — слово, которое можетъ породиться только отъ ума проникающаго въ живую сущность предмета. Струи его пробиваются даже и въ пѣсняхъ нашихъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни, но, (какъ вы своеобразно выражаетесь), необъяснимый разгулъ, несущійся мимо жизни и самой пѣсни, какъ бы сгарая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня рожденія своего человѣкъ. Все это пророчило для нашей поэзіи какое то, другимъ народамъ невѣдомое, свободное и самобытное развитіе. Но не изъ сихъ трехъ источниковъ, уже въ насъ пребывающихъ, ведетъ начало наша сладкозвучная поэзія, нынѣ насъ услаждающая. Такъ говорите вы. И выше въ вашихъ же мысляхъ указана причина, почему это такъ суждено намъ. Со времени переворота, произведеннаго исполиномъ царемъ—Петромъ, на-

чинается собственно поэзія наша. Тутъ восторгъ нашей, заснувшей было и вдругъ возбужденной, массы, отразился въ науко-любивомъ юношѣ, этимъ случаемъ и попавшимъ въ поэты, такъ что всякое прикосновеніе къ Россіи исполняетъ и его силы чудотворной, и среди холодныхъ строфъ вдругъ польются у него такія строфы, что не знаешь самъ, гдѣ ты находишься (Ломоносовъ). Потомъ непосредственно слѣдующаго за этимъ уже дѣйствительнаго, великаго Поэта вдохновляетъ тоже самодержавное, государственное величіе Россіи, но уже не отвлеченныя науки, но живая наука жизни его занимаетъ. Въ его созданіяхъ уже начартался въ какомъ-то библейско-исполинскомъ величіи образъ непреклоннаго, твердаго мужа, воспитаннаго на непотрясаемомъ камнѣ Церкви. Однако и этотъ великій поэтъ представляетъ въ себѣ величественную, но дикую и недолго-останавливающую на себѣ скалу (Державинъ). Потомъ отъ распахнувшейся-было слишкомъ жизни, все у насъ застегнулось и стало пріобрѣтать наружное благоприличіе и стройность поступковъ; ловкіе Французскіе поэты было—на время завладѣли нашими поэтами, хотя и тутъ наши поэты избирали образцы болѣе близкіе къ природѣ, какъ и въ бальной пустотѣ въ которой, очутилась было наша поэзія, слышался же у нѣкоторыхъ русскій ароматъ истинно задушевнаго чувства. Изъ этой наружной мишурности и пустоты, поэзія наша обратилась во внутренній міръ и выразила стремленіе къ незримому и таинственному, опять по вліянію, но уже не Французовъ, а Нѣмцевъ, и въ тоже время съ другой стороны поэзія наша, какъ бы изъ боязни испариться во внутреннихъ видѣніяхъ, стала прикрѣпляться къ землѣ, выказывая всю прелесть осязаемой существенности. И потомъ появился у насъ какъ плодъ всего этого развитія, сосредоточившій въ себѣ всѣ прежніе элементы, сначала еще нечуждый вліянія другихъ, особенно Англійской поэзіи, а потомъ самобытный поэтъ въ собственномъ и самомъ прямомъ смыслѣ слова, откликнувшійся на все Божіе созданіе (Пушкинъ). И между тѣмъ въ то же время, какъ эти собирали и выставляли на видъ разныя черты Русской природы, другіе обличали и сокрушали безъ милосердія оказавшійся въ ней дикій безчувственный застой, и русскій живой умъ подводилъ итоги и собиралъ результаты всей этой жизни (въ басняхъ Крылова).

Доселѣ какъ-то шло смѣшенно и старое съ остатками грубости, и новое съ свѣтомъ блестящимъ, но холоднымъ и одностороннимъ; а почастямъ, тамъ и тутъ, являлся и истинный, животворный свѣтъ, у

насъ самихъ таящійся. Въ однихъ (какъ въ Лермонтовѣ) уже выразились и страшно ихъ мучили эти противорѣчія, порожденныя Европейскимъ просвѣщеніемъ, уже усвоиваемымъ у насъ въ своей полнотѣ и крѣпости; въ другихъ (какъ Языковъ) оказывалась и при сильномъ дарованіи какая то безсознательность настоящаго предмета поэзіи и пустые выстрѣлы на воздухъ; но и въ сихъ отчасти и особенно, въ заключившемъ собою прежнее развитіе, великомъ поэтѣ уже готова была раздаться и огласить всѣхъ величественными звуками чистая, прямая, Православно-русская, все объемлющая своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ, поэзія. Поэтъ, дотолѣ не сознавшій предмета своего призванія, уже воспѣлъ было такую пѣснь, которой лучше еще и не слыхали на Руси, какъ отозвался тоже поэтъ (рѣчь здѣсь о «землетрясеніи» Языкова). Уже готово выйти въ свѣтъ величайшее поэтическое твореніе древности, имѣющее провозвѣстить намъ слово живое (*). Уже художники Русскіе, преданные всей душей своему призванію, чующіе Свѣтъ всезиждительной Любви, всѣми силами стремятся проникнуться во глубинѣ духа чистыми его лучами; уже эта чистая небесная искра и загорѣлась въ нихъ, такъ что и мысль ихъ ни къ чему другому и несклоняется нимало, хотя противъ нихъ сыплются укоры и клеветы, хоть грозитъ голодная смерть.... Такимъ образомъ исторія поэзіи и искуства, по вашему взгляду, съ особенною ясностію показываетъ что и самая свѣтская поэзія или вообще искуство, оставаясь въ своей сферѣ, по своему служитъ Христу, ощущая и отображая свѣтъ Его же, свѣтящійся и въ простомъ человѣческомъ, земномъ, и никакою здѣсь тьмою необемлемый; только прежде было это не такъ и не у всѣхъ сознательно, но видѣнъ постепенный ходъ дѣла къ благодатному (слѣд. сыновне-свободному и отчетливому) сознанію.

Мысли ваши о дѣлѣ поэтовъ и художниковъ въ наше время, требованія и замѣчанія, какія вы дѣлаете имъ, все это уже подразумѣвается само собою, слѣдуя изъ предъидущаго, какъ напримѣръ вотъ это; «теперь уже ничѣмъ не возмешь ни своеобразіемъ ума своего, ни картинною личностію характера, ни гордостію движеній своихъ; Христіанскимъ высшимъ воспитаніемъ долженъ воспитаться теперь поэтъ. Другія дѣла наступаютъ для поэзіи. Какъ во времена младенчества народовъ служила она къ тому, чтобы вызывать на битву народъ, возбуждая въ нихъ браннолюбивый духъ: такъ придется ей

(*) Рѣчь объ «Одиссеи» Жуковскаго, которая потомъ уже и вышла въ печать.

теперь вызывать на другую высшую битву человѣка, на битву не за временную, (а за духовно благодатную), свободу, которую Самъ Небесный Творецъ считаетъ перломъ своихъ созданій. Много предстоитъ теперь для поэзіи возвращать въ общество то, что есть истинно прекраснаго, и что изгнано изъ него нынѣшнею, безсмысленною жизнію.» Таковы же ваши мысли о чтеніи поэтовъ въ наше время, особенно о театрѣ, противъ котораго возставать, вмѣсто содѣйствія направленію его быть одной изъ ступеней къ одной для всѣхъ Истинѣ-Христу, значитъ, по вашему мнѣнію, впадать уже въ односторонность. Таково и ваше требованіе отъ истиннаго поэта нашего времени, чтобы библію, которая предначертываетъ первообразъ на все и для всѣхъ, духомъ которой всѣ должны питаться, особенно поэтъ нашего времени взялъ для себя въ высшее руководство и набирался бы изъ него того настроенія духовнаго, которое, напримѣръ открывается въ Пророкахъ, чтобы поэтъ къ должному усовершенію своего естественнаго дара, къ тому, дабы умѣть сказать живое и столько нужное слово нашему времени, благоговѣйно внималъ тѣмъ, въ которыхъ Божественные глаголы изрекались Духомъ святымъ. И эта идея, одна изъ самыхъ основныхъ въ нашемъ православно русскомъ духѣ, идея о строгомъ отличіи Божественнаго отъ естественнаго, хотя и возводимаго изъ своей темноты и смертности къ свѣту и жизни Христовой благодати, проносится и во всей вашей книгѣ; но въ одномъ мѣстѣ мимоходомъ она такъ рѣзко и рѣшительно обозначена, что нѣтъ и не можетъ быть мѣста уже никакимъ перетолкамъ объ васъ. Вотъ они, столько мнѣ понравившіяся, ваши слова: «и меня же упрекаютъ въ плохомъ знаніи Россіи! Какъ будто непремѣнно силою Св. Духа долженъ узнать я все, что ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея,—безъ наученія научиться.» Да сберегаетъ васъ Богъ.

Сказать коротко то, что я и говорилъ доселѣ и чего не досказалъ, ваши мысли объ искуствѣ и поэзіи таковы: вы возводите искуство къ закону Христову, и симъ закономъ уясняете тайну искуства и повѣряете его успѣхи. Въ этомъ законѣ вы нашли послѣднія основанія и правила для искуства и поэзіи, также какъ въ немъ же неизмѣнномъ и единомъ—основанія и настрой и для всякаго рода дѣятельности, истинная дорога и настрой во всемъ. Потому все, что прежде было у меня сказано прямо и единственно о законѣ Христовомъ, взятомъ самомъ по себѣ (сколько вы уяснили его себѣ), — все это имѣетъ значеніе и силу и въ искуствѣ, соотвѣтственно существу этаго частнаго рода дѣятельности, въ томъ же

высочайшемъ законѣ, находящемъ свое основаніе и условія. Такимъ то образомъ у васъ въ самой сущности своей объясненъ и лиризмъ и комизмъ въ поэзіи. Такимъ то образомъ и языкъ, этотъ мертвый капиталъ для поэзіи, у васъ уже является самъ поэтомъ; самые звуки поэзіи, суть трезвонные колокола—благовѣстники; самое изученіе климата, всѣхъ принадлежностей страны, изъ которой беретъ художникъ предметъ для своей картины, изученіе цвѣтовъ, красокъ,—эта по видимому чисто механическая часть художества, не говоря уже о самомъ цѣлостномъ построеніи художественнаго произведенія, все получаетъ значеніе и смыслъ. Это въ приложеніи къ искуству есть общая ваша мысль о значеніи православія или чистой Христовой истины, какъ начала для всего человѣческаго даже, такъ сказать, чернорабочаго.

Перейдемъ къ вашимъ объясненіямъ лично о себѣ самомъ. Съ моей стороны не будетъ неприлично коснуться предъ вами самими отчасти и того, что касается прямо вашей личности (*) когда вы, нѣкогда не имѣвшіе силы ранѣе всѣхъ услышавшему въ васъ коечто великому поэту открыть себя вполнѣ, теперь захотѣли и были въ состояніи заговорить прямо и открыто со столько безцѣннымъ вамъ, Русскимъ человѣкомъ. Вы простите меня, что въ иной разъ я не могу же не увлекаться вами. Чтожъ? Уже довольно, кажется, поучили васъ столь высоко и вмѣстѣ искренно цѣнимые вами, благоразумнѣйшій Христіанинъ, ваши невольные благодѣтели и доброжелатели при всемъ своемъ озлобленіи на васъ. Теперь иному Русскому человѣку уже можно сказать вамъ прямо и безъ обиняковъ, какъ и онъ съ *своей стороны* понимаетъ и слушаетъ васъ. Притомъ, поэтъ, вы уже знаете, что мнѣ предстоитъ еще не малая *третья часть* моей заранѣе расчитанной бесѣды съ вами. Тамъ, можетъ быть, найдете вы, что, подъ часъ и увлекаемый вами, Русскій человѣкъ можетъ же однако сказать вамъ истину или, выражаясь по вашему, кое въ чемъ поучить васъ. Вѣдь это великая истина, что всесторонняго человѣка нѣтъ и быть не можетъ, кромѣ Сына человѣческаго, какимъ сталъ для насъ Единосущный Божій Сынъ, что мы выражаемъ въ себѣ любовь Творческую съ той или другой стороны, и уже она, приводя насъ во внутреннюю связь со всѣмъ и всѣми, чрезъ это пополняетъ нашу неизбѣжную и естественную

(*) Впрочемъ ничего изъ этаго отдѣленія не было читано Гоголю, хотя и были разговоры съ нимъ о его личныхъ обстоятельствахъ.

ограниченность. Это великая правда, что всякій человѣкъ, съ того мѣста или ступеньки въ обществѣ, на которую поставили его должность званіе и образованіе, вообще обстоятельства, или точнѣе Самъ Богъ, всѣмъ этимъ располагающій, имѣетъ случай видѣть тотъ же предметъ съ такой стороны, съ которой, кромѣ его, другой никто не можетъ видѣть. Говорю все это къ тому, чтобы, не смущаясь, слушали вы мою скромную рѣчь объ васъ же, о вашихъ тайнахъ, и прямо глазъ на глазъ какъ бы обращенную къ вамъ, мой прекраснѣйшій братъ.

Вы родились поэтомъ и вы съ дѣтства же услышали это. Не земную искру, положенную въ вашу природу Небеснымъ Отцемъ, вы всегда носили, какъ лучшее свое сокровище, какъ знакъ небесной къ вамъ милости Бога. Она была источникомъ слезъ, никому незримыхъ, еще отъ временъ дѣтства вашего. И вы родились *Русскимъ Поэтомъ*, поэтомъ принадлежащимъ нашему времени. Звуки вашей поэзіи, говорите вы, взяты изъ сокровенныхъ силъ нашей Русской породы, намъ общей, вы близкій родственникъ намъ всѣмъ, по которой, уже отчасти сіяющей свѣтомъ Христовымъ, я и не смутился назвать васъ своимъ братомъ. Да, вы были православно-Русскимъ, и Богъ поселилъ въ вашу душу, говорите вы, много добрыхъ русскихъ свойствъ, но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣете какъ и возблагодарить Его, было желаніе *быть лучшимъ*. Вы не любили никогда своихъ дурныхъ качествъ, съ которыми родится теперь вообще всякой человѣкъ, и которыхъ въ васъ, говорите, заключалось такое множество, хотя каждаго изъ этихъ свойствъ по немногу. Не брали или старались не брать сторонъ этихъ гадостей даже и въ то время, какъ не имѣли еще твердосознательнаго понятія о всей неизмѣримости безконечнаго милосердія той Любви, которая дала вамъ такую натуру, и которая, еще съ дѣтства вашего, своими благодатными способами положила въ васъ свое безцѣнное, всеосвящающее сокровище благодати. Итакъ можно сказать вообще о первой порѣ вашей жизни: Православно-Русское живое начало уже дѣйствовало въ васъ, и именно какъ въ поэтѣ, и вы это слышали и хорошо помните, хотя тогда не умѣли еще дать себѣ, да и спросить у себя въ томъ отчета.

Самому Богу благоугодно было воспитать и испытаніями и горемъ вашу поэтическую православно-Русскую душу, такъ какъ Онъ же изъ сѣмени,—дѣла Его рукъ, возращаетъ стебель, вѣтви, листы, цвѣтъ, плодъ. Дерево растетъ изъ положенныхъ въ его сѣмени началъ, но оно могло бы засохнуть и погибнуть еще въ сѣ-

мени, могло быть подавлено и растоптано ногою, когда еще только пробивалось изъ земли въ видѣ травы, могло быть подточено червемъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, срублено при самомъ разцвѣтаніи еще прежде всякаго плода: но Богъ хранитъ его, посылаетъ дождь ранній и поздній, посылаетъ и свѣжительную бурю на слабое растеніе, и дерево по немножку растетъ, крѣпнетъ въ материнскомъ лонѣ Творческой любви. Такъ бываетъ и со всякимъ человѣкомъ, не только въ физическомъ и тѣлесномъ отношеніи, но и въ нравственно свободномъ и духовномъ; такъ живетъ и все человѣчество. Тоже вы видите и слышите и надъ собою, надъ своимъ развитіемъ и воспитаніемъ, Русскій Христіанскій поэтъ! Милость небесная, по немногу, постепенно, давала вамъ чувствовать и сознавать ваше поприще и назначеніе, и неуклоняться отъ него (*). Въ ту пору, или въ тотъ возрастъ степенной жизни, когда Христіанинъ серьезнѣе занимается собою и строже, сознательнѣе начинаетъ смотрѣть на жизнь и міръ, когда Русскій просвѣщенный человѣкъ съ заботливостію осматриваетъ положеніе и значеніе въ Божьемъ мірѣ своего народа, когда всякій, на всякомъ поприщѣ естественно какъ то думаетъ, что ему должно дѣлать и чего не дѣлать, какими правилами водиться, словомъ-въ ту пору, какъ довольно рѣшительно устанавливается характеръ человѣка во всякомъ отношеніи, и человѣкъ становится мужемъ, — васъ, православно Русскій поэтъ, все таже безконечная любовь-милость Христова привела уже къ мысли, что для самаго дѣла поэзіи, нужно позаботиться о внутреннемъ Христіанскомъ очищеніи и усовершеніи всѣхъ духовныхъ силъ, что основанія и законы и послѣднія цѣли поэзіи находятся во Христѣ и опредѣлены въ Его законѣ. Начавшая такимъ образомъ озарять васъ своимъ небеснымъ лучемъ, небесная Любовь, въ тоже время, исполняла васъ живою Христіанскою любовію къ человѣку и особенно Русскому человѣку; вамъ прояснялось, что болѣе всего нужно и до-

(*) Говоря однажды объ училищномъ воспитаніи, Гоголь вспомнилъ свою училищную жизнь, въ которой особенно-благодѣтельнымъ для самаго, духовнаго, своего развитія находилъ садовыя и огородныя свои занятія воздѣлываньемъ земли, разсаживаніемъ и проч. под. Всему этому, говорилъ онъ, много обязанъ я тѣмъ, что еще свѣжаго сохранилось въ душѣ моей. Таково было первоначальное, еще безсознательное, пробужденіе и воспитаніе въ Гоголѣ направленія—слѣдить Божію истину и благодать въ самой области земнаго, куда и приходилъ Христосъ. Изъ извѣстнаго разсказа Гоголя, какъ онъ въ дѣтствѣ любилъ рисовать сухія деревья, видно темное пробужденіе въ немъ живаго сочувствія къ Творческой любви къ созданіямъ погибшимъ....

рого для человѣка, безъ чего все въ немъ будетъ одна гниль и обратится во зло; начинало вами, какъ поэтомъ, слышаться то великое поприще, которое никому изъ другихъ народовъ не возможно, и только одному Русскому возможно, и вы, какъ поэтъ, всею душею входили во внутреннія наши живыя сокровища, поражаясь въ тоже время и великими останками прежняго страшнаго застоя и новыми, отвнѣ наплывшими, смертоносными стихіями; примѣтили вы эту таинственную борьбу столкнувшихся, столь враждебныхъ, началъ, и почуяли, сознали, наконецъ, тайну сего столкновенія и борьбы между нашею стариною и новизною. Ваше поприще предъ вами открылось и опредѣлилось, и вы твердо, съ самоотверженіемъ пошли по нему, долго, долго въ одиночествѣ, ни кѣмъ не понимаемый, многими озлобляемый, и потому тѣмъ болѣе подвизались прояснить и упростить для себя свое дѣло. На этомъ поприщѣ въ совокупности, не рядомъ, но одно въ другомъ, пошли у васъ впередъ и внутреннее Христіанское (оно же и общечеловѣческое) очищеніе и совершеніе, и служба Царю и Отечеству, и поэзія.... Такъ, какимъ-то душевнымъ обстоятельствомъ наведены вы были на то, чтобы въ предпринятомъ и начатомъ вами великомъ твореніи («Мертвыя Души») надѣлять вашими же гадостями дѣйствующихъ лицъ въ этой Поэмѣ. И въ тоже время и чрезъ это же самое вы пытались попотчивать, столь безцѣннаго, для васъ Русскаго человѣка, его же собственными пошлостями и гадостями. И въ тоже время и такимъ же именно образомъ вы творили, пѣли душею эту великую Поэму, въ которой все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, вся страшно потрясающая тина мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, — выставлены выпукло и ярко на всенародныя очи, въ которой потому слышна мнѣ милость Отца Небеснаго, поспѣшающая постигнуть человѣка, увлеченнаго отъ нея пошлыми и мертвящими призраками. Васъ при усиліи отдѣлаться отъ собственныхъ гадостей чрезъ навязываніе ихъ вашимъ страннымъ героямъ, одушевляла въ одно и тоже время и жажда добра, ищущая его и сгарающая имъ, и любовь къ русскому человѣку, данная вамъ Богомъ, стремящаяся открыть ему очи и обратить ихъ на его же сокровище, находящееся въ такомъ рѣшительномъ, критическомъ положеніи среди этой борьбы стараго и новаго, и творческая мысль и сила, которою озарена картина, взятая изъ презрѣнной жизни и возведенная «въ перлъ созданія:» лучше сказать, — все это, было одно нераздѣльное живое, дѣйствовавшее при написаніи «Мертвыхъ

Душъ», начало. Въ своей борьбѣ за добро противъ зла, вы знаете, что побѣда перваго надъ послѣднимъ уже совершена воскресшимъ Христомъ, что онъ васъ, наконецъ, своими судьбами введетъ же въ эту побѣду, дастъ ее, хотя отчасти, почувствовать; съ своею любовію къ Россіи, хорошо прозираете это чудесное и прекрасное поприще, ей теперь предлагаемое, и чуете, что за рай будетъ, если она услышитъ и приметъ благую о себѣ волю Божію; и все великое созданіе, до третьяго тома, до живаго слова даже изъ устъ Плюшкина, у васъ уже въ головѣ, въ умѣ и сердцѣ. Съ продолженіемъ дѣла и времени, все это вамъ болѣе и болѣе уясняется; потому все дѣло и жизни и службы отечеству и творчества вашего для васъ какъ бы только еще начинается: такъ незрѣлымъ, недостаточнымъ и мало еще полезнымъ представляется вамъ все прежнее! Потому первый вышедшій томъ вашего сочиненія оказывается предъ вашимъ судомъ сшитымъ еще на бѣлую нитку, созданіемъ, недоноскомъ; еще далеко онъ не можетъ произвести того благодѣтельнаго вліянія на родной народъ, какой бы должна эта книга имѣть; уже и при самомъ окончаніи этого тома вы почувствовали слабость своего характера, малодушіе и болѣзненный упрекъ себѣ отъ всего, что ни есть въ Россіи: хотя творческая мысль, любовь къ Россіи, стремленіе къ добру вамъ дали торжественный выходъ изъ этаго состоянія. Потому, и второй томъ сгорѣлъ: нужно же поправлять прежнія ошибки жизни; нужно же для устремленія Русскаго къ прекрасному, послѣ обнаруженія всей глубины мерзости, еще тяготѣющей на русскомъ духѣ, показать для всякаго хорошенько, ясно, какъ день, пути и дороги изъ этой глубины къ прекрасному; а это недостаточно было сдѣлано во второмъ томѣ; нужно же быть Поэтомъ по своему значенію, котораго отъ васъ не сокрылъ Богъ и предъ которымъ оказался несостоятельнымъ второй томъ. И вы просто, помолясь, по русскому православному обычаю молиться предъ всякимъ, особенно важнымъ, дѣломъ, бросили въ печь второй томъ; и благодарите Бога, что Онъ далъ вамъ силы для этаго. При такомъ развитіи вашемъ, нашъ русскій православный поэтъ, при такомъ возрастающемъ уясненіи вашего долга, все удивительно какъ упрощается для васъ: все это поэтическое поприще, на которое вы возведены, такъ просто, коротко и хорошо умѣли вы, наконецъ, выразить... Вы говорите, и смышленный крестьянинъ даже пойметъ васъ: «дѣло мое *душа* и *прочное дѣло жизни*..» Литературное или простое крестьянское, какъ и вообще всякое дѣло, только бы было работою у одного

хозяина Христа, — и будетъ оно очевидно, прочное и душеспасительное дѣло жизни! Съ этимъ вмѣстѣ, естественно, и вы сами удивительно-какъ упрощаетесь: точно дитя изъ того младенчества, о которомъ мы говорили прежде, повѣдаете намъ вы свои задушевныя тайны, извѣстныя дотолѣ одному Богу; какъ въ родной, нѣжно любимой семьѣ вашихъ братьевъ, вы говорите съ великимъ народомъ, чтобы особенно дѣловые, занимающіеся жизнію, люди писали и присылали прямо къ вамъ свои братскія замѣтки на ваше дѣло, дѣлаемое для нихъ всѣхъ, говорите, не смущаясь о томъ, что наконецъ дѣйствительно можетъ быть дорогъ для этихъ братьевъ портретъ, съ такимъ самоотверженіемъ любящаго ихъ и трудящагося для нихъ брата ихъ; и пишите, точно поете, разныя письма къ разнымъ лицамъ по разнымъ случаямъ и нуждамъ жизни. Ко всѣмъ прежнимъ тяжелымъ испытаніямъ присоединившаяся, послѣдняя ваша болѣзнь, которая свела было васъ въ могилу и при жизни уже доводила до какого-то безжизненнаго онѣмѣнія, сдѣлала уже вотъ что: «замираетъ отъ ужаса душа, говорите вы, при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся.» И вы открываете самую задушевную свою творческую тайну: «можетъ быть, продолжаете вы, — *прощальная повѣсть*, которую долго носилъ я въ своемъ сердцѣ, какъ лучшее свое сокровище, какъ знакъ небесной милости ко мнѣ Бога, которая выпѣлась сама собою изъ души, воспитанной отъ Самаго Бога испытаніемъ и горемъ, а звуки ея взялись изъ сокровенныхъ силъ нашей Русской породы, можетъ быть, прощальная повѣсть моя подѣйствуетъ сколько нибудь на тѣхъ, которые еще до сихъ поръ считаютъ жизнь игрушкою, и сердце ихъ услышитъ хотя отчасти строгую тайну ея и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны.» И потомъ такъ передаете вы въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи своимъ братьямъ это творческое сокровище: «Соотечественники! не знаю и не умѣю, какъ васъ назвать въ эту минуту, прочь пустое приличіе! Соотечественники! говорите вы, собравши весь остатокъ умирающихъ силъ своихъ, — я васъ любилъ, любилъ тою любовію, которую не высказываютъ, которую мнѣ далъ Богъ, за которую благодарю Его какъ за лучшее благодѣяніе; потому что любовь эта была мнѣ въ радость и утѣшеніе среди наитяг-

чайшихъ моихъ страданій, — во имя этой любви прошу васъ выслушать сердцемъ мою *прощальную повѣсть.*»

Къ счастію вашихъ братьевъ, милость Божія стала поднимать васъ со смертнаго одра. Но слыша еще ежеминутно, что жизнь ваша на волоскѣ, что недугъ можетъ остановить вдругъ тотъ трудъ вашъ, на которомъ, говорите, основана вся ваша значительность, какъ Поэта, и та польза, которую такъ желаетъ принесть душа ваша, останется въ одномъ безсильномъ желаніи, а не въ исполненіи, и не дадите (скажу слово въ слово ваши слова) вы никакихъ процентовъ на данные вамъ Богомъ таланты и будете осуждены, какъ послѣдній изъ преступниковъ.... Слыша все это, вы горите желаніемъ быть полезнымъ, какъ никогда еще доселѣ. И потому издаете нѣкоторыя изъ вашихъ писемъ и статей, писанныхъ въ послѣдніе годы, чтобы хотя симъ, говорите вы, (какъ и слѣдуетъ говорить всякому, кто забывая заднее, постоянно простирается впередъ), искупить безполезность всего доселѣ напечатаннаго вами: потому что въ письмахъ вашихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка (т. е. болѣе открыто и понятно сказанное), нежели въ другихъ вашихъ сочиненіяхъ. Въ бесѣдѣ съ близкими вашему сердцу, говорите вы, съ которыми почти со всѣми случались, въ послѣднее время, внутреннія событія и потрясенія, и которые какъ бы по инстинкту обращались къ вамъ за помощію и рѣшеніемъ ихъ внутренняго дѣла,—вами, при всецѣломъ занятіи душевнымъ ихъ состояніемъ, съ забвеніемъ своихъ тяжкихъ страданій, христіански и вмѣстѣ поэтически рѣшено, многое относящееся къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество.... Съ младенческою простотою и ясностію души, просите своихъ соотечественниковъ прочитать эту книгу нѣсколько разъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ достатокъ, просите купить нѣсколько ея экземпляровъ и раздать тѣмъ, которые сами купить не могутъ. Наконецъ, почувствовавъ потребность внутренно отправиться въ Св. землю, просите, какъ предъ исповѣдію, у всѣхъ прощенія, молитвъ, и сами обѣщаете помолиться за всѣхъ предъ гробомъ Господнимъ, какъ Богъ дастъ.

Вотъ главныя поэтическія мысли, которыя сказаны живымъ словомъ въ вашемъ послѣднемъ сочиненіи! И какая, вамъ только однимъ и свойственная, поэзія во всѣмъ! Читая васъ, даже не поэтъ чуетъ, какъ ваша творческая душа съ трепетомъ, хотя не много коснулась той великой системы, по которой и міръ стоитъ, о кото-

рой мы говорили сначала моей бесѣды съ вами. Притомъ вы, какъ поэтъ и вошли въ чудное соприкосновенiе съ этою системою, не самою по себѣ, хотя и тутъ вы остались бы поэтомъ: (потому что эта система — сама духъ и жизнь, и вы своей поэтической душей это видите и этою жизнiю живете), но соприкоснулись съ нею въ живой дѣйствительности, идущей и благоустрояемой по ея живымъ законамъ. Потому въ вашей книжкѣ всѣ небольшiя письма и литературныя статьи ваши поэтически представляютъ въ себѣ самую живую дѣйствительность; каждое изъ нихъ для меня есть прекрасное и цѣльное поэтическое созданiе. Вездѣ жизнь, вездѣ живые люди съ опредѣленными личностями, вездѣ нашъ вѣкъ съ своею живою физiономiей, отличающей его отъ всѣхъ вѣковъ, и во всемъ личность поэта, на все взглянувшаго христiански просвѣтленнымъ, поэтическимъ взоромъ. Укажу хоть письма на два, или на три. Вотъ—Русскiй помѣщикъ, съ сознанiемъ того высокаго значенiя своего званiя, что не онъ самъ, а Богъ поставилъ его въ такое отношенiе къ крестьянамъ, какъ будто какой русской, могучiй духомъ и тѣломъ, Патрiархъ среди своихъ домочадцевъ: беретъ въ руки самъ топоръ или косу, лишь появится къ работающему народу, какъ все изворачивается молодцемъ и щеголемъ въ работѣ, празднуетъ съ своими крестьянами по христiански и по русски начало и окончанiе крестьянскихъ лѣтнихъ трудовъ, и проч. и проч. и безъ вашихъ словъ понятно, что такой хозяинъ-помѣщикъ видитъ на дѣлѣ сбывающееся на немъ слово Господне: *ищите прежде царствiя Божiя и правды его, и сiя вся приложатся*,—богатѣетъ, какъ Крезъ, тѣмъ къ большему поощренiю всѣми силами служитъ Царю и Самому Христу на своемъ поприщѣ. Изъ другаго письма виднѣется душевная чистота юной христiанки въ обществѣ, въ простодушныхъ разсказахъ которой такъ и сiяетъ, какъ будто предъ очами, всякое простое слово, въ улыбкѣ и голосѣ которой такъ и слышится человѣку, прилетѣвшая съ небесъ, его родная сестра, у которой такъ и свѣтится всѣмъ голубиная душа, съ ангельскою тоскою о людяхъ среди самыхъ развлекательныхъ занятiй. Вотъ и другая женщина, которая, сознавъ свой долгъ и вмѣстѣ нравственное безсилiе, съ такимъ усилiемъ, и самоотверженiемъ и постоянствомъ, сердечно прибѣгая къ помощи одного Бога,—начинаетъ собирать всю себя въ самое же себя, дабы, наконецъ, быть истинною для мужа помощницею и возбудителемъ ко всему прекрасному, въ жизни которой начинаетъ оказываться столько дѣла и столь мало остается празднаго време-

ни, въ хозяйствѣ устанавливается такая точность и отчетливость, дома простота,—которая, наконецъ, не горитъ отъ стыда, если пойдетъ по городу слухъ, что у ней не comme il faut,—увѣрясь истинно, что настоящее comme il faut есть то, какое требуетъ Создатель человѣковъ, а не какой нибудь сочинитель всякій день мѣняющихся этикетовъ, и послѣ своихъ до обѣденныхъ, неутомимыхъ занятій по своимъ министерствамъ, (изъ которыхъ одно по дѣламъ нищихъ и несчастныхъ), встрѣчается съ своимъ мужемъ такъ весело и радостно для обоихъ, какъ бы нѣсколько лѣтъ невидались. И во всѣхъ этихъ письмахъ, всякій, кому назначалось то или другое изъ нихъ, какъ будто самъ говоритъ себѣ, а не вы; каждое письмо имѣетъ свой особенный тонъ, свой языкъ. Это отъ того, что въ христіанско-поэтической бесѣдѣ съ друзьями въ душѣ поэта отражается вся глубина той души, съ которою онъ бесѣдуетъ; творческая мысль поэта или успокоивается въ этой душѣ, озаряя всѣ красоты ея своимъ свѣтомъ, объемля, движа ее въ самыхъ внутреннихъ ея сторонахъ, какъ напр. въ «Путешествіи,» въ письмахъ къ В. А. Ж. и др. или, носясь надъ любимою душею друга и брата, и не въ состояніи будучи удовлетворяться ею, по внутреннему ея нестроенію, входитъ во внутреннія глубины ея натуры, и, сообразно ея законамъ и потребностямъ, благоустрояетъ возлюбленную душу, начиная иногда это дѣло сокрушеніемъ въ ней мертваго и ничтожнаго, какъ наприм. въ письмѣ къ близорукому пріятелю, въ третьемъ письмѣ по поводу мертвыхъ душъ и др. Отъ того и выходитъ во всѣхъ письмахъ, живое, глубоко подвигающее душу и совѣсть, слово. Но еще лучше и выше тѣ мѣста въ этой книгѣ, гдѣ вы, поэтъ, бесѣдуя съ своими братьями, открываете имъ собственную душу съ ея тайнами. Слѣдуетъ только вспомнить эти мѣста, гдѣ напр. вы даете намъ посмотрѣть на сіяющій въ вашей душѣ свѣтъ свѣтлаго дня Воскресенія Христова, которое скликаетъ всѣхъ въ одну семью небеснаго Отца, гдѣ указываете на нашу Церковь, которая одна, какъ цѣломудренная дѣва, осталась въ своей чистотѣ отъ Апостольскаго времени и снесена точно съ неба для русскаго народа, въ которую столь глубоко входите сердцемъ и умомъ,—гдѣ сказываете о себѣ: «какъ помыслю объ этихъ обителяхъ, какъ помыслю о томъ, что у Бога должны быть обители, не могу удержаться отъ слезъ, и знаю, что ни какъ не рѣшилъ, какую изъ нихъ выбрать себѣ, если бы только дѣйствительно былъ удостоенъ небеснаго царствія и вопрошенъ: какую изъ нихъ хочешь? Знаю толь-

*

ко то, что сказалъ бы: последнюю, Господи, но лишь бы она была въ дому Твоемъ!» Кажется, ничего бы ни желалось больше, какъ только служить тѣмъ избраннымъ, которые уже удостоились созерцать во всемъ величіи Его славу, лежать бы только у ногъ ихъ и цѣловать святыя ихъ ноги.» Что это за прекрасные и тихіе огни, не жгучіе, но оживляющіе и тихо освѣщающіе?! Что это за живые небесно-младенческіе звуки, которые взялись между тѣмъ изъ сокровенныхъ силъ нашего православно-русскаго духа?! Но еще прекраснѣе и свѣтлѣе являетесь вы именно православнымъ, нужнымъ для нашего холоднаго и гордаго времени, поэтомъ, когда по братскому участію какъ бы живете одною жизнію съ страждущимъ душевными недугами человѣкомъ, котораго отвергаетъ гордый филантропъ XIX вѣка: «будто бы легко выносить къ себѣ презрѣніе! Богъ вѣсть, можетъ быть, иной совсѣмъ былъ не рожденъ безчестнымъ человѣкомъ, можетъ быть бѣдная душа его, безсильная сражаться съ соблазнами, просила и молила о помощи, и готова была облобызать руки и ноги того, кто подвигнулся бы жалостію душевною, поддержалъ бы ее на краю пропасти. Такимъ образомъ одной капли любви къ нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогою любви трудно достигать къ его сердцу; будто уже до того окаменѣла въ немъ природа, что никакое чувство не могло въ немъ пошевелиться, когда и разбойникъ благодаренъ за любовь, когда и звѣрь помнитъ ласкавшую его руку! Но все позабыто человѣкомъ XIX вѣка и отталкиваетъ онъ отъ себя брата, какъ богачь отталкиваетъ покрытаго гноемъ нищаго отъ великолѣпнаго крыльца своего. Ему нѣтъ дѣла до страданій его; ему бы только не видать гноя ранъ его. Онъ даже не хочетъ услышать исповѣди его, боясь, чтобы не поразилось обоняніе его смраднымъ дыханіемъ устъ несчастнаго, гордый благоуханіемъ чистоты своей....

Знаю что многіе, со мною говорятъ: да! вотъ это наша Россія; намъ въ ней пріятно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ.»

Но далеко еще не сдѣлано мое дѣло. Всегда слыша, подъ какою отвѣтственностію находитесь сами съ своимъ талантомъ, вы подвергаете той же отвѣтственности и всѣхъ, кто не скажетъ или не все скажетъ нужное для васъ. И я знаю, что вы будете жаловаться на меня Судіи, если здѣсь и покончу бесѣду, если разомъ не выскажу вамъ всего, что мнѣ послышалось о васъ. Потому про-

должу свое дѣло, чтобы оно вышло, наконецъ, полное и цѣлое. Тотъ остался бы виноватъ предъ своимъ внутреннимъ судіею и предъ Судіею всѣхъ, кто по своимъ расчетамъ оставилъ бы и васъ и многихъ еще въ недоумѣніи, съ возбужденными, можетъ быть, но не разрѣшенными совсѣмъ запросами, вмѣсто того, чтобы дать уже вамъ безостановочно идти впередъ, по своему, можетъ быть, еще болѣе уясненному для васъ поприщу.

Грѣшно не только мѣшать, но и не пособлять тому, кто имѣетъ своимъ дѣломъ душу и прочное дѣло жизни, и при томъ душу не свою только и не одной своей жизни.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Намъ слѣдуетъ теперь говорить съ вами о томъ: въ какомъ отношеніи послѣднее ваше сочиненіе стоитъ къ прежнимъ? Оно составляетъ послѣдній, самый естественный плодъ или послѣднее звѣно, до котораго дошло ваше стройное, поэтическое и духовное развитіе. Такъ, выходитъ по вашимъ же личнымъ объясненіямъ о себѣ, хотя вы, по силѣ и основному закону вашего усовершенія, простираясь впередъ, довольно забываете свое заднее. Забываете въ томъ отношеніи, что не хотите удовлетвориться уже пройденнымъ путемъ, а стремитесь впередъ, чувствуя, что еще слишкомъ мало вы прошли своего великаго поприща, что далеко, далеко не сдѣлали еще всего своего дѣла. Кому же и почему пришло въ голову, что вы отрекаетесь отъ прежняго направленія своего творчества?!

Чудное что-то случилось чрезъ васъ въ нашемъ образованномъ мірѣ. Было какое-то странное время, когда самыя наши предосторожности противъ вторженія къ нимъ чуждыхъ разрушительныхъ идей, обратились почему-то почти въ мертвую законную букву и стали стѣснять, по видимому, и задерживать только самый же нашъ духъ православный, въ его свободномъ раскрытіи, а на самомъ дѣлѣ, какъ теперь оказывается, собирали его въ себѣ. Въ это же время, между тѣмъ, идеи Запада, дошедшія до полной своей зрѣлости и вмѣстѣ безжизненности, до отчужденія отъ свѣта Христова, свободно какъ-то умѣли всюду у насъ разноситься, всѣхъ занимать и увлекать, смѣло касаясь всего: убійственный плодъ, разносящій свой гнилой запахъ незамѣтно по всей Россіи, былъ такъ великолѣпенъ и красенъ по виду. И это опять, какъ оказывается на дѣ-

лѣ, для того, чтобы намъ удобнѣе было при пособіи западныхъ же средствъ углубиться въ самихъ себя и потомъ, когда Богъ дастъ, выставить на всю красу свой или Христовъ великій свѣтъ. Явились въ тоже время и вы съ своими первыми произведеніями. Поборники западныхъ идей первые почуяли въ васъ великаго поэта, и объявили васъ передовымъ представителемъ своей школы. Кое-гдѣ только говорили въ Россіи, что еще нѣтъ эстетики къ оцѣнкѣ и понятію вашихъ твореній. Нѣкоторые даже уже хорошо предслышали то, что вы сказали объ искуствѣ и поэзіи въ перепискѣ. Но это было почти только въ дружескихъ частныхъ бесѣдахъ. Публично стояли за васъ только Западники; (*) поборники старины (не въ духѣ, а буквѣ ея), пошли противъ васъ. Первымъ легко было торжествовать надъ послѣдними, какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ вамъ. Западное просвѣщеніе въ обществѣ стало, по видимому, явно преобладать; и поборники его почти прямо отзывались о несогласныхъ съ ними, что это неизбѣжныя *заднія* толпы, имѣющія разсѣяться и исчезнуть сами собою. И вотъ вы вдругъ издаете, столько изумившую всѣхъ, свою переписку съ друзьями.... Среди окружавшихъ васъ и держащихся васъ, какъ представителя, провозвѣстниковъ западнаго просвѣщенія совершенно неожиданно для нихъ, вы оказываетесь хорошо знакомымъ съ западомъ, вполнѣ вглядѣвшимся въ западныя идеи, но остававшимся все же православнымъ русскимъ и уже довольно понимающимъ, каково должно быть на Руси и есть у нея истинное просвѣщеніе. Вы, съ одной стороны, чтителямъ болѣе буквы, чѣмъ духа старины, блеснули этимъ прекраснымъ свѣтомъ или духомъ нашей, восточной, православной старины, дающимъ живое значеніе всему старинному у насъ, дѣйствительно, освѣщающимъ всякій предметъ со всѣхъ сторонъ. Съ другой стороны тѣмъ, которые полагаютъ спасеніе русской личности

(*) Да не оскорбятся этимъ названіемъ тѣ, которые имѣли сильное стремленіе ознакомиться со всѣмъ русскимъ и очень далеки были отъ того, чтобы проповѣдывать одно только подражаніе Западу. Не въ имени толкъ, а въ сущности дѣла. Кто напр. столь глубоко посмотрѣлъ на нашу старинную Россію, какъ еще никто дотолѣ, но между тѣмъ не дошелъ и не проникъ въ живую основную сущность и духъ нашей старины, какой раскрытъ въ той же напр. перепискѣ Гоголя съ друзьями, — тотъ при всей глубинѣ и проницательности своего взгляда, все таки смотрѣлъ на старинную Русь глазами просвѣщеннаго Запада,—оставляя доканчивать свое дѣло православно-русскому человѣку, хоть нѣсколько понявшему и возчувствовавшему всю неоцѣнимость переданнаго намъ отъ предковъ духовнаго наслѣдія....

въ усвоеніи ей западныхъ идей, такъ кротко и братски и убѣдительно изъясняете, что необходимо для насъ и западное просвѣщеніе, но для углубленія въ себѣ самихъ, — для выведенія живыхъ итоговъ изъ множества всякихъ элементовъ и началъ, нанесенныхъ отовсюду съ запада въ нашу землю. Вотъ тутъ спасеніе нашей личности, говорите вы, — въ нашей православной Церкви! Въ свѣтѣ только Христовомъ русская личность можетъ возсіять всѣмъ своимъ величіемъ; иначе эта личность не можетъ возвыситься надъ самымъ узкимъ и своекорыстнымъ эгоизмомъ (*). И предъидущія ваши творенія, въ которыхъ особенно приверженцы запада услышали живую истину и дѣйствительность, поэтому самому уже твердо ручаются предъ ними въ томъ, что, видно, точно сама истина и основное начало дѣйствительности есть свѣтъ православія, бывшій всегдашнимъ началомъ вашей творческой дѣятельности. Видна благая о насъ воля Промысла, употребляющаго такія убѣдительныя, а вмѣстѣ и простыя, такъ сказать, домашнія средства къ остереженію насъ отъ опасныхъ односторонностей.

Пересмотрю ваши прежнія сочиненія, хотя бѣглымъ образомъ, и повѣрю, точно ли ваше послѣднее сочиненіе находится къ прежнимъ въ такомъ отношеніи, какъ вы говорите, т. е. точно ли и прежде писали вы по тѣмъ самымъ началамъ, которыя послѣ только отчетливо опредѣлили въ «выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки». Простите за неделикатность, что, услышавъ отъ васъ и райскую для моего слуха пѣсню, не вѣрю вамъ на слово: это съ моей стороны жертва вѣку, въ которомъ человѣкъ хочетъ все ощупать своими руками даже и у наилучшаго своего друга и брата, — когда и вѣровать въ слово Того, Кто есть Сама Истина и Любовь, безусловно предаться Его водительству и любви не хочетъ человѣкъ иначе,

---

(*) Прекрасно, хотя можетъ быть и ненамѣренно, доказано это въ прошломъ 1859 году журнальными статьями П. Л Лаврова. Онъ исполнилъ задачу строго логически развить идею о человѣческой личности, взявъ эту личность, *сколько возможно*, въ наготѣ отъ всего высшаго Христова. (Говорю: *сколько возможно*; потому что Христосъ Богъ Слово есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ*, — свѣтъ, и *во тьмѣ свѣтящійся и тьмою необъемлемый* всякіе законы самосознанія человѣческаго—отъ того же верховнаго Свѣта: какъ же взять личность человѣческую въ рѣшительной и всецѣлой наготѣ отъ Христова?) Построенія г. Лаврова о личности человѣческой блистательно показали, что она сама по себѣ, и въ самыхъ лучшихъ своихъ стремленіяхъ, съ самою добродѣтелію своею, не восходитъ и не можетъ взойти выше эгоистическаго своекорыстія.

какъ всячески выпытавъ, что вѣра въ Него точно, есть самый основный и существенный человѣческій долгъ, точно, есть открытіе духовныхъ очей и созерцаніе истины... Видите, глубоко зрящій поэтъ, предъ вами я боюсь скрытничать. Подъ личиною любознательности и отчетливости во всемъ не скрываю предъ вами нѣсколько грубой и невѣжливой своей пытливости, и чувствую высокое преимущество предъ собою тѣхъ, которые, услышавъ отъ васъ родные, братскіе звуки, бросились бы въ ваши братскія объятія и стали бы искать прямо только братскаго руководства, въ вашихъ сочиненіяхъ...

Мнѣ удобнѣе начать слѣдить (въ вашихъ сочиненіяхъ) развитіе ваше сверху внизъ, отъ плода и цвѣта нисходя къ корню и сѣмени. Такъ человѣкъ, желающій дать отчетъ въ своихъ настоящихъ поступкахъ и страстяхъ, добраться до ихъ послѣднихъ началъ, начинаетъ съ той минуты, въ которой онъ живетъ, и по нисходящей линіи перебираетъ свою жизнь до отрочества, до дѣтства, до первыхъ, оставшихся у него въ памяти, признаковъ пробудившагося смысла и свободы! И такъ начинаю съ «Мертвыхъ Душъ» неоконченнаго вашего творенія, надъ которымъ творческая ваша мысль носилась даже и въ то время, какъ вы писали ваши письма. Буду же разсматривать ихъ, все по той же моей пытливости, безъ всякихъ заднихъ мыслей, какъ будто вовсе я незнакомъ съ вашимъ образомъ мыслей вообще, и съ вашими идеями объ искуствѣ и поэзіи, въ особенности. Не буду подводить вашихъ сочиненій и подъ собственныя мои понятія объ искуствѣ и поэзіи. Буду развивать и выставлять на видъ только то, что въ этихъ же сочиненіяхъ или видно, или завито.

Раскрываю вашу, знакомую уже мнѣ, книгу и начинаю перелистывать ее съ перваго листа, пересматривать съ этихъ строкъ: «въ ворота гостинницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая ресорная, небольшая бричка... Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы слишкомъ старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ.» Онъ остановился въ гостинницѣ. Распрашиваетъ у трактирнаго *половаго* о городѣ, о сильныхъ и славныхъ въ немъ, о помѣщикахъ, о состояніи ихъ края, не было ли напр. какихъ повальныхъ болѣзней въ ихъ губерніи. Любопытство обыкновенное, говорите вы, и въ просвѣщенной Европѣ! А въ Россіи, и я знаю, какъ оно обыкновенно... Только у этаго господина это любопытство со-

провождается какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ и участіемъ къ тому, о чемъ онъ любопытствуетъ: это отличительная черта любопытства въ пріѣзжемъ господинѣ, также какъ въ другомъ оно имѣетъ свою отличительную черту, свою физіономію, выражусь и я по новѣйшему. Заснулъ онъ потомъ; потомъ осмотрѣлъ городъ, отдалъ нужные визиты въ городѣ—губернатору, вице-губернатору, даже—до городскаго архитектора. Дѣло обыкновенное, но только тоже съ своей физіономіей, (полюбилось слово!), какъ обыкновенныя дѣла и у всякаго живаго человѣка имѣютъ свою особенную физіономію. Этотъ господинъ, вижу, отличается особенною аккуратностію и дѣловою внимательностію. Во время визитовъ онъ тоже кое-что обнаружилъ такого, что относится къ обыкновеннымъ у насъ грѣшкамъ, немножко польстилъ всѣмъ, немножко какъ-то по своему онъ смиренничалъ, избѣгая впрочемъ рѣчей о себѣ, тогда какъ иной, напротивъ, любитъ именно поскорѣе и поболѣе похвастаться предъ другими своей ничтожностію; онъ польстилъ всѣмъ, какъ то слегка, а между тѣмъ всякій сдѣлалъ ему приглашеніе къ себѣ; видно умный человѣкъ; вотъ иные такъ если польстятъ кому, то бѣдный закраснѣетъ и не знаетъ, какъ отъ нихъ отвязаться. Все житейское дѣло, въ которомъ, видно, ловкой боецъ нашъ господинъ! Балъ у губернатора, на какомъ, конечно, бывали, кто ѣздитъ по баламъ въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. Нашъ господинъ велъ себя по обыкновенному, только, разумѣется, теперь болѣе развернулся съ своими, разумѣется, отчасти уже извѣстными намъ особенностями: Напр. увидѣвъ двоихъ, дотолѣ незнакомыхъ съ нимъ, господъ, онъ не замедлилъ лучшимъ образомъ сойтися и съ ними, распросивъ впрочемъ напередъ, сколько у нихъ душъ крестьянъ и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія; также на другой день, на вечерѣ у полицемейстера, онъ познакомился еще съ господиномъ, который, тоже по своимъ личнымъ особенностямъ, послѣ трехъ четырехъ словъ началъ говорить съ нашимъ героемъ по дружески: ты. Всѣ чиновники и помѣщики остались, какъ нельзя болѣе, довольны, ктожъ этаго не ожидалъ отъ нашего господина, послѣ его визитовъ? Довольны всѣ, не исключая даже и тяжеловатаго съ виду Собакевича, не любившаго какъ-то отзываться о комъ нибудь съ слишкомъ хорошей стороны, (зналъ видно людей), а помѣщикъ Маниловъ просто былъ въ восторгѣ отъ новаго знакомца. Правда и то, что нашъ господинъ, кромѣ основательности показалъ и такую пріятность, находчивость во всемъ. Видно, что не пустая штука этотъ господинъ

не слишкомъ толстой, да и не такъ, чтобы и тонокъ! Но все это—дѣло обыкновенное. И вотъ вся первая глава, которую я съ особеннымъ тщаніемъ разбиралъ, вникая во все по побужденію, впрочемъ, главнымъ образомъ со стороны заглавія книги: *поэма*. Все мнѣ хотѣлось узнать, да въ чемъ же тутъ поэма... И теперь остаюсь просто въ недоумѣніи: что за поэма, гдѣ высокій полетъ поэмы, которая не захотѣла бы, кажется, и заглянуть въ этотъ городъ?! Впрочемъ бываетъ и то, что иной писатель любитъ поразить нечаянностію, и потому, можетъ быть, нарочно опускается такъ низко къ житейскому долу, чтобы показать все недостоинство и низость этаго дола для орла и чтобы тѣмъ картиннѣе и величественнѣе, въ одну минуту, взлетѣть подъ облака... Посмотримъ далѣе II-ю главу.

Ну, вотъ такъ и есть: вы говорите о терпѣніи вашего читателя прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую послѣ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло.... Но за чѣмъ же говорите вы: *къ концу?* Или нарочно смѣетесь надъ моимъ нетерпѣніемъ, между тѣмъ какъ сей часъ и раздвините все дѣло во всемъ поэтическомъ просторѣ?

Нашъ господинъ поѣхалъ, по приглашенію Манилова и Собакевича, въ ихъ деревни, оставивъ человѣка Петрушку въ квартирѣ, а кучера Селифана, разумѣется, взявши съ собою. Это люди вовсе ни чѣмъ не замѣчательные, кромѣ развѣ запаха жилаго покоя, который распространялъ около себя Петрушка, да еще какаго-то особаго манера его читать книги, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое нибудь слово;—а о Селифанѣ и вы ничего не хотѣли говорить, впрочемъ онъ ловко умѣетъ обращаться съ лошадьми.... Приключенія по дорогѣ къ Манилову и виды деревни Манилова извѣстны всѣмъ и каждому. Только помѣщичій домъ и садъ—тутъ есть кое-что Европейское, просвѣщенное: домъ на горѣ, т. е. какъ вы къ чему-то изъясняете, на юру, на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; въ саду что-то разбросано по англійски и даже есть «храмъ уединеннаго размышленія.» Съ восторгомъ встрѣтилъ гостя Маниловъ. Просвѣщенный человѣкъ, что и говорить?—А еще какъ, думаю, приметъ онъ нашего Павла Ивановича въ своихъ комнатахъ, какими разговорами будетъ занимать!... Съ жаромъ читаю далѣе. Вы хотите познакомить меня съ хозяиномъ. Очень радъ! Это не то, что какой нибудь Петрушка, читающій иногда по складамъ и химію, случайно подвернувшуюся подъ руку.

«Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова»—говорите вы. Вотъ, опять мистифируете,—будто и не видали вы отъ роду просвѣщенныхъ людей и не бывали въ ихъ англійскихъ садахъ съ прудомъ, покрытымъ зеленью. «Онъ улыбался заманчиво:» извѣстное дѣло! Не Селифаномъ же ему быть, въ самомъ дѣлѣ. «Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: какой пріятный и добрый человѣкъ?» Разумѣется! «Въ слѣдующую за тѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь.... и отойдешь подальше; если же не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную.»—Что это вы говорите? «Отъ него не дождешься живаго или заносчиваго слова; у него нѣтъ никакаго задора; дома большею частію размышлялъ и думалъ, только неизвѣстно о чемъ,—занимался и хозяйствомъ, всегда соглашаясь съ представленіемъ старосты: хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать, и отвѣчая: «да, не дурно, именно не дурно,»—замышлялъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ и о каменномъ мостѣ черезъ свой прудъ, чтобы по обѣимъ сторонамъ этаго моста были лавки и сидѣли купцы»..... Мочи нѣтъ доканчивать. Да что же это такое? И къ какой стати говорить объ этомъ? И что за несносная точка, съ которой вы смотрите на просвѣщенныхъ людей съ такою немилосердою подробностію? «Жена его.... впрочемъ они были довольны другъ другомъ, и послѣ восьми лѣтъ супружества, каждый изъ нихъ приносилъ другому или кусочикъ яблочка, или конфетку и говорилъ голосомъ трогательно нѣжнымъ и проч. Конечно, продолжаете вы, можно бы замѣтить, что весьма много другихъ занятій, много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. За чѣмъ напр. глупо и безъ толку готовятъ въ кухнѣ? За чѣмъ пьяницы слуги? За чѣмъ вся дворня повѣсничаетъ?—»

Такъ вотъ оно что! Вы толкуете *о дѣлѣ!* Это другое дѣло. Оно конечно, у Маниловыхъ не много замѣчается пригоднаго для *дѣльной* жизни. Плохіе они хозяева! Безъ толку кухня, повѣсничаетъ дворня, мужики обманываютъ и пьянствуютъ, да, что тутъ путнаго?! Почитаю-ка подалѣе.

Маниловъ постоянно въ какомъ-то паѳосѣ, восторженномъ или грустномъ, о чемъ бы ни заговорилъ, а всего болѣе въ восторгѣ отъ гостя. Нашъ герой только болѣе и болѣе развертывается, а между тѣмъ тотъ же самый, какъ съ перваго разу и видѣлъ я его. Манилову, на его предупредительность, учтивость и деликатность, ловко и нашъ Павелъ Ивановичъ вторитъ, пускаясь отчасти въ

сантиментальность, отчасти въ глубокія размышленія и ученость. «О это справедливо, совершенно справедливо, — восклицаетъ онъ на затерявшуюся въ волненіи чувства мысль Манилова о несчастіи быть безъ друзей,—что всѣ сокровища тогда въ мірѣ? Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія, сказалъ одинъ мудрецъ.» Какъ бы то ни было, а точно что-то пуста бесѣда между восторженнымъ хозяиномъ и принаровившимся уже къ нему гостемъ, хотя изрѣдка принимала въ немъ участіе и хозяйка недурной наружности. Но вотъ въ кабинетѣ гость заговариваетъ о чемъ-то дѣльномъ. Ну, и этотъ никакъ съ ума сошелъ! Мертвыя души торгуетъ. Да это не Павелъ Ивановичъ, какъ хотите, не тотъ господинъ, который остановился въ гостинницѣ и показывалъ такую основательность и находчивость съ перваго появленія своего въ обществѣ. Хозяинъ совсѣмъ растерялся отъ страннаго предложенія Павла Ивановича, о продажѣ мертвыхъ душъ. Немножко только поправила Манилова эта возвышенная мысль, сказанная кстати Чичиковымъ: «я нѣмѣю предъ закономъ.» А удостовѣреніе Чичикова, сказанное съ глубокомысліемъ: «я полагаю, что это будетъ хорошо»—совершенно успокоила Манилова, который показывалъ-было на минуту способность въ себѣ и къ глубокимъ соображеніямъ о дальнѣйшихъ видахъ Россіи. Видно, однакожъ, что нашъ герой съ своею чувствительностію не потерялъ вовсе своей основательности и находчивости. Дѣло о мертвыхъ душахъ было улажено. Да что же это за странность и нелѣпость—мертвыя души? Вашъ герой эту нелѣпую или слишкомъ ужъ умную, можетъ быть, тайну увезъ съ собою, разставшись съ хозяевами; Маниловы и даже маленькія дѣти ихъ, остались чрезвычайно имъ довольны. Маниловъ, отпустивъ гостя, сталъ разсуждать о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ хорошо было бы жить съ другомъ на берегу какой нибудь рѣки, какъ, наконецъ, само высшее начальство, узнавъ о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами.—Нѣтъ, еще не тутъ конецъ!—Наконецъ-то онъ замечталъ и, Богъ знаетъ, что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать.... Только уже въ это время пришла ему мысль о странной покупкѣ Чичикова, пришла, да такъ и осталась у него, какъ пришла, сколько онъ ни переворачивалъ ее и ни курилъ трубки; а это тянулось до самаго ужина.

Въ самомъ дѣлѣ, да есть ли тутъ хоть что нибудь дѣльнаго въ этомъ Маниловѣ? Вы, авторъ, дали уже мнѣ вопросъ, который ме-

ня никакъ не оставляетъ; потому, что и я люблю потолковать *о дѣлѣ жизни* съ серьезной стороны; разумѣется, это бываетъ въ дружескихъ или искреннихъ бесѣдахъ. Не забѣгая впередъ въ вашей «поэмѣ,» я только могу пока остановиться на *разныхъ запросахъ* вашихъ Манилову. Сочувствіе ко всему, и даже къ человѣку, только что познакомившемуся, я видалъ и въ дѣльныхъ людяхъ,—это вѣдь хорошо,—это по русски! Почему же это самое вышло такъ безтолково въ Маниловѣ? Развѣ потому, что его восторгъ или паѳосъ просто не имѣетъ никакого дѣльнаго содержанія, чувство не поддерживается ни одною дѣльною мыслію, и обращается въ мечту, теряющуюся, наконецъ, въ неопредѣленныхъ и для самаго мечтателя, видахъ. Но за чѣмъ же вы взяли такой характеръ, да еще и говорите; есть-де дѣло поважнѣе сюрпризовъ и поцѣлуевъ? Оно, конечно, безъ этаго послѣдняго запроса я такъ бы и разстался съ вашимъ Маниловымъ, какъ встрѣтился, и мнѣ бы въ голову не пришло, каковъ онъ не въ своихъ размышленіяхъ, а въ отношеніи къ дѣйствительной жизни. Но въ томъ видѣ, какъ у васъ представленъ Маниловъ, съ такимъ характеромъ, кажется, и не выйдетъ никогда ничего путнаго, кажется нѣтъ и поворота назадъ; съ такимъ характеромъ и направленіемъ въ горѣ разтеряешься, въ радости просто изчезнешь въ мечтахъ, будешь жить тѣнь-тѣнью. Или вы хотите довести этотъ характеръ до послѣднихъ результатовъ, когда, наконецъ, у Манилова совсѣмъ разстроится хозяйство, и онъ въ своей безтолковой увлекательности состряпаетъ и самъ того не зная, такое дѣльце, что и не съ его головой можно будетъ растеряться, и онъ погибнетъ, получивъ себѣ въ тѣхъ же глупыхъ мечтахъ, которымъ далъ опутать себя, достойную кару своей бездѣльности. Ему самому въ себѣ, кажется, нѣтъ другаго выхода! Жена же его пришлась по немъ.... А еще и дѣти есть у нихъ.... Вотъ типъ и судьба нѣкоторыхъ характеровъ въ нашей Россіи, мягкихъ и добросердечныхъ, мало держащихся кроткой, но вмѣстѣ и практически-строгой истины-Христа! Вѣдь нѣтъ спасенія для нихъ и на настоящую жизнь, не говоря уже о будущей. Впрочемъ Манилова что-то не такъ много себя обнаружила, въ ней еще не открылось ничего рѣшительно-опредѣленнаго. Какъ будто, она не очень счастлива только тѣмъ, что получила бездѣльное воспитаніе и вышла за мужа, негоднаго къ дѣльной жизни, и безсознательно пошла съ нимъ дружно по его дорогѣ. И это сочувствіе ко всему, безъ всякаго дѣльнаго основанія, въ ней еще, по видимому, не вошло въ

жизнь ея души. Она не всегда, и то иногда къ слову, увлечется пустыми восторгами мужа и до небесъ станетъ хвалить людей, которыхъ ни сколько не понимаютъ они оба. Въ этой натурѣ что нибудь еще должно быть не совсѣмъ убитаго. Можетъ быть, въ той крайности, къ какой ихъ обоихъ ведетъ избранная ими дорога, (ни какъ не ранѣе), Манилова, наведенная на благую мысль какимъ нибудь добрымъ человѣкомъ, одумается, пробудится, схватится за свое дѣло, станетъ по немногу собирать себя въ себѣ, а отъ нея уже само собою по немногу станетъ приводиться въ умъ и крѣпость и этотъ, замечтавшійся до безмыслія, Маниловъ....

Вотъ наконецъ, въ какую даль я занесся! Впрочемъ вы сами виноваты. За чѣмъ же вы стали писать своихъ героевъ съ этими физіономіями. А кромѣ того этотъ живой запросъ развѣ уже мертвыхъ или и бездѣльныхъ людей не задѣваетъ за живое: «будто нѣтъ другаго дѣла поважнѣе продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ» и пр.? Мнѣ захотѣлось только услышать у вашихъ Маниловыхъ отвѣтъ на этотъ запросъ. Теперь уже буду я читать васъ безъ нетерпѣнія и вопросовъ: да что это, и къ чему?— нетерпѣнія и вопросовъ, впрочемъ, естественныхъ, пока ни капли не понимаешь дѣла, а между тѣмъ смотришь на это дѣло.... Теперь получаетъ для меня чтеніе вашей *поэмы* нѣкоторый интересъ, хотя и я доселѣ не пойму этаго громкаго имени *поэмы*; это не болѣе для меня пока, какъ записки или замѣтки дѣловаго человѣка о людяхъ, записки любопытныя и поучительныя, въ томъ надобно сознаться. Но вашъ Чичиковъ съ своими мертвыми душами, ставитъ меня совсѣмъ въ тупикъ: въ духовной его физіономіи показалась вдругъ такая черта, которая за-разъ повидимому готова была стереть и исказить его прежнюю физіономію, но вглядываешься хорошенько: все таже физіономія, и надъ всѣми ея чертами носится новая для меня непонятная черта, правда, и прежде уже обозначавшаяся, какъ посмотришь назадъ, подходящая подъ одно *общее* выраженіе съ другими чертами, но все же чрезвычайно странная. Покупка мертвыхъ душъ, въ произведеніи которой онъ особенно развертывается въ своей находчивости, такъ же какъ и въ основательности,—вотъ именно что меня озадачиваетъ! Не понимаю, что это за человѣкъ, и къ чему ему мертвые. И умный и глупый, и дѣльный и бездѣльный вдругъ.

Посмотримъ далѣе.

Въ III главѣ, довольный удачной покупкой мертвыхъ, Чичиковъ ѣдетъ къ Собакевичу, который также пригласилъ его къ себѣ, какъ

и Маниловъ. Селифанъ пьянъ. Ба! И онъ развертывается. «Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю!» Такъ бесѣдовалъ онъ съ своихъ козелъ, съ кѣмъ?—съ подлецомъ чубарымъ конемъ, въ то же время хлыснувъ кнутомъ лѣнивца. «Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ... Ты, дуракъ, слушай, кому говорятъ... Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе... Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважитъ; потому что онъ слышь ты, сполнялъ службу Государеву!?»

У? Какая у этаго натура! Да такія рѣчи хоть бы и не подлецу чубарому слушать, хоть бы и тому же Манилову, который съ вашимъ о немъ запросомъ, еще у меня предъ глазами... Ай да Селифанъ! А между тѣмъ досыта насмѣешся на полупьяную бесѣду мужика самаго съ собою или съ своими конями. (*) Но бѣдняга, съ своими разсужденіями, поднявшимися изъ души лишнею чаркою водки, сбился съ дороги. Баринъ уже говоритъ ему въ сердцахъ: «вотъ я тебя какъ высѣку.... Коли милости вашей будетъ завгодно, отвѣчаетъ на все согласный Селифанъ, коли высѣчь, то и высѣчь. Почемужъ не посѣчь, коли за дѣло? Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется, порядокъ нужно наблюдать!» Да это сокровище! Такой премудрости невдругъ научишься и изъ книгъ. Ну, Селифанъ, виноватъ передъ тобою; сначала я тебя и трезваго ни въ грошъ было-не поставилъ съ твоимъ коротенькимъ тулупчикомъ. На такое разсужденіе кучера и баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать, хотя предъ этимъ за минуту опрокинутъ былъ въ грязь, по милости Селифана. Блуждая ненастною ночью, какъ-то добрались они до деревни какой-то помѣщицы, одной изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ въ глуши губерніи, которыя плачутъ на неурожай, а между тѣмъ по немногу,—въ одинъ мѣшочикъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтинники, и. т. далѣе. Это что за лице? Она дала ночлегъ Чичикову въ темную ночь и велѣла послать для него отличнѣйшій пуховикъ; на другой день нашъ смѣтливый герой замѣтилъ и въ деревнѣ ея совершенное довольство обитателей. Видно, эта бережливая и аккуратная, все назирающая собственными глазами, старушка, помѣщица совершенно старинныхъ нашихъ временъ, «славно сполняетъ службу Государску» (какъ

(*) И признаюсь, безъ вашего запроса, я бы, кажется, только посмѣялся отъ души на поученія Селифановы подлецу Чубарому.

выражается Селифанъ»)—какъ бы къ большому стыду Манилова съ его англійскимъ садомъ. Въ Чичиковѣ слышится опять что-то новое. «Не дурно, матушка, хлѣбнемъ и фруктовой»—вотъ ужъ какъ поговариваетъ Павелъ Ивановичь, вчера съ такимъ чувствомъ и такимъ чувствительнымъ слогомъ разсуждавшій о дружбѣ. А между тѣмъ все это тотъ же основательный Павелъ Ивановичь. Сперва говорилъ онъ: «у васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?» А потомъ: «позвольте узнать фамилію вашу» и уже наконецъ: «а имя и отчество? Настасья Петровна? Хорошее имя. У меня тетка, родная сестра моей матери, Настасья Петровна.» Нечего сказать, удивительно, уменъ и находчивъ долженъ быть этотъ Чичиковъ, и сердце, должно быть, доброе имѣетъ, не испорченное Европейскимъ вольномысліемъ. Заѣхалъ въ такую глушь, заблудился, и съ Настасьей Петровной бесѣдуетъ, какъ родной, просто, спокойно, съ участіемъ, бесѣдуетъ привычною ей рѣчью, какъ будто вѣкъ свой только съ нею и велъ свою бесѣду. Но вотъ и съ этой домостроительной хоть и безъ англійскаго сада, хозяйкой заводится торгъ у нашего героя. Опять покупаетъ мертвыя души, какъ будто помѣшался онъ на нихъ. Да и съ какимъ притомъ искуствомъ и жаромъ покупаетъ! Столько энергіи, ума и даже живаго чутья напасть на слѣдъ дѣла, я и не видывалъ въ немъ, какъ теперь... Такъ вотъ почему онъ и не осерчалъ на то, что не попалъ къ Собакевичу, а къ какой-то Коробочкѣ! Имъ движетъ какая-то сильная мысль, по которой (теперь примѣтно,) онъ былъ и у Маниловыхъ; да, видно, съ этою же мыслію ѣхалъ и къ Собакевичу; и теперь въ глуши губерніи надѣется и хлопочетъ сдѣлать кое-что для осуществленія той же своей задушевной мысли. Встрѣчаетъ препятствіе, и потому напрягаетъ всѣ силы къ его преодолѣнію. Что же это за мысль? Неизвѣстно; покупка мертвыхъ душъ служитъ внѣшнимъ ея выраженіемъ, это понятно; но никакъ не понятна самая мысль. Можно, впрочемъ, догадываться, что дѣло не совсѣмъ христіанское затѣялъ онъ. Онъ говоритъ, что покупаетъ у помѣщицы мертвыя ревизскія души изъ однаго христіанскаго милосердія, и въ тоже время получая отъ нея отказъ, кричитъ съ азартомъ: «да пропади и околѣй со всей вашей деревней». Онъ, который говорилъ Манилову: «нѣмѣю предъ закономъ,» теперь лжетъ и не краснѣетъ, что онъ дѣлаетъ разные казенные подряды и проч. и проч. Вообще физіономія вашего Чичикова для меня какъ будто и яснѣе стала, а вмѣстѣ и страннѣе, запутаннѣе. И не

6

съумѣю сказать, есть или нѣтъ дѣло для него поважнѣе покупки мертвыхъ душъ... Ну, и Коробочка обнаружила въ себѣ кое-что такое, чего съ перваго разу и не примѣтилъ я въ ней. Она дала нашему герою ночлегъ, но изъ темнаго предположенія, не засѣдатель ли онъ; а ужиномъ все-таки не попотчивала. Она такъ аккуратна въ своемъ домостроительствѣ, и такъ окрѣпла въ этой аккуратности, что чуть западетъ ей мысль о промахѣ, объ ошибкѣ въ разсчетѣ хозяйственномъ, хотя бы дѣло касалось до продажи мертвыхъ ревизскихъ душъ, эту мысль изъ нея ни чѣмъ не выживешь. Развѣ подѣйствуютъ на нее сильнѣе тою же причиною, по которой нельзя выбить изъ ея головы разъ запавшей въ нее мысли, т. е. развѣ скажутъ ей: «я хотѣлъ было закупить у васъ хозяйственные продукты разные»... Тогда она измѣнится совершенно, согласится на все и готова будетъ просить даже прощенія за прежнее упрямство, и, чтобы заранѣе задобрить, прикажетъ сей часъ приготовить для гостя пирогъ и блины. Сказать коротко: эта женщина стариннаго простодушнаго времени, съ чудесною женскою аккуратностію, съ умѣньемъ, однѣмъ женщинамъ свойственнымъ, завести во всемъ порядокъ и опрятность, но безъ особеннаго сочувствія къ чему бы то нибыло, кромѣ своихъ цѣлковиковъ и полтинниковъ, кромѣ своего движимаго и не движимаго имѣнія. Казалось бы, подѣлись она напр. съ Маниловой своими свойствами, обѣ были бы женщины на славу: Маниловой бы занять у Коробочки ея аккуратность, искусство завести и поддержать во всемъ домѣ порядокъ вмѣстѣ со страхомъ небесной грозы, заставляющимъ Коробочку затеплять свѣчку предъ св. образомъ во время грома, вмѣстѣ со страхомъ, губящихъ насъ, злыхъ силъ, и она не была бы олицетвореннымъ безсиліемъ, она заставила бы и мужа окрѣпнуть. Коробочкѣ съ своей стороны занять бы у Маниловой ея душевной мягкости, нѣжнаго сочувствія къ людямъ, да вмѣстѣ, пожалуй, внѣшней полировки, и не сдѣлала бы она своимъ идоломъ своихъ хозяйственныхъ расчетовъ и прибылей. Но она боится чорта, боится грозы. Приблизится къ ней грозный смертный часъ, она увидитъ, что упорядоченное хозяйство ея не подмога ей ни противъ смерти, ни по смерти; священникъ или какой нибудь добрый человѣкъ укажетъ ей на страшную для грѣшныхъ тьму ада. Она подвигнется трепетомъ до глубины души, освѣжѣетъ чрезъ надежду на одну милующую грѣшныхъ, благодать Христову и тутъ же, еще при жизни своей изъ своего имѣнія выдѣлитъ, можетъ быть, часть и для укра-

шенія храма Божія, и для вспоможенія какимъ нибудь бѣднымъ семьямъ... Эти возможности, какъ выражается кто-то слышатся въ ней.

Но чтожъ изъ этаго? Личность Коробочки для меня понятна съ своей нравственной физіономіей; еще яснѣе она для меня, когда на-нее смотрю съ запросомъ ей *о дѣлѣ жизни*, съ запросомъ, слышнымъ уже мнѣ еще въ предыдущей главѣ. Поэтому-то я и читаю вашу поэму и съ интересомъ для себя, и съ какою-то невольною серьезностію. При всемъ обиліи смѣшнаго въ вашемъ разсказѣ объ этой Коробочкѣ, я уже слышу, что вы говорите не для развлеченія или пріятнаго занятія, но возвѣщаете мнѣ *о дѣлѣ жизни* нѣкоторыхъ русскихъ людей, которое, при всей ихъ дѣльности, совсѣмъ не похожей на маниловскую мечтательность, выходитъ все-таки не ладно. Такая бѣда! Становится даже какъ-то грустно отъ вашего смѣшнаго; и я начинаю понимать, почему Пушкинъ, слушая нѣкогда начало вашей поэмы, тогда менѣе озаренной свѣтлымъ смѣхомъ, сталъ даже вовсе мраченъ.

Какъ бы то ни было, Чичиковъ и съ Коробочкой завязалъ наконецъ дѣло о мертвыхъ душахъ, и довольный поѣхалъ далѣе. Коробочка опустилась въ омутъ своего расчетливаго хозяйства, хлопотъ о прибыли, о припасѣ разныхъ продуктовъ для продажи, омутъ, въ которомъ одномъ она и купалась постоянно, кое-когда только тревожилась по ночамъ рогами дьявола. Посмотримъ, что будетъ далѣе? Но вы еще останавливаете меня въ этой же III главѣ. Вы уже будто услышали мой вопросъ: что же изъ того, что Коробочка оказалась такою женщиною? «За чѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Говорите вы прямо на мои внутреннія мысли, возбужденныя вами же, Коробочками, Маниловыми, хозяйственная ли жизнь, или не хозяйственная, мимо ихъ! Но то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься предъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ что взбредетъ въ голову. Можетъ быть, станешь даже думать: да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдаляющая ее отъ сестры ея, не досягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома, зѣвающей за недочитанной книгой въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли (*).... Но мимо! Мимо. За чѣмъ говорить объ этомъ? Но за-

(*) Вотъ въ свѣтѣ кто по внутреннему значенію, а не по наружности одной Коробочка; только сфера той и другой не одинакова: одна среди хозяйства, дру-

чѣмъ же среди не думающихъ веселыхъ безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная чудная струя; еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лице...»

Точно, поэтъ, новый свѣтъ падаетъ теперь на мое лице отъ вашихъ странныхъ героевъ. Да, эта Коробочка, точно, моя сестра; дѣло жизни, въ существѣ и основаніи своемъ, общее у нея и у меня. И у меня уже не подымается рука бросить на нее камень, или хоть такое словцо: какъ презрѣнны бываютъ у насъ нѣкоторые люди! Запросъ: «да полно, точно ли Коробочка такъ низко стоитъ на безконечной степени совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея?—» Этотъ запросъ уже прямо обращенъ ко мнѣ и еще живѣе затрогиваетъ мою душу, нежели запросъ о дѣлѣ жизни, сдѣланный вами Маниловымъ, въ которомъ впрочемъ, какъ подумаю, уже и завитъ былъ и настоящій, живой запросъ. И какъ прежній углублялъ мой взглядъ въ физіономію Маниловыхъ до того, что, и сквозь привѣты и сладкія улыбки, сочувствіе, по видимому, ко всему, уже виднѣлась мнѣ вся пустота и мелочность ихъ характера, вся гибельность ихъ жизни съ нѣкоторою какъ будто возможностію, и то самою дальнею, къ чему-то лучшему; такъ настоящій, собственно мнѣ сдѣланный запросъ, освѣтилъ для меня самое основное и существенное въ физіономіи Маниловыхъ ли или Коробочки—то, что глубже всѣхъ чертъ и прикрасъ и безобразія физіономіи, что даетъ новое выраженіе для меня физіономіями вашихъ героевъ: это братство ихъ со мною, это человѣческое и христіанское достоинство—лучшая моя собственность и украшеніе. Точно, столь чудная струя свѣта пронеслась для меня, что уже боюсь, нѣтъ ли Маниловскаго мечтательнаго бездѣйствія или Коробочкиной, упорной въ грубыхъ и узкихъ понятіяхъ, практичности и въ моемъ направленіи на духовной моей стезѣ. На всѣхъ нашихъ путяхъ существо дѣла одно; оно утверждается во Христѣ. Потому, и отступленія отъ должнаго порядка на разныхъ путяхъ, въ существѣ дѣла, одинаковы. Да! точно ли великая пропасть между Коробочкою и ея сестрою въ аристократическомъ домѣ? Но все еще не вижу

гая въ свѣтѣ, одна помѣшалась на расчетахъ хозяйственныхъ, другая на страсти, и искуствѣ блеснуть въ свѣтѣ. И у той и у другой одинаково нѣтъ уже живаго сочувствія къ чему либо постороннему: положить лишній цѣлковикъ въ мѣшочикъ, блеснуть предъ всѣми какой либо оригинальной модной мыслью—вотъ что составляетъ идолъ той и другой.

«поэмы» въ мертвыхъ душахъ, еще не доведено для меня это дѣло до своего основанія; духовная физіономія лицъ какъ-будто сама по себѣ, запросы, уясняющіе впрочемъ эту ихъ физіономію, также сами по себѣ; какъ будто еще вы сами являетесь ко мнѣ собственною личностію, чтобы истолковать то и то. Еще чуть предчувствую или только предполагаю, не выражается ли въ этихъ запросахъ и истолкованіяхъ собственно творческая сила, въ глубинѣ вашей души зиждущая свое твореніе...

Съ умиреннымъ духомъ, съ серьезною, но свѣтлою, теплою назидательностію, съ вниманіемъ къ самому себѣ продолжаю читать. Теперь всѣ мелочи и смѣшныя дрязги, которыя вы описываете такъ подробно, даже какъ будто съ какимъ-то сочувствіемъ и любовію, все это для меня дѣлается уже понятнымъ и выразительнымъ; чувствую и самый, вовсе не смѣшной и не мелочной, предметъ вашего сочувствія и любви, это есть *дѣло жизни*, всѣмъ намъ православнымъ общее, которое только предлагается каждому своимъ манеромъ: Коробочкѣ предлагается оно въ ея хозяйствѣ, трактирщику въ трактирѣ, а нашему герою еще и самъ не знаю въ чемъ. Но въ чемъ бы оно ни предлагалось, исполняютъ его или низвращаютъ, все это есть дѣло нашей жизни, все касается лучшей и первой моей собственности, человѣческаго, православно-русскаго достоинства. Какъ же не *входить во всѣ подробности* о братьяхъ, или лучше, какъ же со всею любовію и участіемъ не заниматься всѣмъ, что касается до прекраснѣйшей нашей собственности, нашего общаго дѣла жизни? Чуть-чуть уже не сродняюсь я съ вашими героями до того, чтобы видѣть въ нихъ себя самаго, въ ихъ душевныхъ язвахъ или омертвѣніи оплакивать свое собственное горе... Но продолжу слѣдить вашу «поэму».

Извѣстнымъ случаемъ столкнулся нашъ герой съ Ноздревымъ, уже знакомымъ мнѣ потому, что этотъ съ двухъ трехъ словъ началъ говорить нашему герою, ты. Не увидимъ ли и тутъ чего новаго въ нашемъ Павлѣ Ивановичѣ, столько умномъ, такомъ доточномъ практическомъ вѣдателѣ людей, работающемъ всею душею надъ какимъ-то дѣломъ своей жизни, впрочемъ надъ дѣломъ, кажется, слишкомъ подозрительнымъ? Не выступитъ ли и онъ самъ на открытый видъ также, какъ по его милости, по его искуству дотронуться всего живаго у Коробочки и у Манилова,—стоятъ передо мною какъ живые—мечтающій о каменномъ мостѣ и дружбѣ Маниловъ и Коробочка съ своими мѣшочками? Нѣтъ! Должно быть, онъ

и тутъ ускользнетъ, сторговавши полсотни мертвыхъ. Ноздревъ какой-то *безалаберной* съ перваго взгляда человѣкъ, какъ въ простонародьи въ иныхъ мѣстахъ честятъ такихъ господъ; дѣловому человѣку они, кажется, не совсѣмъ опасны. Однако вышло дѣло не такъ? Ноздревъ не поддался и Павлу Ивановичу, мало того, онъ уже, повидимому, постигъ и тайну Чичикова чуть ли не болѣе, чѣмъ я доселѣ: «врешь, врешь, кричитъ онъ нашему герою на его фальшивое объясненіе касательно покупки мертвыхъ, не давъ и кончить этаго объясненія, врешь братъ! Голову ставлю, что врешь! Ну, да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты большой мошенникъ, позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ.» Мало того, онъ еще думаетъ покататься на Чичиковѣ на счетъ его мертвыхъ душъ, какъ этотъ думалъ обработать и Ноздрева, подобно Манилову и Коробочкѣ; «Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ?» Онъ напрямки навязываетъ Чичикову жеребца за четыре тысячи, а мертвые уже пойдутъ въ придачу; если же жеребца неугодно, то каурую кабылу а буде шарманку, а буде «ужъ такъ и быть, поиграемъ въ банчишку»... Чичикову ужъ и не до мертвыхъ душъ, какъ бы самому ноги унести отъ Ноздрева, уже онъ дрожитъ за самую жизнь, а не за душевное дѣло жизни, столько подозрительное и вовсе кажется не христіанское... Удалъ же этотъ Ноздревъ! Молодецъ хоть куда! Поучитъ всякаго, не то что этотъ Мижуевъ, котораго онъ просто запросто прямо въ глаза назвалъ ѳетюкомъ, и рукой махнулъ. Впрочемъ нашъ мудрецъ Селифанъ, разставшись съ Ноздревымъ, что-то не слишкомъ жалуетъ его, не говоритъ «знатно сполняетъ свой долгъ,» а другое что-то бормочетъ про себя. Да, безъ дальнихъ словъ, прямо можно сказать: вся удаль этаго молодца обращена на мотовство, на плутовскую игру въ карты, на безстыдное вранье, на безцѣльное очерненіе всѣхъ и каждаго, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился и ни сошелся сей-часъ же на дружеское: *ты*, кого, и послѣ всѣхъ своихъ пакостей ему, онъ назоветъ и другомъ, и влѣпитъ ему «безешку» и предложитъ всякія свои услуги на всякое гадкое дѣло. И только одна удаль спасаетъ его отъ презрѣнія всѣхъ, отъ того, чтобы всѣ плюнули на него, да отворотились, одна удаль его какимъ-то страннымъ образомъ дѣлаетъ, что, послѣ всѣхъ своихъ пакостей и низостей съ другими, и онъ ничего и они ничего. Задорной на все безсмысленное и гадкое, этотъ человѣкъ, пожалуй, наконецъ такъ опутаетъ себя, что просто ему нельзя будетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ; мотать будетъ

нечего, въ карты играть не съ кѣмъ, чернить людей и кричать не предъ кѣмъ. Бѣдняга, останется только одинъ самъ съ собою и весь его задоръ, вся его удаль будетъ ему наказаніемъ, мукой, будетъ онъ рваться, какъ бѣшеной, съ своихъ цѣпей, но крѣпко онъ прикованъ къ каменной стѣнѣ, и обезсиленный ударится объ стѣну, и все останется только самъ съ собою, да съ своими цѣпями. Тогда-то, можетъ быть, Ангелъ Хранитель, въ какую нибудь минуту внутренняго безмолвія, дотолѣ Ноздреву едва ли знакомаго, шепнетъ или прямо его душѣ, или чрезъ кого-нибудь въ его уши, на что нужно употребить нашу русскую удаль и молодечество. И кто знаетъ? Можетъ быть, еще останется въ немъ и до того времени столько удали, что онъ разомъ сброситъ съ себя все пошлое и гадкое, и явится ратникомъ уже добра... Ничего этаго вы еще не говорите мнѣ. Но ужъ изъ IV главы вашей поэмы слышу это, въ своемъ раздумьѣ.

Ну, а нашъ герой? Срѣзался, изъ необыкновенно умныхъ людей разжалованъ Ноздревымъ въ глупые вруны? Нѣтъ! Не успѣлъ онъ, правда, завладѣть этимъ ухорскимъ молодцомъ, но и ему не далъ сѣсть на себя; правда, одинъ *случай* избавилъ его отъ того, что ребра его не попробовали чубуковъ Ноздрева, но дѣло не въ томъ. Тайна Чичикова осталась у него, и Чичиковъ не купилъ у Ноздрева ни каурой, ни шарманки, ни пары самыхъ чудесныхъ собакъ; да и въ банкъ не сталъ играть; правда сѣлъ за шашечную игру, но уже послѣ такого размышленія: «въ шашки игрывалъ я не дурно, а на штуки ему трудно подняться», и потомъ, какъ ни задорливо было плутовство Ноздрева, хладнокровно смѣшалъ шашки... А черешневаго чубука изступленнаго хозяина дома, да Порфирія съ Павлушкой, двухъ дюжихъ крѣпостныхъ дураковъ, когда всѣ средства ко спасенію отрѣзаны, одинъ одинешенекъ какой бы дѣловой человѣкъ не трухнулъ порядкомъ?.. И такъ Чичиковъ для меня еще какъ-то выросъ, и тѣмъ интереснѣе становится могучая тайная его мысль, но она все осталась тою же тайною. Поѣдемъ съ нимъ далѣе. Не успѣлъ онъ завязать дѣла съ Ноздревымъ, но этотъ и самъ отъ него не отвяжется, хотя того и крѣпко захотѣлось бы когда нибудь Чичикову. Но «поэмы» все еще не видно.

На силу-то наконецъ, уже въ V главѣ, Чичиковъ очутился у Собакевича, котораго, одного съ Маниловымъ, онъ имѣлъ въ виду, выѣзжая изъ города. Собакевичъ.... ну тутъ бросай краски со всей руки на полотно, и портретъ выйдетъ знатный! Собакевичъ—но лучше

вотъ перечту 180-ю страницу вашей книги, послушаю, какъ бесѣдуетъ съ нимъ Чичиковъ о своемъ задуманномъ дѣлѣ; въ такихъ случаяхъ Чичиковъ, ужъ мы знаемъ, мастеръ выводить наружу внутренность человѣка. «Собакевичъ (съ огромными размѣрами своего корпуса) слегка пригнулъ голову, приготовляясь слушать, въ чемъ было дѣльцо. Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, иностранцы справедливо удивляются.... Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову. И что по существующимъ положеніямъ этаго государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, хотя въ замѣнъ того и вновь родившіяся не вносятся въ подушные списки, чтобы такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложности, и безъ того уже весьма сложнаго, государственнаго механизма.... Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову. И что, однакожъ, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати, такъ какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту, дѣйствительно тяжелую, обязанность.... Собакевичъ слушалъ все по прежнему наклонивши голову....» Да это просто державинскій величавый мужъ! Такъ и слышится величіе ушедшаго въ себя русскаго человѣка, подъ созвучный ему говоръ о великомъ пространствѣ русскаго государства, о сложности нашего государственнаго механизма! И я посматривая со стороны, какъ этотъ мужъ все слушаетъ по прежнему, наклонивши голову, читаю уже про себя стихъ нашего баснописца: великій человѣкъ лишь видѣнъ на дѣлахъ,

И думаетъ свою онъ
Крѣпку думу
Безъ шуму.

Да, и съ этимъ величіемъ какой чудесный русскій тактъ ума у этаго человѣка, съ разу обхватывающій предметъ со всѣхъ сторонъ, и удачной пословицей, или даже однимъ простымъ словомъ очерчивающій его сполна. «Вамъ нужно мертвыхъ душъ? спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь

шла о хлѣбѣ.» Такъ разрѣшилъ онъ свое величавое, глубокое молчаніе! Такъ просто начинаетъ говорить, надумавъ въ тишинѣ свою крѣпкую думу, великій русскій человѣкъ. Но увы, что иногда бываетъ и съ величіемъ русскаго человѣка! На что иногда и это русское величіе можемъ мы обратить, чему иногда заставляетъ служить и этотъ чудный русскій тактъ ума! Вотъ оно—это русское величіе и съ простымъ словомъ, очерчивающимъ предметъ со всѣхъ сторонъ, вотъ какъ иногда поражается русскій человѣкъ великимъ поприщемъ, назначеннымъ Россіи, и негодуетъ на сбивающее съ этаго поприща, Европейское, бездушное просвѣщеніе; «это все выдумали доктора, нѣмцы, да французы, я бы ихъ перевѣшалъ за это! Выдумали діэту, лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидко-костная натура, такъ они воображаютъ и съ русскимъ желудкомъ сладить! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все.... Тутъ Собакевичъ даже сердито покачалъ головою. Толкуютъ просвѣщеніе, просвѣщеніе, а это просвѣщенье фукъ!... У меня не такъ. У меня когда свинина, всю свинью давай на столъ, баранина, всего барана тащи, гусь всего гуся!...» Вотъ оно, русское величіе въ Собакевичѣ. И когда онъ ушелъ въ себя, то, казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а какъ у безсмертнаго кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило никакого потрясенія на поверхности. Вотъ какъ во всемъ наказываетъ себя наша невѣрность и невнимательность къ дарованной намъ истинѣ и благодати! Чѣмъ же счастливѣе и лучше Собакевичь измѣльчавшаго, испарившагося совсѣмъ Манилова или удалаго на всякія пошлости Ноздрева? И къ чему поведетъ его эта величавая твердость? Къ тому на первый разъ, что онъ, пожалуй, будетъ жаловаться, что не бывалъ боленъ и что нужно будетъ поплатиться за это.

Развѣ ужъ въ самомъ дѣлѣ, болѣзнь такъ его сломитъ, что ему нельзя будетъ ѣсть ни свинины, ни баранины, ни даже гуся, или такой страшный, потрясающій, небесный громъ разразится надъ его наклоненною головою, что и его душа за своими горами проснется, и онъ забудетъ и думать о ѣдѣ, или глядѣть вокругъ себя за тѣмъ, чтобы твердо запечатать всякаго встрѣчнаго чорною печатію *подлеца* и *дурака*, что ему будетъ не до прочнаго устроенія своей помѣщичьей пошлой жизни.... И небо, можетъ быть, пошлетъ ему живое слово, чтобы оно запало въ самую глубину его души....

Можетъ быть, тогда онъ встанетъ, и изъ медвѣдя будетъ человѣкомъ, и все, окружающее его, вмѣсто характера медвѣжьей берлоги облечется дѣйствительнымъ русскимъ величіемъ.... Но будущее извѣстно одному Творцу! А нашъ герой—чудо, что за сила въ этомъ человѣкѣ! Онъ не побоялся идти и на медвѣдя, и таки обломалъ его, какъ ему хотѣлось.... Да, многосторонній и глубокій долженъ быть умъ и велика душевная сила у этаго человѣка; тайна всякой души уже открыта его практическому уму, и онъ движетъ ту или другую пружину этой души, какъ ему только угодно и нужно.... Великія должны быть и его, собственно практическія, дарованія, да и свѣтъ и людей, видно, посмотрѣлъ онъ. Стоитъ послушать разсужденіе его самаго съ собою о Собакевичѣ: «экъ наградилъ-то тебя Богъ! Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣжила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты черезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ *человѣкъ—кулакъ?* Но нѣтъ; я думаю, ты все былъ бы то же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ тебѣ, что теперь ты упишешь пол-бараньяго бока съ кашей; а тогда бы ты ѣлъ какія нибудь котлетки съ трюфелями.... Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики; ты съ ними въ ладу, и конечно ихъ не обидишь, потому что они твои, тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну. Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца, выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто по виднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую нибудь науку. Эхъ, если бы всѣ кулаки!» Пощади, пощади Павелъ Ивановичъ! Да, ты и самаго величаваго ученаго, самаго величаваго и высокаго чиновника ставишь въ уровень съ Собакевичемъ... Или видно, и людей поглубже нельзя узнать, незнавъ человѣческой жизни поглубже, не понявъ *дѣла* жизни человѣческой, не приводя всего къ допросу именно объ этомъ *дѣлѣ жизни.* А предъ этимъ допросомъ, видно, всѣ равны, всѣ братья, всякій смотри только на собственную внутреннюю драгоцѣнность, цѣла ли она у тебя самаго? Видно, нельзя и заговорить поглубже о людяхъ, не коснувшись этаго дѣла жизни, не затронувъ за живое, по крайней мѣрѣ, слушателя, если самъ останешься внутренно неподвижнымъ, или и самъ, кто бы ни

былъ, невольно подвигнешься, и по крайней мѣрѣ, о другихъ скажешь, грустно покачавъ головою: эхъ если бы *всѣ* кулаки! Да что же *ты самъ*-то въ себѣ, Павелъ Ивановичъ? Полонъ ли ты уже слишкомъ внутреннею жизнію, что иногда такъ глубоко заглядываешь въ тайну жизни и людей? Машина твоего духа крѣпка, сложна, сильна, это я вижу: а истинную *жизнь* твоей души—Богъ вѣдаетъ. Ты еще тайна для меня, хотя Ноздреву и удалось - было дотронуться до этой тайны, но мелькомъ, сумазбродно, и хотя не много истинно-живаго видно въ тебѣ доселѣ.... Слишкомъ крѣпко ты замаскировалъ себя! Но узнаю же я тебя; или ты какъ нибудь проговоришься, или пустой какой нибудь случай сорветъ съ тебя эту маску.

Да! ужъ мимоходомъ, и былъ съ Чичиковымъ подобный простой случай, который, если хорошенько вникнуть въ него, неожиданно открываетъ сущность и внутренней тайны Павла Ивановича и, что еще важнѣе для меня, тайны Высшей о самомъ Павлѣ Ивановичѣ. Это былъ тотъ случай, что, еще въ дорогѣ къ Собакевичу, на бричку Чичикова спереди со всего духа наскакала коляска съ шестерикомъ коней и православные, по обычаю своему, сбѣжались помогать дѣлу и помогали такъ хлопотливо... Что же тутъ такое? А вотъ прочитаю по вашей книгѣ. «Въ колясскѣ сидѣли двѣ дамы и глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ... Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ: хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ, испытующей его, ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца; ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы, все это въ ней было такъ мило...» Все это однако еще бы ничего. «Все это было въ ней такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на произшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. Даже и во все продолженіе этой продѣлки, глядѣлъ онъ внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась, какъ что-то похожое на видѣніе, и опять осталась дорога, бричка, тройка, Селифанъ, Чичи-

ковъ, гладь и пустота окрестъ полей.» Какъ бы кто ни объяснялъ случившагося съ Павломъ Ивановичемъ при этой встрѣчѣ, но для меня очевидно, что душѣ его въ лицѣ незнакомки повидѣлся иной высшій образъ или, выражаясь по вашему, послышалась, какъ будто съ неба прилетѣвшая, родная сестра, и въ Павлѣ Ивановичѣ пошевелилось тоже какъ будто иная высшая личность, въ которой нѣтъ ни тѣни своекорыстнаго эгоизма. Но вотъ сейчасъ же онъ является выпукло такою личностію, въ которой и для которой уже ничего не оказывается выше этаго своекорыстнаго эгоизма. Вотъ уже что говоритъ съ собою, задумавшись, нашъ горой... «Славная бабешка! Сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. Но вѣдь что въ ней главное хорошо?.» Ну, и не договаривай, все сказалъ, любезный Павелъ Ивановичъ! И твоя тайна, въ самой существенной и основной своей сторонѣ, не тайна... Какъ ни умны и ни глубоки твои послѣдующія разсужденія о людяхъ, о жизни, скажешь ты тутъ и *о дѣлѣ жизни* нашей, такъ какъ, пожалуй, никто лучше тебя не скажетъ; но вся твоя многосложная, энергическая внутренняя машина, вся твоя глубокая и многосторонняя натура безъ духа живаго, только самая искусная и дѣльная машина, всѣ пружины которой явно сводятся въ одинъ, иногда грубый, иногда утонченный, но во всемъ своекорыстный эгоизмъ; особенно, если въ твоихъ разсужденіяхъ дойдешь до этихъ словъ: «вѣдь если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея могъ бы выдти очень, очень лакомый кусочикъ.»

Да чтожъ такое тутъ, говорите вы мнѣ? «Герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно охлажденнаго характера. Онъ не гусаръ, не студентъ, не двадцати-лѣтній юноша, чтобы долго стоять безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперить безсмысленно очи въ даль, позабыть и дорогу и всѣ ожидающіе выговоры и распеканье за промедленіе, позабывъ и себя и службу и міръ, и все что ни есть въ мірѣ.» Въ томъ-то и горе наше, въ томъ и тяжкая духовная бѣда нашего времени, что и въ дѣйствительной жизни, и въ литературѣ, и даже въ строгой, повидимому, мыслительности міра забываются и, значитъ, до крайности ослаблены движенія человѣческаго духа, свидѣтельствующія о высшемъ значеніи и назначеніи нашей личности, выходящемъ изъ предѣловъ и тонкаго и грубаго эгоизма или своекорыстія; и едва оставляются онѣ только почти одной юношеской свѣжести. И вотъ, такимъ образомъ, нашъ Павелъ Ивановичъ не ждано, не гадано оказывается (какъ и слѣдуетъ по

углубленному взгляду вашему на *дѣло жизни*, общее всѣмъ намъ) представительною личностію современной дѣйствительной жизни и мыслительности, личностію, *ищущею своихъ си, а не яже Христа Іисуса*. Не обижена эта представительная личность дарами зиждительной и промыслительной о насъ Любви, какъ это уже видно было выше. Не принадлежитъ эта личность къ разряду злодѣевъ, развратниковъ, прямо порочныхъ людей. Но между тѣмъ, по своему поставивъ себя въ тотъ эгоистическій кругъ, въ которомъ добродѣтель и справедливыя сужденія составляютъ жертву одному «я», та же самая Христіанская личность до того уже оказывается чуждою живительнаго духа Божіей во Христѣ любви, что небесное ея вѣяніе, развѣ чрезъ какія нибудь отдаленныя отображенія свои, коснется этой души; и на мгновеніе она какъ будто воскреснетъ въ лучшую жизнь, но за тѣмъ поспѣшитъ и это мимолетное явленіе подвести къ низменнымъ и узкимъ воззрѣніямъ своего эгоизма. «Славная бабешка! но вѣдь что въ ней главное и проч.?» Нѣтъ, не лучше и этотъ точно многосторонній, великій по обыдённо-практической натурѣ, человѣкъ не лучше ни Коробочки, ни Ноздрева, ни Собакевича: тѣ только изуродовали себя, свое дѣло каждый по *своей* натурѣ и положенію, и этотъ тоже по *своей* натурѣ убилъ себя; хотя мелькомъ, на мгновеніе что-то нашлось и затронулось и въ его натурѣ живое.

Но и это уже великое событіе для человѣка, говорите вы, что вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди-ль чорствыхъ, шероховато бѣдныхъ и не опрятно плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или однообразно хладныхъ и скучно опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленіе, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперегъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость.... Такъ и..... въ повѣсти нашей.... Такъ! Вотъ здѣсь-то и для меня истинно-«новая, чудная струя несется» въ вашей повѣсти, когда дѣло живо коснулось самаго главнаго, столь обыкновеннаго по своему настроенію и необыкновеннаго, по своей натурѣ, лица въ вашей повѣсти. И уже точно, по вашему выраженію, становишься другимъ среди тѣхъ же людей и уже другимъ, новымъ, прекраснѣйшимъ свѣтомъ освѣщается лице.... Эти простые и нечаянные случаи, которые и омертвѣлой почти душѣ являютъ хотя мимолетныя свѣтлыя видѣнія, и дотрогиваются до *живаго* въ ней, въ самыхъ

внутреннихъ ея глубинахъ, эти случаи уже не отъ личной нравственной физіономіи человѣка, не отъ *дѣла жизни*, ему предложеннаго и его судящаго, не отъ братства его со всѣми нами, не отъ того, что внутреннее сокровище, заброшенное имъ или употребляемое, есть и наше сокровище; нѣтъ это уже происходитъ отъ чего-то Высшаго, нежели все это, отъ той Силы и Мысли, которая дала намъ и свою особую физіономію, и дѣло жизни въ особой сферѣ, и соединяетъ собою всѣхъ насъ во едино, подъ постояннымъ осѣненіемъ и наблюденіемъ которой живетъ и движется человѣкъ, отъ которой зависятъ всѣ наши случайности до самыхъ пустыхъ и обыкновенныхъ, которая не забываетъ, ищетъ и находитъ человѣка, хотя бы онъ, мучитель себя самаго, забился въ чорствые, шероховато-бѣдные, и неопрятно плѣснѣющіе ряды жизни, или занесся въ однообразно-хладныя и скучно-опрятныя сословія высшія... И тутъ она хотя разъ проникнетъ въ бѣгущую отъ него душу своимъ живительнымъ, небеснымъ лучемъ... И кто знаетъ? Зароненное простымъ случаемъ, сѣмя живительнаго свѣта, можетъ быть, въ душѣ сохранится и, при другихъ условіяхъ, раскроется въ величественно-прекрасномъ плодѣ. И если другія благодатныя средства оказываются не дѣйствительными къ духовному оживленію человѣка, погрязшаго въ эгоистически-житейскомъ омутѣ съ соблюденіемъ какого-то благоприличія и предъ другими и даже предъ собою; то у благодати Божіей можетъ послужить этому ея дѣлу и этотъ немощной сосудъ женщина, Евва, обновленная въ Христіанствѣ уже въ другой Высшій образъ. Я видѣлъ что и «герой среднихъ лѣтъ и осмотрительно охлажденнаго характера» на мгновеніе или, можетъ быть, на цѣлые полчаса вышелъ изъ своего отвердѣлаго эгоизма по нѣкоторому случаю, и самъ того не замѣчая за собою.... Начинаю теперь прозрѣвать въ вашу поэму, поэтъ, и слышать одну во всемъ мысль о всеобъемлющей, небесной Любви, не отнимающей у своихъ созданій уклоняться отъ нея самой, но и бѣгущихъ отъ нея не оставляющей, напротивъ, неотступно слѣдящихъ за ними и иногда незамѣтно настигающей.... Но будущее впереди! Не хочу теперь и я разстаться съ Павломъ Ивановичемъ, пойду съ нимъ, хоть куда угодно, хотя онъ въ глубоко грустное раздумье повергаетъ съ своимъ дѣломъ о мертвыхъ душахъ, значеніе котораго вполнѣ не понимаю, но уже рѣшительно знаю, что тутъ должна быть такая великая и многосторонняя низость своекорыстія, предъ которой блѣдны всѣ Ноздревскія мелочныя продѣлки и Маниловскія, летающія всюду,

пустыя мечты. О люди мы, люди! Ни что-то намъ не въ прокъ, какъ говоритъ простой русскій человѣкъ; все къ нашей гибели, даже самыя высокія дарованія и силы души, если ужъ захотимъ распорядиться собою по тому эгоизму, который въ своихъ идеяхъ, или въ однихъ практическихъ правилахъ, не знаетъ Христа; все и для здѣшней жизни тогда пропадаетъ, что не обѣщаетъ въ своемъ сѣмени самые прекрасные цвѣты и прекраснѣйшіе плоды. Извѣстно, что многимъ приходится повторять это ваше слово, сказанное отъ глубины души въ началѣ слѣдующей главы: «о моя юность! О моя свѣжесть!»

Сильная, должно быть, и энергическая мысль глубокой, многосторонней, испытанной души нашего героя, мысль, завладѣвшая всѣмъ его существомъ, но мысль своекорыстная, все въ немъ мертвящая, скоро отражающая отъ его души всякое живое впечатлѣніе, и безъ того мимолетное, (пока больше этого и ничего не знаю еще объ этой мысли,) повлекла нашего героя къ какому-то Плюшкину, мошеннику, скрягѣ, какого и вообразить трудно, переморившему всѣхъ людей голодомъ, какъ случайно отозвался о немъ, прямо въ цѣль бьющій со всего размаха, Собакевичъ. Отъ Сабакевича въ первый разъ, кажется, и услышалъ вашъ герой о Плюшкинѣ. Обширное село Плюшкина со множествомъ избъ и улицъ, представляло въ себѣ самый странный и непріятный видъ безпорядка, ветхости, безобразія, признакъ совершенной лѣности, пьянства, сонливости или бродяжничествъ обитателей. Барскій домъ еще несравненно пустыннѣе, старѣе, безобразнѣе; садъ одинъ случайно какъ-то получилъ, въ самомъ запустѣніи, нѣкоторую красоту, какой и прежде не имѣлъ, со всею своею холодною, Европейскою правильностію. Хозяинъ... что объ немъ и говорить? Всякій изъ вашихъ читателей конечно, болѣе, всѣхъ героевъ пораженъ хозяиномъ этаго запустѣнія и всего лучше помнитъ его, помнитъ, какъ въ первый разъ, увидавъ его фигуру, Чичиковъ, при всей своей проницательности, приведенъ былъ въ совершенное недоумѣніе его костюмомъ. «Ой баба! Подумалъ онъ про себя, и тутъ же прибавилъ: Ой нѣтъ! Конечно баба! наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе.» А это былъ самъ скряга, хозяинъ. Комната, которую будто бы загромоздили мебелью и всякою дрянью въ томъ безпорядкѣ, когда въ домѣ происходитъ мытье половъ, эта комната тоже всѣмъ извѣстна, и со сломаннымъ стуломъ на одномъ столѣ, и съ лимономъ высохшимъ и ставшимъ не болѣе лѣснаго орѣха, съ кусочкомъ

сургучика, съ кусочкомъ какой-то тряпки на бюро, выложенномъ перламутровою мозаикою.... И уголъ этой комнаты всякій видитъ, со всякимъ въ ней дрязгомъ; только никто, конечно, не разобралъ всего, что тутъ есть, потому что руки всякаго, касающагося ихъ, любопытства къ такому вздору въ этомъ углѣ, становились отъ грязной пыли похожими на перчатки; впрочемъ иные успѣли бы замѣтить тутъ по крайней мѣрѣ отломленный кусокъ деревянной лопаты и старую подошву сапога. Одинъ только поношенный колпакъ возвѣщалъ, что тутъ обитаетъ живое существо... Жизнь, дѣятельность хозяина извѣстны: напр. какъ онъ ходилъ каждый день по селу заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все и бабье тряпье и желѣзный гвоздь подбиралъ къ себѣ и сносилъ въ свой уголъ, какъ онъ ходилъ въ кухню дѣлать разныя наставленія людямъ, и за ихъ столомъ досыта пробовалъ ихъ щи и кашу, чтобы, ужъ не обѣдать у себя. Извѣстна и вся пропасть его изобилія во всѣхъ разныхъ продуктахъ отъ холстовъ и суконъ, уже перетлѣлыхъ, до безчисленнаго множества бочекъ, лукошекъ, мыкальниковъ. Извѣстна и его исторія. Былъ онъ сначала образцовымъ хозяиномъ, женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать и поучиться у него мудрой скупости, и все у него текло живо и размѣреннымъ ходомъ. Потомъ онъ овдовѣлъ и долженъ былъ заниматься, по необходимости, самъ нѣкоторыми мелкими заботами по хозяйству, которыми завѣдывала прежде покойница, и сталъ естественно по безпокойнѣе. Убѣжала тутъ, къ случаю, старшая дочь и тайно обвѣнчалась съ Штабъ-Ротмистромъ; суровый вдовецъ, имѣвшій при томъ предубѣжденіе противъ военныхъ, ее проклялъ. Сынъ противъ воли отца поступилъ въ военную службу и проигрался на картахъ. Младшая дочь умерла. И скупость до того завладѣла одинокою, оскудѣлою до конца человѣческими живыми движеніями, душею, до того, наконецъ, стала пожирать ее, что онъ уже не въ состояніи былъ обозрѣвать хозяйство обширнымъ взглядомъ; все хозяйственное обширное дѣло бросилъ и трепеталъ только за какой нибудь кусочикъ сургуча; собиралъ старыя подошвы сапожныя, и, какъ привидѣніе сторожилъ свои кладовые и амбары, гдѣ сваливались всякіе продукты и обращались въ тлѣнъ... До такого страшнаго самоотверженія дѣйствительно возможнаго и для эгоистической личности, довела его эта адская тиранка, скупость, что онъ готовъ былъ бы отказаться и отъ тепла, изъ за того, что на отопленіе дровъ много выходитъ, готовъ былъ бы ограничить

себя отказомъ и въ свѣтѣ Божіемъ, потому что для починки разбитаго оконнаго стекла нуженъ четвертакъ, а бумагой негодной залѣпить окно ничего не стоитъ.... И все у него становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. И какъ не замѣтно и естественно! Не говорю уже, какъ онъ простилъ свою дочь и пользовался привезеннымъ отъ нея куличемъ... И еще поразительнѣе и страшнѣе портретъ этаго человѣка, если противопоставить ему, болѣе обыкновенный у русскихъ, кутежъ и роскошь, прожигающіе насквозь жизнь, какъ говорите... Впрочемъ, вѣдь, и кутила, наравнѣ со скрягой, поставляется подъ допросъ о дѣлѣ жизни; готовый у всѣхъ, приговоръ скряжничеству Плюшкина падаетъ одинаково и на мишурность безтолковой, ничего нещадящей роскоши. Но обратимся къ нашему герою. Павелъ Ивановичъ и тутъ не потерялся, сразу смекнулъ, какъ пробраться въ душу и къ Плюшкину. Вотъ онъ какъ повелъ дѣло: наслышась объ экономіи и рѣдкомъ управленіи имѣніями Плюшкина, онъ почелъ де за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе, а въ послѣдствіи, къ слову должно быть, сказалъ Плюшкину прямо въ глаза объ излишествѣ въ немъ добродушія, незамѣтно могущемъ произвесть ущербъ въ хозяйствѣ; не смутился онъ, что Плюшкинъ сейчасъ-же, къ первому слову гостя, далъ ему знать о кухнѣ низкой, прескверной, того и гляди пожару надѣлаешь, да и сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ... «Мнѣ однако сказывали, скромно замѣтилъ онъ, что у васъ болѣе тысячи душъ.» Подумаешь, Чичиковъ сдѣлалъ глупость; заспорилъ съ хозяиномъ, и безъ того не слишкомъ-то гостепріимномъ. Нѣтъ! Основательный разсчетъ его вѣренъ: «тысяча душъ, а подитка сосчитай, говоритъ Плюшкинъ, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня»... Павлу Ивановичу только того и хотѣлось. Дѣло о мертвыхъ душахъ духомъ сладилось. Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой! Вскрикнулъ Плюшкинъ, услышавъ и понявъ наконецъ предложеніе нашего героя платить подати за всѣ ревизскія души покойниковъ...

Все, все прочее всѣмъ извѣстно. И всякій, вмѣстѣ со мной, носитъ въ себѣ это тяжелое раздумье: «все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости.... Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ

человѣкъ! Но ничего не прочитаешь въ хладныхъ безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.» Ужели и въ самомъ дѣлѣ невозвратно погибъ этотъ ничтожный, мелочной, гадкій человѣкъ, какимъ является Плюшкинъ? Ужели вы отнимаете у него всякую надежду спасенія, и онъ живетъ тѣломъ, безъ всякой возможности къ духовному оживленію? Всмотрюсь въ его мертвую физіономію получше. У него дочь, которую онъ простилъ, маленькіе внуки, которыхъ онъ покачалъ на колѣняхъ.... Но тѣмъ дѣло и кончилось! Онъ вѣритъ въ страшный судъ, на которомъ грѣшника припекутъ, какъ онъ выражается, желѣзными рогатками, онъ вѣритъ въ непреодолимую силу душеспасительнаго слова.... Онъ вспомнилъ товарища своего дѣтства, и даже то, что онъ съ нимъ лазилъ по заборамъ, и на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучь, впрочемъ выразилось не чувство, но какое-то блѣдное отраженіе чувства.... Но и это было нѣчто подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина, или утомленныя бореніемъ руки.... Напрасно! Появленіе было послѣднее. Глухо все и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи.... Такъ вы говорите. Впрочемъ хотя послѣднее, но все же это было появленіе утопающаго на поверхности воды. Слава Богу и за то? Видна еще душа *въ немъ*. И нашелся бы только кто нибудь броситься въ этотъ извращенно-житейскій омутъ, гдѣ погибалъ несчастный, опустился бы до дна и схватилъ его; тогда еще, можетъ быть, и спасенъ былъ бы погибающій и уже безчувственный. Притомъ Плюшкинъ тронулся-же безпримѣрнымъ великодушіемъ Чичикова, избавлявшаго его отъ обязанности платить за мертвыя ревизскія души, и по отъѣздѣ его даже подумалъ о томъ, какъ бы его возблагодарить. Въ первую пору этаго движенія, онъ хотѣлъ было подарить ему даже серебряные часы; впрочемъ и подумавъ онъ все-таки рѣшилъ завѣщать ему эти часы въ наслѣдство, послѣ смерти своей. А это не малость, въ отношеніи къ Плюшкину. И если бы Плюшкинъ когда нибудь очутился въ крайности потерять и всѣ живыя души, лишиться самой своей комнаты съ этимъ угломъ, въ которомъ виднѣются кусокъ деревянной лопаты, да подошва, и отчаявшись уже завязалъ бы петлю для своей головы, и еслибъ въ это время нашлось въ комъ нибудь такое са-

моотверженіе, чтобы крайнюю бѣду его взять во Христѣ на себя самаго; то, можетъ быть, Плюшкинъ ощутилъ бы это благодѣяніе, покрайней мѣрѣ, также, какъ уплату за ревизскія души покойниковъ изъ его помѣстья. Тогда благодарностію потрясется, можетъ быть, и въ изсохшей глубинѣ своей, душа скряги. И въ эту, минуту благодѣтель и спаситель его можетъ въ возбужденную душевную его глубину кстати, съ искуствомъ любви, бросить напр. это высочайше-душеспасительное слово: *кая польза человѣку, аще и міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ....* И если еще человѣкъ, изъ души котораго излилось это вѣчно-живое слово, съ своимъ самоотверженіемъ будетъ притомъ такой же глубокій вѣдатель тайныхъ пружинъ душевныхъ, каковъ напр, Чичиковъ; то, можетъ быть, и отъ Плюшкина, и изъ этой безотвѣтной могилы—услышится живое слово, хотя бы и раздирающее душу всякаго.... Впрочемъ въ иную только пору, и то мелькомъ, издали, кажется мнѣ слышу или чую съ содроганіемъ, что скажетъ вашъ Чичиковъ въ третьемъ томѣ вашихъ «мертвыхъ душъ».

Въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа поѣхалъ отъ Плюшкина Чичиковъ, пріобрѣтши у него двѣсти слишкомъ мертвыхъ; и наконецъ послѣ довольно дальней поѣздки возвратился въ губернскій городъ подъ вечеръ какого-то дня, и въ городѣ было все такъ, какъ обыкновенно подъ вечеръ бываетъ въ такихъ русскихъ городахъ.... Петрушка, вы говорите, не знаю обрадовался ли барину, а съ Селифаномъ успѣлъ переглянуться.... Обозрю теперь однимъ общимъ взглядомъ всю эту поѣздку Чичикова, разобранную уже мною по частямъ. Не открою ли еще чего нибудь для уясненія вашей поэмы?

И такъ нашъ герой успѣлъ завязать дѣло съ Маниловымъ, Коробочкой, Собакевичемъ, Плюшкинымъ, а о Ноздревѣ можно только повторить, что онъ и самъ, пожалуй, при случаѣ не отвяжется. Что это за личности столкнулись съ нимъ? Повидимому, всѣ не бездѣльныя, съ тою или другою высокою чертою русскаго духа. Но какъ каждый по своему наругался надъ этимъ православнымъ русскимъ духомъ! Чего не потерпѣла во всѣхъ этихъ личностяхъ драгоцѣнная собственность всякаго русскаго! А въ Чичиковѣ, какъ ни мало знаемъ его задушевную тайну, покупки мертвыхъ, въ Чичиковѣ, въ которомъ, въ глубинѣ практическаго его духа, такъ полно и легко отражается Маниловъ и Собакевичь, Плюшкинъ и Ноздревъ, Коробочка и Манилова, въ этой многосторонней русской

личности, хорошо, повидимому, понимающей, въ чемъ дѣло жизни: общее всѣмъ русскимъ, это дѣло жизни тѣмъ многостороннѣе и глубже низвращается при всей приличной благовидности Павла Ивановича при всемъ томъ, что онъ не убійца какой и отнюдь не мерзавецъ отъявленный. И общее всѣмъ намъ русскимъ *дѣло жизни*, всѣми этими людьми искажаемое, даетъ внутреннему нашему чувству ощутить духовную, внутреннюю между ними связь, еще тѣснѣйшую, нежели какова внѣшняя ихъ связь произшедшая въ слѣдствіе того, что Чичиковъ завязалъ со всѣми дѣло о мертвыхъ душахъ. *Дѣло жизни*, обличая одного, вопіетъ тѣмъ сильнѣе на другаго; обличая кутилу Ноздрева, тѣмъ ярче выставляетъ на видъ позорное скряжничество Плюшкин[illegible]суждая прочнаго въ пошлой жизни Собакевича, тѣмъ рѣшител[illegible] срываетъ маску съ расплывшагося мечтателя Манилова. Изъ глубокой души Чичикова исторгается самъ собою вопль долга, позорящій и карающій каждаго изъ прочихъ, которые нарушаютъ свой долгъ такими пустыми и смѣшными мелочами, и невидимо отражающійся отъ всѣхъ прочихъ на голову самаго Чичикова, который съумѣлъ же убить свою практически-многостороннюю душу какими-то еще не вполнѣ извѣстными мнѣ мелочами и призраками (потому-что только призраками и убивается душа) и соорудить изъ нихъ тѣмъ великолѣпнѣйшаго и страшнѣйшаго для его ослѣпленныхъ очей, и тѣмъ болѣе безобразнаго на самомъ дѣлѣ идола. И тяжело становится на душѣ отъ этихъ мертвыхъ душъ, ставшихъ въ какую-то взаимную живую связь между собою; тѣмъ тяжелѣе, что по общему всѣмъ намъ православнымъ дѣлу жизни, по единству русскаго духа и я не могу отказаться отъ братства съ Коробочкой и Ноздревымъ; тѣмъ тяжелѣе, что обличающій вопль попраннаго дѣла русской жизни, общаго всѣмъ русскимъ, невольно слышу и въ моей душѣ. (Ибо Правда, осуждающая и поражающая Маниловыхъ, Коробочку или Собакевича, а еще сильнѣе Чичикова, тѣмъ же самымъ необходимо грозитъ и всѣмъ, кто и въ другихъ областяхъ жизни посвоему осуществляетъ въ себѣ эти типы).

Но вотъ, мы уже видѣли, свѣтлая животворная струя нечаянно пронеслась и въ этой осужденной массѣ. Высшая Милость, отъ которой въ безусловной зависимости находятся не только люди, но и пустѣйшіе случаи съ ними, нашла коснуться своимъ лучемъ души и Павла Ивановича, во всѣмъ жару его хлопотъ о покупкѣ мертвыхъ душъ, тотчасъ же послѣ самаго критическаго положенія, въ кото-

рое поставили было его эти хлопоты. Теперь и отраженіе теплаго чувства, возбужденное въ Плюшкинѣ, и всѣ возможности къ принятію *жизни,* которыя во всѣхъ этихъ убитыхъ личностяхъ, начиная съ Коробочки до Ноздрева, открыты (хотя и чуть замѣтно) глубокимъ столкновеніемъ съ ними Чичикова, все это уже оказывается безцѣннымъ даромъ той же Высшей Милости, какъ-бы прозрѣвающей лучшее о всѣхъ этихъ людяхъ. И такимъ образомъ въ приговорѣ правды, убивающей всякаго нарушителя закона и презрителя жизненнаго дѣла, уже тайно слышится голосъ Любви животворящей, которая успокоивается въ одномъ благомъ, всею силою отвращается отъ всего низкаго, презрѣнно-пустаго и злаго и тѣмъ ярче своимъ свѣтомъ обличаетъ всю эту мелочную пустоту и достойную всякаго смѣха призрачность разныхъ человѣческихъ идоловъ, но милуетъ опутавшихъ себя этими пустыми мелочами и зломъ ненавистнымъ; матерински болѣетъ объ этихъ бѣдныхъ своихъ созданіяхъ, ищетъ ихъ, пробуетъ однѣ за другими всѣ ихъ внутреннія пружины, и при самыхъ отдаленныхъ возможностяхъ ихъ къ лучшему, уже не можетъ, такъ сказать, разстаться съ ними до конца, хотя долго никто ея не видитъ и не понимаетъ....

Поэтъ! Слышу вашу поэму хотя еще глухимъ ухомъ отвлеченнаго пониманія, и понимаю лирическое отступленіе отъ хода повѣсти, въ началѣ VII главы: это, дѣйствительно, сама собою высказывается творческая мысль и сила, зиждущая или воспроизводящая изъ дѣйствительности эту великую поэму; это предощущаемый поэтическою душою, повсюду проторгающійся, вздохъ и вопль духа творческой Любви, не понимаемой и отвергаемой, но соблюдающей, лелѣющей духовную свободу и въ самыхъ мертвыхъ душахъ, тщетно гоняющейся за ними на всѣхъ ихъ путяхъ едва издали прозрѣвающей радость ихъ воскресенія... (Но ужели еще долго будетъ такъ въ нашей провославной Россіи?!)... «Счастливъ путникъ, который послѣ длинной, скучной дороги съ холодомъ, слякотью, грязью, видитъ наконецъ знакомую крышу и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, шумъ и бѣготня дѣтей и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями. Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку! Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка... Онъ среди ихъ какъ въ родной семьѣ... Между тѣмъ какъ еще, при одномъ имени его уже трепетомъ объемлются молодыя, пылкія сердца, отвѣтныя

слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ.... Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушно очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь. Ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ шестнадцати-лѣтняя дѣвушка съ геройскимъ увлеченіемъ; ему наконецъ не избѣжать отъ современнаго суда, лицемѣрно безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими *лелѣянныя* имъ созданія, отниметъ у него и сердце и душу и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести въ перлъ созданія; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ... Сурово поприще такого писателя и горько почувствуетъ онъ свое одиночество. И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властію идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей....»

Поэтъ, Поэтъ! А что если изъ самой дальней пропасти этой громадно-несущейся жизни, человѣкъ, съ камнемъ вмѣсто сердца, льетъ иногда за вашими, можетъ быть еще и невеличавыми рѣчами, живительныя теплыя слезы и не смущаясь называетъ васъ про себя своимъ братомъ, и ободряется къ борьбѣ съ своими внутренними змѣями и подымаетъ свои тяжелые, острые, извнутри и извнѣ гнетущіе каменья...

«Въ дорогу! Въ дорогу!» Говорите вы. Съ Богомъ! Съ Богомъ, прекраснѣйшій мой старшій братъ! И да будетъ миръ и радость съ тобою, и въ твоемъ одинокомъ по видимому странничествѣ! Немножко провожу васъ и я, и посмотрю за вами въ вашу даль.

Теперь для меня свѣтлѣе и понятнѣе какъ-то становится ваша дорога, и я, не входя во всѣ подробности, уже начинаю, кажется мнѣ, видѣть, въ чемъ тамъ или тутъ главное дѣло; а отъ этаго и всѣ подробности получаютъ для меня значеніе тѣмъ глубже и выразительнѣе.

Вотъ нашъ Павелъ Ивановичь, такой доточной, извѣстный уже

мнѣ, вѣдатель русскаго человѣка, отправляется въ губернскіе суды для скрѣпленія своего дѣла о покупкѣ мертвыхъ душъ, впрочемъ такъ какъ будто бы эти души были живыя и имъ куплены для перевода въ Херсонскую губернію. Вотъ эти губернскіе суды съ своими людьми приказными, изъ которыхъ молодежь какими нибудь пустяками и выходками придаетъ столько вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ въ глазахъ посторонняго человѣка, особенно имѣющаго дѣло до судовъ, а постарѣе иль поосновательнѣе люди толкуютъ сурово и *о другихъ*, значительныхъ въ судахъ, особахъ, кромѣ развѣ одного предсѣдателя и никакъ не замѣчаютъ положенной на столъ ассигнаціи, накрываютъ ее только книгою. Суды, въ которыхъ на начальниковъ столь магически дѣйствуютъ покупки стороннихъ, но имѣющихъ до нихъ дѣло людей, не просто впрочемъ всякія покупки, а напримѣръ: на сто тысячъ рублей, и поболѣе, и не множко пожалуй поменѣе. Суды, въ которыхъ всѣ родные и пріятели предсѣдателей даже и пошлинныя деньги платятъ только въ половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, относится на счетъ какого-то другаго просителя. Вотъ эти губернскіе или гражданскіе блюстители законовъ и правды, которые для скрѣпленія какого нибудь дѣльца пріятельскаго (а пріязнь бываетъ, конечно неравна и не всегда по однимъ и тѣмъ же причинамъ), дѣльца, о которомъ и сами хорошенько ничего не знаютъ и знать не думаютъ, скорой рукою собираютъ какихъ нибудь встрѣчныхъ или «бременящихъ даромъ землю» (это не я, а Собакевичъ такъ печатаетъ почтенныхъ людей) свидѣтелей; затороппвшійся канцелярскій служитель похлопочетъ пожалуй призвать и отца Кирила, отвлекши его, можетъ быть, отъ приходской требы изъ за какого-то казеннаго, нетерпящаго отлагательства, дѣла.... Вотъ эти властные и сильные въ губерніи люди, которые никакъ не захотятъ угощаться на счетъ, поддѣлавшагося къ нимъ, заѣзжаго гостя, хотя бы и много обязали его. Нѣтъ, русскій человѣкъ не забылъ и не утратилъ своего гостепріимнаго нрава. «Шипучаго мы сами поставимъ говоритъ Чичикову предсѣдатель, это наша обязанность, нашъ долгъ, вы у насъ гость.» Впрочемъ предсѣдатель умѣетъ, какъ это дѣло сдѣлать—блеснуть гостепріимствомъ. Онъ поведетъ гостя со всею свитою связанныхъ съ нимъ людей, къ Полицмейстеру: «да тамъ и закусимъ! да при, этой оказіи и въ вистишку!» Впрочемъ тутъ нѣтъ обиды и Полицмейстеру, точно ни въ чемъ не виноватому ни предъ гостемъ, ни предъ его свитой и предсѣдателемъ.

Онъ такой чудной человѣкъ: ему стоитъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба.... Впрочемъ опять не подумалъ бы кто нибудь худаго о Полицмейстерѣ; онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ отецъ, всѣ имъ довольны, какъ нельзя болѣе, и говорятъ и думаютъ: «Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ! Хоть оно и возметъ, за то ужъ тебя никакъ не выдастъ»! Всякій это знаетъ, и я какъ будто видалъ Алексѣя Ивановича и тоже говорилъ: «Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ,» и прочія слова о немъ признательныхъ гражданъ. А законъ? А правда? Это другой вопросъ: тутъ не Полицмейстеръ только или предсѣдатель, или суды губернскіе, но и кто другой, или какіе другіе суды устоятъ по какой угодно части? Впрочемъ, пожалуй, эти господа судьи и ихъ суды со всѣми приказными людьми состряпаютъ, можетъ быть, даже и сами того не вѣдая, такое дѣльцо, которое поставитъ ихъ прямо и безъ всякой личины предъ закономъ и правдою, и можетъ быть эти гостепріимные добряки закажутъ тогда и другу и недругу собирать случайныхъ свидѣтелей, дѣлать дѣла съ зажмуренными чѣмъ нибудь глазами, пошлинныя подати пріятеля обращать въ счетъ другихъ просителей и проч. и проч. и тѣмъ, можетъ быть, и привлекутъ къ себѣ Ту и на землѣ Высшую Милость которая самые законы предписываетъ, которая одна сообщаетъ свѣтлый взглядъ и оживляющее выраженіе, грозному безъ того, зраку и лицу Правды.

Чичиковъ, разумѣется, и въ судахъ, и на закускѣ вездѣ найдется... Но въ немъ теперь уже выступила прямо на видъ нѣкоторая черта, едва прежде уловимая; онъ къ чему то кстати выбранилъ за либеральность (и по дѣломъ) всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая то нетвердость, какъ будто тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ:» эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно! Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтить что нибудь на ихъ лицахъ, конечно, прочитать на нихъ тѣ назидательныя рацѣи, которыя онъ про себя дѣлалъ прежде тому или другому изъ нихъ... Но съ другой стороны, видно, недаромъ же случайно зацѣпило его своимъ крыломъ мимолетное видѣніе, какъ будто не изъ того міра, въ которомъ онъ и всѣ мы живемъ; видно точно таится что-то еще не убитое въ его многосторонней натурѣ и даетъ иногда болѣзненно чувствовать себя, а вмѣстѣ и привлекаетъ хоть разъ въ жизни свѣжительный неземной лучъ. И Собакевичъ кое-что обнаружилъ въ этотъ разъ... Это впрочемъ всякій знаетъ, какъ Собакевичъ на какой-то вопросъ Чичикова

о *Елизаветѣ-воробьѣ* сказалъ; «нѣтъ, никакого воробья я не приписывалъ,» и отошелъ къ другимъ гостямъ (Дѣло было по дорогѣ къ Полицмейстеру на закуску, на счетъ губернскихъ граждань.) Но ничего не можетъ лучше нашего Собакевича, какъ онъ, проговорившись о продажѣ Чичикову каретника Михѣева, о смерти котораго уже говорилъ съ предсѣдателемъ, чудесно и даже безъ всякого усилія вышелъ изъ затрудненія.» «Кто, Михѣевъ умеръ? Сказалъ онъ предсѣдателю ничуть не смѣшавшись. Это его братъ умеръ, а онъ преживехонекъ и сталъ здоровѣе прежняго. На дняхъ такую бричку сладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлали. Ему по настоящему, только на одного Государя и работать». Вотъ это Сабакевичъ во всѣхъ отношеніяхъ? Только странно чегожъ этотъ русскій богатырь испугался пустой замѣтки Чичикова о приписанной имъ въ число мужескихъ душъ, Елизаветѣ-воробьѣ. Ну, ужъ эту неизъяснимую тайну знаетъ только Творецъ, лелѣющій съ такою всезрящею любовію свои созданія.

На закускѣ у полицмейстера всѣ славно и дружески подпили, по обыкновенію всѣхъ, еще не успѣвшихъ Европейски мертвящимъ просвѣщеніемъ и приличіями убить наши родныя живыя славянскія начала, а также и освободить себя отъ кое-какихъ грубыхъ и дикихъ наростовъ добраго стараго времени.

Въ VIII главѣ вашей поэмы, покупка Чичикова, конечно, очень и очень замѣчательная (не менѣе какъ на сто тысячь накупилъ онъ, для перевода въ Херсонскую губернію, мертвыхъ душъ) естественно должна была сдѣлаться предметомъ общихъ разговоровъ въ губернскомъ обществѣ. Какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, передумали и рѣшили въ городѣ о накупленныхъ Чичиковымъ душахъ все, чего и ему въ голову не приходило, о всѣхъ выгодахъ и невыгодахъ перевода въ Херсонскую губернію, высказывали разныя мнѣнія объ искорененіи буйнаго духа въ его новыхъ крестьянахъ, почему-то извѣстнаго уже кое-кому, другіе предлагали херсонскому помѣщику канвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. Вообще стало въ городѣ извѣстно, что Чичиковъ не болѣе, ни менѣе, какъ милліонщикъ. Разумѣется это все происходило въ обществѣ городскомъ, *въ свѣтѣ*.—Вы знакомите меня съ этимъ обществомъ, немножко уже и знакомымъ мнѣ; все почтенные и добрые люди, съ образованіемъ: кто читалъ Карамзина, кто московскія вѣдомости, кто и ничего не читалъ. Жили между собою братски, съ какимъ-то особеннымъ семейнымъ просто-

душіемъ и кротостію; они обыкновенно такимъ образомъ обращались другъ съ другомъ: «послушай братъ, Антипаторъ Захарьевичъ; ты заврался, мамочка. «Иванъ Григорьевичъ,» и прочее въ такомъ же кроткомъ духѣ. Гостепріимство ихъ знаемъ, Чичикова они просто носили на рукáхъ. Таковы господа чиновники и помѣщики! И дамы не менѣе, или еще болѣе исполнены были всякихъ совершенствъ; соблюдали тонъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ; законы на счетъ занятія мѣста тоже не были здѣсь попираемы; въ нравахъ строгость, благородное негодованіе противъ всякихъ соблазновъ, и если у кого нибудь изъ нихъ происходило другое-третье, то оно происходило такъ, что не было подаваемо никакого вида, что происходило. Но поэзія слышитъ, что ничего нельзя скрыть отъ Правды, всевидящей и нелицепріятной.

Вотъ и балъ: всѣ вышеуказанныя совершенства дамъ блеснули всѣмъ своимъ свѣтомъ. «Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимое, у, какое тонкое! (Такъ отзывается о дамахъ Чичиковъ, а ему я повѣрю болѣе, чѣмъ собственной правдивости и проницательности, знающей одно, что и всякой человѣкъ можетъ измельчать до самой неуловимой тонкости)... Одни глаза ихъ—такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ и поминай, какъ звали... Нѣтъ, просто ни приберешь словъ: галантерейная половина человѣческаго рода и ничего больше!» Ну, тутъ больше и сказать нечего. Мущины явились также во всей своей красѣ, каждый только по своему особому характеру. Довольно о нихъ сказать: Чичиковъ лишь появился на балѣ, какъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ своихъ пріятелей и друзей, съ недѣлю или двѣ только познакомившихся. Да развѣ еще прибавить къ этому, что припомнилось мнѣ еще изъ первой главы, на что тогда почему-то не обратилъ я особаго вниманія: это раздѣленіе мущинъ на губернскомъ балу, на тоненькихъ, которые все увиваются около дамъ, (какъ на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ, когда старая ключница рубитъ его на сверкающіе обломки, носятся въ разбитную и кучами воздушные эскадроны мухъ, пройтись взадъ и впередъ, новернуться и опять улетѣть и опять прилетѣть. Мастеръ вы дѣлать описанія! Такъ и видишь, какъ мухи носятся врозь и кучами на рафинадѣ).... но не объ нихъ рѣчь),—и на толстыхъ, которые косились и пятились отъ дамъ, посматривая только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ слуга зеленаго стола. И такимъ об-

разомъ балы губернскіе бываютъ на славу! Павелъ Ивановичъ, при этой оказіи, также сталъ развертываться и блистать со всѣхъ сторонъ своихъ, такъ что дамы (а тонкій вкусъ ихъ извѣстенъ), не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ его, что-то даже марсовское и военное. Впрочемъ онъ этимъ обязанъ, кромѣ дѣйствительно могучей своей натуры, тотчасъ и замѣченной женщинами, и серьезнымъ приготовленіемъ къ балу: какъ всякій полководецъ, онъ все предусмотрѣлъ, разсчиталъ; и теперь не мудрено, что въ его очахъ блистало величественное выраженіе военнаго генія, знающаго уже, въ начавшейся битвѣ, все до послѣднихъ мелочей и до конца ея, и увѣреннаго въ побѣдѣ надъ сильнымъ и быстрымъ непріятелемъ... Можетъ показаться, не муху ли надуваю я въ вола? «Галантерейная половина рода человѣческаго,» вотъ какъ отозвался великій полководецъ о непріятельскихъ силахъ. Это, вѣдь, значитъ: здѣсь безспорно изящныя, разнообразныя, отдѣланныя во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ, игрушки или для показа, или для легкаго употребленія. Но такъ уже устроено высшею Премудростію и Правдою, что соотвѣтственно тому, какъ ученикъ Ея. сохраняетъ всегда благодатную независимость своего духа, хотя для него, нѣтъ никого и ничего безъ высокаго досточтимаго значенія, забывающій Ее человѣкъ и съ полнымъ понятіемъ пустоты чего-либо или кого-либо умѣетъ дѣлать себя рабомъ тѣхъ же самыхъ пустяковъ; и самая его проницательность или основательность становится уже только лакейской ливреей на службѣ этимъ пустякамъ. Это всего виднѣе въ нашемъ Павлѣ Ивановичѣ. Онъ, дѣйствительно, готовился къ балу, какъ великій полководецъ приготовляется къ сраженію: во первыхъ, отъ самаго созданія свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ, сколько употребилъ нашъ герой не слишкомъ толстый, да и не то, что бы тонкій... Далѣе пробовалъ онъ сообщить своей физіономіи множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкой, то почтительное безъ улыбки. Еще далѣе онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ..... Впрочемъ и то сказать все обыкновенное, все человѣческое; можетъ быть, въ томъ или другомъ видѣ бываетъ такъ и въ другихъ случаяхъ. Но все же грустно становится думать о такихъ балахъ, составляющихъ лучшій родъ препровожденія времени для свѣтскаго человѣка, и долго еще занимающаго умъ и сердце его и въ другія времена прежде и послѣ

бала. Грустно смотрѣть. какъ мучительно страдаетъ на балахъ общее всѣмъ намъ *дѣло жизни*. Нелучше ли просто бросить даже и думать объ этихъ балахъ? Но какъ бы не бросить чрезъ это и человѣка, бывающаго жертвою пустоты баловъ? Доволенъ ли этимъ будетъ Тотъ, Кто умеръ за грѣшнаго человѣка и Кто, оставляя девяносто девять овецъ, пасущихся на доброй пажити, идетъ Самъ своею благодатію во всякія дебри за одною заблудившеюся овцою? Присмотрюсь-ка лучше къ самому балу; можетъ быть творецъ поэмы «мертвыхъ душъ,» раскрывающей живую дѣйствительность *Божіихъ* твореній, что нибудь и откроетъ мнѣ отраднаго и успокоительнаго касательно самыхъ баловъ свѣтскихъ. Среди «галантерейной половины» вы замѣтили какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости, которая, говорите, одна только и бѣлѣла, одна только и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы, какъ другихъ галантерейныхъ вещицъ, такъ и любопытныхъ или нелюбопытныхъ зрителей... Это шестнадцатилѣтняя дочь губернатора, только-что отпущенная въ свѣтъ, институтка. Потому-то она своей душой еще не вошла въ эту густую и непрозрачную толпу бала. И изъ этого «мглистаго кое-какъ набросаннаго поля» выходили ясно и оконченно, только однѣ тонкія черты этой увлекательной блондинки. Эти черты: ея овально кругловатое личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платьице, легко и ловко обхватывавшее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Объ опредѣленной внутренней физіономіи, объ утвердившейся стройности и чистотѣ души еще и вопроса не можетъ быть: юная душа благоухала еще только дѣтскою невинностію. И все тутъ: и увлекательная шестнадцатилѣтняя блондинка походила вся точно еще на какую-то прекрасную игрушку, которая одна бѣлѣла и выходила прозрачною изъ мутной толпы. Что-же она значила въ балѣ и даже только въ своей галантерейной половинѣ? Еще почти ровно ничего! Только какая нибудь дама, пріѣхавшая на балъ въ плисовыхъ сапогахъ отъ какого-то, какъ она выразилась, инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, могла бы, можетъ быть, удостоить робкую институтку своей благосклонности, или другая дама, негодующая на показавшееся ей соблазнительное неприличіе, такъ распорядится своимъ шарфомъ, что бы онъ махнулъ концемъ своимъ прямо по лицу шестнадцатилѣтней дѣвушки. Вотъ ея значеніе среди своихъ сестеръ!

А что она могла сдѣлать среди этихъ воздушныхъ эскадроновъ, или тѣхъ, достопочтенныхъ конечно, господъ, что косятся и пятятся...? Ничего, ровно ничего; счастье ея, если эскадроны мухъ оставятъ эту игрушку въ покоѣ и чистотѣ, также если кто нибудь изъ тѣхъ, что косятся и пятятся, не вздумаетъ грубымъ движеніемъ рукъ или ногъ попробовать ея прочности...

Творческая великая мысль не то прозираетъ и устрояетъ... Чичиковъ, восхитившій и въ первомъ дѣйствіи чуть не взявшій въ плѣнъ дамъ, ставшій еще прежде какимъ-то идоломъ чиновниковъ и среди великихъ успѣховъ забывшій въ военномъ маневрѣ сдѣлать какое-то предварительное паратное дѣйствіе представиться хозяйкѣ дома, услышалъ, наконецъ, голосъ самой хозяйки (не забыть бы мнѣ, что балъ ни у кого другаго, а у губернатора), голосъ нѣсколько ласковый и лукавый, которымъ губернаторша произнесла съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: «а, Павелъ Ивановичь, такъ вотъ какъ вы!..» Герой нашъ поворотился въ тужъ минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Гремины и под. словомъ: небольшой нечаянный промахъ поправить такимъ блистательнымъ образомъ, чтобы дѣло вышло даже лучше, нежели когда не было бы такого промаха... Поворотился, готовъ былъ, и вдругъ ни съ того ни съ сего такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова, и проговорилъ что-то такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни кто другой изъ героевъ... Тѣмъ бѣда еще не кончилась! Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что ни происходило вокругъ него. На всѣ намеки и вопросы, проникнутые насквозь тонкостію и любезностію, устремившіеся на него изъ «благоуханныхъ женскихъ душъ,» не исключая и этого вопроса: «гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?» на все онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ невниманіемъ и пріятныя фразы канули какъ въ воду. Онъ даже былъ до того неучтивъ, что скоро ушелъ отъ дамъ, въ другую сторону. По дорогѣ онъ далъ такой толчекъ своему же брату именно откупщику, что этотъ пошатнулся и чуть чуть удержался на одной ногѣ; и вообще показалъ такую не деликатную рѣшительность въ отношеніи къ своей братьѣ, что почтмейстеръ и самъ отъ него отступился и посмотрѣлъ съ изумленіемъ, но ему и дѣла не было до того. Словомъ: соображая прежнее и настоящее положеніе героя

мыслитель, дающій всему послѣдніе рѣшительные приговоры, въ семъ случаѣ, съ совершенною основательностію и справедливостію, могъ бы сравнить нашего Чичикова, великаго до того предводителя великой мужской партіи, съ богатыремъ, который вдругъ обезсилѣлъ и пошелъ творить такую чушь и глупости, что и досадно и жалко и смѣшно... Чтоже это такое случилось въ самомъ дѣлѣ? Совершенно случайное и ничтожное обстоятельство: въ увлекательной блондинкѣ, шестнадцатилѣтней дочери губернатора, Чичиковъ узналъ ту самую блондинку, которую онъ тоже самымъ случайнымъ образомъ встрѣтилъ на дорогѣ, кажется, къ Собакевичу, когда по глупости кучеровъ, или лошадей, ихъ экипажи странно столкнулись, перепутавшись упряжью... И вотъ отъ чего Чичиковъ сбился со всякаго толку. А съ нимъ, какъ предводителемъ въ общемъ дѣлѣ, и весь балъ какъ-то пошелъ не ладно, и наконецъ совсѣмъ испортился. Дамы, дотолѣ жарко соревновавшія одна предъ другою въ томъ, какъ-бы побѣдить великаго человѣка съ величественнымъ, марсовскимъ выраженіемъ въ лицѣ, т. е. какъ-бы первой или даже одной попасть въ плѣнъ къ нему, исполнились благороднаго негодованія на него и особенно на институтку, которой сверхъ того еще суждено было, жестокою точно, судьбою зѣвать за разсказами Павла Ивановича... и послѣ нѣкоторыхъ напрасныхъ попытокъ увлечь его, дружно всѣ отступили отъ него, и приговоръ институтки былъ подписанъ. Случись тутъ съ Павломъ Ивановичемъ еще непріятнѣйшая случайность, какъ-бы въ оправданіе русской пословицы: одной бѣды не бываетъ. Въ то время когда блондинка зѣвала, а онъ, того не замѣчая (вѣдь вотъ случается же въ самомъ дѣлѣ въ иной разъ, что и на мудреца находитъ много простоты....) разсказывалъ ей кое-какія исторійки показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ, таская подъ руки прокурора, который не зналъ какъ и вырваться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія. Великій умъ пробудился и почуялъ, что быть бѣдѣ отъ этого Ноздрева! Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на великое пожертвованіе, рѣшился оставить институтку, для которой онъ было все оставилъ и всѣми пренебрегалъ, и сколько возможно поспѣшалъ удалиться. Губернаторъ остановилъ его на новую бѣду! А между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо ему на встрѣчу. «А, Херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ! Кричалъ онъ подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. Что? Много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосхо-

дительство, горланилъ онъ тутже, обратившись къ губернатору, онъ торгуетъ мертвыми душами, ей Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!... Прокуроръ и Чичиковъ и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно что отвѣчать, а между тѣмъ Ноздревъ, нимало не обращая на нихъ вниманія, несъ полутрезвую рѣчь: ужъ ты, братъ ты, ты.... Я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ покупалъ ты мертвыхъ душъ. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ право стыдно, у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я».... Отъ Ноздрева, наконецъ, всѣ отступились и не слушали больше; но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку, и привлекли вниманіе даже находившихся въ самыхъ дальнихъ, углахъ комнаты.. И далеко зрящій Чичиковъ уже и въ эту тяжелую свою минуту, замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись между собою съ какою то злобною ѣдкою насмѣшкою. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это извѣстно было всѣмъ; но смертный, говорите вы... право трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный; какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы новость, и всякій смертный непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хоть вовсе не злонамѣренно, и даже для того, чтобы съ другимъ смертнымъ воскликнуть съ благодарнымъ негодованіемъ: какая пошлая ложь! Тутъ же на балѣ еще какія-то произошли, впрочемъ обыкновенныя на губернскихъ балахъ, случайности, пасквиль, кажется, да еще что-то.... И все обыкновенно падаетъ на промоченную насквозь ворону!

Какъ бы то ни было, даже и Павелъ Ивановичъ разтерялся до того, что никакимъ образомъ не могъ найтись, ни даже за карточнымъ столомъ, и не дождавшись конца ужина, уѣхалъ раздосадованный домой. Вотъ теперь-то въ гнѣвѣ послушать бы великаго практическаго человѣка, какъ онъ разсуждаетъ о балахъ и о всемъ, что на нихъ и для нихъ бываетъ: «чтобы васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы! Говоритъ онъ въ сердцахъ. Ну, чему сдуру обрадовались? Въ губерніи неурожай, дороговизна: такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабьи тряпки? Невидаль: что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь насчетъ же крестьянскихъ оброковъ, или, что еще хуже, насчетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, затѣмъ берешь взятку и покривишь душой. Кричатъ: «балъ, балъ, веселость!» Просто дрянь балъ, не въ рус-

скомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ что такое; взрослый совершеннолѣтній вдругъ выскочитъ весь въ черномъ, общипанный, обтянутый.... и давай мѣсить ногами.... Все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой-же ребенекъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право послѣ всякаго бала точно какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ.... Въ головѣ просто ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ.... и видишь, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну что изъ него выжмешь, изъ этаго бала?» Что это за безцѣнный человѣкъ вашъ Чичиковъ. Помнится, раза два или три прочиталъ я ваши «мертвыя души» прежде; право, для меня все болѣе и болѣе открывается въ главномъ вашемъ героѣ глубины ума. Вотъ напр. и въ этомъ отзывѣ его о балѣ каждое слово почти золотая истина, хотя бы въ отношеніи къ этому одному губернскому балу, который происходилъ въ VIII главѣ поэмы: «мертвыя души». Оно, конечно, немножко тутъ пахнетъ славянофильствомъ, что же изъ того? Изъ того и слѣдуетъ прямо, что на иныя вещи (хотя бы, повторю, на этотъ же самый балъ съ галантерейною и негалантерейною стороною дѣйствующихъ въ немъ лицъ, и на одинъ только этотъ балъ) именно нуженъ взглядъ Славянофила, чтобы видѣть истину во всей ея строгой правдивости. Впрочемъ и то правда, что Чичиковъ кое-что не взялъ во вниманіе, онъ немножко, должно быть, запамятовалъ, какъ онъ же самъ приготовлялся и сряжался на этотъ балъ, какъ онъ тутъ появился и сдѣлалъ первое геніальное движеніе въ бальномъ маневрѣ; да немножко еще не смекнулъ того, что небудь кое-какихъ обстоятельствъ и его же собственныхъ дѣйствій, на которыя онъ про себя уже горько сѣтуетъ, онъ бы дождался до конца бала, и уѣхалъ бы довольный всѣмъ и собою болѣе всѣхъ, и, оставшись одинъ въ комнатѣ, еще нѣжнѣе, нежели во время приготовленій къ балу, сказалъ бы, слегка трепнувъ себя по подбородку: ахъ ты мордашка эдакой! И такимъ образомъ не вооружился бы онъ правдивымъ взглядомъ истины на этотъ мелочной и пустой балъ.... Забылъ и не смекнулъ этаго умный, впрочемъ, на всѣ руки, Павелъ Ивановичъ. А если бы онъ этаго не забылъ, и еслибы то смекнулъ, то онъ, конечно, самъ собою дошелъ бы въ разсужденіи того же бала и до той не схваченной теперь имъ, а между тѣмъ очевидной истины, что этотъ не ожиданный оборотъ его изъ трущобы пустяковъ на сторону правды, обличающій и осуждающій эти обманчивые пус-

тяжи, совершился на этомъ же самомъ презреннѣйшемъ и ничтожнѣйшемъ балѣ, изъ котораго, повидимому, просто ничего не выжмешь. И такимъ образомъ въ лицѣ грозной истины, разящей и развѣвающей въ пухъ все гадкое и смѣшное въ балѣ, примѣтилъ бы новое прекраснѣйшее выраженіе, выраженіе какой-то животворной силы, которая, разрушая презрѣнное и губящее человѣка, въ тоже время среди тѣхъ же развалинъ незамѣтно полагаетъ живое сѣмя возсозиданія и обновленія для человѣка. Если бы притомъ Павелъ Ивановичъ сталъ еще думать, да гадать,—да какъ же это въ самомъ дѣлѣ: то онъ можетъ быть, съ нѣкоторымъ умиленіемъ припомнилъ бы то, что онъ, пріобрѣтатель мертвыхъ душъ, столько понимающій и не уважающій дѣла жизни и истины, судящій о всѣхъ такъ глубоко и тѣмъ рѣшительнѣе себя осуждающій, словомъ, онъ Павелъ Ивановичь Чичиковъ на этомъ же балѣ, хотя на нѣсколько минутъ, почувствовалъ себя (что и послужило началомъ всего замѣшательства) совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодаго человѣка, чуть не поэтомъ.... И какія скучныя и перебитыя имъ же самимъ въ разныхъ случаяхъ исторійки ни говорилъ онъ молоденькой дѣвицѣ; однако ничего дурнаго и унизительнаго ему не пришло на этотъ разъ въ голову. Что ужъ объ этомъ говорить? Самый даже его всепроницательный и всепоражающій судъ надъ людьми до того было смягчился тогда и сталъ даже пристрастнымъ, что онъ не замѣчалъ небольшаго зѣванья институтки за его разсказами и не прочиталъ ей, даже, внутренно въ себѣ морали о томъ, какъ она напр. не давно въ институтѣ летала мыслями по сторонамъ даже во время самыхъ полезныхъ рѣчей своей наставницы, и что, потому-де, не мудрено тебѣ зѣвать за бесѣдой испытаннаго жизнію человѣка. И заключилъ бы наконецъ Павелъ Ивановичъ свою дѣльную думу тѣмъ, что если въ самомъ дѣлѣ случилось бы такъ дамы, и особенно еще цвѣтущія юностію и красотою на балахъ хотя бы только также благоухали невинностію и свѣжестію души, какъ эта институтка, если бы притомъ иныя изъ нихъ (не всѣ, какъ это возможно? но хотя избранныя, благородныя, неубитыя души) были исполнены чистаго участія въ людяхъ, желали бы съ любовію послужить общему добру, хотя бы и на балѣ, и задумывались бы порой, какъ душу человѣческую можно терзать страстію напр. перещеголять почтмейстершу въ одежѣ или танцахъ, какъ вообще всѣ мы люди, забывая свое христіанское достоинство, дѣлаемся чрезъ это жалки во всемъ и вездѣ, даже на балѣ, и такая дума ангельски засіяла бы и въ глазахъ и въ улыбкѣ и въ простыхъ

рѣчахъ: то, точно, и балы къ чему нибудь пригодились бы, и тутъ пожалуй, могло бы начаться незамѣтно самоисправленіе инаго человѣка, который хотя бы предъ одной изъ такихъ женщинъ даже слова не дерзнулъ бы сказать, опасаясь, что оно отзовется, пожалуй, чѣмъ нибудь ухорскимъ, и слушая ея живые разговоры почувствовалъ бы себя по крайней мѣрѣ чѣмъ-то въ родѣ свѣжаго юноши или болѣе чѣмъ юноши.... Тогда можетъ быть посмягчились бы немного да и въ числѣ значительно поуменьшились бы эти почтенные господа, что косятся и пятятся, съ виду немножко похожіе на медвѣдей. Тогда можетъ быть, будутъ немножко потверже и потяжеловѣснѣе и эти воздушные эскадроны, улетучившіеся въ своей воздушности до эскадроновъ мухъ, въ лѣтнюю пору. Съ другой стороны, еслибы и тѣ, которые принадлежатъ не къ галантерейной половинѣ человѣческаго рода, опять хоть бы не всѣ, хоть бы немного въ большомъ числѣ чѣмъ одинъ, и особенно мущины съ болѣе сильной и многосторонней духовной натурой, всегда почти вѣрно и тонко чуемой женщинами, поменѣе играли бы галантерейными вещицами, поразумнѣе заглядывались бы на нихъ и среди мглистаго кое-какъ набросаннаго поля умѣли бы отличить ту прекрасную игрушку, которая хотя бы и одна стала блистать своей прозрачностію въ мутной толпѣ, если бы вообще умѣли такъ чисто посмотрѣть на эту игрушку, и такъ бережно дотронуться до нея, какъ напр. это сдѣлалъ даже самъ Чичиковъ, тѣмъ болѣе еслибы эти люди, или хоть два три изъ нихъ, впрочемъ не облекаясь отнюдь въ пасмурно-строгой видъ, одушевились серьезною живою идеею объ истинномъ, душевномъ добрѣ человѣка, женщины ли то или мущины: то, пожалуй, и мертвая галантерейная лавка стала бы по немногу обращаться въ живой разсадникъ или цвѣтникъ прекрасныхъ, благоухающихъ и освѣжающихъ цвѣтовъ. Въ такомъ случаѣ, пожалуй, могло бы статься, что занятый и серьезнымъ дѣломъ, и даже серьезно этимъ дѣломъ занятый, сталъ бы посѣщать балы съ спокойною совѣстію и выходить изъ нихъ болѣе освѣженнымъ и ободреннымъ къ своему серьезному дѣлу. Въ такомъ случаѣ, пожалуй, и супруга и мать семейства, и шестнадцатилѣтняя даже дѣвушка могла бы незамѣтно набиратья на балѣ чего нибудь добраго, нужнаго для жизни, также какъ и сами стали бы другимъ доставлять это же нужное пособіе въ жизни, даже и сами того не зная. Вотъ до чего Павелъ Ивановичь дошелъ бы съ своимъ умомъ если немножко не погорячился бы на другихъ за собственный конфузъ, если бы свою лицемѣрную правду законную, достойную тѣмъ

большаго осужденія отъ закона, смягчилъ немного духомъ просто христіанскаго смиренія и самоосужденія любви, другими словами, еслибы прямѣе и истиннѣе взглянулъ на тотъ же самый балъ. Но Павелъ Ивановичъ этаго не разсудилъ сдѣлать, хотя видимо веденъ былъ къ тому, и раздосадовался, по правдѣ то сказать, не на глупый балъ, а на то, что ему случилось оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что съигралъ какую то глупую, двуемысленную роль на этомъ балѣ. И наконецъ у него Ноздревъ потащилъ на плечахъ своихъ все, что внушила ему эта досада.... Не подумаете ли вы (хотя по примѣру тѣхъ, которые думаютъ кое-что такое объ васъ самихъ), что это я читаю мораль вашему Павлу Ивановичу? Ничуть небывало; мнѣ только хочется узнать, что вами самими выражено въ вашемъ Чичиковѣ и въ губернскомъ балѣ...

Итакъ все дѣло на балѣ кончилось тѣмъ, что глупый балъ получилъ еще глупѣйшее выраженіе отъ глупаго недоброхотства однѣхъ къ Чичикову и институткѣ, отъ Ноздревской нелѣпости, глупо повторяемой другими, и наконецъ отъ глупѣйшей, какъ на дѣлѣ оказывается, досады самаго Чичикова. Однако на томъ же балѣ Павелъ Ивановичъ хотя на минуту былъ чуть не поэтомъ, и потомъ (хотя только съ одной стороны) постигъ истину относительно бала, слѣдовательно нѣчто живое въ его душѣ, затронутое и прежде мимолетомъ, какъ будто начало развиваться. Дамы, хотя и страннымъ какимъ то образомъ, отреклись отъ сработаннаго ихъ же воображеніемъ идола милліонщика и притомъ съ марсовскимъ выраженіемъ; да и всѣхъ коснулось нѣкоторое потрясеніе, положимъ, несовсѣмъ пріятное, но за то открывшее нѣкоторую возможность лучшаго и въ самомъ балѣ. Между тѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ мертвый балъ и покончился бы развѣ одними мертвыми поминками.... И шестнадцатилѣтняя институтка, чуть не очерненная разгнѣваннымъ по глупости свѣтомъ, которая и сама слегка зѣваетъ за рѣчью основательнаго человѣка, сгарая желаніемъ попрыгать на балѣ, эта безсильная дѣвочка только одною дѣвственною свѣжестію своей юной души и красоты была причиною всему потрясенію, хотя одного только освѣжившему и то на минуту, но всѣхъ болѣзненно или по крайней мѣрѣ ощутительно коснувшемуся, слѣдовательно дотронувшемуся до чего-то живаго во всѣхъ этихъ мертвыхъ душахъ,—потрясенію, которое, можетъ быть, въ мысли Творца есть первое сѣмя живительнаго переворота и въ героѣ нашемъ и во всемъ этомъ об-

committee... Кто бы этаго могъ ожидать, или кто бы это могъ предположить?!....

Дивна ваша поэма! И просто все и чудно въ ней, какъ въ чистомъ отраженіи Божія міра, въ которомъ идетъ все просто и какъ бы само собою; но все до мелочей, до случайно-падающаго воробья взвѣшено, измѣрено, исчислено Отеческою любовію, пожертвовавшею Своимъ Сыномъ-Словомъ для незыблемаго утвержденія стройнаго порядка при всѣхъ видахъ нашей безпорядочности.

Такъ то бываетъ и въ великой живой поэмѣ—въ исторіи напр: какого нибудь великаго народа; властитель больной, слабый, къ тому довѣрившійся сильному духомъ сановнику, но, въ чувствѣ своей невольной слабости, повергающійся въ своемъ духѣ предъ Силою, Которая дѣйствуетъ могущественно и безпрепятственно именно въ нашихъ немощахъ,—и небесной державѣ поручающій свою земную державу, этотъ властитель незримо разноситъ въ великомъ народѣ высокую мысль о Властелинѣ, какъ необходимомъ для народа Ангелѣ Божіемъ, мысль,которая воодушевитъ, поддержитъ, подниметъ великій народъ въ годину небывалаго для другихъ народовъ искушенія. Но никто этаго не замѣчаетъ, никто этаго и не предполагаетъ, хотя лѣтописи представляютъ ясныя свидѣтельства о томъ. И властелинъ, послужившій дѣйствительно ангеломъ-хранителемъ своего народа при всемъ своемъ безспорномъ безсилии и болѣзненности, поставляется всѣми въ рядъ маловажныхъ, ничтожныхъ дѣятелей въ исторіи великаго народа, ожидая видно всемірнаго суда для своей славы.... Простите меня, что, ставъ на поставленную мнѣ вами же ступень, слишкомъ высоко что-то поднялся я съ этаго низменнаго бала, который впрочемъ на лѣстницѣ общечеловѣческаго дѣла жизни также не далѣе отстоитъ отъ другихъ явленій въ человѣчествѣ, какъ отъ всякой другой сестры своей знакомая намъ Коробочка. Кстати сказать о Коробочкѣ: эта экономная старушка не утерпѣла, и къ самому концу VIII главы вашей поэмы, пріѣхала въ городъ навести по крайней мѣрѣ справку о цѣнѣ на мертвыя души, не обдернулась ли-де какъ нибудь она. Соображая все открывающееся въ VIII главѣ, начиная отъ всплывающей наружу тайны о покупкѣ мертвыхъ душъ, можно видѣть, что въ этой главѣ ваша поэма зачала (скажу возвышеннымъ словомъ) будущіе великіе событія и перевороты не только для Чичикова съ свитою Ноздрева, выгнаннаго наконецъ съ бала, Маниловыхъ, Собакевича, Плюшкина, но и всего городскаго общества. И великое будущее т. е. лирическое теченіе вашей поэ-

мы, прежде едва чуемое, теперь какъ-то яснѣе пререкается; и даже слышится и самый характеръ сего великаго будущаго: это съ одной стороны разрушеніе омертвѣлаго строго обличающею правдою а съ другой въ самомъ этомъ разрушеніи развивающееся болѣе и болѣе, и наконецъ имѣющее торжественно открыться, обновленіе кого? Можетъ быть, всѣхъ этихъ человѣческихъ душъ, съ заключенными въ нихъ и въ ихъ общественныхъ развлеченіяхъ возможностями къ оживленію, или лучше тѣхъ, изъ нихъ, которые сами того захотятъ, за исключеніемъ и отверженіемъ упорствующихъ въ своихъ мелочныхъ суетахъ.

Въ IX главѣ еще лучше знакомлюсь я съ обществомъ губернскаго города N, и именно вижу его не на балѣ, гдѣ все, точно какъ въ галантерейной или другой какой купеческой лавкѣ, выставлено все на показъ, гдѣ напр. дама, имѣющая особенно складныя плечи, блистаетъ собственно этими плечами, и проч. подоб.; напротивъ вижу это общество въ такомъ положеніи, когда напр. дамы бываютъ просто по домашнему, въ дружеской искренней бесѣдѣ. Тутъ, конечно, лучше можно узнать это общество, и если оно немножко провинилось предъ судомъ Чичикова на балѣ, то, можетъ быть, теперь совершенно окажется правымъ и тѣмъ болѣе осудитъ самаго Чичикова. Такъ и есть! Одна дама услышавъ новость (для насъ не новость) о покупкѣ мертвыхъ, которую сдѣлалъ Чичиковъ у Коробочки, уже тотчасъ почувствовала, что тутъ есть что-то не совсѣмъ чистое «со стороны этаго прелестника,» и еще ранѣе времени, назначеннаго въ этомъ городѣ для визитовъ, поспѣшила подѣлиться этою новостію съ своею искреннею пріятельницею. Какое тонкое чувство у этой дамы, и какая, должно быть, въ самомъ дѣлѣ искренняя дружба съ пріятельницею! Новость высказана, разумѣется послѣ разныхъ препятствій, какія всегда и вездѣ прерываютъ дѣльную рѣчь. Другая дама сейчасъ же смекнула въ чемъ дѣло, поняла Павла Ивановича такъ, какъ и я еще не понимаю. Едвали не всѣ его тайны были проницательно усмотрѣны и выведены наружу этой дамой. Въ самомъ дѣлѣ, какое остроуміе и проницательность должны быть у этой дамы! И я понимаю, почему она заслужила въ городѣ названіе пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамы, тогда какъ первая, болѣе одаренная женскимъ чувствомъ, называлась просто пріятною! И такъ Павелъ Ивановичъ, положимъ мѣтко вы судите о другихъ, но и васъ поняли какъ нельзя лучше. Такъ какъ дѣло о Павлѣ Ивановичѣ, сосредочившееся у дамъ уже не на покупкѣ мертвыхъ, а на замыслахъ «прелестника» о губернаторской

дочери, касалось и чиновниковъ отчасти и особенно чести губернаторскаго дома, а слѣдовательно и всего города; то дамы поспѣшили повѣстить обо всемъ, что узнали и особенно смекнули о Павлѣ Ивановичѣ, по всему городу. Точно, Павелъ Ивановичь, нещадно другихъ судящій, достоинъ общественнаго позора! Недальновидные чиновники, принявшіе въ свое общество и даже дружбу человѣка, какъ оказывается столь недостойнаго, столь опаснаго чести и спокойствію общества, наконецъ узнали свою глупость и наведены на путь истины-отъ кого? Отъ дамъ, которыя устранены отъ общественныхъ дѣлъ и которыя между тѣмъ общественное дѣло такъ хорошо поняли и такъ чудесно и полно стали излагать. Да, велико значеніе русской женщины въ обществѣ, велико ея вліяніе на дѣла общественныя; онѣ истинно дѣятельныя помощницы мужу въ дѣлѣ жизни и службы, не выходя въ то же время изъ своихъ границъ, не претендуя на званіе судьи или прокурора... Конечно, Павелъ Ивановичь и тутъ кое-что могъ бы подвергнуть своему всезрящему и всепоражающему суду, если бы онъ самъ не былъ подсудимый. Чувство дамское, сказалъ бы онъ съ усмѣшкой, и живая впечатлительность развѣ на то даны, чтобы не на животъ, а на смерть поражалась дама скандалезною новостію, которая вовсе не касается ея? И со всякимъ новымъ вздоромъ чуть не въ полночь спѣшитъ къ пріятельницѣ?—вотъ подвигъ дружбы, свидѣтельствующій, что даже и изъ дружбы искренней можно сдѣлать пошлость. Да и самую эту дѣтскую дружбу знаемъ мы, сказалъ бы Павелъ Ивановичь, когда искренняя пріятельница, того и смотри, всунетъ иное живое словцо въ родѣ булавки не въ бровь, а въ самый глазъ своей искренней пріятельницѣ: «вотъ молъ тебѣ! На, возми, съѣшь!» Хороша и эта проницательность, когда между тѣмъ, какъ бранятъ моду и хлопочутъ о новыхъ выкройкахъ, изъ своей головы слагаютъ такую небылицу о ближнемъ, которая и въ голову ему не приходила никогда! И потомъ разносятъ нелѣпости по знакомымъ и незнакомымъ, взбунтуютъ въ нѣсколько минутъ городъ, чуть не съ ума сведутъ своихъ мужей чиновниковъ: вотъ оно—это вліяніе дамъ губернскаго города N на дѣла общества, вотъ онѣ—эти помощницы мужу въ дѣлахъ жизни и службы. Знаю, что такъ разсудилъ бы Павелъ Ивановичь. Конечно, я ему не повѣрилъ бы; потому что здѣсь дѣло его самаго касается. Впрочемъ и сами господа чиновники разсуждаютъ немножко въ томъ же духѣ, и даже еще рѣшительнѣе: «бабы врутъ, баба что мѣшокъ, что положитъ, то несетъ»!.. Грубенько сказано;

а въ самомъ дѣлѣ какъ будто сразу съ маку отпечатано здѣсь все то, что сказалъ бы и Павелъ Ивановичъ съ своимъ многостороннимъ практическимъ умомъ. Истинно, мудрено русскаго мущину и служаку сбить съ толка; онъ съ разу понимаетъ, въ чемъ сущность дѣла, и женщина съ глупыми фантазіями немного сдѣлаетъ у такого народа. Оно, конечно, и то правда, что эти господа чиновники все же дамами разбужены были отъ своего сна, а то спали бы они себѣ спокойно, пока не нарядили бы военнаго суда для изслѣдованія дѣла объ этой новой торговлѣ мертвыми душами. Правда и то, что когда начали чиновники думать о мертвыхъ душахъ сами по себѣ, съ такимъ рѣшительнымъ устраненіемъ дамъ отъ дѣла, что бы не слышно было и духа дамскаго въ этихъ серьезныхъ душахъ, все у нихъ какъ-то выходило черство, неотесанно, неладно, въ головѣ кутерьма, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ. Вотъ весь результатъ ихъ думы на первый разъ: главный предметъ, на который нужно обратить вниманіе, есть мертвыя души, которыя впрочемъ, чортъ его знаетъ, что значатъ, но въ нихъ однакожъ заключено весьма скверное, нехорошее. Сдѣлали кое-какія предположенія, каждый по своему вкусу: инспекторъ врачебной управы подумалъ было, не разумѣются ли подъ мертвыми душами умершіе отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, другіе видѣли въ имени мертвыхъ душъ намеки на скоропостижно-погребенныя тѣла устьсысольскихъ купцовъ, которыхъ на смерть уходили пріятели ихъ сольвычегодскіе купцы. Обратились было и къ Коробочкѣ и къ Селифану, но новаго ничего не узнали..

Понимаю васъ, поэтъ, и самъ чувствую боль отъ этой новой раны, которою вы болите, раны общей всѣмъ намъ русскимъ. Но нѣтъ ли возможности къ уврачеванію и этаго нашего общаго зла, оказывающагося во взаимномъ соприкосновеніи между жизнію общественною и частною, нѣтъ ли возможности еще поправить и здѣсь наше общее разстроенное дѣло? Разумѣется, въ состояніи же больнаго надобно искать, есть ли еще въ немъ эта возможность. Посмотрю внимательнѣе въ IX главу вашей поэмы. Кажется и дѣла поправить нельзя: въ разладѣ, во взаимно-враждебныхъ отношеніяхъ находятся тѣ стихіи, изъ стройнаго согласія которыхъ только и можетъ выйти что нибудь живое и здравое. Въ галантерейной мутной толпѣ только и бѣлѣлась одна чистая, драгоцѣнная игрушка, но на нее-то, на недавнюю институтку, и пала вся чернота общественнаго мнѣнія; даже отъ родной матери она должна была броситься въ слезы и

рыданія не понимая смысла расиросовъ, выговоровъ, увѣщаній въ разсужденіи того же самаго человѣка, по милости котораго она должна была зѣвать на балѣ.... Нѣтъ, не здѣсь, кажется начало поправленія дѣла. Бсзсмысленное вліяніе безсмысленныхъ женщинъ на чиновниковъ и на общественное дѣло кончилось тамъ и тогда, какъ, среди взбунтованнаго дамами города, чиновники догадались, что дѣло касается не моды, не туалета дамскаго, а дѣла жизни, службы всѣхъ ихъ. Слѣдовательно, если эти господа или обстоятельствами будутъ приведены въ такое духовное состояніе, въ какомъ напр. городничій «въ ревизорѣ» говоритъ своей женѣ; «васъ только посѣкутъ, и больше ничего; а здѣсь дѣло идетъ о жизни человѣка...» или ужъ сами собою дойдутъ до этого убѣжденія, что въ самомъ дѣлѣ дѣло идетъ о жизни человѣка, когда человѣкъ исполняетъ или нарушаетъ свой долгъ, свою службу, и что въ этомъ случаѣ мущина долженъ стать предъ судомъ въ первую голову, какъ служака, какъ мужъ и глава жены: то, дѣйствительно, мудрено самой безсмысленной (хотя-бы въ тоже время и къ большей бѣдѣ самой чувствительной и остроумной) дамѣ разстроить своими глупыми фантазіями русскаго человѣка. Но это еще половина дѣла! Если притомъ женщины или тѣми же самыми обстоятельствами будутъ доведены до того, что имъ будетъ не до сплетней, не до фестончиковъ, и проч. или и сами вразумленныя посланнымъ отъ Бога смысломъ догадаются, что точно онѣ своими сплетнями, своимъ безсмысленнымъ вліяніемъ на мужей, своей глупой и презрѣнной дружбой между собою губятъ и себя и мужей и дѣтей: то, можетъ быть, и чернимая ими теперь дочь губернатора будетъ ихъ незамѣтнымъ вождемъ въ чистотѣ и благоразуміи поступковъ и рѣчей, въ освѣженіи ихъ чувства искреннею теплотою, въ направленіи ихъ остроумія къ свѣтлому взгляду на дѣйствительность, какъ бы она ни казалась запутанною и темною, въ оживленіи ихъ дружбы истинною любовію и довѣріемъ, взаимнымъ соревнованіемъ и поощреніемъ въ дѣлѣ общаго добра. И тогда самою своею слабостію, своею попечительною, нѣжною и покорною любовію, онѣ, пожалуй, будутъ повелѣвать мужьямъ своимъ, чтобы они были достойными главами надъ ними, твердыми мужами въ дѣлѣ жизни, и незамѣтно вводить въ ихъ думы и распоряженія стройный и опрятный порядокъ. И свѣтлѣе становится для меня и IX глава и даже самая даль вашей великой поэмы, еще неизвѣстная мнѣ и кажется столь далекая....

Въ X главѣ, чиновники, затронутые за живое по дѣлу своей

жизни, по службѣ, собрались у полицмейстера для общаго и единодушнаго совѣта. Всѣ почуяли издали, что дѣйствительно начинаетъ дѣло касаться самой *жизни;* всѣ примѣтили одинъ въ другомъ, что значительно. похудѣли. Одинъ только почтмейстеръ по случаю назначенія новаго генералъ-губернатора, особенно смутившему другихъ чиновниковъ и заставившему ихъ серьезнѣе подумать о закупленныхъ мертвыхъ душахъ, одинъ только почтмейстеръ спокойно говорилъ: «знаемъ мы васъ генералъ-губернаторъ! Васъ, можетъ быть, три—четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, сударь мой, сижу на одномъ мѣстѣ!» На это впрочемъ замѣтили другіе: «хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ Иванъ Андрѣичъ; у тебя дѣло почтовое.... А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать а онъ самъ суетъ. Тебѣ разумѣется съ пола-горя, у тебя одинъ сынишка, а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлилъ Богъ такою благодатію, что годъ, несетъ: либо Праскушку, либо Петрушку, тутъ братъ другое запоешь».... Такъ начался общій совѣтъ о встрѣтившемся великомъ дѣйствительно вопросѣ и затрудненіи: потому что дѣло касалось бѣды всѣмъ равно грозившей, а бѣда касалась дѣла жизни, службы, а отъ службы—вся жизнь зависитъ. Начало совѣта, конечно, плохое, но конецъ дѣло краситъ. Открыто достойное поприще для практическихъ ихъ умовъ и единодушнаго, энергическаго ихъ дѣйствованія! Но при всемъ томъ, говорите вы, вышло, чортъ знаетъ, что такое. Что же? Кромѣ разногласій, во первыхъ какая-то непостижимая нерѣшительность въ отзывахъ: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій и потомъ самъ прибавлялъ: а можетъ быть и не дѣлатель; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присовокуплялъ: а впрочемъ чортъ его знаетъ, на лбу вѣдь не прочтешь. Только противъ догадки, не переодѣтый ли онъ разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ возгласилъ, какъ бы сразу озаренный свѣтомъ истины: «это господинъ, сударь мой, никто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ,» и для поясненія, открывшейся, наконецъ, истины разсказалъ чуть не поэму о Копѣйкинѣ, ему-де во Французскій годъ оторвало (на войнѣ разумѣется) руку и ногу; калека пришелъ сначала къ отцу, который и самъ се-

бѣ едва доставалъ хлѣбъ, потомъ онъ отправился въ Питеръ просить пенсію; обѣщали ему эту пенсію, но велѣли подождать до окончанія военныхъ дѣлъ, а до того времени дали кое какую сумму, съ которой впрочемъ можно было бы еще пробиться нѣсколько времени, а между тѣмъ капитанъ Копѣйкинъ заглядѣлся на какую то англичанку, пообѣдалъ слишкомъ роскошно въ ресторацін, замѣчталъ о театрахъ; потому ничтожная сумма денегъ, данныхъ ему, сбѣсила его; онъ надѣлалъ и насказалъ начальству кучу страшныхъ глупостей, его вывезли вонъ изъ Петербурга, и Копѣйкинъ сдѣлался чуть не атаманомъ шайки разбойничей.... «И атаманъ то этой шайки былъ, сударь мой, никто другой.... Такъ заключалъ свой разсказъ почтмейстеръ.... Только позволь Иванъ Андрѣичь, сказалъ, вдругъ прервавши его полицмейстеръ, вѣдь капитанъ Копѣйкинъ ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова.... Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаху рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной.» Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа; но поняли ли это сами о себѣ прочіе чиновники или даже разсуждали ли объ этомъ, у васъ въ поэмѣ покрыто это мракомъ неизвѣстности. Они только всѣ нашли, что почтмейстеръ хватилъ слишкомъ далеко. И стали дѣлать новыя предположенія, отличающіяся уже необыкновенною сметливостію: «не есть ли-де Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, Англичанинъ-де издавна завидуетъ, что дескать Россія такъ велика и обширна.... И вотъ теперь они, можетъ быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію будто-бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ....» Чиновники призадумались на этомъ предположеніи и нашли, что лице Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона.... Все это наша Русь! Все Русью пахнетъ!... Думали, думали, толковали, толковали и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще расспросить хорошенько Ноздрева, котораго всѣ очень хорошо знали и понимали. Ноздревъ, разумѣется, отвѣчалъ имъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись: «Ноздревъ оказался и товарищемъ Чичикова по школѣ, и помнитъ, какъ по одному случаю нужно было приставить къ однимъ вискамъ Чичикова 240 піявокъ....» Что это за общество людей, которымъ ввѣрено блюсти безопасность и спокойствіе губерніи? Что это за умы градоправителей?... Всѣ они отъ своего общаго совѣта растерялись уже до послѣдней крайности. А

прокуроръ пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ параличемъ ли его разбило или что другое его прихватило—какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся на полъ, и поминай—какъ звали.... Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника точно была душа, хотя онъ по скромности своей никогда ея не показывалъ. И появленіе смерти въ маломъ человѣкѣ оказалось также страшно, какъ и въ великомъ.... И вопросъ, затрудненіе о дѣлѣ жизни, о службѣ, по которой грозила такая бѣда по дѣлу о мертвыхъ душахъ, рѣшаемый столь странно и смѣшно, вдругъ получаетъ особенно серьезное и даже страшное значеніе: ибо запутанность по этому вопросу, въ лицѣ одного изъ замѣшавшихся въ немъ, пошла уже въ другой міръ за разрѣшеніемъ. А между тѣмъ, какъ осмотришь все это дѣло, весь ихъ общественный совѣтъ съ самаго начала; то видишь, что у чиновника съ самаго начала уже было предъ глазами, еще не перебитое всякими пустяками, серьезное значеніе настоящаго ихъ затрудненія, и въ самомъ этомъ затрудненіи легко открывался и выходъ изъ него. Вмѣсто разсужденій о томъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, когда онъ подвертывается всякій день подъ руку и самъ суетъ въ руки, слѣдовало бы имъ остановиться на мысли, что все ихъ настоящее затрудненіе произошло дѣйствительно отъ того, что они дозволили немножко помудровать собой тому же искусителю даже безъ всякой почти причины. Зачѣмъ они, люди дѣловые и основательные по ребячески увлеклись незнакомымъ человѣкомъ, умѣвшимъ польстить каждому изъ нихъ, и для него дозволили опрометчивую торопливость въ скрѣпленіи его покупки мертвыхъ душъ? Слѣдовало бы подумать, что подобныя ребяческія пристрастія, которыми они обыкновенно водятся въ своихъ расправахъ и управахъ народомъ христіанскимъ, народомъ Божіимъ, достойны того, чтобы сейчасъ же быть за нихъ потребованнымъ къ суду Всевышняго. Такая мысль была бы для нихъ руководительнымъ къ истинѣ свѣтомъ и въ разборѣ настоящаго ихъ затрудненія. Но чиновники царскаго пути истины, предъ нимъ открывающагося съ перваго разу, не избрали, и понесли такую чушь, попали въ такую трущобу, что бѣдный прокуроръ залезъ въ нее, да и не вылезъ назадъ.... А чиновники тутъ же стоятъ и не ворохнутся, и не знаютъ, что дѣлать, стоять ли тутъ, или идти впередъ за прокуроромъ, или назадъ обратиться.... Нѣтъ, если не мечты самихъ чиновниковъ, а самыя обстоятельства ихъ жизни, располагаемой по такимъ мечтамъ, доведутъ рано или позд-

но всѣхъ ихъ въ такую же трущобу, и случится ужъ не смерть прокурора, который въ своей молчаливости успѣлъ скорѣе всѣхъ покончить свое дѣло на жизненномъ поприщѣ, смерть, останавливающая вниманіе стороннихъ только уже на минуту, но если изъ среды ихъ, по общему имъ дѣлу, только прежде прочихъ слетитъ и Богъ вѣсть куда—тотъ же напр. почтмейстеръ, въ своей самонадѣянности болѣе другихъ способный натворить всякихъ глупостей: то, можетъ быть кстати было бы тогда раскрыть предъ ними серьезное и даже великое значеніе ихъ служебнаго дѣла, какъ работы у правдиваго и вмѣстѣ милостиваго Хозяина—Господа. Но надо, что бы они поняли эту строгую и вмѣстѣ прекрасную истину не доводя ее страшливыми мечтами своими до вида какого-то пугала: вѣдь не мудрено работающимъ въ судахъ, при разборѣ всякихъ человѣческихъ дѣлъ, имѣть въ виду, что бремена всѣхъ запутанныхъ человѣческихъ дѣлъ и виновностей понесъ на Себѣ до крестной смерти Самъ Господь, сдѣлавшійся для того Самъ Сыномъ человѣческимъ; а имѣя это въ неопустительномъ виду, высшіе и низшіе чиновники судебныхъ мѣстъ, съ одной стороны невидимо помогали бы *виновнымъ*, подвергаемымъ законнымъ взыскамъ и наказаніямъ, принимать и въ этомъ благодать Агнца Божія, вынесшаго на Себѣ силу всѣхъ законныхъ съ насъ взысковъ и наказаній и потому вѣрующимъ дающаго, чрезъ самыя ихъ наказанія, уже только сообщаться силѣ искупительныхъ Его страданій, а съ другой стороны—всячески остерегались бы въ лицѣ *невинныхъ* осуждать съ Пилатомъ или Каіафою и выдавать съ Іудою предателемъ въ духѣ и силѣ дѣла, Самаго Христа, и потому со взятками сберегать своимъ дѣтямъ это жидовское наслѣдіе: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!* Вотъ противъ какого великаго, истинно Божія дѣла преступность надобно сознать и почувствовать такимъ чиновникамъ, каковы запутавшіеся по дѣлу о «мертвыхъ душахъ» чиновники города N. Но и этого еще мало. Не однимъ бездѣйственнымъ сожалѣніемъ должно кончиться дѣло. Если бы еще притомъ въ средѣ ихъ появился тогда мужъ, такой же вѣдатель человѣческихъ душъ и умный двигатель тайныхъ ихъ пружинъ, который по крайней мѣрѣ въ этомъ не уступилъ бы Чичикову, и умѣлъ бы всякой глупой головѣ растолковать, что и какъ, и за что взяться, и чего надѣяться можно: можетъ быть, въ то время общественное ихъ совѣщаніе получило бы высокое разумное значеніе и принесенная ими отъ чистаго сердца *повинная* во всемъ, съ разъясненіемъ всего дѣла и съ надеждою на одну чистую ми-

лость, спасла бы ихъ и привлекла бы имъ помилованіе отъ грозы законной. И эта путаница ихъ предварительныхъ нелѣпыхъ совѣщаній и распросовъ и бѣдъ оказалась бы для заблудившихся и не хотящихъ смотрѣть прямо на истину по опасенію грозы отъ нея, стезею къ самой истинѣ, сіяющей неземнымъ свѣтомъ все прощающей Милости и всеоживляющей Любви.... И заранѣе освѣщенный этимъ чуднымъ свѣтомъ прекраснаго будущаго и для чиновничьяго міра (нынѣ съ особенною безпощадностію разоблачаемаго въ своихъ закулисныхъ пошлостяхъ), я самъ невольно сознаю и вижу то, что вы разсудили сказать мнѣ о тайнѣ своего художественнаго творчества, или въ чемъ не могла не проговориться ваша художественно-творческая мысль: «и во всемірной исторіи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя дороги избирало человѣчество, стремясь къ вѣчной истинѣ: тогда какъ предъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной Царю въ чертоги. Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его въ глухой темнотѣ идутъ люди. И сколько разъ уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону.... Умѣли таки среди бѣлаго дня добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: гдѣ выходъ? Гдѣ дорога? Видитъ теперь все ясно грядущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ, на него же, на него, на текущее поколеніе, и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки....» И этотъ несчастный, вопіющій на насъ, но могущій быть спасительнымъ для насъ, порядокъ общечеловѣческой жизни, прекрасно схваченъ у васъ въ вашей поэмѣ, и по нему построена эта IX глава!..

Въ концѣ главы показался и Чичиковъ, котораго уже давно я не видалъ послучаю его болѣзни, удержавшей его дома. Онъ выздоровѣлъ и весело, слегка мечтая о блондинкѣ, спѣшилъ явиться къ губернатору. Ему наотрѣзъ отказали! Онъ обратился къ полицмейстеру, къ тому, къ сему; всѣ какъ будто пугались его и даже

Чичиковъ чувствовалъ себя у нихъ страхъ какъ неловко. И позабылъ, видно, онъ въ своей болѣзни, что̀ грохоталъ на балѣ во всеуслышаніе Ноздревъ. Нѣтъ, онъ это помнилъ, и зная хорошо, что Ноздреву, взятому самому по себѣ, ни въ чемъ не повѣрятъ, что Ноздревъ не такія глупости говорилъ въ слухъ всего міра о томъ же полицмейстерѣ или даже губернаторѣ. Чичиковъ очень умно спѣшилъ показать всѣмъ, что и для него Ноздревъ ровно̀ ничего.. Нашъ герой только не зналъ другихъ кое-какихъ обстоятельствъ, именно описанныхъ въ предъидущей главѣ. Въ раскрытіи этихъ обстоятельствъ послужилъ ему, по своему все тотъ же Ноздревъ. И Павелъ Ивановичь понялъ, что ему болѣе нечего дѣлать въ этомъ городѣ, что надобно убиратьсяноскорѣе отсюда... Павелъ Ивановичь—все тотъ же многосторонній, съ разу схватывающій сущность дѣла и понимающій людей, Павелъ Ивановичь. Убираться отсюда поскорѣй? А блондинка въ первый разъ въ жизни давшая ему хотя слегка почувствовать свѣжесть и красоту жизни? Видно, онъ забылъ это. Нѣтъ, онъ уже даже сталъ-было слегка мечтать о ней... Слишкомъ же глубоко, видно, уморилъ свою душу Павелъ Ивановичь! То, что было коснулось живаго въ его душѣ, онъ спѣшилъ убить мечтою, находясь въ добромъ здоровьѣ и спокойствіи; а въ опасности и бѣдѣ онъ и вовсе плюетъ на все, и думаетъ, какъ бы только не потерпѣла чего его убитая въ духѣ личность.... Вмѣсто того, что бы остановиться сколько нибудь на мысли, на которую онъ наведенъ былъ Ноздревымъ, на мысли, что причиной всей этой сумятицы въ головахъ чиновниковъ, всего безпорядка, какой отъ того могъ произойти въ городѣ и губерніи, и даже смерти прокурора былъ онъ Павелъ Ивановичь, вмѣсто этого онъ про себя подумалъ: «ну ужъ коли пошло на то, такъ мѣшкать болѣе нечего здѣсь.» О, многое, многое долженъ еще пройти этотъ герой, многое должно совершиться въ его духѣ и во внѣшнихъ его обстоятельствахъ. Нужно по крайней мѣрѣ, что бы оживляющій лучь счастія палъ въ его душу не иначе, какъ во̀ время страшной темноты, бѣды и горя его: иначе онъ только слегка замечтается.. И эта бѣда и горе должны его такъ настичь, что нельзя—не куда было бы ему убираться отъ нея: а то онъ мѣшкать не будетъ... Можетъ быть, и онъ наконецъ могъ бы поднять глаза прямо на истину, сперва поражающую и страшную и за тѣмъ или въ тоже самое время возсозидающую и обновляющую. Но тайна его души еще неизвѣстна въ опредѣленной точности.

Послѣдняя глава перваго тома вашихъ «мертвыхъ душъ» начи-

нается тѣмъ, что Чичиковъ, изведавъ къ своей досадѣ ту истину о Селифанѣ, что онъ зналъ кое-что о разстройствѣ въ экипажѣ, да барину не сказалъ по неизвѣстнымъ и самому ему Селифану причинамъ, наконецъ поѣхалъ изъ города, но еще въ городѣ встрѣтилъ погребальную процессію покойнаго прокурора. Не могу отказаться, чтобы не посмотрѣть и мнѣ на эту великолѣпную процессію и случайную съ ней встрѣчу Чичикова. Вотъ «за гробомъ идутъ, снявши шляпы, всѣ чиновники. Чичиковъ было-сталъ побаиваться, чтобы его не узнали; но чиновникамъ было не до того. Всѣ мысли ихъ въ это время были сосредоточены въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генералъ губернаторъ, какъ возмется за дѣло и какъ приметъ ихъ»... Батюшки мои! Воскликнулъ бы иной добрый и простой человѣкъ, ужели они и здѣсь не опомнятся, не подумаютъ о себѣ о дѣлѣ своей жизни серьезнѣе?.. За «чиновниками шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ заняты были живымъ разговоромъ; можетъ быть, говорите вы, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія на счетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ»... О поэтъ! И мертвая душа, мертвѣе всѣхъ вашихъ мертвыхъ душъ освѣжается нечаянными, непонятными какими-то слезами ощутивъ, видно, услѣженное вами снисхожденіе всезиждительной Любви и въ такую глубину нашего духовнаго омертвѣнія отъ мелочности житейской, которая такъ просто раскрыта вами въ погребальной процессіи..... «Наконецъ за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, оттянувшихся гуськомъ, наконецъ и, ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ произнесши отъ души: «Вотъ прокуроръ! Жилъ, жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ: прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ, и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ на повѣрку у тебя всего только и было, что густыя брови.» Одинъ только Павелъ Ивановичъ и могъ проникнуть во всю глубину этой ужасной истины отъ которой задрожитъ иной всѣмъ существомъ своимъ.... «Тутъ онъ, Павелъ Ивановичъ, приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя: Это однако хорошо, что встрѣти-

лись похороны; говорятъ, значитъ счастье, если встрѣтишь покойника..»
Поэтъ! Поэтъ! Такъ и виднѣется мнѣ твоя ангельская слеза въ каждомъ твоемъ словѣ въ описаніи этой процессіи, эти слезы нетолько о прокурорѣ, душу котораго уже нельзя взять съ того свѣта, а еще болѣе, можетъ быть, о другихъ не живыхъ же кажется, душахъ, что шли за гробомъ, снявъ шляпы, и что выглядывали изъ каретъ въ траурныхъ чепцахъ, съ живымъ движеніемъ губъ и рукъ, съ рѣчами о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ, и особенно объ этой великой мертвой душѣ, которая не могла же не вздохнуть предъ отразившейся въ ея глубинѣ страшной истиной о человѣкѣ, и которая, послѣ горделиво-правдиваго суда надъ покойнымъ прокуроромъ, наконецъ, подумала про себя: «говорятъ, значитъ счастіе, если встрѣтишь покойника.» И слышится мнѣ почему-то этотъ вашъ голосъ; «и непонятною тоскою загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь... Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится въ твоемъ мірѣ.» Не потому ли это мнѣ слышится, что въ вашей поэмѣ у васъ дѣло идетъ о дѣлѣ жизни православно-русской, въ глубинахъ которой сокрыто данное отъ Бога Руси сокровище жизни общечеловѣческой, да такъ у многихъ изъ насъ и оставлено въ этой глубинѣ.

И кажется мнѣ, я понимаю этотъ вашъ монологъ, этотъ чудный вздохъ творческой любви о мертвыхъ нашихъ душахъ, разрѣшающійся великою надеждою великаго и свѣтлаго будущаго воскресенія этихъ же самыхъ душъ, въ ихъ жизни частной общественной, въ судахъ и на балахъ, въ высшихъ слояхъ и крестьянахъ! «Русь! Русь! Вижу тебя, изъ моего чуднаго прекраснаго далека вижу тебя: бѣдна природа въ тебѣ.... открыто, пустынно и ровно въ тебѣ.... ничто не обольститъ и не очаруетъ взора.... Но какая же непостижимая тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣсни? Что зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь? Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, и уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ?.. и грозно объемлетъ меня могучее пространство.... У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...»

Кажется мнѣ, понимаю я немного и ваше объясненіе этого монолога въ перепискѣ; но самъ еще не слышу ни этой пѣсни, зовущей и рыдающей, ни очей почти не вижу, устремленныхъ отовсюду, а желалъ бы, подумай,—*только желалъ бы еще,* кричать всѣмъ о помощи вмѣстѣ съ звуками этой пѣсни, болѣзненно стремящейся въ твою душу, самъ желалъ бы во всѣ глаза смотрѣть....

Давъ Чичикову свободу сейчасъ же закричать Селифану: «держи, держи, дуракъ!»—полюбуюсь на вашу далекую дорогу. «Какъ чудна она сама, эта дорога, говорите вы мнѣ: ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ.... покрѣпче въ дорожную шинель!... Кони мчатся.... клонитъ дремота, и смежаются очи и уже сквозь сонъ слышится.... и не бѣлы снѣги, и сопъ лошадей, и шумъ колесъ, и храпишь... проснулся; пять станцій убѣжали назадъ.... уже сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ.... одинъ одинешенекъ.... А ночь! Небесная ночь! Какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо далекое, высокое, тамъ въ недоступной глубинѣ своей такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!... Ночное дыханіе убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься.... Проснулся и уже опять предъ тобою поля и степи, нигдѣ ничего, вездѣ пустырь.... Занимается утро.... Боже! Какъ ты хороша подъчасъ далекая, далекая дорога!» Все такъ бы хорошо и прекрасно ѣхать далъ бы вамъ Богъ по этой прекрасной дорогѣ....

Въ награду за мое братское провожаніе васъ по вашей дорогѣ съ Павломъ Ивановичемъ, вы на прощаньи расказываете мнѣ, чтò это въ самомъ дѣлѣ за человѣкъ Павелъ Ивановичь, въ чѐмъ же, въ самомъ дѣлѣ, тайна его души, тайна смерти этой души. Родился онъ, говорите вы о своемъ героѣ, отъ дворянъ, жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло, непріятно; ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ. Маленькая горенка, отецъ больной человѣкъ, непрестанно вздыхавшій, вѣчное сидѣнье на лавкѣ, вѣчная пропись предъ глазами: «носи добродѣтель въ сердцѣ,» знакомый, но всегда суровый голосъ: «опять задурилъ»—вотъ золотое дѣтство Павлуши. Свезъ его отецъ въ городское училище, и оставилъ у одной старушенки родственницы, съ полтиной мѣди на расходъ и съ наставленіемъ: «смотри, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего угождай учителямъ.... Съ товарищами не водись, они тебя добру ни научатъ, а буде ужъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными.... Пріятель тебя надуетъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ... Все прошибешь на

свѣтѣ копѣйкой!» Павлуша запомнилъ это наставленіе, и скоро накопилъ пять рублей, зашилъ ихъ въ мѣшокъ, и сталъ копить въ другой; учитель рекомендовалъ его самымъ скромнымъ и прилѣжнымъ ученикомъ, и Павелъ кончилъ курсъ отлично и пожертвовалъ своему учителю, въ его бѣдѣ, цѣлымъ пятакомъ серебра.... Впрочемъ, говорите вы, природа его не была черства. Онъ даже хотѣлъ другимъ помогать въ нуждахъ, только не много, и не трогая денегъ, которыя положено было не трогать: мальчикъ, видно, инстинктомъ понялъ, что иначе не выдержишь постоянства въ принятыхъ правилахъ. И скупости въ немъ не было. Нѣтъ, не Плюшкина идея двигала имъ, ему впередъ мерещилась жизнь во всѣхъ довольствахъ: экипажи, домъ отлично устроенный, дѣтская и проч. и проч. вотъ что безпрестанно носилось въ его головѣ. И вотъ для чего сберегалась копѣйка,—для того, чтобы и ему вкусить все это.... По недостатку протекціи, безъ которой у насъ рѣшительно нигдѣ ничего не дѣлается, съ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату на ничтожное мѣстечко. Своею аккуратностію, опрятностію, прилежаніемъ неутомимымъ Чичиковъ рѣзко отличался отъ другихъ сослуживцевъ. Но повытчикъ у него былъ человѣкъ просто какой-то безчувственный: молодой канцеляристъ и перья ему чинилъ по его вкусу, и сметалъ со стола его песокъ и табакъ, и шапку его, прескверную, какой и не бывало, шапку клалъ возлѣ него за минуту до окончанія присутствія. Все напрасно. Узналъ онъ, что у повытчика его была зрѣлая дочь, на лицѣ которой будто-бы когда-то происходила молотьба гороху.... Съ этой стороны, подумалъ онъ, повести приступъ.... «Повытчикъ безчувственный сдался, Павелъ Ивановичъ переѣхалъ къ нему на квартиру, чрезъ нѣсколько времени самъ сѣлъ повытчикомъ, и на другой же день съѣхалъ отъ него на новую квартиру....» Между тѣмъ какъ вы это разсказываете мнѣ, я смекаю: такъ вотъ-молъ въ какой школѣ развивался его, уже и по природѣ великій, практическій умъ, вотъ онъ гдѣ изучилъ людей и научился задѣвать въ нихъ, и въ самыхъ даже мертвыхъ изъ нихъ, за живыя пружины, вотъ отъ чего такъ могуче окрѣпъ его энергическій духъ. Вы продолжаете: Павелъ Ивановичъ былъ самый деликатный, просто драгоцѣнный алмазъ изъ чиновниковъ. Чуть вытащитъ кто изъ кармана рекомендательное письмо за подписью Хаванскаго покойника, онъ говорилъ: «нѣтъ нѣтъ.... Вы думаете, что я.... нѣтъ, нѣтъ! Онъ взятокъ никогда не бралъ, развѣ ужъ какъ черезъ писарей что нибудь перейдетъ. Пристроился въ какую-то коммисію для постройки какого-то казен-

наго капитальнаго строенія. Это строеніе шло плохо, разумѣется, за то у членовъ коммисіи въ разныхъ концахъ города появилось по красивому дому гражданской архитектуры. Тутъ только Павелъ Ивановичь сталъ понемногу выпутываться изъ подъ суровыхъ законовъ воздержанія. И оказалось, что Павелъ Ивановичь иногда бы не прочь отъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ (безпримѣрный примѣръ) удерживаться въ лѣта пылкой юности.... Но вдругъ: на мѣсто прежняго тюфяка былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, на смерть не взлюбившій почему-то Чичикова. Потребовалъ отчеты; грѣхи всѣ уличены были, Павелъ Ивановичъ выгнанъ былъ съ запачканнымъ аттестатомъ, который однако въ послѣдствіи былъ уничтоженъ по волѣ секретаря, который водилъ уже за носъ новаго начальника. Ну, что жъ, сказалъ Чичиковъ, зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось, не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать.» Каковъ уже?! думаю я про себя, не въ состояніи будучи перемочь и самаго пустаго неудовольствія со стороны начальства. Чичиковъ съизнова началъ карьеръ... похудѣлъ.... И уже начавъ прежде думать съ улыбкою о томъ о семъ и о дѣтской, теперь боялся и въ зеркало посмотрѣть на себя, въ душѣ всегдашній любитель благопристойности и стройности во всемъ. Но переносилъ же герой нашъ, терпѣливо переносилъ, и перешелъ наконецъ въ службу по таможнѣ, издавна тайный предметъ его помышленій. Справедливость, проницательность, терпѣніе, мужество, словомъ исполненіе долга показалъ неслыханное. Онъ получилъ чинъ и повышеніе, и въ слѣдъ за тѣмъ представилъ проэктъ изловить всѣхъ контрабандистовъ... Ему вручена была команда и неограниченное право дѣлать поиски. Ему этаго, говорите вы, только и хотѣлось онъ сдѣлалъ тутъ такое дѣльце, что къ нему перешло въ руки тысячь до пяти сотъ, вдругъ.. Ой, ой, ой! Какой у него выросъ исполинъ. Позвольте, дайте мнѣ немножко осмотрѣться. Легко примѣтить, что идея, имъ двигающая, для которой онъ все готовъ былъ сдѣлать, все потерпѣть и на все рѣшиться, для которой онъ не зналъ никакого подвига, котораго бы ни совершилъ онъ, эта идея была та, что онъ захотѣлъ во что бы то ни стало достигнуть лучшаго для себя, лучшаго, которое таково не само по себѣ, сколько могъ сознавать это и самъ Чичиковъ, но которое онъ развивалъ для себя по личному своекорыстію, и этотъ ядъ личнаго эгоизма, укрѣплявшагося въ Чичиковѣ съ дѣтства отъ самыхъ стѣсненій и препятствій, портилъ у него и все лучшее. Бѣда для личности православной, направленіе въ мысли или въ

практикѣ *искать своихъ-си, а не еже Христа Іисуса*, внѣ Котораго человѣческой личности ни на какомъ поприщѣ нельзя выбиться изъ тюремнаго эгоистическаго круга. Чичиковъ возрасталъ и развивался съ развитіемъ въ немъ эгоистической его идеи, и онъ, такимъ образомъ воспиталъ въ душѣ исполина, который завладѣлъ всей его многообѣщавшей натурой, и уже не существовало для него долга и дѣла жизни, выше того чтобы наконецъ зажить во всѣхъ довольствахъ, счастливо жениться, завестись дѣтской.... Но и тутъ, изъ ссоры съ товарищемъ, съ которымъ они вмѣстѣ плутовали, все дѣло открылось... Чичикова взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что было у него и у его товарища, и все это разразилось вдругъ, какъ громъ надъ головами ихъ.... Казалось, судьбѣ жалко было, чтобы погибла эта натура на своей жалкой дорогѣ, и она этому своего рода исполину поставляла исполинскія преграды.... Но онъ видѣлъ въ этомъ благодѣтельномъ противодѣйствіи судьбы—врага, котораго надобно преодолѣть, и больше ничего.... Устоялъ онъ на своей избранной дорогѣ и въ послѣднюю годину искушенія своего.... Онъ возроптилъ на все, кромѣ себя самаго. Онъ разсуждалъ и въ разсужденіи его была нѣкоторая сторона справедливости: почему же я? За чѣмъ на меня обрушилась бѣда? Ктожъ зѣваетъ теперь по должности? И такъ: онъ сталъ еще крѣпче, и рѣшительнѣе пошелъ по своей дорогѣ, успѣлъ же онъ затаить нѣсколько тысчонокъ, и удержать при себѣ Селифана съ Петрушкой. Вновь съёжился Чичиковъ; принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго.... Тогда недавно, говорите вы, начали въ Россіи закладывать въ Опекунскій Совѣтъ крестьянъ. Изъ порученій досталось ему: заложить сюда нѣсколько сотъ крестьянъ, изъ имѣнія, разстроеннаго до послѣдней крайности; цѣлая половина крестьянъ вымерла или разбѣжалась.... Повѣренный опасался прижимокъ. Да вѣдь они въ ревизской сказкѣ числятся? сказалъ уже задобренный секретарь.—Числятся.—Чего же вы оробѣли? Одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится. И героя нашего осѣнила вдругъ вдохновеннѣйшая мысль, какая когда либо приходила въ человѣческую голову. Эхъ я Акимъ простота, ищу рукавицу, а обѣ за поясомъ. Да накуплю всѣхъ этихъ мертвыхъ пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣту ихъ, положимъ, тысячу да положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей за душу; вотъ ужъ 200 тысячь капиталу. А теперь время удобное, недавно была эпидемія, народу, слава Богу, вымерло не мало.... Развитіе многосторонней натуры Павла Ивановича, дѣйствительно, дошло до

того, что мысль его приняла уже полетъ, свойственный генію. Но увы, уже и звука истинно-человѣческаго не слышно; все, что есть живаго въ православномъ рускомъ: безусловная вѣрность Царю, самопожертвованіе для отечества, даже и самая тѣнь христіанской любви къ людямъ,—все, въ немъ изчезло, такъ что и слѣдовъ не видно. Просто и безъ обиняковъ во всей своей опредѣленности уже раждаются и высказываются у него такія мысли.... Затрудненія, какихъ надобно было ожидать, его только заманиваютъ. А вѣдь, нѣтъ въ Чичиковѣ и его замыслѣ ничего поразительно злодѣйскаго самая обычная и общая нынѣ своекорыстная точность и положительность выразилась въ немъ, какъ въ своемъ типѣ или представителѣ.

Вотъ его тайна! Съ нею-то онъ пріѣхалъ въ городъ N и ѣздилъ къ Манилову и Плюшкину и въ городѣ со всѣми завелъ дружбу.... На этой степени развитія генія его, такъ глубоко и полно отражался въ его мысли и Собакевичь и Коробочка, и балъ, и все городовое общество.... На этой-то степени своего представительнаго для нашего времени омертвѣнія, онъ подъчасъ поражалъ слушателя своимъ всеразящимъ, безчеловѣчнымъ судомъ, невидимо поражаемый самъ отъ него.... И вотъ почему чудилось иногда, что у него, пожалуй, такъ изуродовано дѣло жизни, какъ ни изуродовала его ни Коробочка, все же давшая ему ночлегъ и пріютъ, ни Плюшкинъ, все же отъ души, хоть и мертвой, благодарный своему благодѣтелю и спасителю, избавившему его отъ платежа за мертвыя ревизскія души. А у Павла Ивановича никакого не нашла себѣ пріюта и одинокая, нечаянно попавшая въ невѣдомый страшный міръ, эта самая жалкая изъ сиротъ, душа прокурора, который притомъ и умеръ по отдаленной причинѣ того же самаго замысла его о покупкѣ мертвыхъ душъ, и не вспомнилъ онъ радушія и хлѣба-соли покойника. И слышится тому, кто соприкоснулся бы высшей творческой Любви, уже давно ищущей его сильными мѣрами, слышится впереди какъ будто одно только рѣшительное противленіе его сей Любви, и рѣшительное вѣчное отверженіе его сею Любовію, такъ что уже не различаешь одного отъ другого—и энергической его вражды противъ Творческой о немъ мысли, и осужденія его за то Творцемъ. Какъ будто, эта страсть или эгоистическая идея земныхъ положительныхъ выгодъ уже родилась съ нимъ въ минуту рожденья его на свѣтъ. Какъ будто, высшими начертаніями онъ ведется къ своей погибели, къ проявленію надъ нимъ всего страшнаго гнѣва и силы оскорбленнаго его мятежностію Творца; и отъ сего-то слы-

шится въ немъ что-то вѣчно-зовущее къ душевной смерти, не умолкающее во всю его жизнь, проведенную имъ доселѣ въ такой наружной его, въ отношеніи къ ближнимъ, благонамѣренности.... Самое столь неожиданное прикосновеніе къ нему оживляющаго дыханія, пронесшагося и въ его хладную душу изъ вѣчной весны, при случайной его встрѣчѣ съ свѣжестію юности и красоты, вызвало у него въ отвѣтъ сначала мечту о «славной бабешкѣ,» а потомъ покрыто было этимъ благоразумнымъ разсужденіемъ: «мѣшкать здѣсь нечего, надобно убираться отсюда,» и онъ уже опять на своей дорогѣ.

Но нѣтъ, кажется, настигла-жъ его наконецъ жестокая и въ самой жестокости безконечно-милующая его Судьба. Дѣло о мертвыхъ душахъ въ этомъ губернскомъ городѣ, у этихъ чиновниковъ, рано или поздно вскроется съ значеніемъ, пожалуй, не просто уголовнаго но и государственнаго преступленія и Павла Ивановича найдутъ, куда бы онъ ни заѣхалъ въ безпредѣльномъ русскомъ царствѣ.... И идолъ его обличится предъ всѣми, и самъ онъ увидитъ всю его нищету и призрачность.... Намѣсто довольства и дѣтской—ему неминуемо будетъ грозить самая послѣдняя изъ всѣхъ доля въ жизни, одинокость безъ надеждъ съ кѣмъ сойтись, память о своихъ безплодныхъ усиліяхъ и дѣлахъ, вмѣсто играющихъ дѣтей. И тутъ же онъ увидитъ, что изъ за него, въ перепугахъ отъ всевозможныхъ толковъ города N, и Коробочка чуть ни на одрѣ смерти; и Плюшкинъ готовъ надѣть петлю, отъ неизбѣжныхъ расходовъ при судебныхъ допросахъ и справкахъ; и самъ Собакевичъ съ Маниловыми уличаются въ соучастіи въ государственномъ преступленіи; и чиновники около пропасти, и жены ихъ съ дѣтьми готовы вопить въ отчаяніи и проч. и проч. Въ практической глубокой душѣ Павла Ивановича все это разомъ отразится, и онъ понесетъ такое страданіе, которое можетъ пасть только на его пробужденную натуру. И онъ близокъ къ страшному отчаянію и гибели.... И кто знаетъ будущее? Кто можетъ положить предѣлъ творческой вседержавной Любви, если она не напрасно соблюла и въ душѣ Павла Ивановича нѣкоторыя возможности къ ея оживленію, которыя уже рѣзко обозначались прежде? Можетъ быть, чудная русская дѣвица, какой еще не сыскать нигдѣ въ мірѣ, съ дивной красотой своей души и юности, къ чему одному еще сохранилось въ немъ нѣкоторое живое сочувствіе, дѣвица вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія, можетъ быть въ полномъ уже развитіи та самая, которая,

и сама того не зная, уже затронула въ его душѣ это затаенное живое сочувствіе, такъ что даже будто бы началось нѣкоторое развитіе этаго живаго въ его глубоко-мертвой душѣ, эта чудная дѣвица на небывалое страданіе отвѣтитъ неслыханнымъ, необыкновеннымъ состраданіемъ, и на чувство и сознаніе своей вины, не дающей и мѣста надеждѣ и бодрости, загорится любовію, готовою понести съ нимъ вмѣстѣ всю эту невыносимую тяжесть.... Но и этаго несовсѣмъ достаточно для оживленія такой души, какова у Павла Ивановича. Надо еще при всемъ сказанномъ подѣйствовать на главную духовную пружину, на эту его житейскую положительность, упорно стойкую въ своихъ стремленіяхъ: надо, чтобы душѣ его открылась возможность высшаго, разумнаго, высоко-христіанскаго и въ житейскомъ хозяйствѣ (*), чтобы (разумѣется вмѣстѣ съ нежданнымъ прощеніемъ отъ узнавшаго всѣ эти человѣческія глупости Верховнаго на землѣ человѣколюбія) увидѣлъ онъ у себя и честныя къ такому хозяйству средства и помощницу, какой онъ и не воображалъ въ своихъ прежнихъ мечтахъ о дѣтской... И освѣжится и исполнится жизнію вся многосложная, многосторонняя и дотолѣ убитая, великая его натура.... И проникнется онъ самымъ и умиленнымъ и энергическимъ раскаяніемъ.... И подвигнется онъ взять на себя вину гибнущаго Плюшкина, и съумѣетъ исторгнуть изъ его души живые звуки, скажетъ сраженной скорбію Коробочкѣ доброе и живительное слово, какъ, въ самыхъ хлопотахъ бережливаго ея хозяйства, вести для себя и своихъ крестьянъ еще иное лучшее хозяйство, и поникшаго Собакевича подниметъ къ доступному его душѣ русскому православному здравомыслію, которому не помѣха—и внѣшняя грубость и русскій желудокъ, и присмирѣвшему Ноздреву укажетъ достойное поприще его удали, и Маниловой укажетъ средства окрѣпнуть въ духѣ самой и мужа укрѣпить, и обоимъ имъ укажетъ сторону во всякомъ предметѣ, достойную дѣльнаго сочувствія, и все городское общество подвигнетъ къ лучшему. Все это ему уже просто будетъ сдѣлать, съ его ожившей, много-

(*) Подобно, какъ напр. это отчасти раскрывалъ ему (въ отрывочной второй части «мертвыхъ душъ») Констанжогло. И не могъ довольно наслушаться его Павелъ Ивановичъ: такъ живительно и освѣжительно подѣйствовали на душу Чичикова возвышенно-разумныя хозяйственныя рѣчи. Примѣчательно, что тотъ же самый Чичиковъ въ послѣдствіи, когда несчастіе открыло-было душу его для христіанскихъ внушеній Муразова, но когда ни мало не была духовно-тронута главная пружина Чичикова, при первомъ же вліяніи на нее негодяя опять вступаетъ на свою обычную дорогу.

сторонней и энергической натурой, съ душой, проникнутой раскаяніемъ и подвигнутой къ готовности нетолько взять на себя все, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ сдѣлался долженъ и виноватъ предъ другими, но и воздать имъ четверицею, съ его духомъ, уже и прежде владѣвшимъ тайною проникать въ души другихъ и затрогивать въ нихъ тѣ или другія пружины, а теперь постигнемъ тайну себя самаго и уже свободно могущимъ отпирать всякую душу и сказать ей спасительное слово такъ, чтобы она непремѣнно слышала.... И такимъ образомъ почуются иныя, еще доселѣ не бранныя струны, предстанутъ несмѣтныя богатства русскаго духа, замершаго было, но подъ настоящимъ крестомъ воскресающаго, и сверхъ всякаго чаянія пройдетъ мужъ, одаренный Божественными доблестями.... О если бы мы знали или ощущали, что любовь нашего Творца можетъ сдѣлать и изъ валяющагося въ грязи своего созданія, за которое Сынъ Его умеръ!...

И грозная Судьба, съ своимъ непреложнымъ закономъ, съ своимъ правдивымъ, разящимъ все пошлое, судомъ, таинственно производя самою грозою своею, этотъ великій живительный переворотъ, путемъ креста изводя мертвыя души изъ смерти въ животъ, и притомъ кто бы могъ подумать? начавъ это свое таинственное дѣйствіе чрезъ какую-то почти дѣвочку, не имѣвшую ничего еще кромѣ свѣжести юной, невинной души и дѣвственной красоты,—конечно, наконецъ, явитъ открыто свое свѣтлое лице раскаявшимся и помилованнымъ. Именно: тотъ, кто на землѣ есть представитель этой Высочайшей, Творческой любви, кто даетъ законы и одинъ смягчаетъ строгую ихъ букву духомъ милости и любви, благословенный небомъ и людьми, монархъ исполнится неземнаго участія во всѣхъ этихъ, или покрайней мѣрѣ высокихъ и однако на смерть измельчавшихъ, душахъ, узнавъ о нихъ или о главной изъ нихъ, можетъ быть, при посредствѣ той же прекрасной души, которая и сначала первая привлекала ко всему этому обществу едва замѣтное прикосновеніе небесной Милости. Онъ оживотворитъ ихъ своимъ всепрощеніемъ, и дастъ сильный и дѣйственный настрой къ будущему ихъ прекрасному поприщу своей царственной милостію. И тотъ же балъ, быть можетъ, окажется нѣкоторымъ, свѣтлымъ отраженіемъ небеснаго пиршества объ обратившихся и прощенныхъ грѣшникахъ, такъ что и самъ Плюшкинъ, если доживетъ, обратится весь въ умиленіе.. И Селифанъ всегдашній зритель всѣхъ этихъ событій, проснется отъ усыпленія съ своей прекрасной натурой, такъ что уже не случится

съ нимъ того, что бы онъ напивался до забвенія своего дѣла и что бы еще зналъ бы иное нужное, да не сказалъ о томъ барину. А глядя на него, освѣжѣетъ и Петрушка съ своимъ запахомъ жилаго покоя. И всего народонаселенія въ городѣ коснется живительное потрясеніе, какъ прежде съ чиновниками весь городъ занялся Чичиковымъ, мертвыми душами и губернаторской дочкой... И почуявъ издалека, неясно, въ самыхъ общихъ чертахъ заключенную уже въ самомъ этомъ первомъ томѣ возможность къ такому великому воскресенію мертвыхъ русскихъ душъ, открывающему необъятное поприще для оживленныхъ великихъ силъ этихъ душъ, съ торжествующимъ и трепетнымъ духомъ желалъ бы я внимать этому торжественному вашему голосу: «не такъ ли, ты, Русь, что бойкая тройка, необгонимая тройка наша? Столбомъ дымится надъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился, пораженный Божіимъ чудомъ, созерцатель. Не молнія ли это брощенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе, и что за невѣдомая сила заключена въ этихъ невѣдомыхъ свѣту коняхъ? Эхъ кони, кони! Что за кони?! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди, и почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летающія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ... Русь! Куда несешься ты? Дай отвѣтъ! Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ. Летитъ мимо все, что ни есть на земли, и косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства....»

Что же наконецъ скажу о всей этой по истинѣ дивной вашей поэмѣ? Но напередъ скажите лучше вы мнѣ, поэтъ, почему это я, только желая слегка вникнуть въ вашу поэму до послѣднихъ ея началъ, до завитыхъ въ ней возможностей и незамѣтныхъ сѣмянъ будущаго, уже вижу предъ собою, незримо и въ общихъ неясныхъ обликахъ возставшее, цѣлое и полное зданіе вашей поэмы... Не боюсь я стороннихъ моихъ слушателей, что бы они обличили меня въ мечтательности, въ томъ, что я нашелъ въ этой поэмѣ то, чего нѣтъ въ ней. Нѣтъ, если эти господа будутъ добросовѣстны и мои взгляды на каждую главу и на каждую подробность въ вашей поэмѣ возьмутъ въ истинномъ ихъ значеніи, не будутъ придираться къ буквѣ въ моихъ словахъ, и мысль будутъ брать въ соображеніи со

всѣмъ моимъ пересмотромъ вашей поэмы: то, кажется, не найдутъ они и слова одного у меня, которое бы не было основано на чемъ либо изъ вашей поэмы, которое бы выражало не болѣе, какъ только мою вольную мечту. Боюсь я васъ: и самъ я видѣлъ и вижу, что допускаю разные недосмотры въ своемъ взглядѣ на ваше творенiе, о многомъ уже послѣ догадываюсь, хотя оно ясно у васъ высказано, о многомъ, слѣдовательно могу и вовсе не догадаться, многаго и вовсе не примѣтить, хотя оно столь же ясно и еще яснѣе другаго чего нибудь, можетъ быть, обозначено у васъ. И можетъ быть, это многое или не многое, не замѣченное мною, въ вашемъ творенiи, есть такая важная пружина въ вашей поэмѣ, которая дастъ новое направленiе о движенiи прочихъ пружинъ и такимъ образомъ созданiе выйдетъ не то, какое мнѣ видится изъ перваго тома вашихъ мертвыхъ душъ. Знаю, что во всякомъ случаѣ я часто буду поражаемъ разными нечаянностями; ибо тайна творенiя извѣстна рѣшительно и вполнѣ только самому творцу; въ вашей поэмѣ притомъ за первымъ томомъ еще открывается такая далекая даль, которая никому и видима не можетъ быть ясно, кромѣ васъ самихъ. Какъ бы то ни было, но главная, управляющая всею поэмою мысль, столь слышная во всемъ, нерѣдко прямо изрекающая свое живое слово, во всякомъ случаѣ не можетъ измѣниться (*). И какъ бы съ

(*) Могу сказать, что въ главномъ и существенномъ, дѣйствительно, Богъ далъ, не допущено у меня ошибки П мнится, когда кое-что прочиталъ я Гоголю изъ моего разбора «мертвыхъ душъ», желая только познакомить его съ моимъ способомъ разсмотрѣнiя этой поэмы: то и его прямо спросилъ, чѣмъ именно должна кончиться эта поэма. Онъ задумавшись выразилъ свое затрудненiе высказать это съ обстоятельностiю. Я возразилъ, что мнѣ только нужно знать, оживетъ ли, какъ слѣдуетъ, Павелъ Ивановичь? Гоголь, какъ будто съ радостiю, подтвердилъ, что это непремѣнно будетъ и оживленiю его послужитъ прямымъ участiемъ самъ Царь, и первымъ вздохомъ Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма. Въ изъясненiи этой развязки онъ нѣсколько распространился, но, опасаясь за неточность припоминанiя подробностей, ничего не говорю объ этихъ его рѣчахъ.—А прочiе спутники Чичикова въ мертвыхъ душахъ? спросилъ я Гоголя; и они тоже воскреснутъ?—«Если захотятъ,» отвѣтилъ онъ съ улыбкою; и потомъ сталъ говорить, какъ необходимо далѣе привести ему своихъ героевъ въ столкновенiе съ истинно хорошими людьми, и проч. и проч. Въ другiя свиданiя мои съ нимъ я уже, связанный обстоятельствами, не заговаривалъ съ нимъ о моемъ дѣлѣ касательно его самаго, какъ Писателя. За полгода до смерти, если не ошибаюсь, именно 1-го Октября предпослѣдняго предъ его смертью года, онъ самъ заговорилъ о моемъ дѣлѣ, по поводу, готовой тогда выйти въ свѣтъ критики о немъ Нѣмца. Изъ его рѣчей мнѣ можно было съ грустiю видѣть, что не мѣшало

виду нимало походило созданіе ваше на то, какое мнѣ видится; въ сущности своей оно будетъ тоже самое, какое я вижу, какое вы сами открыли мнѣ или предначертали для себя въ первомъ томѣ вашихъ мертвыхъ душъ. Это движущее и управляющее начало—творческая мысль, ведущая свои созданія, убившія сами себя, свои мертвыя души таинственнымъ путемъ креста къ воскресенію, которая могла бы странно отвергнуть ихъ отъ себя за противленіе, но, прозирая въ нихъ лучшее, уже начала свои дѣйствія къ ихъ оживленію. При раскрытіи въ поэмѣ такой идеи, всѣ «лирическія отступленія,» такъ иногда называемыя почему-то въ нашихъ журналахъ, перестаютъ быть отступленіями, составляя самый естественный и при своей духовной свободѣ самый необходимый вздохъ или выраженіе вдохновляющей васъ художественно-творческой мысли.

И какъ дивно, какъ прекрасно ваше это созданіе, хотя только еще въ первомъ томѣ осуществленное, а въ двухъ еще существующее въ возможности! Какъ съ одной стороны все просто! Дѣло идетъ какъ будто само собою, такая произвольность во всѣхъ дѣйствіяхъ вашихъ героевъ, такая обыкновенная случайность въ ихъ обстоятельствахъ! А съ другой стороны, надъ всѣмъ этимъ царитъ и всѣмъ незримо правитъ и движетъ творческая мысль! Но меня особенно занимаетъ и возвышаетъ еще нѣчто другое въ вашемъ твореніи, столь прекрасно и свѣтло въ немъ видное. Вамъ могла встрѣтиться опасность или случайностію и произвольностію дѣйствій вашихъ героевъ закрыть вашу мысль или всепроникающею и всѣмъ управляющею мыслію подавить самостоятельность случайныхъ событій и произвольныхъ дѣйствій. Вы прекрасно и царски идете золотой срединою между этими крайностями. Ваша художественно творческая любовь хотѣла бы успокоиться на предметахъ ей созвучныхъ, отвѣчающихъ ей своею стройностію и сочувствіемъ; но чудною властію, говорите вы, привязаны вы къ своимъ страннымъ героямъ и въ долгомъ, тяжкомъ одиночествѣ хотите пройти съ ними все ихъ поприще до конца. Слѣдовательно не созданія свои дѣлаете вы неизбѣжными жертвами своей мысли и воли, но скорѣе сами собою жертвуете для этихъ созданій, оставаясь въ тоже время ихъ творцемъ. Какъ же это вы дѣлаете? Это видно опять изъ вашей же поэмы. Вамъ угодно было создать

бы сказаться и благопріятному о его «перепискѣ» голосу: мнѣ видѣлся въ немъ уже мученикъ нравственнаго одиночества,—одной изъ самыхъ тяжелыхъ пытокъ для душъ симпатичныхъ, каковы вообще, кажется, Малороссы и особенно каковъ былъ покойный Гоголь. Но тогда не дано было мнѣ того, чего сильно желалось.

въ вашей поэмѣ свободныя существа,—души, въ дѣйствіяхъ которыхъ столько произвольности и столько случайности... Прежде еще начала своего творенія, соображая свои художественные вымыслы съ живою правдою дѣйствительности, вы до тонкости изучили въ своей душѣ эти свои же созданія, до послѣднихъ основаній извѣдали ихъ характеръ, прозрѣли во всѣ ихъ возможности, проникли,—за добро или за злую возмутятся эти свободныя души, когда то и другое разомъ имъ предложится, словомъ: своею творческою мыслію вошли во всѣ ихъ случайныя и произвольныя дѣйствія... Послѣ этаго вамъ уже просто было, оставляя эти дѣйствія ихъ во всей ихъ случайности и произвольности, подчинить ихъ своей мысли, и великая поэма стала созидаться вами такъ просто, такъ свободно, какъ бы сама собою, безъ малѣйшей и тѣни насилія чему нибудь дѣйствующему или дѣйствительному въ ней, но въ тоже время такъ стройно, разсчитанно, правильно; въ настоящемъ уже видны сѣмена будущаго и въ одной сторонѣ зданія проницательный зритель можетъ угадывать все великое зданіе. И такимъ образомъ въ вашемъ твореніи въ одно и тоже время и развивается собственно ваша мысль, вы являетесь независимымъ и властительнымъ, вседѣйствующимъ въ своемъ созданіи, творцемъ, и вмѣстѣ удерживается вся истинность и самостоятельность созданныхъ вами душъ, сколько бы дѣятельность ихъ ни была произвольна и сколько бы ни управлялась случайностію самостоятельность, неубиваемая непреложными законами вашей діалектической мысли, но лелѣемая вашею всезиждущею въ художественномъ вашемъ созданіи любовію. Вотъ что мнѣ особенно слышится въ вашемъ твореніи и что высоко, высоко можетъ поднять духъ!.. Въ немъ этой маленькой, ничтожной капелькѣ, относительно истиннаго, самосущаго Божія Творчества, вижу чистое и прекрасное, при всей наружной грязности содержанія, отраженіе тогоже самаго всевышняго Творчества. Ибо такова истинная, всесторонняя, существенно творческая Божія Сила и Премудрость: Она неограниченна и всевластна надъ созданіями, но вся любовь, хранящая или лучше лелѣющая свои созданія, на лонѣ своемъ, во всей ихъ неприкосновенной цѣлости, хотя для того оказалось нужнымъ великое, безконечное самоотверженіе съ Ея стороны.... Ужели еще не видно, что именно тайна Христова лежитъ въ основаніи и поэзіи, какъ и всей дѣйствительности и самой возможности, (ибо что не попустится Агнцемъ Божіимъ, истиннымъ Богомъ нашимъ, то и невозможно во вѣки вѣковъ) начить, и всѣхъ областей знанія?!..

Но не оцѣнка вашего неоцѣнимаго творенія, не исчисленіе всего, чему бы могъ я поучиться въ вашей поэмѣ, не одна эта моя цѣль; мнѣ нужно показать отношеніе этого творенія къ вашей «перепискѣ.». Знаю, что вы мнѣ позволите сказать прямо и просто объ этомъ: вашу переписку вы пѣли, въ тоже время своею душею неотступно пребывая въ вашемъ мірѣ «мертвыхъ душъ,» лелѣя ихъ въ лонѣ своей художественно-творческой любви. Иныя письма ваши какъ будто и писаны были къ кому нибудь изъ вашихъ героевъ, напр. у васъ есть письмо, которое будто бы писано было Маниловой, только не успѣвшей еще измельчать, въ первые дни ея замужства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти прямо указывается на ту или другую сторону (только взятую не въ своей односторонности) вашего Собакевича или губернаторской дочери институтки, и вообще во всемъ прямо и открыто высказываетъ себя ваша художественно-творческая мысль и любовь, созидающая «мертвыя души,» такъ какъ по мѣстамъ и перваго тома мертвыхъ душъ, она не могла, такъ сказать, скрывать себя,—проторгалась, по своему внутреннему побужденію, своимъ внутреннимъ свѣтомъ во внѣ.. Вы жаждете свѣтлаго воскресенія вашихъ мертвыхъ душъ, рыдаете объ ихъ мертвости, но надѣетесь, ждете этаго свѣтлаго для нихъ и для васъ праздника, и заранѣе уже празднуете съ ними вожделѣнный свѣтлый день.. (*)

(*) Чудное и странное дѣло! Художникъ-поэтъ далъ смотрѣть только часть своего созданія (разумѣю «мертвыя души»): всѣ восхитились до того, что попробуйте перепародировать Гоголя въ его *мертвыхъ душахъ*, много ли успѣха будете вы имѣть? Художникъ съ братскою и даже отчасти какъ будто съ дѣтскою откровенностію показалъ внутренность своей мастерской (разумѣю «избранныя мѣста изъ переписки» съ «завѣщаніемъ» и прочими статьями): и «того же Гоголя въ *Перепискѣ* можно пародировать не только безнаказанно, но даже съ большимъ успѣхомъ....» Что это значитъ? Очевидно, ни болѣе, ни менѣе, какъ прямое отображеніе того, что и многіе, многіе служители истины, любители знаній и искуствъ восхищаются, иногда до обожанія, созданіями Божіими, къ которымъ принадлежитъ и человѣческій разумъ съ человѣческими представленіями о числѣ и мѣрѣ и вѣсѣ; но тѣмъ же людямъ иногда покажи внутреннюю храмину, въ которой и предуставлено, и зиждется, и возсозидается міръ, именно тайну, Христову, тайну заколеннаго отъ сложенія Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, покажи хоть чуть-чуть; и тогда однимъ наслѣдникамъ христоубійственныхъ жидовъ покажется это соблазномъ, а для другихъ, преемниковъ язычества, пожалуй будетъ безуміемъ, которое пародировать, разумѣется, можно съ великимъ успѣхомъ. Вотъ каковы времена и нравы, хотѣлъ бы я сказать, пародируя цицероновское: «o tempora! o mores!» Но опытно знаю, что у насъ многое творится и говорится чисто по невѣденію, и потому все еще несовсѣмъ оставляетъ надежда лучшаго Позднѣйшее примѣч.

И послѣ всего этаго мы могли подумать о васъ, что вы отрекаетесь въ «перепискѣ» отъ прежнихъ творенiй, отъ этой дивной поэмы, которою вы жили, которою дышали и въ этой «перепискѣ?!» Насъ смутило то, что вы, поэтъ, назвали свои прежнiя творенiя безполезными... Намъ, видите-ли въ чемъ дѣло, нужно еще рости и зрѣть духомъ, чтобы..... чтобы, наприм., въ случайномъ столкновенiи Чичикова съ погребальною процессiей видѣть едва ли не самое лучшее и самое первое мѣсто во всемъ первомъ томѣ, чтобы понять всю простоту, истину и всю красоту этаго мѣста, именно чтобы въ немъ прочитать и ощутить такое дѣйствiе вашей художественно-творческой любви, въ которомъ она отразила въ себѣ до всей глубины мертвость идущихъ и ѣдущихъ за гробомъ прокурорскимъ и, смотрящаго на все это со стороны, Чичикова, какъ-то мертвенно вздохнувшаго, и исполнилась небесною скорбiю объ этихъ мертвыхъ душахъ, выражавшихъ у васъ замершее богатство силъ русскаго духа,— загорѣлась безконечнымъ желанiемъ оживленiя ихъ, готовностiю все сдѣлать для того, все пожертвовать, и ей однако все еще это казалось мало, недостаточно, она еще узрѣла отовсюду очи нашей руси, устремленныя къ вамъ будто за помощiю, она возскорбѣла въ васъ даже на вашу человѣческую ограниченность и немощь къ оживотворенiю этихъ мертвыхъ... Намъ еще много нужно подвига, или доброй воли, чтобы въ общемъ русскомъ дѣлѣ видѣть свое дѣло, въ ближнемъ—своего брата и друга, и еще болѣе, чѣмъ брата и друга, въ его недостаткахъ и ошибкахъ—свои язвы, въ осужденiи его—судъ надъ нами самими... Тогда мы поймемъ и мертвыя души, поймемъ, поэтъ, значенiе онаго невольнаго, неотразимаго раздумья творца ихъ, въ послѣдней главѣ первой части сей поэмы, и не будемъ такъ жалко и безсмысленно, такъ несчастно для насъ же самихъ топтать въ грязь вашу «переписку.»

Надобно же коснуться нѣсколько и другихъ вашихъ творенiй, бывшихъ у васъ ступенями и приготовленiемъ къ «мертвымъ душамъ.» Вотъ вашъ «театральный разъѣздъ,» въ которомъ на одну минуту показалось наше русское живое общество не слившееся еще въ одну недвижимую массу, въ которомъ что человѣкъ, то и мнѣнiе, но уже блеснулъ во всѣхъ одинъ твердый, ясный русскiй умъ. Въ этомъ прекраснѣйшемъ небольшомъ созданiи вашемъ выражено и то, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христiанскаго сознанiя грѣховъ своихъ не въ силахъ мы возвыситься надъ ними,—и то, что Европейское просвѣщенiе во многомъ удалило насъ отъ насъ самихъ, и то, что дай

Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призваніе свое быть представителемъ Провидѣнія на землѣ,—и то, что поэтическое твореніе должно вязаться само собою, всей своей массой, въ одинъ большой узелъ, что ни одно изъ лицъ не должно управлять другими, а развѣ преобладать, что пьесою править творческая идея—мысль, о то, что въ глубинѣ комическаго, съ виду холоднаго смѣха, могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей всеобъемлющей Любви, и то наконецъ, что комедія можетъ и должна углублять нашъ взоръ въ собственное духовное состояніе и въ собственные недостатки, освѣжать и ободрять благородную душу, внушать и крестьянину мысль о высокомъ призваніи правительства, и предать общественному позору только низости и гадости негодяевъ, или лицемѣрно добрыхъ людей,—предавъ позору, не подрывая однако въ насъ чувства и сознанія нашего братства съ этими людьми, не вселяя въ насъ духа мщенія противъ нихъ... Не изъ «переписки» ли съ друзьями эти отрывочныя ваши мысли внутренняя взаимная связь которыхъ, впрочемъ, очень слышна?

Вотъ всѣмъ извѣстный вашъ «Ревизоръ,» котораго значеніе почуяла вся Россія. Съ этимъ пустымъ ревизоромъ, почти невольнымъ самозванцемъ, незримо идетъ другая высшая ревизія, предъ которой обнажилось все духовное состояніе всѣхъ лицъ комедіи, все стремленіе ихъ отъ своего долга и дѣла жизни.

Во всемъ твореніи видно, съ одной стороны, противоборство городскихъ властей Высшей Милости, наводящей глупыхъ на путь страхомъ ревизора, постоянно держащей предъ ихъ очами всѣ ихъ низости, стремящейся сокрушить безчувственныхъ ихъ же собственнымъ сознаніемъ проступковъ и мерзостей, какіе, они дѣлали и дѣлаютъ, а съ другой стороны слышится, какъ эта пренебреженная Милость незримо ни для кого обращается въ грозную правду, осуждающую и карающую своихъ презрителей чрезъ самое же это несчастное, ослѣпляющее ихъ, пренебреженіе и невниманіе къ ея судьбамъ. Городничій, первый виноватый изъ всѣхъ, первый осужденный изъ этихъ преступниковъ, услышалъ наконецъ этотъ глубокій смыслъ ревизіи, и сказалъ: «вотъ если Богъ захочетъ наказать человѣка, то сначала отниметъ у него разумъ..». И эта идея развивается здѣсь именно относительно русскаго человѣка, сколько онъ унижаетъ и губитъ себя своими пошлостями. Немного требуется живаго и отчетливаго вниманія къ этой комедіи, чтобы увидѣть въ ней русскаго человѣка въ томъ состояніи, когда онъ выжимаетъ живой сокъ изъ другаго, но за то въ вѣрѣ твердъ,—когда онъ вольнодуменъ, но за то все своимъ умомъ доходитъ до всего,—

надуваетъ всѣхъ губернаторовъ—что губернаторовъ?... но за то, избавившись отъ напасти, поставитъ предъ иконой пудовую или двухпудовую свѣчу, взятую у купчишки Абдулина,—когда онъ надуваетъ ближняго, и самъ того хорошо не замѣчая,—когда притомъ еще смѣется надъ глупостію такихъ ближнихъ, однако не враждуетъ противъ нихъ и не губитъ ихъ, говоритъ о нихъ искусно: «впрочемъ все добрые люди,» когда онъ не злопамятенъ, хоть понимаетъ ненависть къ себѣ обиженныхъ имъ людей,—когда при всемъ томъ трепещетъ, а не ожесточается предъ правдою, и даже бѣснуясь и ропща на все въ страшныхъ своихъ неудачахъ, безмолвствуетъ предъ судомъ Божіимъ и изрекаетъ эту страшную потрясающую истину: «чему смѣетесь?.. надъ собой смѣетесь!...» И по окончаніи пьесы все еще будто носится надъ этимъ русскимъ человѣкомъ творческая Любовь, думаешь, не вразумятся ли наконецъ эти люди, когда чиновникъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, обнажитъ всѣ ихъ подлости.... Словомъ: изъ «ревизора,» прямой выходъ въ «Мертвыя Души.»

Вотъ вашъ, «Римъ,» въ которомъ вы взглянули такъ глубоко на западную Европу съ ея просвѣщеніемъ и увидѣли, какъ, съ одной стороны жизнь ея, въ послѣднихъ степеняхъ ея развитія, вывѣтрилась и стала пуста, а съ другой въ томъ мѣстѣ, откуда и началась и стала развиваться эта Европейская жизнь, но гдѣ потому строже блюдутся первыя ея начала, и гдѣ менѣе развитія,—еще таятся свѣжія, живыя струны обѣщающія лучшее и въ самомъ Западѣ, ручающіяся, можетъ быть, за *временность* отдѣленія церкви Западной отъ Вселенской Церкви, сохраняющейся въ своей цѣлости на Востокѣ, (что высказывается въ вашей «перепискѣ»)....

«Портретъ» представляетъ, чѣмъ должно быть искуство по своей идеѣ и чѣмъ оно можетъ сдѣлаться, уклоняясь отъ нея, какъ страшно можетъ пасть творческій талантъ, идущій противъ своего высокаго призванія. Эта идея выражена всею этою повѣстью, а кромѣ того и прямо высказывается однимъ изъ дѣйствующихъ здѣсь лицъ. Вотъ что говоритъ у васъ художникъ монахъ: «Для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искуства. Оно не можетъ поселять ропота въ душѣ, но звучащей молитвою стремится вѣчно къ Богу.... хотя для художника нѣтъ низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель также великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него нѣтъ презрѣннаго....» Только бы рука художника не сдѣлалась какъ нибудь и въ чемъ нибудь орудіемъ того, кто стремится разрушить гармонію въ Божіемъ

мірѣ, созданіи Божіей Любви. Тогда произведеніе его уже не будетъ созданіемъ искуства. Вообще въ этой повѣсти у васъ сжато почти все, что вы ни говорите въ «перепискѣ,» объ искуствѣ. Даже есть мысли, которыя не сказаны такъ прямо въ «перепискѣ,» какъ въ этой повѣсти, напр. послѣднія изъ только—что указанныхъ мною мыслей, или еще вотъ эта величавая мысль: «художникъ и въ тревогѣ дышетъ покоемъ.» И какая истинность въ характерѣ, какая живая, задушевная дѣйствительность въ этомъ Чертковѣ, при всѣхъ нѣкоторыхъ чертахъ въ ней, слишкомъ рѣзко выдающихся! Я знаю человѣка, который среди крайней внутренней дисгармоніи, умирялся и благоустроялся на минуту вашею повѣстію «Портретъ,» какъ Саулъ игрою Давида; и онъ-то сказалъ мнѣ, какая строгая дѣйствительность здѣсь выражена.

Вашъ «Невскій проспектъ,»—лучшее доказательство, что для художника точно нѣтъ низкаго и презрѣннаго предмета, что сквозь этотъ низкой и презрѣнный предметъ уже будетъ сквозить прекрасная душа создавшаго, соприкоснувшаяся съ всесодержащею Любовію, и презрѣнное получитъ высокое выраженіе.

Ваша «Шинель» показала мнѣ и въ Акакіѣ Акакіевичѣ моего лучшаго брата; потому что и онъ оказался въ лонѣ той же лелѣющей всѣхъ насъ вышней Любви.

Вашъ даже «Носъ» напомнилъ мнѣ, какъ я, позабывъ въ иную пору, что такое жизнь моя и чѣмъ я долженъ въ жизни заниматься, точно иногда хлопочу, суечусь, безпокою другихъ, а на дѣлѣ оказывается, что ищу не больше, какъ своего носа, и, ощупавъ его наконецъ у себя, успокоиваюсь, какъ будто какое великое сокровище нашелъ.... Пресмѣшная, право, эта шутка ваша! Беремся напр. исправлять другихъ, примѣриваемъ къ этому дѣлу тотъ или другой ключь, а ключь этотъ ближе, пожалуй, нашего носа къ намъ, въ истинномъ и уже готовомъ для насъ раскрытіи тайны нашего же «я.» Подобная мысль какъ будто сама собою приходитъ мнѣ при чтеніи вашего «Носа.»

Даже «Записки съумашедшаго,» показали мнѣ, что и этотъ, точно, злополучнѣйшій изъ смертныхъ, живущій, но хуже мертваго, словомъ человѣкъ съумашедшій, доводящій себя до того иногда своими же глупостями, еще незримо блюдется тою же матерински-хранящею всѣхъ насъ Силою, которая умѣетъ же въ несчастномъ самымъ его истинно великимъ несчастіемъ привести въ движеніе и заставить звучать живыя душевныя струны, которыя безъ того, можетъ быть, замерли бы вовсе, навѣваетъ же иногда и на его сиротскую, бѣдную душу благоуханіемъ райскаго человѣческаго младенчества, какъ это слышится

на концѣ этихъ «Записокъ.» Всего-то вы коснулись, поэтъ! Во всемъ прославили и возблагодарили Божественную Отеческую Любовь, столько оставляемую и пренебрегаемую нами, но никогда насъ не оставляющую и всегда матерински призирающую своихъ глупыхъ дѣтей, и во время бездѣйственнаго сна, и въ безчувственной болѣзни, по поводу которой иной мыслитель задаетъ небу гордый ропщущій запросъ....

Ваши «Иванъ Ивановичь, и Иванъ Никифоровичь» странное впечатлѣніе на меня произвели. Помнится, какъ однажды читалъ я ихъ въ самую ненастную, томящую уныніемъ погоду, и на душѣ у меня было еще ненастнѣе и унынѣе. И мнѣ тогда показалось, будто въ вашей этой повѣсти о старинныхъ закадышныхъ пріятеляхъ, которые разсорились насмерть изъ за одного случайнаго названія кѣмъ-то изъ нихъ другаго *гусемъ*, — вы въ первый разъ взглянули на дѣйствительность во всей ея пустотѣ и мертвости,—ваша русская душа, съ положеннымъ въ нее художественно-творческимъ дарованіемъ, поразилась и потряслась до глубины и вы еще будто не нашли, не увидѣли ясно выхода отсюда,—не прозрѣли полнымъ сознаніемъ въ сіяющую и въ этой могилѣ животворную силу Агнца Божія, на которомъ отяготѣли тяготы всѣхъ грѣховъ вѣденія и неразумія человѣческаго.

«Тарасъ Бульба» представляется мнѣ вѣнцемъ того періода вашего творчества, когда вы, подобно Пушкину, всею душею переходили отъ одного предмета къ другому, и говорили намъ: «смотрите, какъ прекрасно твореніе Бога». Вы взглянули тутъ на русскаго человѣка, цѣлаго въ своей натурѣ и за то неразвитаго, и сказалъ: «смотрите, какъ великъ и прекрасенъ этотъ человѣкъ, какою высокою печатію запечатлѣнъ онъ отъ неба». И во всей этой будто Иліадѣ, вездѣ слышится: «смотрите, какъ это прекрасно въ Божіемъ мірѣ,—глядите, какъ это чудно и величаво въ святой Руси!..».

«Старосвѣтскіе помѣщики», просто какъ предъ глаза мои,—показываютъ мнѣ, какъ ваше поэтическое сочувствіе къ творенію Божію и къ людямъ дѣтски успокоивалось въ этихъ простыхъ добрыхъ, дѣтски-свѣжихъ душахъ, при всѣхъ видахъ неразвитости ихъ и нѣкоторой грубости. И мнѣ чудо,—какъ пріятно и успокоительно было читать эту вашу повѣсть, которая притомъ давала же мнѣ чувствовать: «а если бы еще не было грубости и неразвитости въ этихъ русскихъ душахъ,—что это за прекрасныя были бы души?!»

О прочихъ повѣстяхъ говорить не буду. Только развѣ повторю, что юная творческая душа беззаботно перелѣтала отъ одного пред-

мета къ другому и, какъ бы играя, отражала въ себѣ красоту творенiй Бога. Какъ будто предъ глазами моими еще кузнецъ Вакула, который въ царскихъ чертогахъ взглянулъ на картину Пречистой Дѣвы съ предвѣчнымъ младенцемъ, и свѣтлый лучь созданiя искуства такъ и палъ во всю глубь его простой души, и онъ говоритъ о младенцѣ агнцѣ Божiемъ: «бѣдненькой,—улыбается...», и въ слѣдъ за этимъ уже смотритъ съ изумленiемъ на какую то чудесную, должно быть, изъ одной чистой мѣди, задвижку дверей... Какъ будто смотрю и слушаю еще, какъ малороссiйскiй парубокъ въ прекрасную мѣсячную ночь разсказываетъ своей Катеринѣ — кажется, что вотъ въ ночь на рождество Христово ангелы ставятъ лѣстницу отъ земли до неба, и Богъ сходитъ по этой лѣстницѣ на землю.. Разсказъ проникнутъ важностiю предмета, любящая дѣвушка слушаетъ съ глубокимъ вниманiемъ и даже благоговѣнiемъ... И видишь, что это русскiй мущина (видно знаетъ, что мужъ глава жены) поучаетъ безцѣнную и преданную ему красавицу, слышишь, что это русскiе молодые люди, въ чистой взаимной любви, ведутъ рѣчь о Богѣ... И ни тѣни сумрачнаго фарисейства при этомъ!

«Арабески» ваши, которыя такъ умно вы не включили въ послѣднее изданiе своихъ творенiй, стоятъ, кажется мнѣ, на томъ переходномъ вашемъ времени, когда вы стремились дать отчетъ себѣ въ томъ, что поэтически чуяли: много здѣсь прекраснаго, сильнаго, но еще болѣе неопредѣленнаго и сбивчиваго. Видна въ васъ какъ нельзя яснѣе художественно-творческая сила православнаго русскаго духа, чему доказательство и ваше введенiе въ исторiю и повѣсть «портретъ», но еще непонимающая себя хорошо, много мечтающая о дѣлѣ, чему доказательство, опять тотъ же «Портретъ»—столько перебитый, темный, запутанный со всѣми могучими вашими порывами. Не мало, кажется, совершилось въ вашей душѣ, отъ этаго перваго наброска «портрета» до полнаго окончанiя этаго прекраснѣйшаго созданiя.

Что же скажу, озираясь отъ начала вашего поэтическаго развитiя, отъ кузнеца Вакулы до «переписки съ друзьями»? Развѣ только повторю васъ же, ваши же объясненiя о себѣ въ разныхъ мѣстахъ «переписки». Повторять впрочемъ не буду, а прямо скажу результатъ этаго пересмотра вашихъ творенiй: художественно-творческая сила, мысль или любовь, уже лежащая въ вашемъ русскомъ духѣ, сначала какъ будто играла дѣтски, пока созрѣла до юношескаго сочувствiя русскому человѣку, потомъ сознавала себя и да

вала себѣ отчетъ (въ арабескахъ), — и наконецъ послѣ разныхъ и многихъ прекрасныхъ пробъ и приготовленій взялась за настоящее свое дѣло: «мертвыя души»; и въ семъ дѣлѣ отъ энергическаго сосредоточенія въ себѣ она была разомкнута вашими послѣдними обстоятельстами и распространила свое благоуханіе въ «перепискѣ». Слѣдуетъ только безъ предубѣжденія не много вдохнуть въ себя этаго благоуханія, какъ и духъ всѣхъ вашихъ твореній будетъ ощутителенъ и ясенъ.

Но все еще не покончилось мое дѣло съ вами, мой старшій братъ; вы еще будете очень не довольны мной, вы еще ждете отъ меня какого-то отвѣта себѣ. Если я прощусь съ вами здѣсь, вы скажете: вотъ человѣкъ, — затѣялъ дѣло,—да и бросилъ на половинѣ, и вышло почти бездѣлье. Нужно, чтобы ваше дѣло открыто предъ всѣми утверждалось на незыблеомимъ основаніи, чтобы въ вашемъ дѣлѣ прояснились вамъ и недосмотры, какіе могли быть вами допущены,—недосмотры, не примѣченные, извинительные, но въ дѣлѣ нетерпимые.

И такъ утомленный, при вопіющемъ зовѣ, какой дѣлаютъ мнѣ и другія мои обязанности, начну третью часть моей длинной бесѣды съ вами.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Но зачѣмъ еще и еще мнѣ говорить? Вѣдь свѣтъ Христовъ такъ ясно и прекрасно сіяетъ въ вашемъ дѣлѣ, вѣдь такъ чудно разливается благоуханіе православія въ вашей «перепискѣ»... Чего еще болѣе для Русскихъ? Было время, когда точно ничего болѣе и не требовалось бы для русскихъ.... Теперь другое время. Девятнадцатый вѣкъ проникъ и къ намъ, вѣкъ, который, какъ Ѳома невѣрный, хочетъ все ощупать своими руками.... Если въ чемъ необходима и можетъ имѣть мѣсто одна только дѣтская вѣра въ истину,—девятнадцатому вѣку нужно, чтобы истина такъ засіяла ему въ глаза, что заносчивые его вопросы сами собою изчезли бы и онъ палъ предъ нею въ трепетномъ благоговѣніи, и воскликнулъ бы изъ всей глубины вѣрующей уже души: «Господь мой и Богъ мой.» И это непремѣнно будетъ, рано или поздно; потому что вѣчная истина всегда торжествуетъ.... И тогда вѣкъ нашъ услышитъ внутреннимъ слухомъ эти слова Господа своего и Бога своего: «видѣвъ Мя вѣровалъ еси; блажени не видѣвшіи и вѣровавшіи».

Но это трудъ необъятный, это дѣло Божіе показать девятнадцатому вѣку, что Божественная система (изъ которой взята и ваша система мыслей) незыблема сама по себѣ, имѣетъ сама въ себѣ свои вѣчныя и неизслѣдимыя основанія, и что она и въ девятнадцатомъ вѣкѣ отнюдь не есть какая либо доктрина, могущая отживать свой вѣкъ, но вѣчно-новая истина для нашего, какъ и для всѣхъ прошедшихъ и будущихъ вѣковъ; показать при томъ такъ, чтобы могъ видѣть то духовнымъ окомъ не семнадцатый или пятнадцатый, но именно девятнадцатый заносчивый вѣкъ, въ которомъ живемъ всѣ мы. Наше дѣло только скромно дать отчетъ, въ своей вѣрѣ, когда

отовсюду, прямо или не прямо, бросаются къ намъ всякіе запросы или даже, не выслушавъ хорошо нашего дѣла, судятъ и осуждаютъ насъ.... Скажите, мой прекрасный братъ, согласны ли вы со мной, даете ли мнѣ братскую руку на общее наше дѣло? Покрайней мѣрѣ, я, неразлучно отъ васъ, осмѣливаюсь взяться отчасти за это дѣло, сознавая вмѣстѣ съ вами и немощь свою и вмѣстѣ исповѣдуя силу Господа, которая въ немощи человѣческой и совершается.

Мы признаемъ и непреложность законовъ человѣческаго разума и живую дѣйствительность міра, и такую связь разумнаго духа человѣческаго съ міромъ, что чрезъ разумъ міръ точно выводится на свѣтъ, законы міра, сами по себѣ безсознательные, становятся свѣтлыми истинами, а разумный духъ нашъ, овладѣвая тайною міра, становится истиннымъ его властителемъ, хозяиномъ въ немъ. Кто же будетъ оспаривать это? Мы признаемъ, что нужно уразумѣть, сколько и какъ это возможно, тайну міра, тайну разума, тайну ихъ взаимной связи, или если угодно, тайну внѣшней дѣйствительности и нашей мысли, или если еще угодно, тайну вообще бытія со всѣми даже, заключенными въ немъ возможностями. Признаемъ и всѣ причины, по которымъ нужно все это знать, или рѣшить задачу бытія со всѣми даже возможностями, въ немъ заключенными. Но признавать бытіе даже во всемъ его составѣ, бытіе, въ область котораго входитъ и не существующее, но могущее существовать,—признавать за начало и основаніе всего, и общую отвлеченную мысль о семъ бытіи положить въ основаніе всего знанія мы рѣшительно не можемъ. Почему? Потому что сіе-то самое бытіе, во всей своей самой отвлеченной общности и всецѣлости, и составляетъ ту задачу, которую мы признаемъ и желаемъ рѣшить. Потому что разумъ, который по своимъ законамъ свелъ всю область сущаго въ такое единство и общность понятія,—разумъ съ своими законами и самъ есть предметъ того вопроса, на который слѣдуетъ намъ отвѣтить. Потому что связь между разумомъ и внѣшнею дѣйствительностію и есть та тайна, въ которую намъ нужно проникнуть. Въ живой дѣйствительности всего существующаго, въ непреложности законовъ разума, въ законности и неразрывности связи между мыслію и дѣйствительностію мы не сумнѣваемся; но все это и признаемъ собственно для того, чтобы во всемъ этомъ дать отчетъ, всему этому найти основаніе и оправданіе, на всѣ эти вопросы дать или услышать отвѣты.... Мы въ этомъ случаѣ дѣлаемъ тоже, что дѣлаетъ и всякой простой, но смыслящій, разсуждающій человѣкъ

напр. захотѣлось бы кому нибудь сдѣлаться просто столяромъ, вѣдателемъ и владѣтелемъ (если выразиться ближе къ главному предмету нашей рѣчи) тайны простой и обыкновенной вещи стола. Скажемъ же ему: «вотъ-молъ, братецъ, въ чемъ толкъ, видишь этотъ столъ? Онъ вѣдь дѣйствительно существуетъ? Но объ этомъ и говорить нечего. Конечно, ты не сомнѣваешься, что столы у насъ точно не призракъ какой. Такъ вотъ братецъ, эта вещь со всѣми этими ножками и верхней доской и проч. и проч. что ты видишь и даже еще не видишь въ немъ, все это есть именно столъ; всѣ принадлежности и свойства его уже обозначаются однимъ именемъ: *столъ*.—Въ томъ и вся тайна стола, теперь все уже объяснишь себѣ или выведешь изъ этаго самымъ строгимъ логическимъ порядкомъ.» И удовлетворится, думаете, желающій быть мастеромъ столярнаго дѣла простой человѣкъ? Конечно, нѣтъ. Мы, въ другомъ только дѣлѣ, слѣдуемъ правиламъ этаго же простого человѣка, желавшаго узнать тайну стола....

Какъ же мы узнамъ тайну бытія? Мы не замедлимъ признаться на первый разъ, что въ своемъ разумѣ, далѣе и выше его непреложныхъ законовъ, ясно не видимъ ничего сами по себѣ, что во внѣшней дѣйствительности чего либо глубочайшаго силъ и законовъ ея, намъ открывающихся, твердо ощупать руками также не можемъ и наконецъ сознаемся, что и связь нашего разумнаго духа съ этою дѣйствительностію у насъ какъ-то мертва; убить напр. живое мы можемъ, механически свалить или сложить какой-либо матеріалъ въ одну груду мы будемъ также въ состояніи, но внутреннею своею силою двигать этими предметами, оживлять въ нихъ и мертвое, словомъ быть живыми властителями живой дѣйствительностии.... нѣтъ, это уже чуждо намъ. Только порой въ духѣ своемъ почувствуешь иную свѣтлую струю, мелькнувшую, какъ мельчайшая искра или даже отраженіе ея, и будто вспомнится кто-то, въ комъ утверждался открыто этотъ духъ, — вспомнится живая связь наша съ дѣйствительностію, — и эта послѣдняя будто освѣтится чѣмъ-то особенно прекраснымъ... Но говорятъ иные это мечта, остатокъ юношеской или дѣтской фантазіи, которая вдругъ пробудилась, и можетъ быть, въ послѣдній разъ киваетъ зрѣлому мужу, уже занимающемуся дѣйствительнымъ дѣломъ, а не фантазіями. Но вотъ что чудно: эта фантазія, или Богъ вѣдаетъ, что такое располагаетъ меня вовсе не къ мечтательности, ободритъ и освѣжитъ меня и сейчасъ же подвигнетъ взяться за дѣло и дѣлать его не на показъ

а дѣльнымъ образомъ. Если это мечта, то что же во мнѣ и для меня будетъ не мечта? Вѣдь и знанія, особенно же поэзія, искуства не только у насъ христіанъ, но и у невѣрующихъ, у язычниковъ не тѣмъ ли всегда одушевлялись, что въ человѣческомъ духѣ составляетъ это (не знаю, какъ точнѣе выразиться) какое-то *воспоминаніе*, или же *предчувствіе* непосредственнаго, свѣтло-сознательнаго соприкосновенія его съ живымъ основаніемъ своимъ и истинно-живой связи своей съ внѣшнею дѣйствительностію? Но и опереться на *одно* это какое-то какъ-бы воспоминаніе или предчувствіе (для дознанія тайны бытія) не позволяетъ самая смутность и неопредѣленность его, или не уловимость въ немъ болѣе свѣтлыхъ мерцаній. И такъ ужели трудно понять, что, взявъ за исходную точку одни эти неопредѣленныя мерцанія или какіе угодно первоначальные законы ума, никакая философія не можетъ дойти до совершенно твердыхъ и свѣтлыхъ истинъ, разрѣшающихъ вопросъ о тайнѣ бытія? (*) Пора бы человѣку, особенно русскому, который, для вразумленія на путь истины въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ предъ собою всѣ тяжелые опыты и неудачи западнаго человѣка,—пора бы серьезно поискать, для сознанія всеобщей верховной Истины, области освѣщаемой не мерцаніями, а солнечнымъ свѣтомъ,—поискать не съ тѣмъ, чтобы здѣсь предаться бездѣйственному покою, но чтобы здѣсь-то именно и начать дѣйствовать въ истинѣ столько же умомъ, какъ и волею и сердцемъ и другими человѣческими силами.

Русскому человѣку и открыта уже такая свѣтоносная область въ православіи. Въ этой области слышитъ русскій человѣкъ изъ Еван-

(*) Не могу здѣсь не указать на одинъ поразительный примѣръ того, какъ у насъ въ Россіи и женщина иногда понимаетъ и живо чувствуетъ эту истину. Одному очень умному и образованному человѣку, чуждому и схоластическаго и ложномистическаго направленія, вотъ что говорила женщина: «вы никогда не дойдете до самыхъ всеобщихъ и святыхъ истинъ сами по себѣ никакою философіею. Но вы слишкомъ люди, чтобы не ужаснуться послѣдствій отрицанія ихъ; внутреннее отвращеніе отталкиваетъ это; вотъ вы и выдумываете ваши логическія чудеса, чтобы отвести глаза, чтобы дойти до того, что дѣтски-просто дается религіей » Она какъ женщина достаточно указала на фальшивость двоедушія людей, колеблющихся между вѣрою и независимою отъ нея умственною дѣятельностію. Мыслителю надо зрѣлою мыслію испытать, потомъ принять и глубже и глубже усвоять, что даетъ своимъ чадамъ вѣра, и ходить или дѣйствовать (значитъ, и философствовать, разслѣдовать все, что угодно) уже въ ея только свѣтѣ; или неизбѣжно онъ свяжетъ себя духомъ слѣпаго невѣрія. Это послѣднее пришлось въ послѣдствіи доказывать тому же образованному человѣку собственною несчастною судьбою.

гелія: есть Тотъ, Кого ты какъ-то глухо слышалъ и въ себѣ и въ мірѣ, лучь Котораго въ своемъ самомъ легкомъ отраженіи касался иногда тебя и давалъ тебѣ чуять, хотя на минуту тайну бытія — Богъ высочайшій, вышемірный, вѣчно самобытный, лично существующій Духъ, вседовольная, все объемлющая, всетворящая, вседержавная, въ своемъ благоволеніи, содержащая начало всего сущаго и условія всѣхъ возможностей, Любовь, Которая требуетъ только безусловной преданности отъ человѣка, чтобы даровать ему Себя съ Своими сокровищами,—трепетнаго благоговѣнія, чтобы принять его въ Свое всеблаженное общеніе,—дѣтской вѣры, чтобы въ одно и тоже время просвѣтить и умъ его Своимъ свѣтомъ, оживить и воспламенить сердце Своимъ огнемъ—укрѣпить и подвигнуть его къ самодѣятельности Своею силою. Человѣческому духу только бы предаться сей Любви трепетною вѣрою, и только бы Она ввела его въ Свое общеніе,—онъ уже утвердится на вѣчномъ основаніи всѣхъ духовъ и всего міра. Во всѣхъ самодѣятельныхъ силахъ станетъ двигать и управлять имъ непосредственно ощутимое благоволеніе сей Любви, которое уже и въ его духовной природѣ напечатлѣла Свой свѣтлый отпечатокъ, мерцающій и въ настоящемъ ея омраченіи грѣховномъ; и человѣческій разумный духъ будетъ исполняться истиной Божіей жизни и, съ своими безконечными стремленіями, восходить отъ славы въ славу безконечной любви Бога. Тогда міръ, вся дѣйствительность и съ возможностями ея, будетъ ему открываться во свѣтѣ всеобъемлющей Любви, такъ что и отдаленное пространствомъ и временемъ можетъ быть ему присуще,—сокровенное, но существенно—нужное для него, можетъ уясняться и человѣкъ по благодати вседержавной Любви будетъ становиться истиннымъ властителемъ въ Божіемъ мірѣ, такъ что возможетъ двигать и горами, оживлять и растлѣнное, убитое... Словомъ: тогда и тайна самаго духа человѣческаго, и тайна міра и тайна ихъ взаимной связи будетъ уяснена для человѣка свѣтомъ высочайшей, во вѣкъ неизслѣдимой тайны безконечной Любви—Бога, принявшаго человѣка въ непосредственное Свое общеніе, давшаго ему непосредственно познавать и ощущать себя трепетною вѣрою...

Слышитъ это русскій человѣкъ и можетъ смекнуть съ перваго разу, что здѣсь предлагается уже прямой, самъ съ собою согласный, отвѣтъ на задачу бытія. Далѣе, онъ уже серьезно можетъ разсуждать, какъ открываемый ему свѣтъ истины, освѣщая собою дѣйствительность, взаимно находитъ въ ней отовсюду оправданіе для

себя или подтвержденіе своей истинности. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ нѣчто твердое, неизмѣнное, единое, основное во всѣмъ, уже слышно и видно въ мірѣ среди всей измѣнчивости и многосложности его предметовъ; слѣдовательно должно же быть это единое, неизмѣнное высшее всѣхъ условій міра, но содержащее въ себѣ всѣ условія для многосложнаго и измѣнчиваго состава его. И то также правда, что вездѣ, гдѣ только есть и проявляется у насъ въ мірѣ жизнь, полнота и совершенство ея состоитъ въ стройности, въ согласіи всѣхъ стихій ея; нестроеніе и внутренняя вражда, распаденіе началъ всякаго существа уже есть смерть его: да и въ нашемъ духѣ только бы открылась какая либо, не томящая, не убивающая, не заключающая въ себѣ сѣмени вражды, но стройная, успокоительная и сильная любовь,—и духъ нашъ уже ощущаетъ и сознаетъ въ себѣ нѣкоторую полноту жизни и свѣтло смотритъ вокругъ себя, какъ будто сочувствуя всему: должно же быть въ самомъ дѣлѣ, что это вышемірное и основное для міра Бытіе есть самодовольная и всеобъемлющая Любовь. Да и то также справедливо, что чѣмъ выше и совершеннѣе бытіе и жизнь, тѣмъ какъ бы утонченнѣе духовнѣе силы и законы сего бытія и жизни: въ животныхъ уже есть живое ощущеніе и нѣкоторая уже произвольность жизни,—въ себѣ самихъ имѣемъ уже самосознающій и самодѣятельный духъ, стремящійся къ безконечной истинѣ и добру; должно же быть, что верховная высшая всѣхъ условій міра и содержащая въ себѣ его условія, самобытная Сила или Любовь есть Духъ высочайшій, вседѣйствующій всесовершенно по своему благоволенію, Духъ высочайше самосознательный и самодѣятельный, словомъ лично существующій. Наконецъ, и то должно смиренно сознать и исповѣдовать, что нашъ самодѣятельный духъ, по самымъ непреложнымъ условіямъ и законамъ своей самодѣятельности, уже долженъ во всею готовностію слѣдовать мановенію и призыву Того, Кто подчинилъ его симъ законамъ и условіямъ Самъ начертавъ ихъ для него;—нашъ духъ, по самымъ безконечнымъ своимъ потребностямъ, долженъ принять со всею радостію, предлагаемое ему безконечное сокровище;—по самой своей условности и ограниченности онъ неизбѣжно долженъ вѣровать въ Безусловнаго и Неограниченнаго, Неизслѣдимаго въ своихъ вѣчныхъ основаніяхъ и тайнахъ: это уже первый, верховный законъ духовной нашей природы... Только бы удостовѣриться, что дѣйствительно глаголетъ намъ и предлагаетъ себя эта самая вседержавная, всезиждительная Любовь, этотъ дающій всему бытіе и жизнь съ ихъ

законами и силами Духъ, нашъ высочайшій Владыка и Законодатель.

И съ благоговѣніемъ слышитъ русскій человѣкъ божественный гласъ сей Любви, безконечно богатой всякимъ добромъ, чуждой всякого зла и вражды, безконечно любящей первое и стольже безконечно отвращающейся послѣднихъ—гласъ, раздающійся во всѣ времена даже и въ тѣ, отъ которыхъ невѣрующіе хотѣли бы имѣть одни баснословія. Какъ ни стараются затемнить или перетолковать въ просвѣщенной Европѣ священныя свидѣтельства о томъ, что и въ эти, самыя отдаленныя отъ насъ, времена человѣку уже являлъ себя Великій Богъ: но въ просвѣщенной же Европѣ сдѣланы и самыя строгія, удовлетворительныя, неоспоримыя и тамъ среди такого разлива учености и необузданнаго мышленія, обличенія всѣхъ подобныхъ перетолковъ. Слышитъ съ трепетомъ русскій человѣкъ, какъ Великій Владыка міра въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ многочастно и многообразно глаголалъ Свое слово чрезъ избранныя орудія, чрезъ человѣковъ же, возводимыхъ въ вышеестественное боговдохновенное состояніе,—при торжественныхъ свидѣтельствахъ неба и земли, что это глаголалъ точно Владыка неба и земли, движущій ими по Своей волѣ и силѣ неограниченной, какъ глаголалъ Онъ потомъ въ самомъ существенномъ и личномъ Своемъ Словѣ, который говорилъ прокаженному: *хощу, очистися*, и прокаженный очищался, говорилъ морю волнующемуся: *престани, умолчи*, и море становилось спокойно, изрекалъ высочайшіе, дотолѣ неизвѣстные или забытые духовные законы, какъ законадатель; *Азъ же глаголю* и проч. и проч. Какъ потомъ самовидцы и слуги сего, сходившаго на землю, Слова, въ такой же Его силѣ и власти надъ міромъ, пронесли благовѣстіе о Немъ во всю вселенную. Хотя бы еще и не взвѣшивалъ русской человѣкъ, что и къ чему и почему все это, но уже видитъ во всемъ этомъ открытую Владычную надъ всѣмъ Десницу, слышитъ всетворящее и вседвижущее въ мірѣ Слово. Свидѣтельства о строгой исторической дѣйствителности всего этаго находитъ онъ такія, какія только можетъ желать, даже и желать иногда не посмѣетъ историческая критика, свидѣтельства и непринявшихъ сего благовѣстія, свидѣтелства самыхъ враговъ онаго. Все это разработано для русскаго на самомъ западѣ; остается ему пересмотрѣть и переработать въ живой духъ своего Православія.

И видитъ русскій человѣкъ, какъ оттолѣ во всѣ послѣдующіе вѣка предавшая себя людямъ, высочайшая Любовь блюлась постоянно и непрерывно въ душахъ избранныхъ, исполняя ихъ своею

жизнію. Видить, какъ точно въ каждомъ изъ сихъ вѣковъ, коль скоро человѣкъ входилъ въ истинное общеніе спасающей человѣчество Божіей любви, то уже опытно дознавалъ и исповѣдывалъ, что точно онъ владѣетъ животворною тайною бытія, и доказывалъ это всею жизнію и дѣлами своими, столь дивными и прекрасными и иногда прямо чудесными. Находить въ каждомъ вѣкѣ, оставленныя во свидѣтельство всѣмъ будущимъ родамъ, словесныя, духовныя творенія, излившіяся изъ такой души, въ которой уже внѣдрился и открылся источникъ живой воды, текущей въ жизнь вѣчную, творенія, исполненныя ощутимой силы и открытаго свѣта Божественно—духовнаго. Что еще! русскій человѣкъ, даже въ свое время, даже около себя, даже тамъ, гдѣ вовсе не чаялъ то встрѣтить, вдругъ видитъ своего же брата цвѣтущаго этою же духовною благодатною жизнію, являющагося уже глубокимъ вѣдателемъ тайны бытія, могучимъ серьезнымъ дѣятелемъ въ мірѣ, находящимся въ такой чудной, внутренней и живой связи со всѣми и со всѣмъ.... И о современникѣ слышитъ, а иногда и видитъ самъ, какъ свободно онъ проникаетъ своимъ богосвѣтлымъ духомъ въ тайны сердца человѣка, въ тайны будущаго, какъ своею молитвою движетъ событіями и душами, еще глубже погруженными въ каменной скалѣ, нежели душа Собакевича.... И въ свое (настоящее т. е.) время, среди размножающейся письменности о всякомъ дѣлѣ и бездѣльѣ, вдругъ встрѣтитъ въ какомъ-либо духовномъ журналѣ извѣстіе о какомъ либо дѣйствіи вышемірной Силы, какъ напр: гдѣ либо при св. мощахъ или иконѣ божественно цѣлится какая либо человѣческая мертвость и немощь, при посредствѣ только одной мысли и чувства вѣры,—извѣстія, подтверждаемыя для девятнадцатаго вѣка формальными свидѣтельствами и скрѣпляемыя очевидцами и часто высшими изъ блюстителей нравственной чистоты, возбудителей добра въ православной Россіи,—избранными ея представителями.... Какъ умѣетъ оцѣнить подобныя строки настоящей русскій человѣкъ, строки, въ которыхъ представляется фактъ, правда нерѣшающій какого либо археологическаго вопроса, не проясняющій и неподтверждающій ничего въ астрономіи, но такой фактъ, который уже и одинъ достаточенъ къ подтвержденію всего благовѣстія о тайнѣ нашего духа и міра и связи ихъ между собою, а потому не чуждъ интересовъ и астронома и археолога, разслѣдующихъ предметы міра для приращенія умственныхъ пріобрѣтеній нашего духа!...

Послѣ такой предварительной и приготовительной, такъ сказать, работы надъ великимъ матеріаломъ, работы, которая иногда скоро и

легко, незамѣтно совершается смѣтливымъ умомъ и воспріимчивымъ сердцемъ, а иногда бываетъ тяжкимъ трудомъ для натуры упорной, не воспріимчивой, но жаждущей истины, — русскій человѣкъ съ свободною и отчетливою вѣрою предается Божественной, столь торжественно и открыто зовущей и привлекающей къ Себѣ, Любви, въ общеніи Которой заключается вся его духовная, ничѣмъ не стѣсняемая и торжествующая надъ всѣмъ, свобода. Входитъ въ область простой, дѣтской вѣры, предаваясь водительству небесной Любви, куда бы и какъ бы Она ни повела его, только бы слышать ему гласъ Ея, только бы держать и ощущать десницу Ея. И вотъ тогда-то собственнымъ его духовнымъ очамъ, по мѣрѣ открытія и очищенія ихъ вѣрою, по мѣрѣ подвиговъ умственныхъ и практическихъ открывается во всемъ небесномъ своемъ свѣтѣ и стройности Божественная система....

Эта величественная система, въ своей Божественной глубинѣ и обширности преподавалась Русскому человѣку въ наше время особенно тѣмъ великимъ святителемъ и пастыремъ нашимъ, котораго величавымъ гласомъ столько поражался нашъ, чуткій на все, поэтъ (*). Русскій поэтъ чуялъ въ священномъ ужасѣ, что внемлетъ арфѣ Серафима (**). Нѣкоторая сторона этой же великой системы такъ пре-

(*) Здѣсь разумѣются извѣстные стихи Пушкина. «Пастырю»:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.
Лились потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ,
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ....

(**) Рѣчь о первосвятителѣ московскомъ Филаретѣ, изученію котораго пишущій столько обязанъ и вообще своимъ разумѣніемъ Вѣры (кромѣ недостатковъ

красно отразилась и у васъ, которые повели свое дѣло именно по этой самой системѣ, нашъ православный русскій поэтъ!

И такъ Божественныя, и слѣдовательно непоколебимыя сами по себѣ, основанія вашей системы мыслей открыты. И кто же будетъ спорить противъ этого? русскій человѣкъ, каковъ вы, пошелъ-было рядомъ и вмѣстѣ съ Европейскимъ мыслителемъ, и радъ былъ доброму товарищу; если же потомъ разошелся съ нимъ, это потому, что русскій человѣкъ искалъ, по своему обычаю, *настоящаго дѣла*, искалъ такого наставника въ немъ (въ себѣ ли самомъ или внѣ себя), въ которомъ бы онъ видѣлъ истиннаго «хозяина», начальника и совершителя этого дѣла, которому потому могъ бы довѣриться и предаться во всемъ, подъ руководствомъ и управленіемъ котораго ему дѣйствительно можно было бы дѣлать это *дѣло*. Ужъ такова натура у русскаго человѣка, по милости къ нему Божіей! И такъ на первый разъ уже довольно для васъ, поэтъ, того, что вамъ прямо къ лицу это прекрасное и великое имя, за честь котораго тысячи съ радостію умирали и которое такъ любитъ русскій человѣкъ, имя: православный, — котораго никто у васъ ни отнять, ни опозорить не можетъ, которое сіяетъ своимъ свѣтомъ и на всѣхъ вашихъ твореніяхъ и особенно въ великомъ вашемъ дѣлѣ: «мертвыя души,» и прямо высказано въ «перепискѣ.» Знаю, какъ дорого и нужно вамъ это имя во всѣхъ отношеніяхъ. Но вотъ вамъ вмѣстѣ и нѣкоторый урокъ: то, чтò оказывается незыблемымъ основаніемъ дѣла (какое бы оно ни было мыслительность, или творчество, или просто дѣло службы), именно слово Божіе, прямую заповѣдь Христову, и притомъ самую первую и большую въ законѣ,—вы не должны ли всегда и во всемъ предпочитать всѣмъ вашимъ возвышеннымъ правиламъ, какія ни начертали бы сами себѣ и притомъ въ христіанскомъ же

разумѣется), выше и ниже раскрываемомъ, и въ особенности всѣмъ развитіемъ здѣсь воззрѣнія на Бога, какъ на Любовь,—также имѣющею здѣсь обширное приложеніе, мыслью объ останкахъ первобытнаго свѣта и жизни, которыми, при обѣтованіи о грядущемъ Христѣ, могъ еще духовно-жить человѣкъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Эта послѣдняя мысль (помогшая сочинителю добраться до руководства Св. Апостола Павла къ разумѣнію Ветхозавѣтныхъ временъ) излагается въ словѣ на день Благовѣщенія пресв. Богородицы на текстъ; *велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти*. А воззрѣніе на Бога, какъ Любовь, раскрыто наиболѣе въ словѣ на великій пятокъ изъ текста: *тако возлюби Богъ міръ:* въ этомъ словѣ всѣ свойства Божества строго-логически выведены или объяснены изъ одного понятія *любви*. См. послѣднее и предпослѣднее изданіе «словъ и рѣчей Ф. м. Московскаго.»

духѣ, для Христа же? Я говорю о томъ совѣтѣ, какой вы даете въ извѣстномъ случаѣ: «если бы даже вы были свидѣтельницею картины несчастія, раздирающаго сердце, и видѣли бы сами, что денежная помощь можетъ помочь, не смѣйте и тогда дотрогиваться... Что бы это осталось вамъ въ урокъ, чтобы вы помнили вѣчно, какъ вы были доведены до жестокой необходимости отказать несчастному (когда у васъ были способы ему помочь).» Это уже слишкомъ! Святые Божіи не такія правила полагали себѣ для завоеванія того, что бы сколько можно совершеннѣе подчинить себя Христу и завладѣть Его благодатію. Но и они изъ-за своихъ правилъ не смѣли нарушить прямой и притомъ самой большой заповѣди Христовой о любви къ ближнимъ, отъ чего строгость ихъ жизни всегда возвышалась надъ мрачною суровостію. Это замѣчаніе необходимо для вашего дѣла, особенно когда нужно будетъ показывать пути и дороги въ «мертвыхъ душахъ» къ высокому и прекрасному.

Войдемъ же теперь мы съ вами во святилище Божественной системы, войдемъ съ благоговѣніемъ и столько, что бы мнѣ съ вами увидѣть что либо нужное для васъ, для вашего дѣла, нужнаго и мнѣ.

Вѣрою предавшись водительству безконечной Любви, какъ только Ей благоугодно стало вести въ свое общеніе человѣка, православный вѣрующимъ духомъ созерцаетъ величайшую, неизслѣдимую для всѣхъ Ангеловъ, и всеозаряющую тайну тріединства сей всетворящей Любви, троичность лицъ въ единомъ существѣ Божества именно: что Умъ безконечный, Любовь высочайшая, Богъ Отецъ—всею безпредѣльностію существа своего выражается или открывается въ единосущномъ Богѣ Словѣ, отъ вѣчности рождаетъ сего Сына, въ Которомъ существенно все Его благоволеніе, дышетъ всею полнотою Своей безконечной жизни, всѣхъ силъ Своихъ въ Богѣ Духѣ Святомъ, Духѣ истины, Духѣ утѣшителѣ, который почиваетъ въ Сынѣ. Вѣрою понимаетъ и чувствуетъ вѣрующій, что сей тріединый Богъ, вседовольная Любовь есть исполненіе всякаго блага и совершенства, безконечно чуждое и отвращающееся всякаго зла и вражды, что вседѣйствующая по своему благоволѣнію оная тріединая вѣчная Любовь отъ вѣка знаетъ и опредѣляетъ всѣ дѣла Свои, какія благоволяетъ создать или совершить во времени, что она отъ вѣка знаетъ и принимаетъ въ Свою любовь благопокорные Свои созданія и отъ вѣка знаетъ и отвергаетъ всѣхъ враждебныхъ духовъ. Съ трепетомъ славя неизслѣдимую и безпредѣльную вѣчную державу Тріединаго, истин-

но-православный въ тоже время самъ въ себѣ ощущаетъ и сознаетъ любовь Отца небеснаго, внутренно объемлющую свободный духъ его по благодати Сына Божія, изливающуюся въ духъ его Духомъ Святымъ, сознаетъ и чувствуетъ себя благодатнымъ сыномъ Божіимъ, на которомъ т. е. существенный Сынъ Божій внутренно напечатлѣлъ Свой образъ, въ которомъ потому благодатно отечески успокоивается взоръ Отца небеснаго, и котораго въ тоже время и потому же живитъ и движетъ благодать Св. Духа. Но со страхомъ и трепетомъ видитъ и ощущаетъ вѣрующій, что уже всякое и малѣйшее непослушаніе его сей Любви, всякое движеніе мысли и чувства изъ подъ державы Ея, въ которой предлагается человѣку безпредѣльный духовный просторъ и благодатная свобода, уже отвращаетъ отъ него благоволеніе Божіе, подвергаетъ его суду и стѣсняетъ, убиваетъ его жизнь. Внѣ Сына нѣтъ ни въ комъ и ни въ чемъ мѣста для любви Отца, а внѣ любви Отца нѣтъ мѣста Духу Святому, Духу всего истинно-жизненнаго.

Тогда уразумѣваетъ онъ тайну бытія и жизни: и тайну духа человѣческаго, и тайну міра, и тайну взаимной, самой внутренней ихъ связи. Бытіе и жизнь всего онъ видитъ основаннымъ и держащимся на благоволеніи сей тріединой Любви, начавшимся и продолжающимся посему самому благоволенію пресв: Троицы, имѣющимъ своею цѣлію славу той же творческой Любви, вся всѣмъ дарствующей по своему благоволенію, чтобы все насладилось ея благостію, что бы отринута и попрана была одна вражда. Истинный порядокъ свободно-разумной жизни духа находитъ онъ тотъ, чтобы сія свободно-разумная жизнь также основывалась на благоволеніи тріединой Любви, одушевлялась, проникалась и управлялась Ея благоволеніемъ, чтобы мысль, и воля и чувство свободно-разумнаго созданія со всею безусловною готовностію подчинились мысли, воли и благодати Бога и такимъ образомъ болѣе и болѣе входили въ Божественную мысль, волю и благодать; чтобы духъ, созданный и постоянно успокоиваемый въ творческой Любви постоянно стремился свободно къ внутреннѣйшему соединенію съ нею всѣми силами своими. *Во всемъ* онъ видитъ по крайней мѣрѣ отблескъ мысли Слова, положительное или попустительное Его опредѣленіе, чуетъ, по крайней мѣрѣ, самое сокровенное движеніе довольства или отвращенія животворящаго Духа, находитъ хотя отраженіе луча, успокоивающагося или удаляющагося благоволенія Отца; и видитъ, что ему точно предлагается и даруется живая благодатная власть и могущество надъ міромъ, только

умѣй онъ самъ принять эту власть, только самъ исполняйся благодатію Божіею. Но потому же онъ разумѣетъ и чуетъ своею вѣрою, что въ случаѣ непослушанія и противленія его, внутренняя живая связь его съ міромъ должна прерваться,—безъ Богособщной власти разумнаго его духа, съ потерею вѣрности его Богу, все окружающее его разстроится, запечатлѣется грозною печатію осужденія отверженія и смерти, и все обратится въ кару для презрителя и мятежника.

Тогда то онъ постигаетъ и тайну настоящаго естественнаго состоянія человѣка и міра. Видитъ человѣка—уже по природѣ, какъ воспринимаемой отъ грѣшныхъ родителей,—въ состояніи непослушанія Богу, осужденія Нотъ его и происходящихъ отъ того немощей, смерти, словомъ въ состояніи внутренняго разобщенія съ всезиждущею Любовію, такъ что едва только уцѣлѣли въ его духѣ нѣкоторые останки или слѣды Ея свѣта и жизни, уже разобщенной съ своимъ источникомъ; и тѣ оставшіеся въ его духѣ слѣды небесной Любви, еще влекущіе Ее къ человѣку, онъ спѣшитъ затмить и убить своимъ свободнымъ стремленіемъ далѣе и далѣе отъ Нея. Понимаетъ и причину нестроенія и тлѣнія въ мірѣ; понимаетъ причину того, что человѣкъ находится въ какой-то, болѣе внѣшней и мертвой связи съ міромъ; сознаетъ несчастную зависимость человѣка, ставшаго рабомъ грѣха, отъ имущаго державу смерти, перваго изобрѣтателя преслушанія и зла въ созданіи Божіемъ, исконнаго враждебника Бога и людей, сознаетъ внутреннюю живую связь мятежнаго человѣка съ симъ отцомъ лжи, духомъ противленія и гордыни. И не знаетъ, какъ и возблагодарить и прославить ничѣмъ непреодолимую, неизслѣдимую, всезрящую и всемощную Любовь Тріединаго, что она въ семъ самомъ человѣкѣ, противящемся Ей и едва сберегшемъ въ себѣ нѣкоторые слѣды или мерцанія Ея,—отъ вѣчности прозрѣла великую возможность и отъ вѣчности же опредѣлила Свой чрезвычайный способъ къ его возсозданію болѣе чудесному, нежели самое его созданіе, и промыслила о немъ высокое и дивное для всѣхъ міровъ, нетолько чувственныхъ, но и ангельскихъ. Своимъ вѣрующимъ духомъ православный разумѣваетъ, почему и ангелы желаютъ только приникнути въ эту безконечно-глубокую тайну, а вмѣстѣ вѣрою сознаетъ и чувствуетъ и необъятную область свѣта, и божественную стройность, безконечно строгую внутреннюю сообразность этой великой благочестія тайны: что Богъ Слово, Сама Любовь Отчая, въ Которомъ существенно почиваетъ Духъ утѣшитель,—Любовь все создавшая и все держащая въ благоволеніи

Отца, все оживотворяющая духомъ жизни—,Единородный и Единосущный, Сынъ Божій не удовольствовался безчисленными сонмами Серафимовъ и всѣхъ Ангеловъ, блаженствующихъ въ Его благодати и славѣ, не удовольствовался всѣми мірами свѣтоносными, но неизлѣдимо снизошелъ къ гибнущему въ своемъ грѣхѣ, осужденіи и смерти, человѣку, Своему созданію, умаленному предъ высшими твореніями, и столь еще преступному и разтлѣнному, Самъ принялъ подобіе плоти грѣха или сталъ совершеннымъ человѣкомъ, кромѣ грѣха, вошелъ во всѣ состоянія осужденія и смерти человѣческой, какъ будто Онъ былъ виноватъ за всѣхъ преступившихъ Его же заповѣди людей, и изъ глубины ада и смерти возсіялъ всему грѣшному и осужденному и растлѣнному человѣчеству благодатною правдою для всякаго грѣшника, благоволеніемъ Отца небеснаго, ко всѣмъ виновнымъ—небесною жизнію, въ животворной силѣ Св. Духа для всѣхъ немощныхъ и умерщвленныхъ; только бы и тутъ они не отвергли его благодати, приняли ее, увѣровали, были вѣрны ей, изъ естественнаго растлѣнія входили въ общеніе Его, все порабощенное грѣхомъ подчиняли бы Ему Единому, сообразовались бы потому съ Его крестоносною жизнію и смертію— всю жизнь до смерти, пока наконецъ въ опредѣленное время войдутъ всѣ въ славу Его воскресенія, воскреснутъ и тѣлами, и всѣмъ существомъ своимъ будутъ блаженствовать въ любви Отца, почивающей и раскрытой въ Сынѣ, со всѣми силами и благами Св. Духа.

Созерцаетъ съ изумленіемъ православный, что такимъ образомъ порядокъ, какой долженъ быть въ мірѣ по самому созданію его отъ Бога—Любви, и который человѣкъ своимъ непослушаніемъ столь несчастно было—разстроилъ, возстановленъ и притомъ на тѣхъ же вѣчныхъ основаніяхъ, по какимъ сей порядокъ и сначала былъ устроенъ, и въ силу которыхъ онъ долженъ былъ разстроиться отъ грѣха: та же любовь Отца небеснаго, въ Единородномъ же Сынѣ Его, простерта на человѣчество и Духомъ же Святымъ изливается въ души, открытыя ей вѣрою, Любовь отвращающаяся противящихся. Созерцаетъ съ благодарностію, какъ отъ сего новаго, столь чуднаго и неизслѣдимаго воздѣйствія творческой Любви человѣкъ возстановляется еще въ высшее состояніе, чѣмъ въ какомъ прежде былъ, входитъ въ несравненно болѣе внутреннее и полное соединеніе съ Нею; созерцаетъ, какъ отъ новыхъ, открывшихся при семъ, безднъ свѣта и силы сей Любви, еще несравненно болѣе прежняго могутъ исполняться и блаженнотвориться самыя высшія духовныя, вѣрныя Ей созданія. Видитъ, какъ въ конецъ поруганы,попраны, и осуждены

всѣ темныя духовныя силы со всѣмъ ихъ властнымъ вліяніемъ на увлеченныхъ ими; видитъ вѣрою, какъ грѣшное человѣчество спасительная любовь Божія точно преслѣдуетъ, влечетъ каждаго къ себѣ, и оставляетъ погибнуть того развѣ, кто въ невнимательности къ Ней дойдетъ до рѣшительнаго и вѣчнаго противленія Ей.

Православный разумѣетъ и чувствуетъ, что онъ во Христѣ,—сей Отчей Любви, внутренно объемлющей всѣхъ вѣрующихъ, вошелъ въ самую живую внутреннюю связь со всѣми своими въ Господѣ братьями, точно какъ сочленами одного тѣла, оживляемаго однимъ Духомъ и имѣющими своимъ Главою и сердцемъ одного Христа, убѣжденъ, что подъ сею Главою соединенъ онъ и съ небесными силами и душами, уже предначинающими блаженство въ Его славѣ, и что одушевляемыя, движимыя Его же любовію, они блюдутъ насъ, внимаютъ намъ, помогаютъ намъ, и особенно Та, Которая несравненно внутреннѣе всѣхъ сообщилась Его страданій и смерти и несравненно обильнѣе исполнилась любовію Его къ намъ и несравненно въ высочайшей предъ другими славѣ и силѣ находится у Него,—Пренепорочная Матерь Его и Дѣва... Да, православный нетолько можетъ предслышать небесное величіе высшихъ духовныхъ твореній или вообще Святыхъ Божіихъ, но иногда смиреніемъ и любовію или послушливою вѣрою проторгается въ болѣе или менѣе открытое общеніе ихъ силы и свѣта, и событія служатъ торжественнымъ того оправданіемъ и слѣдствіемъ въ очахъ міра.... Съ другой же стороны и по тѣмъ же основаніямъ вѣруетъ православный, что во Христѣ, живой Главѣ всѣхъ вѣрующихъ, своею любовію и вѣрою можетъ онъ самъ просто и прямо дѣйствовать во благое на души умершихъ во Христѣ, еще неизвѣстно оправданныхъ отъ Него или не оправданныхъ за какое либо невниманіе и непослушаніе.

Знаетъ истинно-вѣрующій, что въ пакибытіи будущей жизни—его послѣдняя цѣль и вѣнецъ, что онъ ведется во славу воскресенія Христова, но знаетъ и то, что въ мірѣ семъ уже долженъ онъ предначать въ себѣ и упрочить за собою это царство Божіе, что поприще креста долженъ онъ пройти на землѣ, что на землѣ же, въ мірѣ семъ онъ долженъ предусвоить вышемірное Христово царство, имѣющее раскрыться въ славу вѣчную. Потому не отторгается онъ отъ дѣйствительности, но тѣмъ строже, бодрѣе, неутомимѣе подвизается на поприщѣ ея; тѣмъ дѣйствительнѣе и совершеннѣе исполняетъ дѣло свое, гдѣ бы онъ ни былъ поставленъ управляющею всѣмъ Вышнею Любовію; болѣе же и первѣе всего онъ печется о дѣйстви-

тельномъ внутреннемъ просвѣщеніи и соединеніи своемъ со Христомъ и въ немъ со всѣмъ дѣйствительнымъ, о побѣдѣ надъ тѣми силами, которыя стремятся разрушить дѣйствительное, разстроить гармонію его; для того иногда чувствуетъ влеченіе и призваніе и уклониться отъ міра, но ни въ какомъ случаѣ отъ дѣйствительности, которую онъ понимаетъ во всемъ строгомъ ея значеніи и знаетъ лучше всѣхъ страшную погибель въ призракахъ мечтательныхъ. Понимаетъ вѣрующій всю необходимость и, такъ сказать, естественность того, что милующая Любовь, жаждущая спасенія всѣхъ, остается въ тайнѣ сокровенною, такъ-что ея дѣйствія примѣчаются *вѣрою*, ея сила спасительная усвояется *вѣрою*, ея свѣтъ открытъ *вѣрѣ* (иногда только она открыто поражаетъ до крайности строптивые умы; иногда только открыто даетъ созерцать себя послушнымъ). Это потому, что благодать, именно среди сего то *настоящаго естественнаго* порядка вещей, и зиждетъ свое царство не отъ міра сего, что *въ естественномъ то* растлѣнномъ состояніи она и ищетъ человѣка, что эту же самую испорченную природу она таинственно и претворяетъ; а когда наконецъ она торжественно откроется въ славу, то все естественно растлѣнное въ мірѣ, все не вошедшее въ ея общеніе, будетъ открытою жертвою вѣчной смерти. Потому вѣрующій понимаетъ своею вѣрою всю необходимость и ощущаетъ всю спасительность тѣхъ таинственныхъ благодатныхъ способовъ, въ которыхъ, всезиждущая по своему благоволенію, Любовь, въ видѣ обыкновенныхъ естественныхъ предметовъ или чрезъ простыя видимыя дѣйствія, преподаетъ Свои Божественные, истинные и существенные дары, самую свою благодать, которую намъ необходимо принять во все существо наше, но которая должна остаться въ тайнѣ сокровенною, пріемлемою чрезъ одну вѣру. Въ семъ случаѣ вѣрующій точно паче упованія вѣруетъ въ сообщаемую ему благодать; но въ то же время сіи таинственныя дѣйствія для его вѣры и чудно просты и боголѣпны. И Христосъ, Любовь Отчая, Самъ Себя дающій дѣтской вѣрѣ его, во глубинѣ его духа благоволитъ свидѣтельствовать о Себѣ своему возлюбленному, что точно Онъ таинственно соединился съ нимъ, и его милуетъ и спасаетъ... Видитъ и чувствуетъ православный и всю необходимость и высокое значеніе тѣхъ избранныхъ и освященныхъ благодатію служителей спасающей насъ Любви, чрезъ которыхъ Она, спасающая насъ всевышняя Любовь, глаголетъ намъ свое слово міра и даетъ намъ свои Божественные таинственные дары; православному проста эта истина, что дѣ-

ло Божіе могутъ и должны совершать только уполномоченные на то отъ Бога...

Такимъ образомъ православный вообще созерцаетъ всѣхъ истинно вѣрующихъ, соединенныхъ въ одно великое тѣло, одушевляемое и управляемое Отчею Любовію, по всему исполненію котораго въ св. таинствахъ какъ въ какихъ то сокровенныхъ нервахъ, разливается изъ сей Любви животворная сила Св. Духа и въ которомъ непрерывно отъ Апостоловъ Христовыхъ продолжающееся священноначаліе, какъ важнѣйшіе органы въ тѣлѣ, сѣдалища чувствъ, служатъ спасенію прочихъ членовъ, подъ всегда дѣйствующимъ главенствомъ самаго Христа, другими словами: едину, святую, вселенскую, Апостольскую Церковь, царство въ мірѣ семъ созидаемое, но не отъ міра сего сущее, находящееся во внутренней связи съ міромъ чисто духовнымъ, Ангельскимъ. И опять по той же причинѣ, что благодать вообще есть *въ тайнѣ сокровенная*, но открываемая въ видахъ доступныхъ чувствамъ (*) и принимаемая вѣрою, таинственнымъ представителемъ Церкви служитъ видимый освященный храмъ, съ собраніемъ въ немъ вѣрующихъ, съ священно-дѣйствующими лицами, съ таинствами, въ немъ совершающимися, со св. иконами, въ которыхъ область царствія Божія низводится благодатію для воззрѣнія нашей вѣры какъ бы до наглядности, и въ которыхъ вѣрующій духъ нашъ возвышается какъ бы до непосредственнаго, благоговѣйнаго и любительнаго созерцанія предметовъ и таинъ своея вѣры, надежды и Божественной Любви, храмъ со всѣми священными дѣйствіями и обрядами, внѣшними выраженіями той же премудрости, въ тайнѣ сокровенной. Все это такъ прямо вытекаетъ изъ существенныхъ положеній нашей вѣры, такъ согласно съ нашими духовными потребностями и настоящимъ состояніемъ!.. Во всемъ сіяетъ свѣтъ Христа, невидимо сущаго въ вѣрующихъ, дѣйствующаго Своею силою и преподающаго намъ Свою благодать, соединяющаго подъ главенствомъ Своимъ небесное и земное и вмѣстѣ, какъ премудрость въ тайнѣ сокровенная, облекающагося предъ нами и все свое облекающаго своимъ царскимъ облаченіемъ св. иконъ, священнодѣйствій, обрядовъ, облаченіемъ столько благолѣпнымъ и вмѣстѣ столько простымъ и близкимъ къ нашему чувственно-духовному существу, что духъ вѣ-

(*) Напр. благодать возрожденія въ жизнь, сообщную Христу, сообщается чрезъ погруженіе въ воду,—благодать питанія Божеств. трапезою истиннаго тѣла и крови Христовой подъ видами хлѣба вина и проч.

рующаго даже и безотчетно иногда возносится горѣ или умиротворяется при видѣ всего этаго...

Просвѣщаемый и руководимый и оживляемый во всемъ благодатію Христа, подъявшаго на себя все зло, тяготѣвшее на людяхъ и возсіявшаго имъ Своимъ животворнымъ свѣтомъ, одушевляясь и движась этою любовію, столь безконечно и неизслѣдимо истощившаго себя для возсозданія своихъ созданій, устремившихся глубже самаго ничтожества къ духовной вѣчной смерти, православный истинный христіанинъ, по силѣ и первообразу сей всезиждущей Любви, на какое самоотверженіе не готовъ будетъ для своихъ братій, столько возлюбленныхъ Христу? Какъ желалъ бы онъ, сколько можно полнѣе, пріобщиться этой Христовой любви, подъявшей на себя всѣ наши бремена, чтобы такимъ образомъ носить и на себѣ тяготы своихъ братій, чтобы облегчить ихъ, руководить и влечь къ Тому, Который упокоиваетъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ? И видитъ онъ къ собственному утѣшенію и крайнему соболѣзнованію о нѣкоторыхъ своихъ братьяхъ, что носить тяготы другъ друга, въ глазахъ всякаго, есть дѣло и высокое, истинно человѣческое, Богоподобное и вмѣстѣ понятное, простое, не представляющее никакихъ внутреннихъ въ себѣ несообразностей. Между тѣмъ подъятіе всеобъемлющею Любовію всѣхъ человѣческихъ, невыносимыхъ тягостей, увлекающихъ насъ неудержимо къ аду, это творческое высочайшее дѣло, на основаніи и по первообразу котораго уже исполняется это дѣло,—носить тяготы брата, и на вѣчныхъ основаніяхъ котораго держится и самый этотъ, понятный и нехристіанину, законъ *другъ друга тяготы носить*, это Божественное дѣло, въ Которомъ Сама лично Себя явила дающая всѣ законы, Любовь, въ которомъ Сама въ Себѣ Она исполнила и какъ бы оправдала предъ міромъ Свои законы, почитаютъ иные, истинно несчастные люди, и несообразнымъ съ разумомъ и лишнимъ.... Видитъ это православный и дивится премудрости Божіей, которая надмѣнныхъ своихъ противниковъ, не трепещущихъ называть ее буйствомъ, чрезъ это же, самихъ обуяетъ столь жалко и столь заслуженно; и какъ Божіе дитя, тѣмъ съ глубочайшею Любовію, довѣріемъ и простотою внимаетъ слову о тайнахъ Божіихъ....

И еще, идя за Господомъ своимъ, путемъ креста въ славу Его воскресенія, зная, что и все человѣчество ведется тѣмъ же путемъ и къ той же великой цѣли, православный озираетъ кругомъ себя, смотритъ въ исторію, и видитъ, что и въ природѣ жизнь идетъ дверями смерти, что даже и малѣйшее зерно не оживетъ, аще не

умреть, и въ человѣчествѣ вся жизнь его и въ своей всеобщности и въ частяхъ, постоянно какъ бы умираетъ и обновляется. Видитъ это православный, и трепещетъ предъ величіемъ тайны спасающей всѣхъ смерти и воскресенія Господа своего, воплощенной Творческой Любви, тайны, на вѣчныхъ основаніяхъ которой держится и идетъ вся жизнь въ природѣ и въ мірѣ, свѣтъ которой потому отражается всюду и въ великомъ и въ маломъ, благовѣстіе о которой слишитъ и во всѣхъ судьбахъ міра и рода человѣческаго. И тѣмъ болѣе трепещетъ за себя и за ближнихъ, что бы при этомъ Богодвижномъ шествіи человѣчества во Христѣ путемъ креста въ свѣтъ его воскресенія, какъ бы намъ не очутиться только въ скорлупѣ сего Всеоживляющаго сѣмени, какъ бы потому намъ не быть брошеннымъ въ печь, подобно какой плевѣ, какъ бы намъ пріять и въ себя это жизненное всему міру, Сѣмя и изъ смерти войти въ Его жизнь....

Наконецъ, православный останавливается уже не на отраженіяхъ только сей тайны, не на томъ, что держится на сокровенныхъ въ Богѣ ея основаніяхъ.... Нѣтъ, онъ благоговѣйно поражается явленіемъ сей тайны въ ея силѣ и открытости. Какъ? гдѣ? Девятнадцатому же вѣку этотъ чудный свой свѣтъ и силу явила спасающая насъ Любовь, и притомъ со всѣми доказательствами, какія нужны вѣку, такъ что ему нельзя было не слышать, не видѣть, ему давалось даже ощупать руками (такъ Она безконечно снисходитъ къ намъ) гдѣ и какъ? Ужасно странный, но въ девятнадцатомъ вѣкѣ естественный вопросъ!—въ открытіи нетлѣнныхъ и чудодѣйственныхъ мощей Святителя Митрофана, потрясшемъ до всей глубины великій Россійскій народъ, такъ что, при ихъ столь еще недавнемъ открытіи, Божественная сила изъ мертвыхъ св: останковъ изливалась открыто на образованныхъ и простыхъ, являвшихся в. Воронежъ изъ всѣхъ концевъ нашей Руси.... И все это повѣрено, утверждено, скрѣплено по формѣ строго-отчетливаго девятнадцатаго вѣка, открыто предъ Россіей и всей Европой.... Даже растолковано вѣку и значеніе сего Божественнаго факта, услѣженнаго въ живой, открытой всему міру дѣйствительности.... Богу одному извѣстно вполнѣ, какъ выслушалъ или еще будетъ слушать нашъ вѣкъ подобный небесный гласъ. Но православный русскій человѣкъ, уже знакомый и съ образованной Европой, тѣмъ болѣе ободрился, тѣмъ живѣе возбудился внимать Божественному гласу, тоже самое вѣщающему изъ безчисленныхъ мѣстъ нашего отечества, изъ разныхъ вѣковъ нашей прошлой жизни,—гласу, къ которому уже не внимателенъ сталъ міръ: я говорю о

Св. мощахъ, которыя, какъ живыя Божественныя сѣмена, изникшія изъ области самой смерти, разсѣяны всюду у насъ въ Россіи, и которыхъ Богъ еще не отнимаетъ отъ нея за ея благоговѣніе къ святыни, изъ которыхъ животворную силу и наша столь слабая и мертвая вѣра иногда умѣетъ же извлечь для нашей души или тѣла....

По всему этому и не увлекается православный русскій Европейскимъ девятнадцатымъ вѣкомъ, какъ бы онъ ни кричалъ, что вотъ уже нашелъ онъ наконецъ истину, что идетъ онъ быстро къ совершенству. Ему ли увлекаться вѣкомъ, когда онъ созерцаетъ истину, и, блаженный въ ней, во свѣтѣ и силѣ ея дѣлаетъ свое дѣло всѣми силами, и въ тоже время безъ всякаго безпокойнаго рвенія и самомнѣнія? Но онъ, владѣющій истиною вѣчной и всемірной, присматривается и къ девятнадцатому Европейскому вѣку; узнавъ тайну основнаго и существеннаго человѣческаго дѣла, въ которомъ тайна и всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, онъ по долгу братства желалъ бы посмотрѣть, что дѣлаетъ Европейскій братъ его, съ которымъ онъ въ началѣ пути разошелся за тѣмъ, что не разсудилъ дѣлать выводовъ безъ основанія, приниматься за дѣло, въ которомъ толку еще незналъ, а желалъ еще узнать толкъ. Видитъ онъ и въ умозрѣніяхъ своего брата нѣчто цѣлое, стройное, такъ прилаживающееся къ дѣйствительности съ наружной ея стороны. Это православному русскому человѣку ничуть не поразительно и не странно; онъ знаетъ, отъ чего это и почему не могло быть иначе, и знаетъ, какова эта цѣльность и стройность и приспособимость къ дѣйствительности въ системѣ Европейской.

Да! оставилъ русской человѣкъ Европейскаго мыслителя на томъ, когда этотъ все сущее предъ его внѣшними или умственными глазами-и мысль и дѣйствительность, сводилъ въ одно *общее*, сводилъ въ это *общее* даже и то, что еще не существуетъ, но можетъ существовать, когда такимъ образомъ выходило у него такое отвлеченное понятіе бытія, въ которомъ завито было и ничтожество, небытіе. Русскій человѣкъ, признавая истину и дѣйствительности внѣшней и законовъ мысли не былъ еще прочь отъ такого отчаяннаго отвлеченнаго понятія. Русскій человѣкъ зналъ, что это еще задача и вопросъ для рѣшенія; онъ призналъ истину и законовъ мысли и всей, обнимаемой мыслію, дѣйствительности; потому что желалъ узнать тайну всего этого, желалъ узнать тайну бытія и міра и своей мысли и связи ихъ между собою. Потому не прочь

былъ отъ того, чтобы многосложный вопросъ привести къ единству и представить въ одномъ чистомъ, самомъ отвлеченномъ понятіи бытія. Онъ даже тѣмъ болѣе поразился величіемъ вопроса, когда онъ сжатъ былъ въ такую страшно-отвлеченную мысль о бытіи, что въ бытіи уже слышалось и ничтожество. Онъ почуялъ что дѣло идетъ, въ самомъ строжайшемъ и грозномъ смыслѣ, о томъ, *быть* или небыть; онъ видѣлъ, что все это бытіе, котораго тайну онъ хотѣлъ узнать, виситъ надъ ничтожествомъ, и тѣмъ величественнѣе и страшнѣе стала для него эта тайна, тѣмъ грознѣе и неотступнѣе для него сталъ вопросъ о бытіи.... И тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе онъ оставилъ своего товарища, когда этотъ вздумалъ удовлетвориться симъ же самымъ вопросомъ, принявъ его за самое рѣшеніе вопроса, вздумалъ обосноваться па томъ, что, предъ его же смѣлою мыслію, оказалось висящимъ надъ ничтожествомъ и даже какъ бы входящимъ въ самое это ничтожество. Русскій человѣкъ скоро смѣкнулъ, что тайну эту объяснить намъ можетъ только Тотъ Одинъ, Кто владѣетъ тайною бытія, въ Комъ основаніе и мысли нашей съ ея законами-и міра со всею его дѣйствительностію, и связи между ними, въ Комъ содержится или утверждается равновѣсіе этаго всецѣлаго бытія, колеблющагося между *быть и небыть*. Сей Великій и Дивный и просвѣтилъ и просвѣщаетъ русскаго человѣка въ разумѣніи великой тайны бытія. Русской человѣкъ во свѣтѣ своей православной вѣры, дѣйствительно узналъ тайну бытія висящую надъ ничтожествомъ. Узналъ своею вѣрою ту всесвободную и всемыслящую и вседовольную и всеобъемлющую, всетворческую вѣчную Любовь, Которая извлекла все изъ ничтожества и содержитъ въ себѣ условія всякихъ возможностей, Которая созданіямъ свободно разумнымъ какъ бы даетъ Себя Самоё для того, чтобы они свободно созерцали и усвояли Ее во всѣхъ Ея дѣлахъ и откровеніяхъ, чтобы они свободно принимали или отвергали вѣчныя и безконечныя Ея сокровища, чтобы Ей или на вѣки ихъ держать и утверждать въ Своемъ общеніи, при ихъ свободной пріемлемости, или на вѣки отвергать ихъ и карать за свободное противленіе, Которая непокорившагося Ей человѣка, разстроеннаго въ своей природѣ, но еще сохранившаго возможность къ возсозданію, столь неизслѣдимо чудно и сообразно съ вѣчными же основаніями своего творчества возсоздала во Христѣ и путемъ креста Христова ведетъ всякаго, послушнаго Ей, въ славу Его воскресенія. И увидѣлъ теперь православный, что

самое бытіе его духа и міра или вообще тварное бытіе, висящее надъ ничтожествомъ и представлявшее ему до того великій и грозный вопросъ, само оно, бывъ основано на *возводящей все изъ ничтожества и смерти творческой Любви*, уже носитъ потому на себѣ такую Ея печать, уже предъявляетъ и отражаетъ въ себѣ эту Ея тайну, тайну именно Христову. Потому, и понятно русскому православному мыслителю, что если кто и не узнавъ еще тайны бытія, колеблющагося надъ небытіемъ и жизни, обыкновенно въ дѣйствительности умирающей и опять возстающей, такъ или иначе, вздумалъ бы обосноваться на общемъ представленіи о такомъ бытіи и воздвигать на немъ все зданіе своего міросозерцанія, онъ во всякомъ случаѣ непремѣнно схватилъ бы покрайней мѣрѣ тѣнь Христовой тайны. И если бы еще вздумалъ онъ своимъ отвлеченіемъ вытягивать изъ этой тѣни все до послѣднихъ результатовъ, то долженъ выйти стройный и цѣльный призракъ истины; и не будетъ ничего мудренаго, что очертанія этаго призрака будутъ приходиться къ той или другой сторонѣ дѣйствительности, съ которой онъ схваченъ.... Если только признать уже рѣшенымъ дѣломъ вопросъ о всеобщемъ тварномъ бытіи, входящемъ всею полнотою своею въ ничтожество, если этотъ великій вопросъ принять уже за самую истину самостоятельную и основную, если согласиться на первомъ шагѣ съ этою логикою, готовою развивать все дѣло до послѣднихъ результатовъ безъ основанія, объявляющею у себя первымъ несомнѣннымъ и успокоительнымъ *положеніемъ* то самое, за разрѣшеніе чего еще надобно трепетать: то уже естественно и просто, по этому же закону несоединимыхъ, но почему то невѣдомому (Дѣян. 17, 23) соединенныхъ въ дѣйствительности противоположностей дойти, и до того, чтобы признать самосущею или саму по себѣ непреложную связь и между дѣйствительностію и возможностію, какъ будто одна входитъ въ другую, такую же связь и между конечнымъ и безконечнымъ, и между безсознательностію вещества и самосознаніемъ духа... и наконецъ дойти до такого результата: есть общее, идея всего бытія, не дерзаю сказать другихъ названій, при которыхъ православный невольно зажимаетъ уши, трепеща предъ крайнею хулою, высочайшей Святыни; это существующее по своей общности, единственно въ отвлеченіи общее, идея разрождается или распадается на частности всякихъ существъ, сосредоточиваясь въ самосознательномъ человѣкѣ, и въ человѣкѣ разрѣшаются, проясняются всѣ эти частности, чрезъ сознательное возведеніе ихъ всѣхъ къ единству своей общей идеи,

своего общаго. Все это и совершается исторически; послѣдовательно идетъ бытіе все впередъ и впередъ, чрезъ рядъ возникающихъ и преходящихъ явленій и формъ, чрезъ смерть въ жизнь. Словомъ, уже просто и естественно низвратить всю систему истины, оставивъ впрочемъ за собою необходимо тѣнь ея или нѣкоторый обликъ. Ибо во Христѣ, Богѣ Словѣ воплотившемся, по сущей истинѣ, соединены самосущее бытіе и основаніе всякаго бытія и всѣхъ возможностей съ тварнымъ ничтожествомъ, безконечное съ конечнымъ, самосознаніе Богочеловѣческаго духа съ вещественностію плоти; Онъ, будучи Самъ правдою и жизнію, принялъ на Себя грѣхи міра и нисходилъ въ мракъ смерти, чтобы и въ безднѣ грѣховной изъ мраковъ самой смерти возсіять свѣтомъ Своей жизни и правды. Сила сей тайны, на которой обосновано рѣшеніе судебъ всего міра, именно такова: есть лично-живый Отецъ Небесный, Котораго высочайше духовное существо все есть Любовь, отъ вѣчности открывающаяся всею полнотою своею въ Своемъ единосущномъ и лично существующемъ Словѣ Сынѣ и всею своею животворностію дышущая въ своемъ единосущномъ же и лично существующемъ Св. Духѣ, отъ вѣчности опредѣлившая въ своемъ внутреннемъ тріединствѣ всѣ свои дѣйствія и проявленія во времени и въ средоточіи оныхъ тайну Боговочеловѣченія; есть рожденный отъ Отца единородный Сынъ Богъ Слово, Который Любовь Отчую, въ Немъ открытую и почивающую, простеръ (по мѣрѣ пріемлемости тварной) и на созданія чрезъ дарованіе и соблюденіе ихъ бытія, становясь чрезъ это единственно по своей благодати *перворожденнымъ всея твари*, и въ особенности сосредоточилъ эту Любовь на человѣческомъ естествѣ, воспринявъ его въ единство своей личности и въ немъ принявъ на себя бремя всемірнаго грѣха и смерти человѣческой, возсіявъ чрезъ это Отчею животворною Любовію и находящимся въ безднѣ грѣховности и смерти, какъ *перворожденный изъ мертвыхъ*; есть исходящій отъ Отца и въ Сынѣ почивающій Св. Духъ, въ силѣ Котораго и дѣйствуетъ въ мірѣ, проявленная Сыномъ Божіимъ, Любовь Отца небеснаго, сіяя въ законахъ и потребностяхъ духа человѣческаго и движа всѣхъ людей Своею предваряющею благодатію, давая самой неразумной твари *совоздыхать и соболѣзновать* человѣчеству, а вѣрующимъ усвояя весь благодатный духъ тайны Боговочеловѣченія къ дивному спасенію и возвышенію личности каждаго изъ нихъ и къ соединенію всѣхъ ихъ въ одно благодатное тѣло Христово, возрастающее чрезъ побѣдоносное надъ всякимъ зломъ общеніе въ Христовыхъ страданіяхъ

и смерти, въ славу вѣчной Его жизни. Такъ оно и идетъ все впередъ къ тому торжеству жизни надъ смертiю когда Любовь Отца небеснаго во Христѣ раскроется такъ, что *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.* Вотъ обликъ чего, только безъ существенности, схваченъ западно Европейскою мыслiю! И такъ какъ безконечно строга и стройна Божественная система, оставаясь въ тоже время и безконечно таинственною; то и призракъ ея по необходимости получаетъ видъ стройности и цѣлости, и въ немъ также отдается глухое эхо таинственности своего рода. И такъ какъ по Божественной системѣ вся дѣйствительность создана и держится и управляется, вся дѣйствительность есть ея выраженiе; то и тѣнь сей системы приходится ко всему въ дѣйствитесьности, кромѣ существенной и основной ея стороны, дѣйствительность (кромѣ своей сущности) можетъ быть стройно расположена и сдѣлаться открытѣе, новсе же она останется тайною и вопросомъ, все выйдетъ одна только стройная скорлупа дѣйствительности, самое же живое зерно ея не будетъ тронуто, а еще непроницаемѣе будетъ закрыто и заклепано. Почему? Потому, что самое основоположенiе этой Европейской системы, на которомъ вся она держится, изъ котораго она развивается, положено такое, которое само по себѣ есть только вопросъ и задача. Потому, что законъ противоположностей, сводимыхъ къ такому единству, что онѣ точно входятъ одна въ другую, законъ, по которому развивается и построевается вся сiя система отъ перваго положенiя до послѣднихъ результатовъ, самъ по себѣ еще запечатлѣнъ тайною, требующею еще раскрытiя и разрѣшенiя. Потому, наконецъ, что бытiе какъ бы входящее въ ничтожество, жизнь, какъ бы завитая въ смерти и проч. (что посредствомъ отвлеченiя или самаго глубокаго вниманiя можно усмотрѣть въ дѣйствительности) есть только отраженiе и выраженiе высочайшей дѣйствительной, вѣчной тайны, понятное въ своемъ значенiи, разумѣется, только по уразумѣнiи самой тайны, въ противномъ же случаѣ долженствующее остаться только темною ея тѣнью. Итакъ если допустимъ внутреннюю связь между бытiемъ и ничтожествомъ безъ основанiя, на которомъ держалась бы эта связь, на которомъ бытiе, висящее надъ ничтожествомъ, твердо бы стояло; то эти противуположности бытiе и ничтожество у насъ уже ничѣмъ не будутъ связаны, и такимъ образомъ основоположенiе нашей системы само собою распадется. Если еще захотимъ, чтобы противуположности входили одна въ другую такъ, просто, сами собою, и провозгласимъ это самостоятельнымъ закономъ бытiя и мышленiя: то такой законъ уже будетъ не закономъ, а пока

еще чистымъ произволомъ; дѣйствительность, которая и въ своей отвлеченной общности и въ частныхъ видахъ своихъ точно представляетъ у себя какую-то таинственную связь противуположностей, не можетъ служить къ оправданію и утвержденію сего закона, потому что сама она еще требуетъ оправданія и разрѣшенія оной своей тайны, сама съ совмѣщающимися въ ней противуположностями есть еще вопросъ.... И если, несмотря на все это, стали бы мы на показанномъ основоположеніи, по показанному закону, построивать систему, стали бы изъ двухъ противуположностей выводить нѣчто третіе, въ которомъ уже завита своя противуположность, и такъ далѣе: то наше зданіе разрушалось бы и распадалось бы само собою въ тоже время, какъ мы стали бы созидать его. И чѣмъ строже стали бы мы развивать свою систему, чѣмъ крѣпче все бы у насъ держалось на первомъ, основномъ положеніи и чѣмъ вѣрнѣе были бы мы принятому нами закону: тѣмъ рѣшительнѣе внутреннее распаденіе, тѣмъ открытѣе произвольность и мечтательность всей нашей системы. Но тоже самое, что, извращая Христову истину, становится только призракомъ, чуждымъ всякой существенности, это же самое, какъ скоро будетъ взято въ прямомъ духѣ и силѣ Христовой тайны, можетъ раскрывать обильнѣйшій свѣтъ къ уясненію и мысли нашей и бытія вообще.... Это для русскаго ума ясно во свѣтѣ его православія.

Обращусь теперь къ вашему образу мыслей. Теперь мнѣ еще яснѣе и внутренняя стройность вашей системы мыслей, и строгая сообразность ея съ Божественною истиною. Да, православный поэтъ, надобно ангельски благоговѣть и восхищаться съ вами, какъ это въ смерти и воскресеніи нашего Спасителя неизъяснимо чудно и вмѣстѣ просто вошли одна въ другую самыя крайнія противуположности; самобытная жизнь вошла въ состояніе смерти, державствовавшей надъ человѣчествомъ, и потому изъ смерти сіяетъ своею животворностію всему человѣчеству; творческая Любовь благоволила отдать себя въ добычу вражды и злобы не человѣковъ только, но и тѣхъ, кто породилъ, возбуждаетъ, движетъ вражду и злобу въ людяхъ; и въ слѣдствіе сего стремящаяся всюду разстроить гармонію бытія и жизни, вражда необходимо стала работать противъ себя, стала невольно и непредвидѣнно трудиться только къ устроенію дѣла Божія, ко спасенію избранныхъ Божіихъ, стала служить къ раскрытію въ самой области гибели благодатныхъ силъ и даровъ творческой и возсозидательной Любви. Погибшіе во грѣхѣ

только бы прилѣпились къ сей спасающей Благодати и твердо, неотступно держались ея: тогда всякая вражда и злоба противъ нихъ обратились бы въ пособія къ ихъ спасенію, и смерть была бы путемъ къ жизни.. *И мы* видимъ всюду дѣйствіе сей тайны, такъ что въ благодатный домъ любви Отца небеснаго, открывшійся въ Христовомъ воскресеніи изъ мертвыхъ, скликаются всѣ люди. И погибшіе, недугующіе духомъ взыскуются ею тѣмъ съ сильнѣйшимъ стремленіемъ и самопожертвованіемъ. Кромѣ сего, углубляясь въ неизслѣдимыя основанія сей Божественной тайны, вѣрующій проникаетъ не только въ тайну нашего земнаго міра въ его настоящемъ состояніи, но и въ тайну всѣхъ міровъ, не исключая и духовныхъ, въ тайну всего великаго состава Божія міра; основанія, по которымъ воздѣйствовала творческая Любовь къ возсозданію человѣчества, оказываются въ существѣ своемъ тѣ же самыя, по которымъ она и въ началѣ сотворила все, по которымъ возникшій изъ ничтожества, стройный, прекрасный міръ долженъ былъ бы стройно и ровно шествовать въ своихъ представителяхъ, разумно свободныхъ созданіяхъ, изъ своей ограниченности въ совершеннѣйшее общеніе безконечнаго, свою ничтожность постоянно восполнять полнотою животворящей и вседовольной Божественной Любви, по которымъ согрѣшившее человѣчество разстроилось и должно было бы неминуемо погибнуть на своей землѣ... Мало того: во свѣтѣ той же тайны, вѣрующій созерцаетъ и вѣчную во вѣки неизслѣдимую тайну самой вѣчной Любви, именно, что Она, Единая въ Троицѣ, есть истинно Сама въ себѣ въ Своемъ тріединствѣ вседовольная, *Любовь* самобытная и вседѣйствующая, все отъ вѣка прозирающая и все опредѣляющая отъ вѣка, безконечно любящая всякое добро и безконечно отвращающаяся всякаго зла.—Любовь, не своихъ си ищущая, а собою жертвующая для своихъ созданій. Или лучше сказать: вѣрующій созерцаетъ, что сія самая внутренняя тайна творческой Любви и открывается всѣмъ своимъ, неизслѣдимымъ же опять, свѣтомъ въ тайнѣ воплощенія Отчей Любви въ тайнѣ крестоносной жизни, смерти и воскресенія Христова. Такъ вы и понимаете тайну бытія и жизни нашей, «съ (истинно) небесною ея музыкою» какъ вы выражаетесь.

Хотѣлось бы поскорѣе взглянуть на чудную Божію систему, которую вы отчасти отобразили и въ своей мыслительности и поэтическомъ творчествѣ, взглянуть, какъ по ней зиждется наша земная, дѣйствительность, какъ она развивается въ исторіи. Но нужно же сказать что нибудь «въ назиданіе» и вамъ, усильно просящій у всѣхъ

помощи и наученія поэтъ, почуявшій великость своего дѣла, невыносимую для одного! Но надобно еще поискать, да и поискать у васъ, что требуетъ пересмотра и исправленія: все, кажется взято изъ Евангельской системы, начиная отъ того, что говорите вы о воскресеніи Христовомъ, до вашихъ мыслей о священномъ значеніи духовенства, до вашего восклицанія: «какъ бы утѣшились души отъ насъ удалившихся поэтовъ христіанскимъ употребленіемъ ихъ произведеній?,» до вашего замѣчанія, что «наша церковь какъ бы прямо снесена съ неба не только съ своими глубокими догматами, но и съ малѣйшими обрядами наружными,» до испытанной вами истины, что самое «куреніе кадильное въ храмѣ уже невидимо настрояетъ душу къ слышанію чего-то лучшаго еще прежде, нежели началось самое служеніе». Ваше поэтическое творчество, особенно возвышается тѣмъ христіанскимъ духомъ и характеромъ, отличается особенно тѣмъ знаменемъ истины, что ваши дѣйствующія лица у васъ отнюдь не жертва творческой вашей мысли и воли, но творческая ваша любовь, давъ не кажущуюся, но дѣйствительную, природную свободу своимъ созданіямъ, блюдетъ ихъ отъ всякаго насилія и даже съ самоотверженіемъ привязывается къ своимъ страннымъ героямъ, движимая «чудною властію» собственнаго же влеченія. И отъ того въ вашихъ созданіяхъ видна въ одно и тоже время и высшая красота и строгая истина, какъ въ Божіемъ мірѣ. Такъ въ насъ осуществляется благоволеніе нашего Творца, дѣйствуетъ сила Божія, (ибо Божественное есть основаніе и первообразъ для всего достойнаго въ человѣчествѣ,слѣдовательно и для искуства и для поэзіи). Во всемъ собственною силою осуществляется отъ вѣка прозрящая и подчинившая все своимъ цѣлямъ, творческая, вседержавная мысль, такъ что Высшій дивно посмѣвается своимъ врагамъ, чрезъ ихъ же вражду устрояя свои чудныя дѣла въ мірѣ; но во всемъ строго блюдется наша свободная разумность, такъ что мы сами содѣлываемъ свое спасеніе и благо, или свою гибель и вѣчное зло. Особенно въ наше время есть нужда и въ мыслительности и въ поэзіи провозглашать эту строгую истину, сіяющую въ тоже время Божественною красотою, да слышимъ мы въ своихъ безпорядкахъ и смутахъ собственную вину, достойную всякаго осужденія, да движется, всякъ желающій къ устроенію своего блага и спасенія, къ преданности всезиждущему Богу, да оправдится Богъ во всѣхъ своихъ судахъ о насъ, какъ сама Любовь. Не знаю, не извлечете ли или не услышите ли здѣсь вы сами какого-либо нужнаго замѣчанія себѣ; но я не

смѣю вамъ дѣлать на этотъ разъ замѣчанія, когда самъ отчасти учился у васъ высказанной истинѣ.

Вотъ что развѣ, въ вашемъ образѣ мыслей, стоитъ прямаго замѣчанія: «ничего не связывать съ оставшимся прахомъ: стыдно тому, кто привлечется какимъ-нибудь вниманіемъ къ гніющей перстн, которая уже не моя». Эта мысль не устоитъ предъ истиною. Понимаю, впрочемъ, какъ эта странная мысль могла возникнуть въ васъ и быть высказана вами: вы преслѣдуете суетность, перенятую у Европейцевъ, которая не даетъ покоя и покойникамъ. Изъ-за ничтожныхъ приличій, изъ-за того, что бы сказать или написать: я поклонился праху великаго человѣка, тѣснятся всѣ ко гробу или могилѣ, и попираютъ прахъ великаго человѣка. Вы возстаете противъ сего самаго. Въ этомъ надобно отдать вамъ справедливость. Но мысль ваша несправедлива! Были на землѣ такіе великіе люди, невѣдомые впрочемъ міру, которые требовали едва не съ заклятіемъ, чтобы, по смерти ихъ, трупъ ихъ обвязать веревкою, волочить за ноги и бросить въ какомъ нибудь не чистомъ или дикомъ мѣстѣ. Но это не то, что у васъ. Разница безконечная. Тамъ святый человѣкъ, всю жизнь подвизающійся надъ своимъ внутреннимъ очищеніемъ и достигшій уже до такой чистоты, что даже только тѣнь нечистоты, ощущаемая имъ въ своемъ существѣ, уже смердитъ для него убійственнымъ запахомъ, долженствующимъ прогнать отъ него всякаго человѣка: вотъ почему рѣшительно не удостоиваетъ себя такой человѣкъ честнаго погребенія. А вы говорите безотносительно къ вашей личности: «ничего не связывать съ оставшимся «прахомъ». Чтобы поскорѣе покончить съ вами, чтобы съразу видно было вамъ, что ваша мысль не отъ истины и въ Христову систему не можетъ войти, спрошу васъ: когда, благоволившій именно для насъ содѣлаться человѣкомъ, Господь и Спаситель нашъ умеръ и былъ погребенъ, были бы правы святые Апостолы и жены мvроносицы, если бы, въ своемъ безмѣрномъ горѣ стали водиться этою мыслію: «ничего не связывать съ оставшимся прахомъ»? Господь восхотѣлъ, чтобы въ самой силѣ и духѣ мы сообразовались съ нимъ; въ напутствіе въ другой міръ мы пріемлемъ живой Божественный залогъ тѣла и крови Христовой, который и воздвигнетъ наши мертвыя тѣла въ славу въ послѣдній день. И потому, какъ вамъ уже очень хорошо замѣтилъ кто-то, сама Св. Церковь имѣетъ самое нѣжное, материнское вниманіе къ гніющей персти христіанина. Да, мать наша—Церковь отдавая послѣднюю высокую честь христіанско-

му праху умѣетъ въ одно и тоже время и не поклоняться червямъ, грызущимъ тлѣнные останки, и крѣпко, крѣпко молиться о душѣ покойнаго христіанина. Сами уже можете видѣть важность вашего недосмотра. При внутренней живой связи всѣхъ истинъ нашей системы, такой недосмотръ не можетъ не отзываться въ мыслительности, и въ жизни, и въ творчествѣ, допустившемъ этотъ недосмотръ. Послушайте-ка, что еще хочу сказать вамъ.

Христіанскій подвижникъ, казалось бы, такъ суровъ, необщителенъ, неприступенъ; самое тѣло свое, которое естественно никто же возненавиде, но питаетъ и грѣетъ всякій, онъ нещадно умерщвляетъ почти нечеловѣческимъ постомъ и бдѣніемъ и проч. и проч. Но на самомъ дѣлѣ что? Онъ это подвизается собственно и прямо о томъ, чтобы все въ себѣ покорить любви Отчей, во всемъ и тѣлесномъ одушевиться и двигаться всечистою и всеобъемлющею любовію Христовою, и освятиться Св. Духомъ, Духомъ сей самой Любви. И безпощаденъ онъ къ своему тѣлу, какъ безпощадны бываютъ къ драгоцѣннѣйшей, но запятнавшейся одеждѣ, моютъ, перетираютъ, выколачиваютъ ее, затѣмъ, чтобы наконецъ въ этой одеждѣ, обновленной и прекрасной, явиться къ Царю. Оттого въ суровыхъ подвигахъ сего воина Христова нѣтъ ни тѣни стоической безчувственной холодности, или фанатическаго самоистязанія Индѣйскихъ браминовъ; напротивъ чѣмъ они суровѣе и строже, по видимому, тѣмъ свѣтлѣе и обильнѣе въ подвижникѣ сіяетъ благодать и любовь Христова, тѣмъ духовно-живѣе, святѣе и Ангелоподобнѣе становится человѣкъ съ земнымъ тѣломъ; и, наконецъ, ясно и живо сознаетъ онъ глубочайшую потребность, сокрытую въ самой природѣ духа нашего, но проясняемую вполнѣ одною благодатію,— потребность не *совлещися* только смертнаго и стѣснительнаго тѣла, но *пооблещися* въ это же самое тѣло, имѣющее нѣкогда возстать уже безсмертнымъ и прославленнымъ, сообразнымъ прославленному тѣлу Христову. Отъ того же, чѣмъ далѣе жилъ бы подвижникъ въ своемъ уединеніи и строже отчуждался бы отъ общенія съ людьми, тѣмъ онъ становится любвеобильнѣе, тѣмъ въ немъ менѣе такого, что могло бы отталкивать отъ него, и наконецъ онъ, если откроется людямъ, оказывается какъ бы весь любовію... И, пламенѣя Божественнымъ гнѣвомъ противъ всякихъ силъ и дѣйствій злобы и вражды, умоляетъ лично себѣ у всѣхъ ближнихъ только прощенія; съ дерзновеніемъ братской и отеческой любви прямо и просто говоря съ возлюбленными и преданными ему людьми о своихъ личныхъ

отношеніяхъ къ нимъ и требованіяхъ отъ нихъ, ни какъ однако недоброжелателю и врагу своему не можетъ сказать лично о себѣ самомъ: «ты не долженъ посмѣть не простить меня....» Я все сказалъ, братъ!

Въ самомъ дѣлѣ въ вашемъ предисловіи, этомъ голосѣ безпримѣрной, неслыханной въ наше время братской и патріотической любви къ соотчичамъ, вдругъ поражаешься какимъ-то страннымъ звукомъ: «онъ не долженъ посмѣть не простить меня». Видишь, что эта черта нейдетъ какъ-то къ общей вашей физіономіи, и недоумѣваешь, откуда она могла взяться и какъ она могла тутъ приладиться. И едва наконецъ догадываешься, не взялась ли она отъ нѣсколько односторонне-понятой, христіанской строгости къ самому себѣ: по крайней мѣрѣ, я такъ объясняю себѣ появленіе въ чудномъ гимнѣ братской любви этаго страннаго звука. Вижу и слышу, что въ васъ горитъ любовь же къ брату, живѣ выставляя ему на видъ прекрасную обязанность быть чуждымъ вражды и непріязни; но вижу и слышу и то, что въ семъ объясненіи касающемся вашей личности, христіанская ваша любовь неожиданно потеряла свое прямое направленіе, и приняла одностороннее, не идущее къ ней, выраженіе стоической суровости. Въ какой степени мое замѣчаніе идетъ къ вамъ, это вамъ знать и судить; ошибиться въ другомъ—всего легче. Но вы простите мнѣ и возможную съ моей стороны ошибку, которую вы же вытребовали. Оговариваюсь, не по одной деликатности, которая, въ своемъ высшемъ значеніи, тоже въ числѣ живыхъ правилъ нашей любви (ибо любовь не безчинствуетъ), а потому что не разъ я самъ видалъ и слыхалъ, какъ истинно-любящей душѣ невыносимо горько и обидно бываетъ слышать отъ любимаго человѣка холодную мораль; между тѣмъ какъ все дѣло состоитъ въ томъ, что нравоучитель не отвѣчаетъ своею душею любящей его душѣ, и потому не можетъ видѣть и чувствовать всѣхъ высокихъ и чистыхъ сторонъ прекрасной, христіанской любви своего собрата... Испытавшіе говорятъ, будто крайне тяжело это испытаніе для истинно-любящей души, хотя она и усиливается въ тоже время и въ этой обидѣ оправдать своего возлюбленнаго брата, и обвинить себя предъ нимъ... Вотъ чего я боюсь...

Дайте же мнѣ руку и возмемся вмѣстѣ за исторію, которой тайну вы поэтически уже чуете и знаете, православный поэтъ!

Поставьте себя и если можете, и меня въ такое состояніе духа, въ какомъ наприм. вы находитесь въ храмѣ, когда куреніе ка-

дильное уже невидимо настрояетъ душу къ слышанію чего-то лучшаго прежде еще начала самаго служенія, или когда высокой лиризмъ церковныхъ нашихъ пѣсней возноситъ вашъ духъ, или въ какомъ состояніи находитесь вы даже въ обществѣ, когда во глубинѣ умиренной и благоустроенной души слышите, что будто она лепечетъ съ ангелами о какомъ то небесномъ младенчествѣ человѣка, или въ какомъ состояніи находитесь въ своемъ кабинетѣ, читая нашего поэта и въ мелкихъ его піесахъ ясно слыша его голосъ о каждомъ предметѣ: «какъ прекрасно Божіе твореніе! посмотрите, какъ прекрасно твореніе Бога!» и въ семъ просвѣтленномъ духовномъ состояніи, когда вы такъ глубоко видите и всю бѣдность человѣческую, умѣете такъ проницательно озирать всю громадно-несущуюся жизнь,—пойдемте со мною въ даль временъ минувшихъ, мимо этаго чуднаго ихъ перелома, когда все древнее Ветхозавѣтное въ человѣчествѣ, стало безжизненной буквой, кромѣ того, разумѣется, что никогда не старѣется, и открылся новый животворный Завѣтъ. Пойдемъ и мимо тѣхъ временъ, въ которыя вы даже въ сторонѣ отъ церкви, примѣтили въ простыхъ и притомъ искаженныхъ необузданною фантазіею преданіяхъ и установленіяхъ древняго человѣка нѣчто такое, въ чемъ будто заключался сначала какой-то живой и свѣтлый смыслъ, въ которыя сыны церкви въ образахъ и гаданіяхъ почему-то умѣли созерцать и лобызать и предварительно усвоять грядущую Христову благодать. Пойдемъ еще далѣе, хотя уже и тутъ недовольно умѣемъ разобрать представляющіеся намъ предметы. Но терпѣніе! Пойдемъ мимо этого времени, въ которое нуженъ былъ подвигъ для человѣка благочестиваго, чтобы, взглянувъ на величественное и прекрасное наше солнце (т. е. на простое, обыкновенное, на нашемъ небосклонѣ разгуливающее солнце), не придти въ благоговѣйный восторгъ предъ нимъ и изъ набожности предъ нимъ не поцѣловать свою руку, какъ свидѣтельствуетъ о томъ великій праведникъ тѣхъ временъ Іовъ. Мимо и того времени, какъ древнему люду пришла въ голову дѣтская и величавая и мятежная фантазія построить башню до небесъ. Пройдемъ мимо и міръ допотопный съ его исполинами, съ этимъ первымъ братоубійцею, родившимся на землѣ отъ первыхъ супруговъ, Каиномъ, который прямо и внятно слышалъ обличающій и осуждающій его голосъ Бога, теперь едва, едва точно будто изъ дали допотопнаго міра слышный духовной природѣ нашей въ совѣсти, съ Каиномъ, который впрочемъ и прямо предъ Богомъ не дрогнулъ

сказать: «развѣ я стражъ моему брату?» который притомъ при проклятіи Божіемъ такъ дѣтски затрепеталъ за цѣлость своей физической жизни. Войдите (я уже не напоминаю вамъ о благоговѣніи и трепетѣ, спутникѣ вашемъ и не на такомъ пути) войдите въ самый Эдемъ. Здѣсь не удержитъ уже пламенное оружіе Херувима, если кто идетъ сюда съ крестомъ Христовымъ... Посмотрите же, съ открытостію и простотою вѣрующей души на этотъ возникшій изъ ничтожества, Божій міръ, на которомъ послѣ шести дней творческаго дѣланія, въ седьмый день почила веселящаяся о дѣлѣхъ своихъ творческая Любовь, на эту землю, въ которой все земное, чувственное, но на всемъ столь открыто отпечатлѣнъ и сіяетъ свѣтъ Тройчески-единой Любви, на этотъ земной рай, въ которомъ поставленъ человѣкъ, въ одно и тоже время и пророкъ, разрѣшающій на всемъ сіяющую Божественную печать творческаго благоволенія, и Царь, нарекающій всему имена и всѣмъ обладающій, и Первосвященникъ, сосредоточивающій въ своемъ духѣ и воспѣвающій предъ Творцемъ гимнъ отъ всего земнаго міра и сливающій свою пѣснь съ единымъ великимъ гимномъ всѣхъ созданій, всего великаго состава міра... Всмотритесь въ этаго перваго человѣка, перстнаго по тѣлу, и дышащаго Божественнымъ дыханіемъ, ставшимъ благодатною собственностію души его отъ самаго созданія. Онъ входитъ въ открытое Ангелоподобное общеніе съ Богомъ: но, по временамъ только, съ особенною силою слышитъ Бога, ходящаго въ раю. Онъ созерцаетъ духовное и божественное, но по человѣчески, не безъ помощи чувственныхъ образовъ; онъ живетъ точно въ обители Божественнаго свѣта, на небѣ, но его земное небо есть дивный своею красотою садъ. Онъ воздѣлываетъ этотъ садъ съ его древами и растеніями, но всегда имѣетъ предъ собою въ немъ таинственное *древо жизни* и преподающее урокъ духовнаго совершенствованія *древо познанія добра и зла* и такимъ образомъ при посредствѣ деревъ и растеній «воздѣлываетъ въ душѣ, какъ говоритъ Св. Григорій Богословъ, прекрасные и чистые помыслы.» Посмотрите на эту прекрасную, ангелоподобную чету,—на Адама, свободно неудовлетворившагося своимъ одиночествомъ, и свободно признавшаго потребность въ помощницѣ, который, какъ глава, изрекаетъ законъ супружества,—это тотъ законъ, по силѣ котораго, раскрытой Апостоломъ (Еф. V, 31. 32.), мужъ и жена уже по самому созданію своему таинственно поставлены свѣтлымъ образомъ союза между любовію Творца, и разумною тварію, или между Хри-

стомъ и живущими имъ духами и душами или церковію. Въ Едемскомъ состояніи людямъ, конечно, было живо ощутительно и доступно свободному (1) сознанію такое благодатное значеніе ихъ чистаго взаимнаго союза, если и теперь еще чистая любовь даетъ иногда слышать или видѣть въ любимомъ предметѣ что то неземное, какой то отблескъ Божественнаго. Посмотрите на нашу праматерь Евву, услышавшую уже отъ мужа заповѣдь Божію о невкушеніи плода съ древа познанія и живо принявшую эту заповѣдь въ свое сердце (какъ именно слышенъ голосъ живаго чувства, съ которымъ дошла она, въ бесѣдѣ съ зміемъ, до преувеличенія Божіей заповѣди: *и не прикасайтеся*). Посмотрите на этихъ сіяющихъ величіемъ и простотою дѣтей великаго Бога, сіяющихъ въ одно и тоже время и богоподобнымъ своимъ величіемъ и младенческою простотою, не стыдящихся своей взаимной наготы и даже не замѣчающихъ ея, составляющихъ въ своемъ союзѣ полное и нераздѣлимое, по закону ихъ созданія, цѣлое, которое притомъ носило отблескъ высшаго Божественнаго союза....

О Поэтъ Православный! вы можете усмотрѣть всю простоту и все величіе, и всю истинность (оправдываемую всѣмъ теченіемъ послѣдующей жизни человѣчества, чуемую нами въ себѣ и теперь) этаго райскаго младенчества людей, этой первой поры и первой степени ихъ бытія и жизни, возникшихъ изъ ничтожества по извѣстнымъ уже намъ законамъ творческой Любви. Съ сей—то первой степени, по законамъ же Творца, слѣдовало бы людямъ стройно и прямо рости, возвышаться и совершаться до чисто-Ангелоподобнаго состоянія хотя въ тѣлѣ же, до непрерывнаго, безпосредственнаго созерцанія творческой Любви и высшихъ духовныхъ ея созданій, до совершенно-ангельскаго слышанія повелѣній Божіихъ и до Ангельской же готовности исполнять эти повелѣнія, летѣть на то или другое заповѣданное служеніе.... Вы, конечно, чувствуете и видите эту истинность, эту простоту и вмѣстѣ величіе человѣческаго эдемскаго младенчества. Вы, можетъ быть уже негодуете на Мильтона, вздумавшаго раскрыть это райское время полнѣе и яснѣе въ своей поэмѣ, нежели какъ раскрыто оно въ первыхъ двухъ главахъ книги бытія, гдѣ представлена живая, Божественно-свѣтлая и полная картина, небеснаго младенчества человѣка. И вамъ, которому Богъ далъ во свѣтѣ Своей истины выставлять такъ ярко предъ очи всѣхъ презрѣнную и смѣшную пошлость

(1) Изъ кн. Бытія видно, что Богъ давалъ самому Адаму свободно сознавать и потребность въ помощницѣ (2, 19. 20) и ея значеніе (ст. 23. 24). О первобытномъ состояніи людей см. въ кн. «о православіи въ отнош. къ соврем.» стр. 72-75.

всего, губящаго насъ, теперь должно быть ясно и ощутительно все ребяческое пустомысліе нѣкоторыхъ мудрецовъ, которые наше священное преданіе о райскомъ времени человѣка, о заповѣди, данной ему о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла, находятъ, изволите видѣть, несообразнымъ съ Богоподобнымъ состояніемъ первозданнаго человѣка, съ величіемъ вопроса, который тогда долженъ былъ рѣшаться для человѣчества и его будущей судьбы и проч. и проч. Не говорю уже о разныхъ, столь серьезно и самоувѣренно дѣлаемыхъ перетолкованіяхъ священной исторіи, которая будто бы подъ буквою простодушнаго дѣтскаго разсказа сокрываетъ глубокую нравственную, или философскую, или еще, можетъ быть, какую нибудь истину... Вы имѣете очи видѣть и уши слышать все величіе эдемской жизни человѣка, теперь только припоминаемое человѣкомъ, все глубокое значеніе этой строгой исторіи бытописателя. Въ ней, въ этой исторіи, и теперь слышится Богъ ходящій въ раю къ своимъ дѣтямъ, сіяющимъ Его образомъ и подобіемъ; и теперь въ саду эдемскомъ слышишь отовсюду глаголы Божіи, изрекаемые первымъ человѣкамъ въ животныхъ, въ древахъ, другъ въ другѣ. Въ этой исторіи, наконецъ, и теперь, какъ живые, виднѣются во всей своей невѣдомой намъ величавости и во всей дѣтской ясности и простотѣ наши прародители, созерцающіе славу Божію, но не отрѣшенные въ семъ созерцаніи отъ образовъ перстнаго и земнаго, вкушающіе чувственные и въ тоже время высоко-таинственные плоды древа жизни. Все это такъ согласно съ чувственно-духовною природою человѣческою и первобытною ея свѣжестію.

Намъ нужно еще довольно продолжить свою остановку въ Едемѣ. Какъ впрочемъ ни хорошо въ немъ, но замечтаться никакъ нельзя; потому что видишь предъ собою древо познанія, запечатлѣнное страшною печатію: *аще снѣси отъ древа сего, смертію умреши*. Мнѣ хочется, поэтъ, чтобы вы всею своею душею всмотрѣлись, вслушались здѣсь во все, и мнѣ же потомъ разсказали всѣ прекрасныя и строгія тайны Эдема, разсказали не въ чемъ другомъ, какъ развѣ во второмъ или третьемъ томѣ вашихъ же мертвыхъ душъ. Вы умѣете поставлять меня, при чтеніи васъ, такъ, что все кругомъ видится далеко, далеко—чуть не до Едема.

Говорить ли еще съ вами о высокомъ значеніи испытанія человѣка? Вы сами видите, что человѣкъ испытывается въ томъ, предается ли онъ своему Богу и Отцу, какъ дитя, не знающее и желающее знать само по себѣ безъ Бога ни добра, ни зла, успокоится ли просто въ творческой и Отчей Любви, послѣдуетъ ли безусловно Ея благоволенію,

чтобы чрезъ это и въ этомъ самомъ овладѣть всѣми высшими сокровищами и истины, и добра, и блаженства. Вы видите всю естественность и внутреннюю сообразность съ тогдашнимъ состояніемъ человѣка, всю простоту, всю строгую истину искушенія прародителей во всемъ его ходѣ, начиная отъ того, какъ хитрѣйшій изъ земныхъ животныхъ змій сталъ говорить съ Еввою, въ живомъ чувствѣ которой уже такъ громко раздавались вѣщанія не звѣрей только, но и всѣхъ бездушныхъ тварей, даже до того, какъ обольщенная жена даде плодъ съ запрещеннаго древа мужу, и *ядоша*.... Если ужь у меня слезы льются сами собою, что же сказать о васъ?!...

Изнемогаю, поэтъ, до рѣшительнаго, крайне-болѣзненнаго безсилія, предъ величіемъ того, что я долженъ сказать и что еще не взлелѣялъ, не выносилъ въ своей душѣ. Но мнѣ или, дѣйствительно, слѣдовало бы ничего не говорить съ вами, или ужъ необходимо все за одинъ разъ сказать. Молчать мнѣ въ то время, какъ вы такъ молите о помощи и получаете въ отвѣтъ или мертвое молчаніе или.... сами знаете что,—было бы грѣшно. Поговорить кое-что, слегка коечего коснуться, не взглянуть и не указать на истину прямо и откровенно, а только сдѣлать какое-либо увертливое движеніе предъ ложью, ругающеюся намъ,—было бы и неблагородно и неблагоразумно, словомъ: не похристіански. Указать на какую нибудь сторону истины, превращаемой со всѣхъ сторонъ и во всей сущности и притомъ такъ ловко, значило бы ничего не сдѣлать, или возбудить и въ васъ и въ другихъ вопросы, безъ разрѣшенія ихъ, дать поводъ къ разнымъ толкамъ, спорамъ и распрямъ, которые всегда только разстроиваютъ, а не назидаютъ. Подумалъ я про себя: въ наше время, когда всѣ хотѣли бы дѣлать безъ Бога и Христа, почему не сказать прямо, что все должно дѣлаться съ Богомъ и Христомъ? Вы же сами, необинуясь, сказали всѣмъ, что ваша Поэзія въ духѣ не девятнадцатаго вѣка, но въ духѣ вѣчнаго вѣка во Христѣ.

Можетъ быть, кто-нибудь серьезно остановится хотя предъ одною мыслію, какъ бы она ни была высказана мною, добросовѣстно признаетъ вѣрность хотя одного факта, указаннаго мною съ его значеніемъ. И можетъ быть, подымутся у него въ душѣ серьезные вопросы и начнется домашній, искренній пересмотръ всей системы его мыслей... Возникнутъ и недоумѣнія, все въ его глазахъ покроется сначала мглою; но онъ уже не станетъ провозглашать всюду своихъ недоумѣній, не вздумаетъ задавать всѣмъ и печатать вездѣ свои новые заносчивые запросы, чтобы только запутать дѣло и сму-

тить другихъ. Нѣтъ, онъ пойметъ, что наше дѣло въ отношеніи къ истинѣ состоитъ не въ крикахъ, не въ заносчивыхъ спорахъ, которые незамѣтно могутъ поставить человѣка въ прямой оппозиціи противъ истины, но въ томъ, чтобы мирно изслѣдывать ее, признать и съ любовію покориться ей; онъ согласится, что нашъ разумъ, будучи обязанъ законами, потому уже не есть самовластитель истины, но можетъ завладѣть ею развѣ настолько, насколько самъ всецѣло и со всею готовностію покориться ей. Между тѣмъ признанная уже имъ мысль или фактъ будетъ сіять ему свѣтомъ истины, все обѣщающей рѣшить ему и не терпящей только легкомыслія, невниманія и, всего болѣе, злонамѣренности своего испытателя. Внутренно, самъ про себя онъ начнетъ и станетъ совершать великую переработку своей мыслительности и дѣятельности, прибѣгая единственно къ пособіямъ и совѣтамъ церкви, владѣтельницы Божественной истины. Церковь у него ничего не хочетъ отнять, а матерински желаетъ ему самому все истинное и доброе дать въ вѣчное владѣніе, и все въ немъ истинно человѣческое благословить благословеніемъ Того, Кто самъ сталъ истиннымъ Сыномъ человѣческимъ во всемъ, кромѣ грѣха или лжи, составляющей достояніе первоначально и собственно діавольское,—лжи, невыносимую тягость которой онъ и снялъ съ насъ на себя. Церковь, безъ внутренняго его убѣжденія не станетъ навязываться ему ничѣмъ; для нея такъ дорога свободно-разумная личность всякаго, что истинный служитель церкви скорѣе цѣлый вѣкъ будетъ плакать объ упорномъ презрителѣ Христовой истины, нежели насильно безъ его свободной и искренней вѣры и раскаянія повлечетъ его къ олтарю.... Однихъ только заупрямившихся *ребятъ* иной умный отецъ строгимъ крикомъ сзываетъ въ церковь къ Богослуженію: потому что знаетъ, что ихъ дѣтскія души, присмирѣвши въ церкви, скорѣе и лучше примутъ въ себя лучь небесный, нежели собственная его душа.... Такимъ образомъ онъ же самъ, этотъ добросовѣстный искатель истины, наконецъ, можетъ такъ разрѣшить всѣ свои вопросы и запросы, какъ они никогда не могли бы рѣшиться всѣми журнальными криками pro и contra. И скажетъ намъ уже готовое рѣшеніе этаго или другаго вопроса, доказывая оное тутъ же на дѣлѣ;—покажетъ ту или другую область въ мірѣ или знаніи, уже озаренною чистымъ свѣтомъ Христовымъ. Можетъ быть, хотя въ одномъ комъ нибудь совершится это Божіе дѣло. А если и ни съ кѣмъ не будетъ этаго, то можетъ быть, что нибудь полезное услышите у меня, вы,

поэтъ, умѣющій у всякаго поучиться нужному для вашего дѣла. Вотъ почему я рѣшился дѣлать это дѣло, вести эту бесѣду съ вами; что мертво или туманно сказано мною, живѣе и свѣтлѣе примете вы въ свою душу, и мой недостатокъ восполнится вашимъ избыткомъ. И самъ я чувствую иногда, что все, что ни говорю и что мнѣ слѣдуетъ сказать, можно бы сказать такъ просто, такъ ясно, что и дѣти могли бы понимать—таково небесное свойство Евангелія! Но лишь стану говорить, у меня все выходитъ шероховато, растянуто, недосказано, неопредѣленно. Такъ чудно Богъ сдѣлалъ, поэтъ, что вотъ, казалось бы, все подъ руками, все открыто, видишь все; бери, что угодно, но не умѣешь ни за что взяться и при богатствѣ остаешься послѣднимъ изъ нищихъ. Слава Ему и за это. Пусть другая чистая, истинно-христіанская душа скажетъ намъ обо всемъ съ младенческою простотою и ясностію столько же, какъ и съ твердостію и глубокою мыслію; буду продолжать свою длинную, длинную бесѣду съ вами.

Обозрите вашею мыслію весь извѣстный ходъ искушенія первыхъ людей, съ начала до конца. Вы безъ сомнѣнія, уже почуяли въ этомъ, всѣмъ извѣстномъ, животномъ, мудрѣйшимъ изъ всѣхъ звѣрей такого незримаго мудреца который владѣетъ тайною всего земнаго міра, знаетъ о стремленіи человѣка къ Богоподобію, возникающемъ изъ положеннаго въ его духовной природѣ образа Божія, умѣлъ подчинить себѣ и хитрѣйшаго изъ звѣрей земныхъ, знаетъ и о запрещеніи Божіемъ, открывающемъ предъ человѣкомъ поприще неизмѣнной вѣрности Богу и съ тѣмъ вмѣстѣ своему назначенію, но который въ тоже время есть безстыдный, богохульный клеветникъ, противникъ Бога, стремящійся ниспровергнуть и разстроить всю гармонію этаго прекраснаго созданія Божія человѣка, а въ немъ и всего земнаго міра.... Слово Божіе только дополняетъ то, что вы слышите въ самомъ дѣлѣ искушенія. Оно возвѣщаетъ, что этотъ незримый искуситель есть одинъ изъ высшихъ духовныхъ созданій Творца, что онъ былъ жителемъ того неба, которое сотворено *въ началѣ* вмѣстѣ съ первозданными стихіями міра видимаго, прежде этаго видимаго неба; что онъ вмѣстѣ съ другими духовными сынами Божіими созерцалъ и славилъ Бога, когда полагались основанія нашего земнаго міра, и что слѣдовательно ему открыты были тайны земли съ ея благодатными властелинами, что онъ не захотѣлъ дѣтски держать себя предъ своимъ Творцемъ и Отцемъ, открывшимъ ему такія богатства своей любви, разгордѣлся и прямо

воспротивился ему, палъ и своимъ паденіемъ увлекъ безчисленное множество другихъ, покорившихся вліянію мятежника, и теперь завистливо стремился увлечь въ свою мятежную державу и этихъ дѣтей Божіихъ, первыхъ человѣковъ, стремился погубить вмѣстѣ съ собою и земной міръ, словомъ: это есть исконный отецъ гордыни и лжи, діаволъ. Какъ не услышала, не узнала его первая жена, озаряемая и дышащая любовію Творца? Въ томъ-то и открывается вся злохудожная мудрость этаго великаго хитреца, что онъ умѣлъ самымъ внутреннимъ образомъ войти въ то положеніе жены, что она вездѣ живо слышала громкія вѣщанія о Творцѣ, и заговорилъ съ нею такъ, что какъ бы только продолжалъ онъ эти, обращенныя къ ней, вѣщанія всѣхъ тварей, а между тѣмъ съ перваго же слова такъ незамѣтно и расчитанно уклонялъ ея духовныя очи отъ прямого и должнаго воззрѣнія къ любви Творца, во свѣтѣ которой врагу уже нельзя было бы утаиться ни въ какомъ животномъ, ни въ какой хитрой рѣчи; и такимъ образомъ, наконецъ, какъ бы дѣло само собою сдѣлалось, что жена, призракомъ самаго Богоподобія, которое дѣйствительно, должно было въ ней раскрываться, увлеклась прямо въ незримыя руки отца гордыни и лжи, видя одно только видимое—змія, говорящаго съ нею, и прекрасные плоды древа познанія.... Такъ и видимое-то она видѣла уже, какъ слѣпая! Вамъ, поэтъ, должна быть ощутима тайна этого состоянія нашей праматери, когда она слушала эти, столь хитро-отводящія ее отъ основательнаго размышленія, разсужденія неразумнаго животнаго и убѣждалась ими, когда простерла руки къ тому плоду, о которомъ только что сама сказала грозную волю Божію: *не прикасайтеся, смертію умрете.* Сколько, думаю, вы можете видѣть и слышать въ этомъ искушеніи и паденіи человѣка!!

Посмотримъ, чѣмъ являются теперь наши прародители? Жалко плѣнены они, даже бездушною тварію запрещеннымъ плодомъ; призракомъ духовнаго совершенства и Божественности увлечены отъ Божественнаго свѣта истины и благодати; приговорены заранѣе къ смерти и находятся уже въ невидимой власти имущаго державу смерти, перваго противника Божія, діавола. Правда, еще не враждуютъ другъ противъ друга, не бѣгутъ одинъ отъ другаго, но уже стыдятся другъ друга и сами себя въ своей наготѣ; еще слышатъ Бога ходящаго въ раи, но бѣгутъ отъ него и думаютъ скрыться; говорятъ ему голосомъ виновныхъ и трепещущихъ дѣтей, но тутъ же слышенъ голосъ и самооправдывающихся, лукавыхъ рабовъ. Печать царя, пророка, первосвященника померкла на главѣ падшаго чело-

вѣка, сохраняя только едва замѣтный и готовый исчезнуть отблескъ прежняго своего свѣта. А съ тѣмъ вмѣстѣ и гармонія міра земнаго, уже такъ всесторонне-разстроенная въ самой его главѣ, готова была разрушиться вконецъ....

Гдѣ же, говорите вы, творческая, лелѣющая свои созданія въ своемъ лонѣ, Любовь? Она тутъ же, она не отступала отъ своихъ созданій, держала ихъ, начиная отъ падшаго великаго ума до райскихъ человѣковъ, въ своей отеческой Любви: все это, что мы видѣли, вся эта бѣда и гибель сатаны и увлеченныхъ имъ людей совершилась по силѣ свободы, которую столь отечески даровалъ и такъ вѣрно блюдетъ творецъ....

И такъ Онъ отвергнетъ человѣковъ вмѣстѣ съ бѣсами? Нѣтъ, видно Творческая Отчая любовь нѣчто другое, лучшее прозрѣла и благоволила о насъ людяхъ, Она еще дивно снисходитъ къ людямъ влекомая Своимъ вѣчнымъ прозрѣніемъ и благоволеніемъ о нихъ, преслѣдуетъ ихъ и въ бѣгствѣ отъ нея, заставляетъ ихъ самихъ, раскрыть предъ нею свою смертельную рану, и поставивъ ихъ такимъ образомъ прямо предъ лицемъ Своимъ, во свѣтѣ котораго снова понятно и ясно невидимое и духовное, сіяющее во всемъ видимомъ и чувственномъ, изрекаетъ имъ одно нераздѣльное слово милости и суда, сокрытыхъ и завитыхъ одинъ въ другомъ.

Первымъ людямъ, возставляемымъ въ свѣтъ благодати, отъ которой отпали они своимъ грѣхомъ, легко было прозрѣвать въ зернѣ Божія суда и обѣтованія величественный будущій плодъ. И намъ, желающимъ держаться въ возстановляющей насъ благодати и съ нею вступившимъ невозбранно въ самый Эдемъ, тѣмъ удобнѣе въ этомъ зернѣ прозрѣвать плодъ, когда онъ уже созрѣлъ и мы уже вкушаемъ его, хотя еще *отчасти* и *въ начаткахъ*.

Судъ Господа Бога надъ преступниками поражаетъ съ перваго же взгляда грознымъ видомъ правды, съ такою дивною тонкостію и простотою, приспособившею наказаніе и къ преступленію и къ состоянію преступниковъ. Страшный приговоръ искусителю взятъ съ того самаго творенія, съ которымъ онъ самъ уравнялъ себя, уязвивъ чрезъ него человѣка; равно ненавистная печать проклятія и отверженія, постигшаго искусителя, отразилась и на томъ неразумномъ созданіи, которое было представительнымъ орудіемъ искусителя. И такимъ образомъ судъ надъ искусителемъ вышелъ тотъ, что онъ рѣшительно отверженъ и проклятъ предъ всею тварію, будетъ правда, имѣть еще возможность по змѣиному язвить или жалить пяту

человѣка, но въ тоже время и тѣмъ же самымъ будетъ подставлять свою голову подъ его пяту, имѣющую стереть ее до конца. За сладость и красоту запрещеннаго плода, которою прельстилась жена, наказывается преступница печалями и воздыханіями, которыя, намѣсто прежнихъ живыхъ и чистыхъ радостей, отселѣ должны быть достояніемъ живаго женственнаго чувства; самое благословеніе дѣторожденія, эта радость, эта сладкая забота преимущественно матери, для нея и будетъ источникомъ самыхъ томительныхъ болѣзней. Забытое женою сначала, а потомъ прямо низвращенное, отношеніе ея къ мужу, какъ главѣ, которое прежде столь естественно и свободно какъ бы само собою соблюдалось, будучи опредѣляемо единственно закономъ любви, теперь предписывается женѣ строгою законною буквою. Склонившемуся предъ женою главѣ жены, побѣжденному запрещеннымъ плодомъ, мужу, въ которомъ преимущественно сіяетъ величіе царственной власти человѣка надъ міромъ оставлено какое-то мертвое, вынужденное владычество надъ нимъ, жестоко наказывающее самаго владыку; и надъ нимъ первымъ, какъ надъ главою человѣчества и міра, тяготѣетъ приговоръ смерти, порожденной грѣхомъ.

Судъ конченъ! Но далеко, далеко еще неизчерпанъ и неопредѣленъ нами весь смыслъ его. Вы видите сами, что праведный судъ Божій, падая на мужа и жену въ отдѣльности ихъ другъ отъ друга, собственно не отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, а въ каждомъ изъ нихъ поражаетъ то самое, чего онъ, по самой волѣ Творца, есть представитель и что въ немъ особенно стало низвращено грѣхомъ. Смерть напр. очевидно, есть удѣлъ и жены, хотя приговоръ смерти падаетъ первоначально на главу жены, получившаго непосредственно отъ Бога заповѣдь о древѣ познанія. Или: воздыханія и скорби, присужденныя Богомъ женѣ, тѣмъ самымъ присуждаются и мужу, сколько въ немъ есть мягкихъ душевныхъ свойствъ. Равно: мертвая, тяжкая, многотрудная власть надъ міромъ, которою наказанъ мужъ, должна быть удѣломъ и жены, какъ соучастницы и помощницы мужа въ жизни. Женѣ, въ мукахъ смертныхъ раждающей дѣтей, любящею душею необходимо долженъ сострадать и мужъ. И если жена, которая, бывъ взята какъ бы отъ сердца мужа, по силѣ первозданной своей природы предавалась со всею покорностію своему мужу, сама собою, къ собственному чистому счастію, теперь должна уже по требованію *строгаго закона* покоряться ему: то симъ строгимъ закономъ и мужъ уже обязывался имѣть жену въ должной

зависимости отъ себя, обязывался тою же строгою законною буквою быть истиннымъ ея главою, умѣть вести себя и ее къ общему назначенію, что прежде было такъ удобно ему по силѣ самой первозданной его природы, сіяющей благодатію... Такимъ образомъ судъ Божій надъ павшими людьми получаетъ большую для насъ опредѣленность и единичность: человѣкъ согрѣшившій осуждается на немощи и страданія; высокія проявленія и успѣхи живыхъ творческихъ силъ его должны сопровождаться болѣзненными усиліями, и смертными изнеможеніями; долгъ, который былъ прежде дѣломъ любви, къ которому влекла сама первозданная природа, который былъ для него сама благодать, теперь становится для человѣка грознымъ закономъ, и такъ далѣе до неминуемой, наконецъ, смерти.

Но не забудемъ при этомъ, что въ первозданной четѣ благословеніе Творческое уже сосредоточило все человѣчество, имѣющее отъ нея размножаться къ населенію всей земли. Принявъ это въ соображеніе, не можемъ не видѣть, что грозный судъ надъ человѣкомъ грѣшникомъ принимаетъ выраженіе, еще грознѣйшее: онъ падаетъ на все человѣчество. И слѣдовательно все человѣчество должно размножаться, вести и развивать свою жизнь, въ сопровожденіи болѣзней и скорбей; все человѣчество, во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ его, должно быть подчинено теперь закону, нещадно поражающему своихъ нарушителей; все человѣчество, съ тяжкою мукою для себя, должно деспотическою, мертвою властію надъ міромъ выжимать изъ него все, въ чемъ бы ни состояли, даже самыя насущныя его потребы; и наконецъ, какъ живой, но смертный организмъ, все человѣчество должно имѣть конецъ своего земнаго бытія, долженъ быть конецъ общечеловѣческой жизни, въ настоящемъ ея порядкѣ. Не забудемъ, притомъ, что человѣкъ все-таки остается главою всего земнаго міра, какимъ поставленъ сначала, и въ немъ рѣшается судьба этаго міра для него и созданнаго. Слѣдовательно та же болѣзненность, смертность, тѣ же насильственные узы, которыми уже одними и самъ человѣкъ долженъ сдерживать враждебность противъ него низшихъ тварей, должны сопутствовать бытію и всего земнаго міра, сопровождать жизнь и всей земной природы; пока и природа должна истощиться въ своихъ силахъ, и всему міру земному грозитъ неминуемая кончина. Наконецъ, припомните и то, что въ эдемѣ во всемъ чувственномъ слышится духовное, въ видимомъ чуется незримое, что въ райскомъ человѣкѣ душа, дышащая благодатію, все же соединялась съ перстнымъ тѣломъ, что онъ на первой степени

своего бытія духовное еще и созерцалъ въ чувственномъ. Предъ лицемъ Бога падшій человѣкъ уже необходимо поставлялся въ такое положеніе, чтобы въ чувственномъ и видимомъ опять слышать и незримое духовное. Потому въ судѣ правды Божіей чуется новое ужасное выраженіе: самый духъ человѣковъ, отпавшій отъ Бога, приговаривается уже къ страданіямъ, становится рабомъ закона, долженствующимъ испытывать только его строгость, и проч. и проч. до послѣдней вѣчной смерти...

Какъ ужасна—грозна правда этаго суда?!

За что же, спрашиваю я иногда, страждетъ за человѣка преступника весь міръ, осуждена вся земная природа? И безмолвствую предъ вѣчною Правдою, опредѣлившею природѣ служить во всемъ человѣку, соединившею судьбу земнаго міра съ судьбою его владыки: иначе природу и міръ не къ чему было-бы и воззывать къ бытію изъ ничтожества. За что, иной разъ слышу въ себѣ эти ропщущіе запросы, за что терплю наказаніе я, невиноватый въ грѣхѣ своихъ праотцевъ? Но трепещу бросить камень на тѣхъ, кому обязанъ бытіемъ и жизнію своею; мнѣ и на свѣтъ сей взглянуть и родиться въ эту жизнь нельзя уже иначе, какъ грѣшному и осужденному. И я снова безмолвствую предъ грозною правдою, чувствуя и понимая, что если еще возстану на этотъ судъ Божій, если стану нарушать и этотъ порядокъ, который утвердила для меня правда Божія, то уже дойду до сатанинскаго ропота на Творца и на свое бытіе, и изъ земли буду болѣе и болѣе дѣлать адъ.

Но Богъ есть Любовь, мой прекраснѣйшій братъ, отвергающая въ конецъ только рѣшительно противящихся и враждебныхъ Ему. Мы еще только односторонне поняли судъ Его; мы опустили изъ виду первыя же слова сего суда, основаніе и средоточіе его. Человѣкъ, покоренный сначала въ лицѣ жены державѣ невидимаго духовнаго змія, который скрывался въ зміѣ земномъ, котораго столь легко можно бы услышать и обличить дышащей Духомъ Божіимъ душѣ, котораго прельщаемая жена не примѣтила, уклонивъ духовные взоры отъ свѣта Божіей благодати,—человѣкъ не оставляется плѣнникомъ и невольникомъ подъ оною смертоносною державою. Напротивъ человѣку и притомъ самой даже той слабой женѣ, которая первая стала жалкою плѣнницею діавола, имущаго смертоносную державу, сказать, то же общѣе: человѣку въ самой его немощи предоставляется борьба противъ его страшнаго тирана, міродежца зла и тьмы, и притомъ такая чудная борьба, что сколько бы этотъ врагъ сталъ сви-

рѣпствовать къ уязвленію человѣка, столько смертоносная его глава должна быть въ конецъ стираема человѣкомъ. *И вражду положу*, сказалъ Господь Богъ змію-искусителю, *между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и Сѣменемъ тоя. Той твою блюсти будетъ* (*сотретъ*) *главу, и ты блюсти будеши его пяту* (Бы. 7, 3, 15. 16). Что значитъ эта таинственная борьба? Углубимъ въ этотъ чудный Божій приговоръ взоръ свой, вооруживъ его тѣмъ благодатнымъ райскимъ свѣтомъ, въ который тогда возстановлялся человѣкъ, въ которомъ ему зримо было и невидимое представляемое въ образахъ видимаго.

Прямо поставленному предъ лице судящей и милующей Божіей любви, человѣку нельзя было не просвѣтиться въ своей произвольной грѣховной слѣпотѣ. И слѣдовательно свойственно и просто уже было ему узнать въ зміѣ того сокровеннаго враждебника, который своимъ обольщеніемъ поставилъ его во вражду съ Творцемъ, отторгнулъ его отъ любви Божіей, убилъ въ немъ жизнь Божію. А отсюда какъ изъ за поднимающейся завѣсы, уже само собою ясно и понятно должно быть для него, что собственно не ему самому, уже плѣннику сего враждебника, уже уязвленному на смерть отъ него, предлагается такая побѣдоносная борьба съ симъ врагомъ, чтобы вся вражда, всѣ смертоносныя враждебныя дѣйствія сего послѣдняго падали только на главу его самаго (какъ и сказано не о женѣ, а о ея Сѣмени: *той сотретъ главу*...) Для самой возможности человѣчеству вступить въ такую побѣдоносную борьбу, очевидно потребенъ и долженъ былъ возстать въ потомствѣ (*) такой человѣкъ, который нетолько не былъ бы самъ низложенъ грѣхомъ, нетолько жилъ бы самъ жизнію Божіею, нетолько Самъ пребывалъ бы въ любви Божіей, но былъ бы источникомъ правды, жизни Божіей, благоволенія Отца небеснаго и для всего человѣчества, которое иначе все же оставалось бы осужденнымъ и должно было бы погибнуть, будучи не въ состояніи вступить въ побѣдоносную борьбу со змѣемъ (**). Такой человѣкъ и разумѣется подъ Сѣменемъ жены. Человѣческая немощь только изъ за такого единственнаго человѣка могла бы вступить въ побѣдоносную борьбу съ тѣмъ зміемъ человѣкоубійцею искони, который подчинилъ человѣчество своей смертоносной державѣ.

Только противъ сего единаго человѣка чѣмъ болѣе сталъ бы сви-

(*) *Сѣмя* сотретъ твою главу....

(**) Такая борьба должна быть, по обѣтованію: *положу вражду между тобою и между женою* и проч.

рѣпствовать этотъ духовный змій, страшный врагъ Бога и человѣковъ, тѣмъ болѣе сталъ бы только подставлять свою смертоносную для человѣчества главу къ ея рѣшительному попранію; чѣмъ болѣе терпѣлъ бы отъ врага сей человѣкъ, въ которомъ сокровены сокровища и для другихъ любви Божіей, жизни Божіей и правды Его, чѣмъ болѣе и распространялись бы въ немъ на всѣхъ благословеніе, жизнь и живая правда Отца Небеснаго. Итакъ вотъ какова таинственная вражда между обольстителемъ зміемъ и человѣчествомъ! Вотъ какой Божественный плодъ завитъ въ сѣмени сего суда Божія надъ зміемъ! Намъ, конечно, уже удобно теперь понимать сіе сѣмя въ его полномъ развитіи; но мы примѣчаемъ и то, что самому возстановляемому въ любовь Божію, первозданному человѣку не неудобно же было въ обѣтованномъ Сѣмени жены прозрѣвать и лобызать изъ такой дали того Сына человѣческаго, Который рожденъ единственно отъ жены, по наитію на нее святаго и освящающаго Духа, который пріялъ, такимъ образомъ, чистую дѣвственную человѣческую природу, чуждую грѣха, порожденія діавольскаго, и Который будучи Самъ ипостасною всеобъемлещею любовію Отчею, или вѣчнымъ и единосущнымъ Сыномъ Божіимъ, есть единственный источникъ правды, жизни и благоволенія Божія для всѣхъ. Посмотрите же теперь, какъ судъ грозной Божіей правды, поражающій въ лицѣ прародителей человѣка *вообще* (какъ то мы выше видѣли), падаетъ всею своею страшною тяжестью уже на этаго единственнаго человѣка, какъ собою представляющаго и объемлющаго все человѣчество, и въ Немъ тоже судъ Божій получаетъ выраженіе неизслѣдимой, безконечно-глубокой Божественной любви къ людямъ. Такъ именно въ лицѣ его немощь человѣческая должна будетъ сосредоточить въ себѣ страданія, печали и воздыханія человѣческія, должна понести всю жестокость насильственнаго преобладанія; и такимъ образомъ это сѣмя Божественной правды, жизни и любви для всего грѣшнаго, пораженнаго на смерть и осужденнаго Богомъ человѣчества раскроется къ порожденію благодатныхъ чадъ Божіихъ или къ возрожденію человѣчества. Этотъ представитель и глава человѣчества долженъ будетъ, въ своемъ человѣчествѣ, все существенно потребное для людей завоевать тяжкою и страшною борьбою, долженъ силою брать и открывать для человѣчества царствіе, Божіе, и въ жизни своей пожинать пока тернія и волчцы, видѣть только почти слабую траву всего великаго и безконечно-труднаго своего дѣла, наконецъ умереть, и быть положеннымъ въ землѣ, че-

ловѣка. И вотъ теперь, какое уже свѣтлое значеніе принимаетъ правда Божія, судящая и наказующая людей: всякій человѣкъ, даже слабая жена, начиная съ той, которая первая была обольщена и уязвлена лукавымъ зміемъ, пріобщись только силы сего Божественнаго Сѣмени, будь только во Христѣ, своими немощами уже будешъ торжествовать въ борьбѣ своей со зміемъ, такъ что этотъ, стремясь уязвить тебя, человѣка, будетъ только невольно содѣйствовать къ большему распространенію и открытію въ тебѣ спасительной силы животворнаго Божественнаго сѣмени. Всѣ воздыханія и печали только пусть будутъ въ общеніи съ обѣтованнымъ Сѣменемъ жены, и тогда скорби и воздыханія станутъ тайно источать утѣшеніе и радость, и наконецъ приведутъ къ блаженному спасенію. Всякая, томящаяся въ болѣзняхъ рожденія жена, начиная отъ Евы, которую первую постигла эта участь, даже до той высшей всѣхъ мужей и самыхъ Ангеловъ Жены, Которая непорочно и потому безболѣзненно породивъ Христа, поплоти своимъ матернимъ сердцемъ столь совершенно пріобщилась безконечно-глубокихъ скорбей и страданій Его, Которая такимъ образомъ съ неизвѣстными и недомыслимыми никому болѣзнями и муками духовными породила въ своемъ духѣ возлюбленнаго Сына и Господа своего въ славу его воскресенія, всякая душа томящаяся какими бы ни было муками рожденія—только въ общеніи страстей Христовыхъ, съ вѣрою въ него будетъ спасаться уже чрезъ самое такое свое чадородіе... Каждую черту долга, какъ бы она ни казалась тяжкою и деспотическою, исполняй въ благодатномъ духѣ, во Христѣ, съ живою Христовою любовію и самоотверженіемъ, и подъ преобладаніемъ будешь истинно-свободенъ; такъ что даже слабая жена самою слабостію своею, самою покорностію мужу, какъ бы ни былъ жестокъ и грубъ или же слабъ этотъ ея глава, не слышимо будетъ повелѣвать ему смягчаться или окрѣпнуть. Съ чѣмъ бы ни боролась ты мужественная душа, какой бы великой, но неблагодарной трудъ ни совершала, какого бы потребнаго добра ни стремилась силою взять, будетъ ли это подвигъ приготовленія нужной и удобопріемлемой для всѣхъ пищи умственной, или простое, снискивающее насущный хлѣбъ, земледѣліе надъ почвою, изращающею тернія и волчцы; трудись и подвизайся во Христѣ, просвѣщая свой духъ и укрѣпляя свои силы Его верховнымъ свѣтомъ и силою: будешь наконецъ владыкою своего дѣла, и власть твоя надъ дѣломъ болѣе и болѣе будетъ оживляться самимъ Богомъ. (*)

(*) Въ самомъ дѣлѣ, поэтъ, въ послѣднія предъ симъ два лѣта, когда червь

Пусть умретъ даже человѣкъ, только опять въ общеніи со смертію втораго Адама, и довершится его внутреннее оживотвореніе, и войдетъ онъ наконецъ въ жизнь животворнаго Сѣмени жены.

Чтобы такое пониманіе суда Божія надъ согрѣшившими людьми не показалось вамъ произвольнымъ или натянутымъ, возмите во вниманіе сначала то, что мы уже изъ самаго основнаго и существеннаго значенія сего Божественнаго суда, изъ самой внутренней и средоточной силы онаго, изъ сокровеннѣйшаго духа его идемъ къ обзору всего онаго пространства, въ которомъ внутренняя сила и значеніе сего суда должны раскрываться.

Главнымъ же образомъ не опустите изъ вида того, что, если разсматривать судъ Божій надъ людьми, взявъ ихъ въ отдѣльности отъ обѣтованнаго сѣмени, то сей судъ былъ бы въ противорѣчіи съ обѣтованіемъ о сѣмени побѣдителѣ змія. Ибо судъ Божій надъ людьми, въ отдѣльности ихъ отъ обѣтованнаго сѣмени, только поражаетъ ихъ и не даетъ мѣста побѣдоносной борьбѣ ихъ противъ человѣкоубійцы—змія. Если же люди, въ обѣтованномъ сѣмени, должны побѣдить змія, чего нельзя отрицать въ смыслѣ обѣтованія о семъ Сѣмени: то и каждая черта самаго суда Божія надъ людьми должна быть разсматриваема отнюдь не внѣ того же сѣмени Христа. Иначе нѣтъ мѣста для побѣды людей надъ зміемъ и такимъ образомъ и все человѣчество, поколику держится Христа, поколику берется въ разсмотрѣніе во Христѣ, верховномъ главѣ и душѣ всего жизненнаго въ человѣчествѣ,—должно вести эту же побѣдоносную борьбу съ смертоноснымъ зміемъ, такъ что вся злоба и свирѣпство послѣдняго должно обрушиваться на него же самаго, все злое и разтлѣнное въ человѣчествѣ, по суду Божію, должно быть постоянно отсѣкаемо и всегда преходить, какъ бы широко не разливалось это зло и разтлѣніе, все истинно доброе и живое должно постоянно торжествовать и обновляться, какъ бы оно отвнѣ не было стѣсняемо и мучимо, или даже убиваемо тиранствомъ всегдашняго своего враждебника. Человѣчество, поколику объемлется спасающею милостію небесною и содержитъ въ себѣ Божественное сѣмя жизни, или ска-

---

всюду поядалъ озимой хлѣбъ, бывали опыты, и даже я знаю два такихъ опыта что православные, съ своими добрыми священниками и мірскимъ соборомъ совершая положенныя на этотъ случай молебствія, останавливали губительнаго червя тамъ, гдѣ онъ настигнутъ былъ дѣтскою вѣрою православныхъ. Подобное въ другомъ родѣ земледѣлія, напримѣръ умственнаго или поэтическаго, конечно, и вы сами знаете.

зать тоже другими словами, церковь Христова (*), всегда вселенская по своему всеобъемлющему значенію, всегда обнимающая все человѣчество Христовою любовію, предавшею ей свои сокровища сначала въ обѣтованіи, а потомъ существенно, въ скорбяхъ и воздыханіяхъ должна вести всю свою земную странническую жизнь по суд Божію; всегда она должна быть какъ во чревѣ имущая, должна будетъ *вопіять болящи, какъ страждущая родити* (Апок. XII, 2); вѣрные сыны ея, то есть держащіеся вѣрующимъ духомъ побѣдоноснаго сѣмени жены, будутъ всегда свободною душею строгій законъ боготворить, видя въ немъ волю самаго Христа Бога и въ своемъ духѣ претворяя каждую букву законную въ благодатную любовь. И только опять во Христѣ, человѣчество будетъ подводить живые итоги на все, чтобы оно ни добыло самыми тяжкими своими трудами, только во Христѣ будетъ пользоваться и наслаждаться, въ самой истинѣ и живомъ духѣ, своею властію надъ всѣмъ міромъ, соединенною съ такими подвигами и самоотверженіемъ, только во Христѣ сознаетъ живую покорность себѣ всего, которую надобно завоевать силою,—словомъ: только во Христѣ будетъ возрастать незримо въ мужа совершенна. И наконецъ при готовности смертоноснаго зла совсѣмъ убить въ человѣчествѣ все живое, стереть истинное добро въ конецъ съ лица земли, при послѣдней крайности для церкви, при развитіи общечеловѣческой разтлѣнной въ своемъ началѣ и основаніи, жизни до старческаго страшнаго одряхлѣнія, до какого-то всегубительства, для человѣчества тогда и откроется въ словѣ вся полнота Христовой жизни, церковь отъ своего бременошенія разрѣшится въ блаженство всѣхъ своихъ истинныхъ чадъ, все человѣчество во Христѣ изъ всѣхъ временъ и мѣстъ вдругъ явится единымъ мужемъ совершеннымъ, созрѣлымъ до вѣчности, и увѣнчаннымъ за свои подвиги. По тому же суду Любви Божіей о человѣкѣ (съ судьбою котораго уже естественно и необходимо соединена и рѣшалась вмѣстѣ и судьба всего міра, всѣхъ земныхъ тварей), и во всемъ мірѣ, во всей природѣ, взятой во Христѣ, должна идти та же дивная борьба между жизнію и смертію, зломъ и добромъ, что вся тварь съ нами должна будетъ *совоздыхать и сболѣзновать* (Рим. VIII 22) даже во всѣ времена, и наконецъ, съ кон-

(*) Церковь берется здѣсь во вниманіе по отношенію къ своимъ чадамъ, вѣрующимъ, а въ замѣчаніи (смот. четыре четвертки назадъ) она взята во вниманіе по отношенію къ самому основанію своему, къ самой основной сущности своей—ко Христу. И такимъ образомъ нѣтъ сбивчивости и смѣшенности понятій въ изъясненіи.

чины міра, должна освободиться изъ рабства тлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ....

Скажемъ коротко о судѣ Божіемъ надъ грѣшными людьми, этомъ первомъ историческомъ фактѣ нашей человѣческой жизни въ настоящемъ ея порядкѣ, этомъ сѣмени, долженствующемъ раскрываться, во всѣ времена, во всемъ земномъ мірѣ: въ семъ судѣ Божіемъ предъявленъ Любовію Божіею Христосъ, какъ сѣмя жены, побѣдитель змія человѣкоубійцы, имѣвшій принять на себя бремя человѣческаго осужденія, т. е. по оправданію сего событіями, имѣвшій родиться безсѣменно отъ Пресв. Дѣвы Богородицы и потомъ пройти свое земное поприще съ своимъ Крестомъ за грѣхи людей, быть распятымъ на немъ и воскреснуть, наконецъ, побѣдителемъ надъ зломъ, изъ мертвыхъ—Христосъ, съ крестоносною жизнію, смертію и воскресеніемъ Котораго и человѣчество должно входить въ общеніе и сообразованіе, Христосъ, Котораго крестъ и воскресеніе полагаются въ основаніе всего настоящаго порядка и всѣхъ судебъ міра, и потому должны сіять всюду.

Теперь мнѣ еще понятнѣе и яснѣе вся живая, внутренняя связь вашихъ мыслей, взятыхъ изъ Евангелія. Ощутительна мнѣ во всемъ развитіи своемъ эта мысль ваша, что точно только во свѣтѣ Христова воскресенія можетъ отразиться въ душѣ вся красота созданій Божіихъ; все дивное величіе дѣйствительности, къ какому бы времени и народу она ни принадлежала, или даже хотя бы она была взята просто изъ внѣшней видимой природы, что, на основаніи только креста и воскресенія Христова, Творцемъ оставлена и разносится всюду въ природѣ жизнь и свѣжесть, и на этомъ же только основаніи остались и блюдутся въ человѣческой душѣ нѣкоторые еще не замершіе вовсе, слѣды райскаго младенчества, долженствующіе во Христѣ возсіять всею живою полнотою и красотою богоподобія...

Но не это еще болѣе всего должно останавливать наше вниманіе въ ономъ первомъ историческомъ фактѣ общечеловѣческой жизни, въ настоящемъ ея состояніи. Вотъ на что обратитъ вниманіе свое, православный, глубоко-зрящій поэтъ. Божественный, судъ, которымъ утвержденъ и предначатъ весь настоящій порядокъ вещей въ мірѣ и человѣчествѣ, уже во всѣхъ чертахъ своихъ, прежде столько грозныхъ, получалъ для насъ выраженіе истинно-безконечной, единой, всепрощающей, всѣхъ милующей, Любви. Прежде осужденія согрѣшившихъ людей и въ основаніе суда надъ ними указана уже побѣда надъ

человѣкоубійцею зміемъ, сѣмени жены. И такъ обижены ли мы, раждающіеся на свѣтъ не только перстными, но и грѣшными, обреченными на смерть, обижены ли мы предъ другими созданіями Божіими? Но прежде чѣмъ мы, грѣшные люди, начали рождаться, въ основаніе нашего такого бытія уже положено то, чтобы грѣхъ нашъ подъятъ былъ съ насъ самимъ Господомъ и мы пріяли отъ него исполненіе благодати, чтобы въ самыхъ немощахъ и скорбяхъ дѣйствовала въ насъ чудная, блаженнотворная сила Божія, чтобы самою смертію нашею открывалась жизнь безконечная. И изъ среды насъ же, уже съ самаго начала этого порядка вещей, прознаменована та великая жена, которая на сей землѣ, въ этой нашей бѣдной жизни духомъ созрѣла до степени высшей Херувимовъ и Серафимовъ Матери обѣтованнаго сѣмени. Наконецъ прямо, въ первыхъ же словахъ суда Божія указанъ сынъ человѣческій, восшедшій на самую горнюю высоту, имѣющій въ себѣ все животворное исполненія Божества,—это Божественное Сѣмя жены—сѣмя жизни и спасенія для всего человѣчества и міра.... И тѣмъ жалче несчастнѣе и вмѣстѣ безотвѣтнѣе становятся тѣ, которые не захотѣли бы держаться на этомъ, основномъ всему міру, сѣмени, всѣхъ влекущемъ себѣ и на все простирающемъ свое жизненное вліяніе отъ первой минуты настоящаго порядка вещей съ первыхъ словъ самаго суда Божія, учредившаго этотъ порядокъ вещей. Они остаются въ сухой, такъ сказать, скорлупѣ сего сѣмени, они противятся Его животворному вліянію; и слѣдовательно въ то время, когда жизнь и сила сего сѣмени раскроется всюду и во всемъ въ славѣ и торжествѣ, они будутъ въ конецъ попраны имъ со всѣми Его врагами, въ конецъ отвержены, какъ самовольныя жертвы вѣчной, ужасной смерти... И не будетъ имъ ни какой возможности къ самооправданію тѣмъ, что и родились они грѣшными, отчужденными отъ Бога. Да, съ первой же минуты настоящаго порядка вещей слышится вся безотвѣтность всего человѣчества предъ Творцемъ, хотя мы человѣки такъ и родимся со грѣхомъ. Объяснимъ это сравненіемъ. Вотъ теперь у насъ напр. на св. Руси церковь у всѣхъ находится предъ очами съ словомъ спасенія, съ благодатію, всепрощающею оживляющею, такъ что, если кто изъ насъ всю жизнь бѣжитъ мимо зовущей его церкви къ гибели, уже становится самъ виновникомъ своей гибели, и вѣрующій который въ иную пору дозволяетъ нѣкоторую небрежность къ спасенію и благодати, очнувшись, сознаетъ только *свою* глубокую вину и только *кается* въ ней, оплакиваетъ ее; такимъ же образомъ и всему человѣчеству, отъ самаго начала, возвѣ-

щено слово спасенія и предложена благодать, въ основаніе всей его общечеловѣческой жизни, только слушай и принимай всякой. И если иной народъ, который есть тоже, что одно извѣстное недѣлимое въ семьѣ человѣчества, отъ самаго своего начала не принявъ слова спасенія и благодати спасающей и потому отвергнуть сею благодатію; — кто будетъ виноватъ въ погибельномъ состояніи этаго народа? И если иной вѣкъ, занявшись какими нибудь мелочами и призраками, оказался невнимательнымъ къ Божественной истинѣ и впалъ въ великія заблужденія: опять кто же въ томъ виноватъ? И самъ тотъ вѣкъ, коли очнется, будетъ оплакивать только свою вину. Мысль мою вы уже сами, конечно, доводите до послѣднихъ результатовъ, до приложенія къ самымъ недѣлимымъ вѣка или народа: потому что знаете духъ послушный или противящійся Христу народа или вѣка, по которому этотъ народъ или вѣкъ отличается отъ другихъ народовъ и вѣковъ и представляетъ въ себѣ недѣлимое высшаго рода, одушевляетъ не горы, не пустыя пространства, а людей же, живетъ въ недѣлимыхъ, въ личностяхъ. Притомъ вы знаете, что коль скоро хоть одна изъ этихъ личностей обратилась бы своимъ внутреннимъ ухомъ не къ тому, къ чему зоветъ разтлѣнный вѣкъ или общее направленіе народа но къ тому, отъ чего увлекаетъ этотъ вѣкъ или господствующее худое направленіе народа, къ тому, чего еще не успѣлъ убить въ себѣ вѣкъ и народъ, эта избранная личность и у язычниковъ по своей возможности услышала бы и пересказала бы вопли Любви небесной, милующей заблуждающихъ и страждущихъ и зовущей къ себѣ. И такимъ образомъ вѣкъ или народъ въ себѣ же самомъ нашелъ бы такого судію, который дѣлаетъ его безотвѣтнымъ предъ судомъ Божіимъ. И такъ, поэтъ, еще на первой строкѣ исторіи человѣчества, еще въ эдемѣ уже нужно горько, горько оплакивать намъ себя и трепетно смиряться предъ грядущимъ, судить живыхъ и мертвыхъ...

Такъ глубоко раскрывается Божественная животворная мысль суда надъ нашими прародителями. И вотъ почему Адамъ, услышавъ приговоръ себѣ и своему роду: *Земля еси и въ землю отъидеши*, нарекъ имя женѣ своей жизнь. Видно, что онъ смотрѣлъ на самое осужденіе свое очами вѣры въ обѣтованное Сѣмя жены. Въ библіи рядомъ и поставлены тѣ и другія слова; *возвратишися въ землю отъ нея же взятъ еси, яко земля еси и въ землю отъидеши. И нарече Адамъ имя женѣ своей жизнь, яко та мати всѣхъ живущихъ.* Вы примѣтили уже, конечно, что и изгнанная изъ рая наша праматерь, приняла

рожденнаго въ болѣзняхъ первенца, какъ восхитительнѣйшій и вожделеннѣйшій даръ Бога или почти за человѣка Бога (*), что и при концѣ допотопнаго міра патріархъ говорилъ о своемъ сынѣ: *сей упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ и отъ печали рукъ нашихъ и отъ земли, юже прокля Господь* (Быт. V, 29). Слѣдовательно слышали вѣрующіе патріархи въ судѣ Божіемъ гласъ Любви и благодати Божіей и изъ такой дали временъ въ самомъ приговорѣ смерти, въ самыхъ болѣзняхъ дѣторожденія, подъ самою тяжестію проклятія всей земли лобызали эту грядущую Любовь и благодать Божію (**). Но все не вполнѣ еще мы поняли и изчерпали значеніе того факта, на которомъ уже давно остановились, не вполнѣ ознакомились съ этимъ зерномъ всей общечеловѣческой Исторіи. Мы не вникли хорошенько въ то обстоятельство, что и глаголы Божественнаго суда изречены еще райскому человѣку, отпадшему, правда, отъ благодати, но снова чуднымъ образомъ возстановляемому въ общеніе ея, райскому человѣку, который Божественное и духовное созерцалъ въ сіяющихъ благодатію образахъ или видахъ земнаго и естественнаго, для котораго природа райская была живою, понятною книгою мыслей и таинъ Божіихъ. Вникая въ это обстоятельство, мы во первыхъ находимъ, что благовѣстіе о Христѣ съ названіемъ Его Сѣменемъ жены, имѣющимъ стереть главу змія, благовѣстіе о Его благодати, животворящей человѣчество въ самыхъ Его многоразличныхъ болѣзняхъ и смерти, должно быть, ощутительно первымъ людямъ въ своемъ живомъ и свѣтломъ значеніи, хотя сіе благовѣстіе о высочайше-духовной тайнѣ было преподано такъ чувственнообразно, хотя благовѣствуемая благодать предъявлена въ образахъ естественнаго и видимаго сѣмени жены, самой жены мужа.... Такимъ образомъ съ останками райской жизни и свѣта, поддержанными въ согрѣшившихъ людяхъ возстановляющею милостію небесною, можно было имъ издали созер-

(*) См. Записки на книгу Бытія Филарета, мѣсто о нареченіи Еввою имени Каина.

(**) Даже въ то время, какъ явилась эта благодать Божія, какъ люди уже не слышали, не понимали и забыли въ естественномъ, видѣть надлежащимъ образомъ животворный свѣтъ благодати, даже въ то время великій Апостолъ языковъ въАдамѣ въ самомъ его осужденіи и смертности созерцалъ свѣтлый образъ будущаго, втораго Адама, Христа самой воплощенной Любви Божіей (Рим. V; I 4. I Кор; XV, 45). Равно въ Апокалипсисѣ XII гл. говорится о женѣ, находящейся съ своимъ сѣменемъ въ борьбѣ противъ змія (8 17. 9.) и сія жена представлена страдающею въ мукахъ рожденія (4,3). Видно, что изображеніе Церкви взято изъ начертанія суда Божія надъ зміемъ и надъ женою.

цать Христову благодать и пріобщаться ея начатковъ. И потому потребности къ явленію благодати въ прямомъ и существенномъ ея видѣ, тогда еще, очевидно, не было. Во вторыхъ, если въ самомъ раю, въ самой Богосвѣтлой невинности первосозданные люди созерцали духовное и Божественное не безъ посредства нѣкоторыхъ образовъ естественнаго и чувственнаго, какъ и свойственно людямъ, чувственно-духовнымъ существамъ, долженствующимъ постепенно болѣе и болѣе одуховляться всѣмъ своимъ существомъ и восходить въ чисто-небесное, равно-ангельское состояніе по самому тѣлу своему,—если самый врагъ увидѣлъ нужду подкрасться именно къ тому состоянію человѣка, въ которомъ все чувственное и естественное какъ бы говорило ему о Богѣ: то видно, что явленіе Благодати спасающей въ существенномъ видѣ было еще и неблаговременно, люди не могли бы ее во всей опредѣленности и раздѣльности отличить отъ естественнаго и чувственнаго, отъ котораго еще продолжали они слышать живые глаголы, при возстановленіи ихъ Богомъ, и такое фальшивое смѣшеніе естественнаго съ благодатнымъ было бы тѣмъ опаснѣе и гибельнѣе, что естественное уже было повреждено въ самомъ корнѣ своемъ—грѣхомъ. Такимъ образомъ оказывается, что судъ Божественной любви о людяхъ грѣшникахъ, или первоевангеліе, именно такъ изложенъ для первыхъ людей, какъ для нихъ нужно, какъ могли они понимать, какъ могли и должны были они вѣрою сообщаться съ грядущимъ Сѣменемъ жены. Но въ третьихъ, естественное уже отторгнуто отъ жизни Божіей грѣхомъ; чувственное и видимое въ первомъ же грѣхопаденіи остановило на себѣ духовный взоръ человѣка и отвлекло оный отъ невидимаго и духовнаго, тѣмъ неизбѣжнѣе такая опасность должна грозить грѣшникамъ, надъ которыми получилъ власть человѣкоубійца змій, который, и при вѣрѣ ихъ въ благодать, можетъ еще угрызать ихъ въ пяту; милующая благодать, съ перваго же разу, явилась въ видѣ правды, судящей мятежныхъ, и тѣмъ склонила ихъ къ покорному раскаянію, и такимъ образомъ показала въ сѣни свое, сіяющее любовію, лице; не иначе же люди съ своею грѣховною и мятежною натурою могутъ понимать и принимать ее и въ послѣдствіи. Такимъ образомъ первоевангеліе, первое образное обѣтованіе о Спасителѣ міра, само въ себѣ уже заключало то, что оно, съ большимъ оскудѣніемъ въ человѣчествѣ остатковъ райской жизни, должно было оказываться недостаточнымъ для поддержанія вѣры и могло, наконецъ, вовсе потерять благодатно-живое свѣтлое выраженіе для чающихъ Избавителя. Потому оно необходимо

открывало за собою рядъ новыхъ, постоянно прибавляющихся и всегда сопровождаемыхъ строгимъ судомъ, образныхъ или сѣновныхъ откровеній будущей благодати; такъ что коль скоро одинъ образъ уже будетъ терять для вѣрующихъ свое живое и свѣтлое значеніе, на мѣсто или къ поддержанію его будетъ воздвигаться другой: коль скоро одно откровеніе уже будутъ мало понимать въ живомъ его значеніи, постоянно оскудѣвающіе останками райской жизни, люди,— Господь Богъ имѣетъ давать въ руководство новое откровеніе, постоянно смягчая судящею правдою мятежное естество человѣка, и такъ далѣе, пока наконецъ естество человѣка до того оскудѣетъ райскою жизнію и свѣтомъ, что всѣ сѣни и гаданія, приспособляемыя къ оному естеству, (сколько поддерживающія въ немъ останки райской жизни, столько и сами усвояемыя людьми въ своемъ живомъ значеніи именно на основаніи сихъ останковъ жизни благодатной, прегражденной въ своемъ источникѣ въ духѣ человѣка) будутъ для людей просто почти одною мертвою буквою; всѣ откровенія Божественныя окажутся вовсе недѣйствительными къ оживленію человѣка. Тогда-то будетъ потребно явиться обѣтованной благодати въ существенномъ своемъ видѣ. Тогда-то если найдутся избранные, для которыхъ церковный порядокъ, основанный еще на стихіяхъ міра, на началахъ еще сіявшаго останками первобытнаго свѣта естества, при всемъ крайнемъ разстлѣніи послѣдняго и конечномъ оскудѣніи въ немъ Эдемскаго свѣта и жизни, сохранятъ всю свою живую силу: то они уже будутъ безопасны отъ смѣшенія благодати съ разстлѣннымъ естествомъ. Мало того, эти души, возвышаясь надъ всецѣлоразтлѣннымъ естествомъ, окажутся потомъ совершенно готовыми вступить вь чистую область Благодати; и вступятъ въ нее свободно, просто, безъ затрудненія и замѣшательства. Тогда-то изветшавшая буква сѣновныхъ откровеній воскреснетъ въ вѣчно-живомъ и въ новомъ духѣ Благодати.

Итакъ первоевангеліе, или первое обѣтованіе о Спасителѣ, или судъ милости Божіей о людяхъ грѣшникахъ (какъ угодно, называйте) есть начало того, престающаго по самому существу своему, устройства церковнаго, первой видъ того, долженствующаго необходимо изветшать завѣта между Богомъ и людьми, въ которомъ постоянно будетъ слышанъ и видѣнъ Богъ, глаголющій и дѣйствующій во спасеніе людей болѣе и менѣе чувственно-образно, съ перваго разу и взгляда смягчая и размягчая законно-строгимъ судомъ грѣховную натуру человѣка и тѣмъ возбуждая въ ней замирающую райскую жизнь, въ

которомъ должны имѣть мѣсто Божественныя обѣтованія, богоучрежденныя сѣни и пророчественныя откровенія грядущей благодати, живыя чаянія и стремленія къ ней вѣрующихъ въ области сѣней и гаданій, въ которомъ свойственнымъ сему образомъ и будетъ совершаться весь оный судъ Божій, въ началѣ изреченный согрѣшившимъ людямъ, въ которыхъ свойственнымъ тому характеромъ запечатлѣется и вся положенная борьба между Сѣменемъ жены и зміемъ. Въ первомъ же благовѣстіи о побѣдоносномъ надъ зміемъ Сѣмени жены, въ благовѣстіи, столь и открытомъ и сокровенномъ въ одно и тоже время, слышно и видно, что Богъ точно уже сталъ искать въ человѣчествѣ ту жену, отъ которой Божественное Сѣмя могло бы свободно произойти на открытую личную борьбу съ древнимъ зміемъ. Только что стала возстановляться и возсозидаться церковь, уже зачинаетъ она тѣ спасительныя скорби и муки, долженствующія отселѣ быть удѣломъ человѣческаго естества, долженствующія возрастать и умножаться по мѣрѣ истощанія въ естествѣ райской жизни, прегражденной уже у него въ своемъ источникѣ, по мѣрѣ усилѣнія въ человѣчествѣ живой потребности войти въ чистую область благодати, скорби и муки, имѣющія сосредоточиться въ минуту распятія Христова и разрѣшиться открытою благодатію и спасеніемъ въ Его воскресеніи (смотрите, пожалуста, въ Евангел. Іоанна XVI главу, стихи 21-й и 22-й). Съ перваго Божественнаго дѣйствія, ведущаго человѣчество крестнымъ путемъ въ воскресеніе Христово, съ перваго разу, какъ только предустроялось и предначиналось таинственное исцѣленіе и вмѣстѣ возрастаніе уязвленнаго человѣчества въ мѣру возраста исполненія Христова, въ мужа совершеннаго и готоваго для вѣчной жизни, младенчествующее человѣчество уже поведено отъ Бога путемъ образовъ и сѣней, взятыхъ отъ естественныхъ стихій міра, въ сопровожденіи строгаго пѣстуна судящей правды. Чѣмъ болѣе будетъ поражать сія правда, тѣмъ разительнѣе будетъ открывать себя свѣтлое лице милующей Любви: чѣмъ болѣе грѣхъ будетъ затемнять свѣтлое и живое значеніе сѣновныхъ откровеній грядущей благодати, тѣмъ въ большихъ и разнообразнѣйшихъ образахъ и въ яснѣйшихъ, опредѣленнѣйшихъ откровеніяхъ она будетъ являться; чѣмъ болѣе будетъ изсякать райская жизнь, тѣмъ ближе время открытія чистой области благодати (*). Пока наконецъ... но вы

(*) Теперь и еще въ Эдемѣ, гдѣ и когда письмена природы такъ легко и свобод-

знаете, что было наконецъ. Ветхій Адамъ только поражалъ уже видомъ своего разтлѣнія, но тогда и открылся во всемъ свѣтѣ прообразованный имъ новый Адамъ Христосъ; ветхозавѣтное сѣновное домостроительство изветшало у грѣховныхъ людей до того, что стало почти мертвою буквою, но эта буква воскресла въ открывшейся вѣчно живой благодати; правда Божія торжественно всѣхъ явила виновными, такъ что грѣшникамъ уже не оставалось предлога къ самооправданію, всѣхъ поразила проклятіемъ, но сама она грѣшное и проклятое человѣчество прямо вводила въ оправдывающую и милующую и животворящую любовь Отчую и въ тоже время сію спасающую насъ Отчую любовь, столь разнообразно полно уже предуказанную въ прежнія времена, имѣющіе очи видѣти удобно могли усмотрѣть и узнать ее при явленіи ея. Тѣ избранныя души, которыя имѣли и сохранили твердыя и чистыя чаянія вѣры, несмотря на совершенное разтлѣніе всего естественнаго и на обветшаніе потому сѣновнаго порядка вещей, чрезъ это уже какъ бы сами собою входили въ чисто-духовную область открывшейся благодати. И такимъ образомъ упорное, присно заблуждающее, постоянно губимое зміемъ человѣчество благодать открываетъ *мужемъ*, уже безъ пѣстуна, безъ сѣней и образовъ, созерцающимъ Божественную истину, въ духѣ и истинѣ понимающимъ свое прошедшее и видящимъ открытое предъ собою свое будущее поприще, кончающееся въ вѣчности. Такъ еще въ первомъ же Ветхозавѣтномъ откровеніи, которое дано еще въ

но читались человѣкомъ, и съ другой стороны самыя духовнѣйшія мысли, превыспреннія видѣнія (напр: Бога, ходящаго въ раю), у человѣка, только начавшаго свое чувственно-духовное бытіе, облекались еще въ чувственные образы,—Евангеліе, или слово спасенія во Христѣ, предложено такъ, что нѣтъ въ немъ почти ни одной черты въ совершеннѣйшей опредѣленности и прямо указующей на Господа Іисуса Христа; все завито въ образахъ и видахъ чувственно-естественнаго, въ которыхъ человѣку удобно было прозирать духовно-благодатное. Теперь, когда еще сдѣланъ человѣкомъ только первый шагъ уклоненія отъ первобытно-благодатнаго состоянія и равномѣрно, явлено еще первое дѣйствіе Божіе къ возстановленію человѣка въ благодать, правда законно-судящая и милость спасающая и прощающая, открываются совмѣстно въ однѣхъ и тѣхъ же чертахъ. Точно это было сѣмя всего домостроительства нашего спасенія, чуднымъ образомъ заключившее въ себѣ всю его силу! Въ послѣдствіи времени, какъ человѣкъ съ увеличивающимся истощеніемъ останковъ райской жизни будетъ становиться менѣе способнымъ ощущать духовное значеніе естественнаго и чувственнаго благовѣстіе о благодати будетъ опредѣленнѣе и разнообразнѣе. Съ умноженіемъ беззаконій, при раздѣленіи людей на послушныхъ или кающихся и на упорныхъ, правда и милость будутъ открываться раздѣльнѣе, каждая въ своихъ особенныхъ чертахъ.

Эдемѣ и въ которомъ такъ слышанъ (я люблю выражаться по вашему) еще Эдемъ, въ первомъ же откровеніи предначинается весь стройный и дивный ходъ Ветхозавѣтнаго домостроительства, постоянно отъ Самаго Бога развиваемаго рукою властительною надъ всею природою и міромъ, престающаго по буквѣ, но носящаго въ себѣ духъ вѣчной жизни. Подивитесь проницательности Отцевъ и Пастырей Церкви, внутренно сближающихъ первоевангеліе съ благовѣщеніемъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, и въ праматери всего человѣчества, Евѣ—созерцающихъ предварительную представительницу Божіей Матери Дѣвы: это конечныя звѣнья одной и той же развивающейся живой цѣпи, естественно и просто связуемыя одно съ другимъ.

Но и теперь еще несовсѣмъ прояснили мы этотъ первый историческій фактъ общечеловѣческой нашей жизни, этотъ судъ Божій, которымъ опредѣлялся порядокъ вещей нашего міра до его кончины, это зерно, въ сокровенной силѣ котораго уже завито все великое древо будущаго; первоевангеліе, предначертывающее домостроительство буквы, уже по этому предначертываетъ домостроительство и духа, въ которомъ состоитъ весь живой смыслъ и значеніе оной буквы. Судъ Божій, предъявляющій поприще или время сѣней и гаданій, потому же самому предъявляетъ и время самой истины, отражавшейся въ оныхъ сѣновныхъ образахъ. Это истина опять совершенно понятная! И такимъ образомъ въ первоевангеліи же слышимъ мы и слѣдующее: когда откроется людямъ, послѣ сѣновныхъ откровеній, сама Божественная истина, разрѣшающая въ себѣ всѣ гадательные образы и сѣни, когда послѣ домостроительства буквы, начертанной духомъ же, самъ Духъ животворящій изольется въ сердца и умы вѣрующихъ и будетъ въ нихъ устроять царствіе Божіе: то животворное Сѣмя жены уже не въ обѣтованіяхъ, но въ самой истинѣ и благодати будетъ пріемлемо вѣрующими для побѣдоносной борьбы со зміемъ, будетъ выражаться прямѣе и полнѣе. Вѣрующіе, которые, и съ открытіемъ Духа и истины, все же остаются во плоти, и въ семъ естественномъ порядкѣ вещей, будутъ принимать Божественную благодать во всей ея существенности, хотя и въ простыхъ или чувственныхъ видахъ. Спасаемые любовію Отчею будутъ водимы и управляемы непосредственно самимъ Богомъ, но уже какъ взрослые, освобожденные отъ пѣстуновъ, дѣти, которымъ открыта вся воля ихъ Отца, въ которыхъ излилась любовь Божія Духомъ Святымъ. Для нихъ потому уже не будутъ нужны новыя откровенія, но оконченное и полное Божественное Откровеніе будетъ всегда вѣщать имъ живые Владычніе глаго-

лы, дабы они глубже и глубже входили въ нихъ своимъ вѣрующимъ умомъ и сердцемъ, и совершеннѣе исполняли сіи Божественные глаголы въ дѣйствительности. Уже не будутъ нужны, и мѣста не будутъ имѣть повтореніе, усиленіе, умноженіе образовъ и обѣтованій грядущаго вѣчнаго царства, до самаго славнаго его открытія; но вѣрующіе постоянно болѣе и болѣе будутъ входить въ духъ и живое значеніе Ветхозавѣтныхъ образовъ и обѣтованій до явленія самой обѣтованной истины, въ семъ самомъ будутъ во всякое время во всякихъ обстоятельствахъ находить прямое Божественное руководство къ царству славы. Въ церкви сихъ временъ, уже не внѣшнія вещественныя начала, чуждыя сами существа благодати, будутъ предъизображать ея тайны и блага и служить къ просвѣщенію человѣка, возбуждая въ немъ останки райскаго свѣта; но благодать, раскрывая самое свое существо подъ тѣми или другими внѣшними видами, будетъ вселяться внутри души и отсюда изливаться и выражаться во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, будетъ успокоиваться на отвѣчающихъ ей или выражающихъ ее предметахъ, будетъ давать понимать значеніе внѣшней дѣйствительности. Соотвѣтственно сему будетъ дѣйствовать и змій, противупоставляя Божественной высочайше-духовной и существенной благодати и истинѣ свои призраки духовнаго, Божественнаго и существенно-дѣйствительнаго, и тѣмъ убивая въ людяхъ пріемлемость къ благодати. Соотвѣтственно тому будетъ церковь испытывать чисто-духовныя и самыя тяжкія муки и болѣзни рожденія и возводя своихъ чадъ въ истинно-духовное и благодатное состояніе. Соотвѣтственно тому будетъ зрѣть и совершаться духовно-вѣрующій человѣкъ, подвизаясь всѣми силами своего Христоноснаго духа противъ духа лжи и злобы, имѣющаго уже особенно тонко и духовно дѣйствовать противъ вѣрующаго въ то время... Такимъ образомъ, когда наконецъ свои призраки существенно-Божественнаго удастся сему врагу развить до крайней степени и онъ со всею своею открытою духовностію будетъ свирѣпствовать въ людяхъ, и всѣхъ почти увлечетъ отъ благодати, такъ что едва можно вѣру и любовь обрѣсти: тогда-то истина и благодать и явятся въ славѣ, въ сіе-то время страшной духовной дряхлости и почти вѣчной смерти, все вѣрующее человѣчество откроется мужемъ совершеннымъ и созрѣлымъ для вѣчной жизни.

И такъ судъ Божіей любви о падшемъ человѣчествѣ падаетъ на всю жизнь возстановляемаго человѣчества, до того, какъ оно явится уже нетолько въ томъ чинѣ, отъ котораго оно отпало, но уже

на той степени, куда бы оно изъ земнаго рая должно было постоянно стремиться и стройно восходить, не подвергшись паденію на первомъ шагу, и куда бы ему со всѣми Ангельскими силами, кажется, никогда бы и не взойти... Такъ то во Христѣ посрамился и попранъ и проклятъ разстроившій гармонію міра древній змій, мятежный врагъ Божій! Во Христѣ еще дивнѣе, божественнѣе явится эта гармонія, потому что въ твари, въ духѣ сотворенномъ, въ самомъ вещественномъ тѣлѣ, словомъ въ чувственно-духовномъ естествѣ человѣческомъ лично вселено и всему міру возсіяетъ полнота всесодержащаго Божества. И такъ, едва мы коснулись глубины смысла Божественнаго суда надъ согрѣшившимъ человѣчествомъ, предъ благоговѣйнымъ взоромъ нашимъ уже возстаетъ въ своихъ общихъ очертаніяхъ все неизслѣдимое зданіе всетворящей и вседержавной Любви въ человѣчествѣ, и даже обозначаются въ немъ двѣ великія, отражающіяся и сіяющія одна въ другой, половины Ветхаго и Новаго Завѣта. И мы можемъ вступить въ это дивное Божественное зданіе, истинно какъ сыны, которыхъ вѣрѣ и любви Творецъ зданія и Отецъ живущихъ въ немъ, далъ ключь ко всѣмъ въ немъ обителямъ, далъ ключь, при самомъ входѣ въ этотъ великій домъ Божій. Только намъ бы самимъ, въ чемъ бы и маломъ не измѣнить этой отеческой довѣренности? Впрочемъ, сколько свойственна дѣтскому благодарному сердцу такая опасливость и забота столько, или несравненно болѣе, самъ Отецъ, Единъ человѣколюбивый, озаботился уже взять и указать намъ всѣ предостерегательныя мѣры, чтобы намъ не замечтаться въ этомъ Божественномъ прекрасномъ зданіи, которое таинственно зиждетъ въ человѣчествѣ незримая творческая Его рука. На первомъ же шагу выскажемъ себѣ опредѣленно и точно эти, уже слышимыя, Божественныя предостереженія намъ. Во первыхъ мы уже сами видимъ, что въ семъ живомъ зданіи все есть дѣло творческой и Отчей любви, сіяющей всюду въ своихъ дѣйствіяхъ и отраженіяхъ, но неизслѣдимой въ своихъ вѣчныхъ основаніяхъ, безконечно-таинственной для самыхъ Ангеловъ, просвѣщаемыхъ Ею же, а для насъ человѣковъ въ сей жизни еще несравненно глубже сокровенной въ тайнѣ, о которой и мыслить нельзя безъ благоговѣнія. Но во вторыхъ, дѣтской вѣрѣ, по мѣрѣ ея же самой, удивительно какъ все упрощается и уясняется въ этомъ безконечно-дивномъ дѣлѣ Творца, начиная съ перваго же Творческаго дѣйствія Его въ растроенномъ человѣчествѣ; такъ-что при самомъ входѣ въ великій домъ Божій вѣрующее и послушное дитя

Божіе видитъ и чувствуетъ себя, какъ дома, какъ у своего прекраснѣйшаго и любвеобильнѣйшаго Отца, открывающаго ему всѣ сокровища свои, какія только оно можетъ видѣть и употреблять въ дѣло. И, въ третьихъ, вѣрующій созерцатель въ богодвижномъ ходѣ общечеловѣческой жизни изъ состоянія паденія и смерти во славу воскресенія и жизни вѣчной, съ перваго же шага благоговѣйно видитъ дѣйствительный Божественно-истинный *прогрессъ* (скажу прямо языкомъ девятнадцатаго вѣка). Но какой? чѣмъ болѣе змій уязвляетъ, тѣмъ болѣе Божественное Сѣмя жены поражаетъ его; чѣмъ болѣе сгущается въ человѣчествѣ мракъ, тѣмъ свѣтозарнѣе возсіяваетъ необъемлемый никакою тьмою свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка; чѣмъ обширнѣе распространяется и убійственнѣе дѣйствуетъ держава грѣха и смерти, тѣмъ побѣдоноснѣе надъ нею сила Христова, въ немощи совершающаяся, тѣмъ глубже снисходитъ къ кающимся грѣшникамъ милующая и всепрощающая Любовь. И такимъ образомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ ближе идетъ человѣчество къ открытію во всемъ мірѣ славы Его воскресенія, которую избранные, пройдя земное крестное поприще, уже предначинаютъ, отъ которой они во свѣтѣ Христовой любви призираютъ на своихъ земныхъ братій и ждутъ, пока наконецъ число избранныхъ исполнится, и всѣ они во всей совокупности *совершенство и славу пріимутъ*. Такой прогрессъ есть общій, въ существѣ дѣла, и въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, только запечатлѣнъ въ томъ и другомъ особымъ характеромъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ вѣрующій стремится ко Христу грядущему, въ Которомъ обѣтовано ему спасеніе и царствіе, и успокоивается только въ чаяніи пришествія Его, съ продолженіемъ времени въ откровеніи, въ образахъ и пророчествахъ предъизображается Христосъ полнѣе и опредѣленнѣе, благодать чище отдѣляется отъ естества предъ духовнымъ зрѣніемъ избранныхъ. Въ Новомъ Завѣтѣ вѣрующій подвизается усвоить себѣ благодать Христа, уже совершившаго спасеніе, влекущаго всѣхъ желающихъ къ Себѣ въ Свою славу, и грядущаго открыть Свое всемірное царство во всемірной же торжественной славѣ. Христовъ свѣтъ и сила, усвоенная и усвояемая пріобщающимся Его смерти и воскресенія, отраженная божественно въ Ветхомъ Завѣтѣ и сіяющая существенно въ Новомъ Завѣтѣ, естественно отражающаяся во всей природѣ и въ судьбахъ міра, съ продолженіемъ временъ болѣе и болѣе раскрываетъ свои богатства и какъ бы усильнѣе влечетъ къ своимъ безконечнымъ сокровищамъ... Только приходи, только бери, только внимай, что го-

ворить совоздыхающая намъ природа, что изрекается судьбами міра, только внемли Божественнымъ глаголамъ Ветхаго и Новаго Завѣта, только усвояй, что тамъ и тутъ даетъ или показываетъ тебѣ благодать, только усвояй, что предъ твоими очами для тебя же постоянно творитъ она, только вѣруй: *близъ ти Христосъ*, Онъ у сердца твоего, въ самомъ *сердцѣ* и умѣ твоемъ *глаголъ Его*, отовсюду устремленный къ тебѣ (Рим. X). И чѣмъ болѣе будетъ превозмогать змій древній, чѣмъ обширнѣе и губительнѣе будетъ его держава, (какъ будетъ особенно при концѣ міра), тѣмъ болѣе ты будешь *поднимать свою главу*, чувствуя, что *близъ, при дверехъ* Твой Христосъ съ Своимъ славнымъ всемірнымъ царствомъ, что примешь ты участіе во всѣхъ этихъ всемірныхъ сокровищахъ. Вотъ онъ этотъ, истинный Божественный прогрессъ во всемірной жизни, предначертанный чебовѣчеству и міру еще въ Эдемѣ!

Такимъ образомъ еще изъ Эдема благоговѣйный созерцатель дѣлъ Божіихъ въ человѣчествѣ видитъ, что вся слава Христу Богу, нашему Спасителю, являющему въ каждое время столько силы и свѣта своего, и такъ, какъ и сколько именно нужно въ сіе время для просвѣщенія и спасенія человѣка, но что со стороны людей во всякое же время одинаково требуется свободная пріемлемость вѣры и послушаніе Христовой благодати, безъ чего кто бы ни былъ и въ какое бы время ни жилъ, всякой принадлежитъ къ постоянно низлагаемымъ и осуждаемымъ врагамъ Христовымъ, что наконецъ тѣ, кои прошли уже земное крестное поприще и вѣру соблюли до конца, оказываются, при всемъ ходѣ дѣла Божія въ человѣчествѣ впередъ, не назади, а напротивъ упредили еще и имѣющихъ жить на землѣ, указали имъ путь въ будущую жизнь, оставили или открыли имъ въ себѣ пріобрѣтенныя ими вѣчныя сокровища и ждутъ ихъ самихъ. Да, христіанскій созерцатель видитъ, что уже въ самомъ началѣ этаго великаго шествія къ совершенству и блаженству во Христѣ, самый первый человѣкъ свѣтло созерцаетъ и усвояетъ залогъ жизни и спасеніе всѣхъ, въ чемъ?—странно и сказать въ нашъ, далеко ушедшій впередъ, вѣкъ—въ образѣ своей падшей же *жены*. Онъ чуетъ, что въ самую раннюю пору общечеловѣческой жизни вѣрующій можетъ даже до-того пріобщиться Христовой жизни, которая еще долго, долго не явится въ человѣчествѣ, въ своей духовной существенности, что дивнымъ образомъ предначнетъ въ себѣ самую славу Христова Воскресенія, только еще обѣтованную (говорю объ Энохѣ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрующій уже предслышитъ въ глаголахъ Бо-

жіихъ, что почти въ дверяхъ блаженной вѣчности едва не все человѣчество, отпавъ отъ вѣры, одряхлѣетъ до самыхъ ощутительныхъ начатковъ вѣчной адской смерти и что только въ вѣрѣ избраниыхъ благодать столь могущественно воздѣйствуетъ, что они и безъ смерти умрутъ со Христомъ для всего естественно-грѣховнаго и измѣнятся въ прославленное состояніе, съ его славнымъ пришествіемъ.... Видитъ и слышитъ это христіанскій созерцатель, и ему ужъ не до того, чтобы зазнаться и замечтаться отъ открывшагося ему великаго зрѣлища, на первой страницѣ исторіи человѣчества; онъ еще яснѣе видитъ и громче слышитъ, что не достаетъ у него свободной пріемлемости къ внутреннему усвоенію всего этаго живоноснаго свѣта, ему открытаго, что онъ и отъ сего свѣта еще продолжаетъ упорно отвращать или закрывать свои духовныя очи, что эта милующая все человѣчество Любовь не движетъ еще имъ, какъ послушнымъ во всемъ, а встрѣчаетъ еще противленіе отъ него, упрямство, невниманіе, лѣность и, хуже всего, кичливость... И увидѣвшій болѣе всѣхъ созерцатель, видитъ себя преступнымъ и виновнымъ, и чуждымъ духовнаго совершенства болѣе всѣхъ и въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ. И каждую минуту трепещетъ онъ за себя и за все безцѣнное ему, чтобы милость небесная не обратилась въ грозную, безпощадную, вс разящую правду для неблагодарнаго и все еще мятежнаго сына, осыпаннаго такими всемірными сокровищами.... И можетъ успокоиться, опять по мѣрѣ своей вѣры и преданности, развѣ въ единой, все побѣждающей, все прощающей кающемуся грѣшнику, Отчей любви, уже существенно-возсіявшей всѣмъ Свою жизнь изъ смерти.

Не поученіе я говорю, но хотѣлъ бы самъ услышать все, что ни говоритъ человѣчеству первый надъ нимъ судъ спасающей его Любви. Въ семъ случаѣ я также мало поучаю той или другой добродѣтели, какъ мало учитъ гордости и безчеловѣчію тотъ, кто, обозрѣвая по своему тотъ же всемірный прогрессъ, вдругъ воскликнетъ: какая гордая, выспренняя мысль! Какъ жалко и смѣшно смотрѣть на эту отсталую толпу со всѣми, кто бы ни былъ въ ней! Или кто чуя по своему же иное грядущее царство, какъ бы озаренный свѣтомъ высокой истины, назоветъ червемъ своего брата, запутавшагося въ собственной же мелочности и страждущаго и просящаго помощи, назоветъ червемъ, и больше ничего... Никого не задираю и оскорбить не желаю, напротивъ, если кого болѣзненно коснется голосъ истины, тотъ уже знаетъ, что сія истина есть всепрощаю-

щая Любовь, изъ гонителей-то и дѣлающая такихъ проповѣдниковъ, которыхъ весь міръ слушаетъ. Если же кому я самъ кажусь заблуждающимъ отъ истины; то и гнѣваться на меня нечего, а развѣ пожалѣть....

Знаю, поэтъ, что вы уже многое, многое услышали въ первомъ же фактѣ общечеловѣческой жизни существенно нужное вамъ,—многое у васъ оправдалось и утвердилось, многое уяснилось и даже дополнилось; думаю, что въ иномъ случаѣ даже и тѣнь какой нибудь односторонности, дотолѣ гдѣ нибудь притаившаяся у васъ, теперь вами обличена и устранена, что въ иномъ случаѣ самая отдаленная опасность къ ослабленію той или другой стороны вашей, вами прозрѣна во свѣтѣ Христовомъ. Что до меня касается, я болѣе всего радуюсь за васъ тому, во первыхъ, что вижу уже въ дѣйствительности ту Высочайше-творческую истину, отраженіе Которой столько понравилось мнѣ въ васъ: именно, что истинный нашъ Отецъ и Творецъ начинаетъ созидать свое духовное царство въ истинно-свободныхъ душахъ, что предначертанъ уже у него планъ живаго дома истинно-свободныхъ Его дѣтей, что этотъ великій Свой домъ, зиждемый Имъ здѣсь, Онъ откроетъ въ его оконченной полнотѣ и славѣ въ вѣчности, что все Онъ отъ вѣка прозрѣлъ и уставилъ, что всѣ невнимательные или противящіеся Ему уже извѣстны Ему и кто бы ни были они и сколько бы ихъ ни было, всѣ они уже суть орудія въ Его Творческихъ рукахъ, что благоволеніе вѣчное къ послушнымъ и вѣчное же праведное осужденіе противящимся Ему, коротко, что нашъ Господь Богъ и истинно вседержавенъ во всемъ и все въ Его державѣ есть истинная дѣйствительность и произволъ человѣческій и всякая случайность, что Его держава есть держава самой Любви, всезрящей, всеобъемлющей, всебогатой и всеобогащающей, на все простертой, до крайняго безконечнаго снисхожденія и самоотверженія, и безконечно отвращающейся только зла и мятежа, стремящагося разрушить гармонію во всемъ и все превратить въ ничтожество.... Во вторыхъ, восхищаетъ меня еще то, что прекрасно уже оправдалась и прояснилась во всемъ своемъ глубокомъ значеніи и другая истина, вами высказанная и содержимая, именно: что уже въ книгѣ Ветхаго Завѣта находится каждое изъ нынѣшнихъ событій, такъ-что въ ней яснѣе дня изображено, въ чемъ нынѣшнее время преступало предъ Богомъ и какой судъ Божій надъ нынѣшнимъ временемъ, что на тѣхъ избранныхъ, которые удостоились быть въ своемъ умѣ и сердцѣ и словѣ и дѣлѣ органомъ Самаго

владычественнаго Творческаго Духа, надобно намъ смотрѣть, какъ на первообразъ, и изъ боговдохновенныхъ ихъ глаголовъ почерпать для себя свѣтъ и силу, что такимъ образомъ Божественное Слово и дѣло строго, какъ небо отъ земли отличается отъ всего человѣческаго, что оно есть истинно небесное сокровище Божественной истины, блага и силы, откуда желающій можетъ брать все благопотребное для ума и сердца своего, для благодатнаго и свободнаго возвышенія своего отъ земли на небо или для озаренія самой земли свѣтомъ небеснымъ, что оно есть ко всѣмъ немолчно-вопіющій и вседѣйствующій гласъ самой, милующей и спасающей всѣхъ послушныхъ, Любви Отчей.... Да уже и не могли мы съ вами, поэтъ, не видѣть и не слышать творческаго Слова Божія на первыхъ же страницахъ библіи. Въ самомъ дѣлѣ позвольте мнѣ и на этомъ на минуту остановиться въ своей бесѣдѣ съ вами: мнѣ, видите, такъ хочется поговорить съ вами обо всемъ.... Вѣдь Богъ вѣсть, вдругъ ли я еще увижусь съ вами и еще буду ли когда нибудь вести бесѣду съ своимъ добрымъ старшимъ братомъ.... Поэтому нужно мнѣ въ первое же свиданіе съ вами, наговориться до того, чтобы мнѣ уже нечего было сказать вамъ, а вамъ стало бы даже скучно отъ моего разглагольствія, чтобы такимъ образомъ въ послѣдствіи вы и я одинаково были довольны моимъ глубокимъ, глубокимъ молчаніемъ. И такъ послушайте, что скажу вамъ, хотя и сами знаете то лучше меня. Когда я разбиралъ вашу поэму: «мертвыя души»; то чѣмъ болѣе входилъ я въ эту поэму, тѣмъ слышнѣе мнѣ становился проникающій и зиждущій оную вашъ поэтически-творческій духъ. Отъ капли, отразившей солнце, поднимемъ взоръ къ самому солнцу истины.... Міровая или общечеловѣческая Богодвижная жизнь, вотъ истинная, высочайшая, Божественная поэма, уже не на тлѣнной бумагѣ, такъ скоро сгорѣвшей въ каминѣ со вторымъ томомъ вашей поэмы, и жизнь которой уже не въ мысленныхъ образахъ вашего поэтическаго духа, но начало и конецъ которой въ вѣчности, въ Богѣ всеобъемлющемъ, область которой всѣ вѣки, всѣ народы, всѣ мы зрѣющіе къ безсмертію, и такъ далѣе. И вотъ въ нѣсколькихъ строкахъ начертанъ планъ этой Божественной поэмы отъ начала до конца, выражена тайна всего этаго великаго живаго творенія Высочайшаго Творца.... И послѣ этаго не слышать глаголющаго въ бытописаніи Творческаго, вѣдающаго всѣ глубины Божіи, всеобъемлющаго Духа Бога, можетъ развѣ одинъ мертвый. Слово, въ которомъ, какъ въ сѣмени, завито все домостроительство

спасающей насъ Любви, развиваемое тысячелѣтіями, слово изреченное Богомъ за тысячелѣтія до бытописателя, усвоить, носить въ себѣ и передать во всей его цѣлости и простотѣ никому рѣшительно не возможно, кромѣ такого человѣка, въ которомъ или къ которому, глаголалъ Самъ, спасающій насъ, Богъ. Подумайте только о томъ, что для нѣкотораго пониманія суда Божія надъ грѣшными людьми, нужно было напередъ уразумѣть вѣрою всю эту систему Божественной и откровенной истины, въ которой всюду слышенъ сей судъ, а по мѣстамъ есть и прямыя указанія на него. Подумайте только о томъ, что если бы намъ возвыситься до того, чтобы войти во всю простоту, глубину и силу этаго всеобъемлющаго суда, то кажется, и мы стали бы небесными человѣками....

Вмѣстѣ съ изгнанными изъ рая нашими праотцами, и мы уже необходимо должны выйти изъ него. Пойдемъ же теперь съ человѣкомъ до нашего времени, до настоящей минуты, только пойдемъ уже скорымъ шагомъ.

Посмотрите, какъ съ перваго же факта, и здѣсь сіяетъ крестъ и воскресеніе Христово, какъ виденъ еще почти райскій свѣтоносный человѣкъ, но уже падшій, естественною видимостію уже отвлекаемый отъ незримой благодати и крестомъ возстановляемый, какъ намѣсто вкушенія плодовъ съ райскаго древа жизни, съ такою же таинственностію и свѣтлою наглядностію, вѣра привлекаетъ къ себѣ призрѣніе животворной Любви уже умерщвленіемъ живаго существа или кровавымъ жертвоприношеніемъ.... Но обратимся къ ходу событій. Вотъ Адамъ, божественнымъ обѣтованіемъ о животворномъ Сѣмени жены возстановленный въ свѣтъ благодати, еще ясно, какъ днемъ, видитъ сіяющую или отразившуюся въ его женѣ, жизнь всего приговореннаго къ смерти. Жена его тѣмъ же путемъ ушла, кажется, еще далѣе: въ своемъ первенцѣ такъ живо воззрѣла она къ обѣтованному Божественному Сѣмени, что едва почти отличала отъ Него свое порожденіе, и во всякомъ случаѣ, съ свѣтлою самоувѣренностію видѣла и провозвѣстила, что изъ нея уже предначала сіять жизнь, разрѣшившаяся изъ мукъ смертныхъ, (смотрите сами, въ запискахъ на книгу бытія, то мѣсто, гдѣ изъясняются слова Еввы: стяжахъ человѣка Богомъ). Но здѣсь-то змій и является въ первый разъ въ положенной Богомъ борьбѣ съ женою и сѣменемъ ея, здѣсь-то онъ и успѣлъ уже уязвить пяту человѣка; взоръ самой вѣры въ грядущую благодать остановился у человѣка на естественной видимости и смиренное послушаніе вѣры превратилось

въ самоувѣренность.... Перворожденный въ человѣчествѣ былъ Каинъ, и скоро, прежде еще рожденія Авеля, далъ почувствовать горькую тщету самоувѣренной надежды на него нашихъ прародителей (смотрите, пожалуйста опять въ запискахъ на книгу бытія изъясненіе имени: *Авелъ*). Тяжелъ долженъ быть уже и этотъ крестъ, павшій на первыхъ человѣковъ, которые душею еще жили въ эдемѣ и видѣли предъ собою самый этотъ эдемъ, съ пламенно-носнымъ оружіемъ Херувима во входѣ. Ужасною смертію Авеля, первымъ видомъ человѣческой смерти, первымъ зрѣлищемъ праведнаго суда на грѣшникахъ въ его исполненіи, точно кажется, должна низойти въ самую тьму смерти душа отца съ матерью. Но этаго только и нужно было судящей Любви, чтобы немедленно же явить смиреннымъ до смерти грѣшникамъ свѣтлое оживляющее лице Свое. *И зачении (Евва) роди сына: и именава имя ему Сиѳъ, глаголющи: воскреси бо ми Богъ сѣмя другое вмѣсто Авеля, его же уби Каинъ.* Жена первѣе и живѣе мужа почувствовала истинную жизнь, имѣющую воскреснуть изъ самой смерти, такъ прекрасно, ощутительно даже для насъ, столь удаленныхъ отъ временъ райскихъ, отразившуюся въ этомъ другомъ сѣмени, которое *воскреси Богъ Еввѣ вмѣсто Авеля*, убитаго Каиномъ. И вся эта ранняя, допотопная пора жизни человѣчества представляетъ тоже явленіе; еще внятно слышенъ всюду Богъ, еще предъ очами человѣка эдемъ, въ которомъ заключено Ангельское постоянно-зрѣющее и постоянно живое младенчество человѣка, и изъ котораго человѣческое естество понесло много-болѣзненное преходящее дѣтство,—еще въ самомъ продолженіи жизни человѣка слышна только-что утраченная всегда юная вѣчность, еще всюду поражаемся почти райскою, послѣ того неизвѣстною, простотою человѣка, впрочемъ уже грѣшнаго, падшаго и таинственно возстановляемаго. Потомки Каина рѣшительно склонились къ естественной видимости, съ естественно-свѣжимъ еще и энергическимъ духомъ, который только уклонился отъ силы и свѣта благодати, они глубоко проницали, по крайней мѣрѣ, въ *наружную* сторону тварей и мощно покоряли ихъ себѣ по крайней мѣрѣ искуственно (*). Свѣтлое разумѣніе основной сущности тварей и живая власть надъ ними уже не могли быть частію сихъ *сыновъ человѣческихъ*, но были достояніемъ и печатію держащихся спасающей благодати *сыновъ Божіихъ* (**) Сиѳянъ (изъ нихъ одинъ успѣлъ воз-

(*) Извѣстные изобрѣтатели нѣкоторыхъ искуствъ изъ рода Каинова.

(**) Достойно замѣчанія и размышленія это обстоятельство, что два разно-

выситься надъ всею суетою и тлѣніемъ осужденнаго міра). Но и эти сыны Божіи были же человѣки, естественно грѣшные и стали отъ спасающей благодати мало по малу склоняться къ той же обольстительной видимости естества. Змій опять брался съ женою, и на этотъ разъ, по видимому, совсѣмъ низложилъ ее; образъ и залогъ всеобщей жизни, жена явилась виною смерти почти всего младенчествующаго человѣчества. Скажемъ коротко: *сыны Божіи видя дочерей человѣческихъ, какъ онѣ прекрасны, браши себѣ ихъ въ жены, которую кто выбралъ. Такой союзъ* усилилъ сторону сыновъ человѣческихъ до крайности. Боголѣпно величавые сыны Божіи сихъ временъ стали перерождаться въ *исполиновъ*, этихъ *сильныхъ, издревле славныхъ людей*. На мѣсто любви Отца небеснаго, которою такъ прекрасно были соединены сыны Его, у сыновъ человѣческихъ еще съ самаго начала отдѣленія ихъ отъ сыновъ Божіихъ открылось и возрастало насиліе и самоуправство. Оставалось наконецъ одно семейство сыновъ Божіихъ, среди исполиновъ, движимыхъ могучимъ самоуправнымъ духомъ, среди человѣковъ, ставшихъ плотію въ то время, когда всюду еще такъ ощутительно слышенъ и открытъ былъ Духъ Божій.... Судящая правда Божія пала такимъ образомъ на церковь страшнымъ, едва выносимымъ крестомъ. Видно, что Патріархъ не зналъ покоя и во всей смертоносной горечи вкушалъ плоды проклятія, павшаго на землю, когда говорилъ о рожденномъ ему въ эти тяжкія времена Ноѣ: *сей упокоитъ насъ отъ дѣлъ нашихъ, и отъ печали рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Господь Богъ*.... Извѣстно, что судъ правды Божіей палъ на гордо-могучій

характерные рода означены такими знаменательными именами *сыновъ Божіихъ* и *сыновъ человѣческихъ*. Моисей употребляетъ сіи имена отнюдь не по образу понятій или рѣчи своего времени; ибо изъ книгъ Моисея не видно, чтобы въ его время такими именами обыкновенно различали сыновъ церкви и чадъ міра. Слѣдовательно сіи имена были употребительны о родахъ Каиновѣ и Сиѳовѣ въ самыя допотопныя времена. Видно, что для вѣрующихъ Сиѳянъ въ ихъ естественныхъ земныхъ сынахъ свѣтло отражалось неземное, Божественное происхожденіе грядущаго Побѣдителя змія,—почему они и назвали свой родъ именемъ *сыновъ Божіихъ* въ отличіе отъ Каинитовъ, которые уклонивъ свои взоры отъ Благодати женились и посягали по однимъ естественнымъ земнымъ побужденіямъ и имѣли одни только земныя, плотскія воззрѣнія на своихъ чадъ (отъ чего и названы конечно отъ Сиѳянъ *сынами человѣческими*). Слова Еввы: *стяжахъ человѣка Богомъ или Бога* и названіе *сыновъ Божіихъ* должны имѣть одинъ источникъ, именно слово о Сѣмени, Побѣдителѣ змія. Иначе почему бы осмѣлились грѣшные люди величать себя сынами Божіими.

и столько же разтлѣнный міръ, поглотивъ оный потопомъ, что развитыя міромъ свѣденія и искуства послужили развѣ для сооруженія ковчега и для воскреснувшаго изъ нѣдръ церкви міра послѣпотопнаго. Милующая небесная Любовь открылась такимъ образомъ избраннымъ со всею торжественностію и побѣдоносностію надъ противниками. Въ лицѣ Ноя въ самыхъ дѣяніяхъ его и событіяхъ съ нимъ, какъ то прозиралъ отецъ его, еще при рожденіи его съ чудеснымъ свѣтомъ отразился грядущій Умиротворитель человѣчества. Въ дополненіе къ прежнимъ сѣновнымъ образамъ, изъ которыхъ наиболѣе нѣкогда свѣтлый для человѣка почти совершенно омрачился (говорю о *женѣ*), даны новые образы; прежнее откровеніе дополнено, усилено и уяснено для человѣчества, потерявшаго изъ виду слѣды рая, новыми откровеніями, правда и милость представлены въ нѣкоторой раздѣльности одна отъ другой. Словомъ, какъ будто начинался совершенно новый міръ. Жены уже невидно на первомъ открытомъ планѣ.... Да, долго еще нужно вѣрующей женѣ проходить свое сокровенное крестное поприще скорбей и болѣзней подъ строгою, такъ сказать, буквально законною, властію мужа. По временамъ только она будетъ являться и показывать, что она незамѣтно оживаетъ и возвышается отъ естественной усиливающейся дебелости къ благодати животворящей и при возрастающемъ своемъ угнетеніи незамѣтно зрѣетъ въ духовную и живую и съ тѣмъ вмѣстѣ чудно властительную покорность, и для избранныхъ чище, духовнѣе отражаетъ въ себѣ грядущую жизнь и спасеніе, пока, наконецъ, явится Та жена, Которая обречется предъ Богомъ не знать въ жизни естественнаго мужа, Которая сможетъ сказать это столь могущественное слово послушанія: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему*,—Которая, уже давъ міру Спасителя, уже путемъ Его крестной смерти достигши на землѣ и славы Его воскресенія, уже ставъ истинно благодатною Владычицею міра, предоставляетъ однако *мужамъ* (Апостоламъ) самостоятельное и распорядительное дѣйствіе, оставаясь сама въ ряду простыхъ женъ (Дѣян. 1,14)—,эта Матерь Дѣва, къ Которой приближались всѣ вѣрующія матери и дѣвы и Которую ожидали всѣ вѣрующіе мужи Ветхаго Завѣта, благодатный свѣтъ и сила Которой съ возрастающею славою постоянно раскрывается и изливается для вѣрующихъ женъ и мужей Новаго Завѣта. Съ намѣреніемъ дѣлаю это отступленіе отъ послѣдовательнаго хода событій: потому что, при скоромъ и бѣгломъ обзорѣ теченія общечеловѣческой жизни, неудобно имѣть постоянно въ виду

существенныя, но сокровенныя ея пружины. Чтобы напр. понимать высокое историческое значеніе Сарры, Ревекки, Ліи съ Рахилью, жены Маное, Есѳири и проч., нужно глубоко входить во всѣ подробности и церковной современности ихъ и собственной ихъ жизни. И потому мы по необходимости ограничиваемся однимъ общимъ указаніемъ на движеніе этой болѣе сокровенной, но существенной же пружины въ исторіи человѣчества.

Сказали мы: какъ будто начинается новый міръ. Но скачка ни малѣйшаго въ ходѣ дѣлъ; послѣ потопа мы видимъ то же свѣтлое и таинственное значеніе видимаго. Также близокъ и слышенъ всему человѣчеству Богъ, какъ прежде, только Онъ опредѣленнѣе и полнѣе возвѣщаетъ Свою волю, только болѣе поразительнымъ и положительнымъ образомъ указываетъ невидимое, вѣчное въ видимыхъ и временныхъ образахъ (*). Уже изъ дѣтства не дѣлаетъ ли человѣчество перваго шага нѣкоторой самостоятельности, начинающей юность? уже не можетъ ли оно видѣть духовный свѣтъ сколько нибудь мимо чувственныхъ внѣшнихъ образовъ? Да, теперь точно открылась дотолѣ неизвѣстная самостоятельность грѣховнаго человѣка, когда сынъ не дрогнулъ выразить, по поводу случайной слабости отца своего, ругательное презрѣніе къ нему—Патріарху, т. е. въ одно и тоже время Царю, Первосвященнику и Пророку человѣчества и церкви. Слышите ли вы значеніе Хамова поступка въ тѣ времена? Это было въ слѣдъ за минувшими допотопными временами, въ которыя, знаете, что напр. значило одно потупленіе взоровъ у Каина.... Равно ощущаемое и зримое всюду вовнѣ, небоподобное величіе начинаетъ вызывать уже изъ глубины самаго духа человѣческаго великіе и могучіе образы. Размножившіеся люди, точно будто въ полуребяческихъ и полуюношескихъ, и вмѣстѣ столько

(*) Возмите во вниманіе то, какъ послѣ потопа еще громко должна вопіять всякая туча о праведной казни Божіей грѣшнику; и естественно, что вамъ уже не будетъ казаться однимъ мертвымъ условнымъ символомъ тихій, прекрасный и для насъ радужный свѣтъ. Возмите во вниманіе еще то, что я и вы далеко, далеко уже не имѣемъ въ своей природѣ тѣхъ живыхъ остатковъ первобытнаго свѣта, какіе имѣлъ тогдашній человѣкъ, которому и въ сѣни образовъ было такъ свѣтло.. И вы уразумѣете, какъ должно быть внято и выразительно для Ноя и его семейства благовѣстіе радуги, противупоставленное отъ Бога зловѣщей тучѣ. Вы увидите, какъ притомъ ни одного слова нельзя прибавить къ бытописанію для большаго изъясненія Евангельскаго смысла радуги, вы поймете же наконецъ, что это были въ Ветхомъ Завѣтѣ за свѣтлые тускнѣющіе съ теченіемъ времени образы грядущей благодати.

необычайныхъ порывахъ и движеніяхъ, сказали: *построимъ себѣ городъ и башню, высотою до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя....* Гдѣ же вѣрующіе, гдѣ церковь? За этимъ сонмомъ непокоривыхъ и величаво-надменныхъ мечтателей, даже почти и невидно церкви; крестъ почти совсѣмъ закрылъ собою смиренныхъ вѣрующихъ. Господь Богъ, неразлучный никогда отъ человѣчества и всегда въ немъ дѣйствующій, сообразно съ потребностями и пріемлемостію его, во гнѣвѣ Своемъ такъ чудно воздѣйствовалъ на впечатлительную и представительную силу замечтавшихся и горделивыхъ созерцателей сіяющаго всюду въ дѣлахъ Божественнаго величія, что духъ ихъ потрясся до основаній своихъ, подвигнулся во всѣхъ своихъ творческихъ силахъ; самые живые и обильные, самые поразительные и самые смѣшанные образы наполнили и двигали ихъ духовную природу во всей ея глубинѣ,—и въ безпорядочной и смѣшанной совокупности и послѣдовательности, изъ глубины духа, изливались въ каждомъ наружу въ соотвѣтственныхъ необычайныхъ и смѣшенныхъ, творимыхъ ими звукахъ, съ едва, можетъ быть, уцѣлѣвшею основою общаго доселѣ людямъ языка. И вотъ и праведный гнѣвъ Божій, открывшійся въ непосредственномъ дѣйствіи Божіемъ, опредѣлимомъ развѣ по одному впечатлѣнію своему на людей, и чудесное смѣшеніе языка, такъ что люди не могли понимать языка другъ друга,—и вмѣстѣ, естественное въ самомъ духѣ человѣческомъ, начало различныхъ естественныхъ языковъ, являющихъ въ своемъ образованіи законы мысли человѣческой, постепенно развивающихся или упадающихъ, судя по развитію и состоянію мысли говорящихъ тѣмъ или другимъ языкомъ. Силою и разностію внутреннихъ представленій и несообщимостію другимъ языка своего, каждый побуждался разлучаться съ другими настолько, насколько простиралась разность ихъ внутреннихъ образовъ и языковъ. *И разселились люди по языкамъ своимъ и племенамъ своимъ*; и дѣло ихъ Вавилонъ остался памятникомъ ихъ наказанной гордости и чуднаго смѣшенія языковъ. Такъ-то разсѣялъ Богъ людей по всей землѣ, расточивъ гордыхъ именно мыслію сердца ихъ—столь притомъ соотвѣтственно тогдашнему ихъ состоянію, да и самому преступленію! И церковь, непрерывность которой дотолѣ видна была только въ непрерывности ряда Патріарховъ, показываетъ отчетливое сознаніе о судьбахъ міра, удержанное вѣрующими даже во время мятежнаго, едва не всеобщаго, замысла людей строить башню до небесъ, и во время онаго прещенія правды Божія, приведшей мятежное человѣчество въ

самое смятенное состояніе: *у Евера родились два сына*, говоритъ Св. бытописатель, *имя одному: Пелегъ, потому что во дни его земля раздѣлена*....

Исходимъ мы съ вами, поэтъ, изъ этихъ временъ, такъ несправедливо названныхъ почему то въ Западной Европѣ до-историческими. Не потому ли развѣ такъ названы эти времена, что пока напримѣръ дерево развивается въ корнѣ и стволѣ, то проявленія растительной его силы бываютъ малосложнѣе и проще, и потому менѣе поразительны и разнообразны, нежели когда дерево уже станетъ раскрываться въ вѣтвяхъ, покажетъ листья и такъ далѣе?

Поди же, потолкуй, Европеецъ, съ этимъ тяжелымъ и малосвѣдущимъ, за то православнымъ, Русскимъ человѣкомъ. Русскій человѣкъ, желая дать себѣ отчетъ въ распустившихся, зеленѣющихъ и цвѣтущихъ, или изсыхающихъ и отламывающихся, безчисленныхъ вѣтвяхъ огромнаго дерева, подумалъ (съ глупа то, разумѣется?) что ему надобно напередъ всмотрѣться въ простыя малосложныя проявленія растительной силы въ самомъ сѣмени, корнѣ и стволѣ дерева и что потомъ уже можно будетъ поднять глаза и кверху... Ловкая же Европейская историческая критика, которая точно ни съ одной исторіей не поступала такъ немилосердно, какъ съ исторіей объ этихъ, такъ называемыхъ ею, доисторическихъ временахъ, нападая на нее со всякими оружіями со всѣхъ сторонъ, успѣла, наконецъ въ самой же Европѣ открыть незыблемыя основанія сей исторіи со всѣхъ сторонъ, и дѣтски вѣрующему русскому осталось только подвести развѣ одинъ итогъ къ Европейскимъ же результатамъ....

Теперь съ вами пойдемъ мы еще быстрѣе; потому что далѣе все всѣмъ извѣстно, и намъ уже отселѣ видно все дальнѣйшее движеніе основныхъ пружинъ нашей общечеловѣческой жизни, даже до нашего времени.

Опять нѣкоторое новое выраженіе получаетъ общечеловѣческая жизнь, и опять во всемъ еще у человѣка сего новаго времени слышится отчасти прежнее. Разсѣявшіяся патріархальныя семейства и роды стали нарождаться въ различные и безчисленные народы. Каждый изъ родоначальниковъ уже естественно свои надежды и желанія сосредоточивалъ главнымъ образомъ въ будущемъ своего рода (*), а роды, наслѣдуя бытіе и все потребное для него отъ своихъ

(*) Это видно изъ благословенія дѣтей, благословеній не благодатныхъ только, но и просто благожелательныхъ, какъ благословеніе Лавана; также изъ поступка дочерей Лотовыхъ.

патріарховъ, удерживали за собою ихъ направленіе, принимали на себя и свято хранили самое ихъ имя (какъ и доселѣ, когда такъ трудно человѣку и припомнить порядочно свою патріархальную старину, въ болѣе близкихъ къ патріархальности обществахъ дѣти съ своими именами соединяютъ имена и родителей, и характеристическое прозвище прадѣда идетъ въ самый родъ его). Родъ человѣческій раздѣлился будто на нѣсколько родовъ, и въ каждомъ изъ сихъ послѣднихъ дѣла пошли съ перваго раза также, какъ прежде въ общности всего человѣчества. Соотвѣтственно такому состоянію внѣшняго быта, было и внутреннее духовное состояніе человѣчества. Посрамленіе и наказаніе столпотворителей, гордо взирающихъ на самое небо, долженствовало привести и ихъ самихъ въ память о Богѣ. Въ самомъ дѣлѣ даже во времена Авраамовы и позднѣйшія, между разсѣянными языками встрѣчаешь въ иной разъ или Священника Бога Вышняго, или прозорливца, видящаго во свѣтѣ Божіемъ грядущее, или возвышенно мудрствующихъ о Богѣ мудрецовъ (см. книгу Іова). Во всѣхъ нихъ видно еще величіе близъ потопныхъ временъ. Мало того, Самъ Богъ еще слышенъ и является тѣмъ, которые даже недовольно внимательны къ Нему (Авимелеху, Фараону при Авраамѣ). Только рѣзче уже бросается въ глаза въ духовномъ человѣческомъ состояніи та особенная черта, которая уже вскорѣ послѣ потопа обозначилась. Говорю о томъ, что въ человѣкѣ, кромѣ впечатлительности внѣшней, кромѣ непосредственнаго слышанія и видѣнія въ естественномъ и видимомъ невидимаго небеснаго величія, стала еще обнаруживаться самодѣятельная могучая производительность духа. Вслушайтесь, въ эту бесѣду съ Іовомъ мудрыхъ его друзей, въ величавыя рѣчи самаго Іова, даже въ Божественную рѣчь Самаго Творца, и вы услышите, что не только люди облекали свои мысли въ самодѣятельно ими воспроизводимые величавые образы, но и Самъ Господь Богъ, Который, какъ Отецъ, всегда бесѣдуетъ съ дѣтьми своими на ихъ же лепечущемъ языкѣ (иначе какъ бы намъ и понимать гласъ вѣчнаго Духа?) Самъ Отецъ небесный уже изрекаетъ Свою волю въ величественнѣйшихъ и поразительнѣйшихъ изображеніяхъ, и притомъ изрекаетъ изъ грозной тучи. Сіи глаголы Божественные уже вовсе не тѣ безконечно же величественные, но простые глаголы въ эдемѣ, съ Каиномъ, съ Ноемъ. Тогда, видно, было ближе дѣло къ созерцанію истины въ ея простотѣ, нежели теперь...

Чтоже? можетъ быть, скажетъ иной нетерпѣливый умствователь;—

шагъ впередъ по внѣшнему быту, и по умственному развитію! Еще дивнѣе и быстрѣе будетъ ходъ общечеловѣческой жизни, когда возрастаетъ самодѣятельность человѣка, когда разныя племена и народы, соблюдая каждый свою самостоятельность, всѣ однако стройно пойдутъ къ общечеловѣческому спасительному Сѣмени. Еще прекраснѣе человѣкъ будетъ созерцать Бога въ мірѣ или вѣщать о Его славѣ, когда съ внѣшними духовными впечатлѣніями будетъ соединять свои свободные, величаво-прекрасные образы и Божественныя видѣнія....

Да! еще шагъ сдѣлало человѣчество отъ эдема.... Эта живѣйшая впечатлительность, по которой непосредственно какъ бы чуялъ и видѣлъ человѣкъ невидимую десницу Божественную въ мірѣ, съ которою грѣховный человѣческій духъ умѣлъ же передъ потопомъ сдѣлаться просто плотію, такъ-что и видя онъ не видѣлъ и слыша не слышалъ Бога, теперь эта неизвѣстная уже намъ впечатлительность, соединенная съ самодѣятельною воспроизводительностію духа человѣческаго, такъ низвращена была грѣхомъ, что человѣкъ, видя невидимое Божіе въ природѣ и со всею живостію поражаясь имъ, исполнялся благоговѣнія предъ самыми явленіями природы, воображая ихъ Божественными и Божествомъ, и обѣтованія милующей человѣка Любви, образно возвѣщенныя, перемѣшалъ и затмилъ собственными необузданными и нечистыми образами и мечтами. Это была страшная, все съ необычайною силою опустошающая язва времени! Вникая въ ея первоначальныя причины, вы, конечно, понимаете, что начало ея въ каждомъ человѣкѣ и народѣ того времени могло быть такъ же просто, какъ просто было напр. Еввѣ заговорить со зміемъ, издавшемъ предъ нею живой разумной голосъ, или еще проще! Употребимъ другое, болѣе близкое, сравненіе: благоговѣйно поклониться твари вмѣсто Творца также было тогда современно и свойственно грѣховно-разтлѣнному человѣку, и даже глаголющемуся мудру быти, какъ въ другую пору современно и свойственно тому же разтлѣнному грѣхомъ духу человѣческому съ философскою отчетливостію признать абсолютное, самобытное и безконечное значеніе тварнаго всеобщаго бытія. Патріархъ сихъ временъ выражаетъ предъ Самимъ Богомъ, что, дѣйствительно, всего скорѣе можно было тогда поклониться твари вмѣсто Творца, что нужна была крайняя внутренняя бдительность противъ увлеченія къ обожанію твари. «Видя солнце, какъ оно свѣтло, и мѣсяцъ, какъ онъ величественно ходитъ, говоритъ великій праведникъ, прельстился ли я въ тайнѣ сердца моего? и изъ почтенія къ нимъ цѣловалъ ли руку мою устами?» Сколько понятно по

своему началу обоготвореніе тварей, грѣшнымъ человѣкомъ, столько же понятна и сущность и результаты сей пародіи на религію. Собственно грѣхомъ были созданы и воздвигнуты эти призраки Божественнаго; темные образы, облекаемые величіемъ Божественнымъ, поднимались изъ глубины нечистой и мятущейся духовной природы и въ свою очередь естественно обращались въ пищу ея нечистыхъ и мятежныхъ движеній: по такому пути зло неизбѣжно доходило до обожанія прямо нечистаго и беззаконнаго. Но, съ другой стороны сокровеннымъ духовнымъ началомъ и внутреннею силою, которая столь громко вѣщала человѣку о живомъ Божествѣ, хотя онъ въ своемъ разтлѣніи обожалъ ничтожныя твари, которая столь поразительно давала ему усматривать всюду дѣла присносущаго Бога, принимаемыя имъ, въ суетѣ его мечтательныхъ помысловъ, за самого Бога, такою силою были все же еще нѣкоторые, какъ видно, не скудные останки первобытнаго свѣта и силы, прегражденные въ своемъ источникѣ. Потому и въ язычествѣ неземной огонь какъ бы похищенъ и удержанъ былъ человѣкомъ, хотя сей человѣкъ и былъ увлеченъ чрезъ обожаніе твари подъ темную державу міродержца лжи. Потому сей человѣкъ, или, сказать прямѣе, язычникъ оставленъ отъ Бога ходить по своимъ блуждающимъ путямъ, но не отвергнутъ рѣшительно: какъ блуднаго сына, не желающаго оставаться подъ роднымъ кровомъ, отпустилъ его Отецъ небесный, отечески соблюдая свободу своихъ дѣтей, но не съ проклятіемъ, а съ жалостію, готовою принять снова къ себѣ мятежнаго сына, только бы онъ раскаялся и возвратился. Не только въ священныхъ Еврейскихъ книгахъ, при самомъ избраніи родоначальника Еврейскаго народа, и слѣдовательно при самомъ началѣ оставленія язычниковъ, начертаны Божественные глаголы: *благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи*, но даже у самыхъ язычниковъ въ останкахъ преданій, сколько ни были искажаемы и низвращаемы сіи преданія, и также въ стремленіяхъ и предчувствіяхъ лучшихъ между язычниками попадаются иныя свѣтлыя искры.... И отцы церкви христіанской, Богопросвѣщеннымъ взоромъ своимъ усматривали и надъ языческимъ міромъ незримо носившееся вѣчное слово, тайно ведущее отпавшихъ отъ церкви снова въ ея свѣтоносную область....

Посмотримъ же, что стало съ самою Церковію подъ симъ страшнымъ крестомъ.

Когда человѣчество распалось на отдѣльные другъ отъ друга племена и роды, и каждый изъ нихъ сталъ преслѣдовать собственные

и притомъ чисто земные и мірскіе интересы, когда обольстительное обожаніе твари стало распространяться такъ, что готово было прельстить, аще возможно, и избранныхъ: то Господь Богъ обрѣтаетъ и избираетъ такого родоначальника, который какъ самъ былъ вѣренъ Богу въ безпримѣрной въ то время степени, такъ имѣлъ заповѣдать сію вѣрность и правду *сыномъ своимъ и дому своему по себѣ*. Самъ лично предаетъ ему въ потомственное наслѣдіе сокровище Своей спасающей Любви, заключая сіе сокровище небесной благодати по прежнему въ обѣтованіяхъ и въ образахъ земнаго и естественнаго, и въ тоже время ясно-какъ день открывая оное вѣрѣ патріархальной, и блюдетъ своего избраннаго такъ, чтобы никакая тварь не могла заглушить для него вѣщаній самаго Творца, никакой призракъ Божественнаго не отводилъ его взоровъ отъ славы Бога невидимаго и снисходящаго къ своему возлюбленному до чувственной какой-то видимости.

Когда поклоненіе твари вмѣсто Творца усилилось въ человѣкѣ какъ бы до страсти, такъ что человѣкъ сейчасъ только поражался грознымъ видѣніемъ славы Божіей и сейчасъ же готовъ пасть предъ золотымъ тельцомъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ, когда образовавшіеся и устроившіеся мятежные народы не только мѣста не давали церкви, но сыновъ ея готовы были въ конецъ потребить: тогда сей избранный родъ, въ которомъ заключалась судьба всей церкви, и который самъ сею только страшною опасностію своею удержанъ былъ въ памятованіи о Богѣ отцевъ своихъ, съ самыми поразительными явленіями славы Владычествующаго надъ всѣми народами и надъ всѣмъ міромъ, образуется и устрояется въ избранный святый народъ, правимый Самимъ Высочайшимъ Владыкою чрезъ избранныхъ Его представителей и служителей. Человѣкъ юношески-вольный и страстный, поручается отъ Бога, пѣстунству закона, строго опредѣляющаго каждый его шагъ и движеніе. Человѣкъ, столь легко увлекаемый тварію, отъ чествованія Творца, столь скоро могущій поклониться, въ своей мечтательности, нетолько явленіямъ природы, но и дѣлу рукъ своихъ, поставляется въ такое положеніе, что прежде всего внушается ему мысль о невидимомъ и неизобразимомъ Божествѣ; потомъ твари земныя опредѣлительно подчиняются ему, какъ служебныя существа, и безмолвныя вѣщанія тварей, столь оглушительно слышимыя тогдашнимъ человѣкомъ, разрѣшаются въ понятные для него уроки о духовной чистотѣ и нечистотѣ, и наконецъ духу человѣческому, кипящему въ то время

самою живою религіозною впечатлительностію и воспроизводительностію, грядущая благодать предъявлена въ удивительномъ разнообразіи сѣней и гаданій. Человѣкъ съ своими поразительными и живыми внутренними образами, уже недовольно способный къ простому и непосредственному общенію съ Богомъ, съ своею мятежною вольностію трепещущій Его явленія и чувствующій въ ономъ грозу смерти, пріемлетъ писанное откровеніе, преподаваемое отъ Бога чрезъ избраннѣйшихъ въ избранномъ народѣ; и вмѣсто прежнихъ жертвенниковъ, которые вѣрующій могъ воздвигать на всякомъ мѣстѣ и которые теперь онъ могъ обоготворить (вспомнимъ, что сдѣлали язычники изъ Іаковлева камня—Веѳиля), вѣрующій долженъ прибѣгать къ Богу въ скиніи.

Между тѣмъ какъ въ языкахъ уже давно явились царства, цвѣтущія земными выгодами, славою и силою и подавно хвалящіяся каждое своими богами, а народъ, составляющій церковь, менѣе и менѣе становился способнымъ спокойно и просто созерцать десницу своего Вседержавнаго Царя и слѣдовать Его манію, когда сей избранный народъ обольщался видами мірскаго величія языковъ, увлекался языческими заблужденіями и пороками, и подвергался крайнимъ и внутреннимъ нестроеніямъ и внѣшнимъ озлобленіямъ: то Богъ, съ безконечною снисходительностію къ людямъ непокоривымъ, даетъ имъ *Царя*, какъ Своего постояннаго представителя и служителя въ управленіи избраннымъ своимъ народомъ, окружая его сонмомъ пророковъ, а иногда и самого одушевляя Духомъ пророческимъ. И воздвигнутъ Царь по сердцу Божію кроткій и крѣпкій духомъ Давидъ, которому вмѣстѣ съ царствомъ дано отъ Бога и обѣтованіе о имѣвшемъ произойти въ его родѣ Царѣ благодати и истины, которому въ его же обстоятельствахъ, Духъ пророческій предъявлялъ со многими подробностями свѣтлый образъ сего Царя—Спасителя міра, который обезопасилъ свое царство отъ внѣшнихъ враговъ и поставилъ его на высокую степень могущества, и въ царственномъ величіи и торжествѣ воспѣвалъ всемірную славу Высочайшаго Царя, и даже съ ликующимъ народомъ самъ скакалъ предъ сѣннымъ ковчегомъ, движимый Божественнымъ восторгомъ. Явился Соломонъ, который своею Богосвѣтлою мыслію обозрѣвалъ всю природу, весь міръ, и одаренный отъ Бога мудростію, поучалъ и свой народъ притчами, котораго слушать приходили отъ конецъ земли, который, вмѣсто прежней подвижной скиніи, воздвигнулъ, величественнѣйшій въ тѣ времена, храмъ Богу и въ семъ храмѣ, при торжественномъ

ощутительномъ для чувствъ внѣшнихъ явленіи славы Божіей, молился о своемъ народѣ, о храмѣ и о всѣхъ. въ немъ молящихся, въ лицѣ котораго Пророки созерцали свѣтлый образъ того грядущаго всеславнаго Царя, въ устахъ Коего изливается Божественная благодать, Который и Самъ, во вдохновеніи Божественномъ, воспѣлъ дивную Божественную пѣснь небесной Любви, милующей и соединяющей съ собою предающуюся Ей, человѣческую душу и всю церковь, представляя въ сей пѣсни во всей небесной чистотѣ образъ грядущей къ людямъ благодати, отъ начала предначертываемый въ непорочномъ брачномъ союзѣ.... Это было самое прекрасное и свѣтлое время сего Ветхозавѣтнаго домостроительства, это былъ чудесный и Божественный цвѣтъ Ветхаго Завѣта. Въ сіе время все, чѣмъ міръ славился и блестѣлъ, разтлѣвая только все грѣхомъ, было въ благодатномъ владѣніи церкви, и все чрезъ это освящалось и духовно оживлялось, и потому какъ само сіяло уже не наружнымъ только блескомъ, такъ выставляло во всей красѣ и духовный, Божественный свѣтъ благодати, порученной Израилю, и самый міръ съ готовностію служилъ церкви всѣмъ, что было у него тогда лучшаго, и самъ же изумлялся Боголѣпному величію и Божественной мудрости, сіявшимъ въ Израилѣ до конецъ земли.... Да, это былъ цвѣтъ ветхозавѣтнаго образовательнаго устройства церкви; но далеко еще было до плода. Извѣстно какими тяжкими искушеніями царь и пророкъ Давидъ доведенъ былъ до того, чтобы принять въ свой духъ сію мысль Духа о чисто-духовной жертвѣ, мимо образовъ чувственныхъ жертвъ: *всесожженія не благоволиши, жертва Богу духъ сокрушенъ*, и до того, чтобы войти въ духъ Великаго грядущаго Пастыря, душу свою полагающаго за овцы, и сокрушенно молиться предъ гнѣвающимся на Израиля Богомъ сими словами: *се азъ есмь согрѣшивый, азъ есмь пастырь, зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша?* (*) Извѣстно, что Соломонъ, съ Богоданною ему мудростію такъ чисто созерцавшій свѣтъ Божіей премудрости, сіяющей въ тваряхъ, такъ Боголѣпно изобразившій небесную спасающую души, Любовь, отражающуюся въ великой тайнѣ чистой любви брач-

(*) Чтобы понять всю силу сихъ молитвенныхъ словъ Давида, нужно взять во вниманіе то, что самый грѣхъ Давида, бывшій ближайшимъ поводомъ къ наказанію Божію, тяготѣвшему на Израилѣ, былъ допущенъ отъ Бога по гнѣву Его на самаго Израиля, на весь избранный народъ. И приложи Господь гнѣву разгорѣтися на Израиля, и подвиже въ нихъ Давида, глаголя и проч: такъ св. Дѣеписатель начинаетъ свое повѣствованіе о казни, наведенной Богомъ на Израиля и прекращеніемъ оной Христо-подобнымъ ходатайствомъ объ Израилѣ царя Давида.

ной, не съумѣлъ всегда возвышаться отъ образа къ первообразному, пристрастился къ первому и отпалъ отъ послѣдняго, и уже послѣ (какъ есть всѣ основанія догадываться), по внушенію Духа истины созналъ и исповѣдывалъ суету всѣхъ тварей, взятыхъ самихъ по себѣ, и такимъ образомъ прозрѣвалъ въ наибольшей чистотѣ и духовности, едино несуетное и вѣчное, Бога съ Его благодатію, даруемою покорнымъ людямъ. Нельзя не содрогаться человѣку, живому въ духѣ, при одномъ представленіи, какою страшною борьбою и искушеніями шло, Богодвижимое въ лицѣ своихъ избранныхъ, человѣчество отъ естественнаго и чувственнаго, отражающаго въ себѣ духовный свѣтъ благодати, къ созерцанію и пріятію самаго первообразнаго свѣта во всей его духовности. (Слѣдуетъ только припомнить исторію Авраама, Исаака, Іакова, исторію Іова съ его бесѣдами съ друзьями, двухъ представленныхъ выше Богоизбранныхъ царей, глаголавшихъ Духомъ Божіимъ..) И какъ строго и вѣрно разсчитано Божественною премудростію это великое шествіе рода человѣческаго! Въ самое основаніе отдѣленія Еврейскаго народа отъ языковъ, захотѣвшихъ блуждать своими путями, было положено, какъ мы знаемъ, обѣтованіе о благословеніи всѣхъ языковъ, имѣющемъ открыться въ избранномъ народѣ. Моисей пророчески взывалъ къ языкамъ: *возвеселитеся языцы съ людьми Его.* Теперь царь Давидъ воспѣвалъ Бога Владыкою и Судіею всѣхъ народовъ, воспѣвалъ Мессію Царя и Спасителя всего міра. Но мудрѣйшій изъ царей со всѣмъ было погибъ отъ того, что дозволилъ себѣ родственныя связи съ языками; тотъ, котораго имя стало соименно мудрости, во время даже старости своей *хождаше въ слѣдъ боговъ иныхъ....*

Милость небесная однако не въ конецъ оставила языки, которые нетолько сами оставили ее, но и отвлекали отъ нея и избранныхъ. Она прозрѣвала и о нихъ лучшее, хотя въ то же время тѣ изъ нихъ, кои созрѣли до рѣшительнаго противленія, и были страшно отвергаемы и караемы. (Содомъ, Гомора, и прочія Ханаанскія племена, осужденныя на истребленіе отъ Израиля). Посмотримъ, какъ языки ходили путями своими, тайно однако назираемые Царемъ небеснымъ. На Востокѣ, колыбели рода человѣческаго, гдѣ заключалась и область церкви, открываются впервые и *зрѣлища языческаго міра.* Природа, столь внятно и громко вѣщавшая о Творцѣ человѣку, хранившему еще въ своемъ естествѣ довольные останки эдемской жизни, замечтавшихся язычниковъ во имя самаго же Бога сдѣлала самыми жалкими рабами своими; всякая тварь наводила на человѣка, отпав-

шаго отъ Творца, благоговѣйный ужасъ, и предъ всякою тварію пресмыкался человѣкъ, движимый религіозно-рабскимъ страхомъ. Патріархальная власть, основа общественнаго устройства, представительница всевластнаго Отца небеснаго, перешла для отпавшихъ отъ Него въ немилосердый деспотизмъ. И такъ какъ Патріархъ (въ своемъ нормальномъ значеніи) имѣлъ и право первосвященника и власть правителя, соединенныя съ величіемъ и мудростію Пророка; то деспотизмъ, низвратившій норму патріархальной власти, является у языковъ въ жреческихъ кастахъ, которыя присвояли себѣ только право на мудрость,—и въ деспотѣ царѣ, не знавшемъ никого и ничего величественнѣе себя. Въ наилучшихъ только царяхъ и мудрецахъ едва нѣсколько замѣчается мудрости и истинно-царственной власти. Итакъ вина отпаденія отъ духа творческой и спасительной Любви не лежитъ ли главнымъ образомъ на сихъ ея первыхъ служителяхъ и представителяхъ, царяхъ и жрецахъ деспотахъ? Кто же будетъ оправдывать ихъ, когда самое званіе и дѣла ихъ осуждаютъ ихъ первыхъ изъ всего языческаго міра?... Но, съ другой стороны, что были бы сіи, кажущіеся намъ столь жалкими, рабы и невольники, для которыхъ заключены были таинства мудрости, для которыхъ высочайшимъ закономъ былъ произволъ деспота, которые были точно самые жалкіе люди, низведенные почти на степень животной жизни, изключая тѣхъ немногихъ, которые и въ неволѣ умѣли быть свободными, отчасти постигая истинное значеніе власти (имѣю въ виду того благороднаго вельможу, который изуродовалъ себя для блага Государя, или тѣхъ подданныхъ, которые для спасенія Царя, облобызавъ полу его платья, бросались въ море)? Что бы они были безъ оковъ своей неволи, необузданные ни во внѣшней своей силѣ, ни умѣряемые въ разгоряченныхъ порывахъ разтлѣнной силы внутренней?! Участь ихъ не могла быть лучше той, которой подвергся міръ допотопный и послѣ Содомъ и Гоморра, обнаруживающіе въ себѣ, черты именно этого безначалія людей невѣжественныхъ, буйныхъ и нечестивыхъ. Посему деспотія и жреческая каста, сами того не зная, были въ рукахъ Вседержителя орудіемъ спасенія своихъ подвластныхъ отъ нихъ же самихъ, къ сохраненію ихъ собственной силы внѣшней и для нихъ силы нравственной (религіозныхъ идей и преданій): сколько возможно было сохранять ту и другую, при всеобщемъ стремленіи язычниковъ поскорѣе иждить останки отцовскаго наслѣдства.

Во взаимныхъ отношеніяхъ, язычники, находящіеся подъ деспотическимъ вліяніемъ чувственно-естественнаго и отчуждавшіе себя отъ

спасающей Любви, которая и въ естественномъ предъявила бы имъ свою благодать и въ чувственномъ чисто отразила бы духовное, такъ преслѣдовали чувственныя свои интересы, что точно развѣ одинъ страхъ деспотіи могъ сдерживать въ людяхъ насилія и страсти. Такъ преслѣдовали интересы рода и народа, что на иноплеменныхъ смотрѣли вообще съ презрѣніемъ и враждою, что при преобладаніи однаго народа надъ другимъ, сей послѣдній отъ жестокости перваго изчезалъ безъ слѣда. Но и въ семъ видна рука, хранящаго языческій міръ, Промысла; ибо можно замѣтить, что тотъ или другой народъ поглощался иными народами тогда, когда разтлѣнность его уже доходила до крайности и деспотія въ немъ низходила до послѣднихъ степеней высокомѣрія (вспомнимъ, когда и почему напримѣръ Вавилонское царство пало отъ Персидскаго), и что чрезъ преобладаніе надъ прежними выступали на видъ новые народы, нетолько болѣе тѣхъ мощные внѣшнею силою, но вмѣстѣ болѣе свѣжіе и духомъ.

Какъ бы то ни было, Восточный языческій міръ, въ которомъ одни за другими выходили на поприще всеміриаго дѣйствованія способные къ тому народы, долженъ былъ наконецъ истощиться. Между тѣмъ, съ продолженіемъ времени, деспотія жреческихъ кастъ, оставляя низшіе классы народа въ невѣжествѣ и доводя ихъ до животности, должна была становиться все негоднѣе и нетерпимѣе, а деспотія царей, нисходя до крайнихъ степеней своенравія и высокомѣрія, неразумный и беззаконный произволъ владыки облекала въ значеніе Божественной воли и стремилась сіи страшныя оковы наложить на весь міръ.... Сказать коротко: изъ восточнаго языческаго міра уже трудно было выжать что нибудь доброе и жизненное, и сѣмени возрожденія нужно было искать уже не въ немъ, стремящемся къ рѣшительному разтлѣнію.

Въ сіе время творческая и спасающая міръ, Любовь, положившая въ смерти и злѣ міра возсіять своею жизнію и благомъ и хранящая міръ уже именно на семъ основаніи, по сему закону, изводитъ на чреду всемірнаго открытаго дѣйствованія народъ бодрый и свѣжій, незамѣтно возросшій не по началамъ уже восточнаго язычества. Поселясь или движась въ странѣ, требующей отъ своихъ обитателей болѣе самодѣятельности и изобрѣтательности, нежели юговосточныя страны міра, живой и энергической эллинскій народъ, казалось, не хотѣлъ уже благоговѣйно раболѣпствовать природѣ и принялъ себѣ за правило: познай самаго себя. Проводя жизнь сначала въ удаль-

ствѣ и въ вольныхъ хищническихъ разъѣздахъ по морю, Эллинъ имѣлъ и воспиталъ въ себѣ духъ, вовсе не расположенный къ неволѣ въ оковахъ восточной деспотіи. Словомъ, поэтъ, у вашего же Гомера вы можете видѣть, что, выходившій на открытое поприще всемірнаго дѣйствованія, Эллинъ имѣлъ въ себѣ все, что было и еще хранилось наилучшаго въ восточномъ язычествѣ, и не имѣлъ этой губительной стихіи восточнаго язычества—деспотіи нравственной и гражданской, представлявшейся здѣсь уже во всей крайности своей. Онъ еще чуялъ всюду гласъ и силу Божества, и притомъ со всею тонкостію умѣлъ припомнить изъ давней, давней райской жизни, что ни одна истинно-добрая мысль не зараждается въ человѣкѣ безъ Бога, и вѣровалъ въ это. Онъ, нри всей своей удалой вольности, помнилъ еще священное значеніе власти, и мудрость хотѣлъ сдѣлать достояніемъ всеобщимъ; самыя религіозныя преданія и установленія, обряды и жертвы даютъ слышать въ себѣ еще нѣчто живое и разумное у сего язычника (*). Съ такимъ свѣжимъ и энергическимъ духомъ Эллины могли ли терпѣть Восточную деспотію, когда она стала простирать свои виды и на нихъ? При собственномъ довольно свѣтломъ взглядѣ на порядокъ вещей, завладѣвъ еще самымъ изобрѣтательнымъ образомъ мудростію, какая оставалась у восточ-

(*) Въ книгѣ бытія замѣчается, что св. Бытописатель, указуя на поселенія народовъ языческихъ, будто бы хотѣлъ обратить вниманіе соотечественниковъ особенно на малоизвѣстныя и еще только возникавшія въ то время племена Европы. Спрашивается: почему это? какая въ семъ мысль Духа? ясно, что Моисей не обо всѣхъ древнѣйшихъ народахъ упоминаетъ. Въ основаніе того, почему онъ выбралъ при своемъ изчисленіи такіе, а не другіе народы, придумать ничего другаго нельзя, кромѣ того, что онъ указываетъ только на тѣ народы, которые болѣе другихъ замѣчательны по прошедшимъ или будущимъ своимъ судьбамъ, которые болѣе другихъ могли быть памятны и извѣстны для потомка Авраамова. Слѣдовательно *если Эллинскія* племена указываются въ Бытописаніи съ особенною ясностію, то, видно, они болѣе другихъ были извѣстны св. Бытописателю. А сего иначе объяснить нельзя, какъ развѣ какими либо случайными столкновеніями Эллиновъ съ Евреями. И въ самомъ дѣлѣ у Эллиновъ замѣчаются нѣкоторыя религіозныя установленія, видимо, занятыя у Евреевъ, но ведущія свое начало у самыхъ Евреевъ уже послѣ Авраама, напримѣръ, Веѳилы отъ Веѳиля, такъ названнаго при Іаковѣ. И такъ вдохновлявшій Моисея всевѣдущій Духъ, давъ сему Бытописателю обозначить народы, болѣе другихъ извѣстные ему, чрезъ это открываетъ, что изъ сихъ народовъ и между ними особенно изъ Эллинскихъ племенъ нѣкоторые въ своей неустоявшейся жизни случайно сталкивались съ Евреями и заимствовались у нихъ. Находясь въ броженіи, ходя своими путями, Эллины скоро могли забыть Евреевъ, занятое у нихъ пустивъ въ народную свою жизнь; но самимъ Евреямъ они были памятны.

ныхъ языческихъ жрецовъ, Эллины преуспѣвали въ свободныхъ наукахъ и искуствахъ; и при нападеніи своенравныхъ, стремящихся къ преобладанію надъ всѣми, Восточныхъ владыкъ, Эллины возстали всею своею свѣжею и бодрою силою и дали почувствовать язычествующему Востоку, что онъ уже одряхлѣлъ и смерть его близка.

И такъ не здѣсь ли, не въ этомъ ли свѣжемъ энергическомъ Эллинскомъ духѣ скрывалось сѣмя ко всемірному оживленію? не онъ ли явитъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, начатки и образы духовнаго царства всевластной и строго соблюдающей свободу своихъ чадъ, Любви? Европейскому мыслителю, съ его взглядомъ, не озареннымъ вѣрою и потому не проникающимъ въ живую сущность порядка вещей, незамѣчающимъ того, что предъ очами,—свойственно утверждать нѣчто подобное. Но мы, поэтъ православный, уже хорошо видѣли, гдѣ скрывалось и дѣйствовало Сѣмя всемірнаго оживленія. Мы еще ранѣе сего времени видѣли уже во всей красѣ цвѣтущіе начатки и образы духовнаго царства вседержавной, дѣйствующей *вся по благоволенію воли своей,* Любви. Удержавъ въ себѣ сознаніе Богоподобія человѣка и не покорясь въ постыдно-религіозномъ раболѣпствѣ внѣшней природѣ, Эллинъ за то живо ощущавшій, какъ человѣческій духъ одушевлялся и былъ движимъ отъ самаго Бога, но, вмѣстѣ съ другими языками, пошедшій своими блуждающими путями, обоготворилъ чувственно-естественное въ самомъ человѣкѣ: въ пластической красотѣ человѣческой свѣтло сіялъ для Эллина образъ Божій, естественно отражающійся отъ духа въ плоти, и Эллинъ, предавшись своенравію своей фантазіи, благоговѣйно поклонился пластической красотѣ плоти; живо еще слышалъ онъ въ человѣческомъ естествѣ отголосокъ гласа Божія, останки жизни райской, и самое небо въ своей мечтательности населилъ человѣками со всѣми страстями и пороками, корень которыхъ уже пребываетъ въ человѣческомъ естествѣ, обоготворилъ едва ли не всѣ страсти и пороки человѣческіе. Такъ, въ Эллинскомъ духѣ ощутительнѣе нежели въ духѣ какого либо другаго языческаго народа, слышно, что этотъ Прометей, покорясь человѣкоубійственному міродержцу, какъ бы хищнически удержалъ въ себѣ останки небеснаго огня; но поразительнѣе, нежели въ другихъ языкахъ, видно въ Эллинѣ и то, что онъ былъ по рукамъ и ногамъ скованъ завистливымъ міродержцемъ тьмы, едва сохранивъ желаніе или предчувствіе грядущаго избавленія отъ его темной державы. Всмотритесь, поэтъ, сами теперь въ Гомера, въ его столь же естественныя и прекрасныя

изображенія Олимпа и боговъ, сколь естественны и прекрасны его же изображенія эллады съ ея энергическими и увлекательными обитателями.

Отторгнутая у языковъ отъ источника своего, мудрость, которая у жрецовъ Востока насильственно удерживала еще въ себѣ какой-то священный характеръ, у Грековъ съ высоты святыни болѣе и болѣе низходила на степень площаднаго остроумія или неразумнаго любопытства. Живой эллинскій духъ, не руководимый въ своихъ самодѣятельныхъ изслѣдованіяхъ истины свѣтомъ самой Божественной истины, если и примѣчалъ гибельную односторонность и фальшивость религіи эллинской, нелѣпость многобожія и идолопоклонства, то на мѣсто прежнихъ призраковъ Божества созидалъ для себя новые, философскіе призраки силы Творческой, или добросовѣстно сознавалъ свою темноту, или, услѣдивъ въ себѣ останки первобытнаго свѣта, мечталъ жалкую настоящую дѣйствительность міра облечь въ радужный идеальный свѣтъ, или, не умѣя дать отчета въ оставшемся еще мерцаніи духовнаго свѣта, отрекался вовсе отъ него, и во всѣхъ случаяхъ незамѣтно и неминуемо убивалъ въ себѣ, что оставалось еще живаго у него въ идеяхъ и религіи. И какъ, повидимому, ни порывался этотъ энергическій духъ самосильно исторгнуться изъ оковъ чувственно-естественнаго; однако все же оставался невольникомъ сего чувственно-естественнаго. Іонійская и Пиѳагорейская школы, сознавая нелѣпость идоловъ, строили какіе-то чувственно естественные же образы силы Творческой, мечтали слышать гармонію міровъ, устроенную по какой-то музыкальной математикѣ. Анаксагоръ, правда, говорилъ что-то о Высочайшемъ умѣ, но говорилъ такъ темно, что будто ловилъ носившуюся предъ нимъ какую-то тѣнь; и живые греки какъ ни старались понять его, но дошли только до того результата, что самаго этаго темнаго мудреца представили и прозвали тѣмъ Νοῦς о которомъ онъ проповѣдовалъ. Сократъ, свѣденія мудрости переводившій изъ школъ во весь составъ народный, свободно дававшій другимъ сознавать нелѣпость идолопоклонства безъ замѣны этой религіи истиною, чрезъ это и самъ отчасти поддержалъ софистику, катория изъ мудрости сдѣлала игрушку и для которой не было ни добродѣтели, ни религіи. Невольная, томительная грусть одолѣваетъ душу, при легкомъ и бѣгломъ обзорѣ развитія эллинской мудрости. Платонъ, цвѣтъ мудрецовъ эллинскихъ при верховномъ руководствѣ мерцающей въ духѣ человѣческомъ идеи о Богѣ и при помощи миѳологическихъ преданій, много прекраснаго

и высокаго говорилъ объ Отцѣ всѣхъ, и видѣлъ, что отъ сего Отца далеко ушелъ не только варваръ но и Эллинъ съ своею религiею и пiитически живою мудростiю, такъ далеко, что нельзя всѣмъ и говорить объ Отцѣ всѣхъ.... Съ жаромъ возставалъ онъ противъ языческихъ поэтовъ, много способствовавшихъ злу своими увлекательными мечтами, хотя самъ почерпалъ мудрость отчасти изъ поэтическихъ же сказанiй и преданiй, проповѣдовалъ ее часто въ поэтическихъ образахъ и миѳахъ, и мечталъ не менѣе всякаго языческаго поэта. Да, поэтъ христiанскiй! этотъ божественный Платонъ до-того обоготворилъ чувственно-естественный порядокъ вещей, что устроялъ въ своей головѣ, какъ бы подъ открытою властiю Отца всѣхъ, общество чистаго братства, въ которомъ все у всѣхъ было бы общее, даже и самыя жены.... Аристотель, въ которомъ, говорятъ, эллинская философiя созрѣла и принесла плодъ, не видя въ отторгнутомъ отъ Бога духѣ человѣческомъ основанiя мерцающимъ Платоновымъ идеямъ, отказался отъ нихъ, какъ отъ мечты, свелъ (тоже съ основанiемъ!!!) всю чувственную дѣйствительность въ одно общее понятiе, въ одинъ кругъ,—это понятiе, подъ образомъ объемлющаго все круга, назвалъ Богомъ, и задача бытiя и человѣчества рѣшена, разумѣется, съ высокимъ предпочтенiемъ Эллинскаго народа всѣмъ варварамъ.... Аристотель принадлежалъ этому времени, неотрѣшавшемуся отъ чувственнаго и въ своихъ философемахъ. Нужно ли еще говорить о Софистахъ и Циникахъ, о Стоикахъ и Эпикурейскахъ, изъ которыхъ одни представляютъ совершенно вывѣтрившихся и самодовольно болтающихъ всѣмъ о своей ничтожности мудрецовъ, а другiе чувствуя внутреннюю въ человѣкѣ и общественную въ народѣ пустоту, язвительно издѣваются надъ всѣми и надъ собою самими, одни, въ сознанiи разтлѣнности человѣческой, для гордаго торжества надъ нею хотѣли бы убить въ себѣ всякое живое движенiе, а другiе, въ чувствѣ живыхъ потребностей человѣка въ живомъ благѣ, мечтали найти успокоительное для духа благо въ удовлетворенiи разтлѣнныхъ и разтлѣвающихъ, естественныхъ влеченiй и стремленiй.... Вотъ, что стало съ мудростiю, которую Эллины дѣйствительно освободили отъ деспотическаго значенiя, усвоеннаго ей Восточными жреческими кастами! Но гдѣ святыни сей мудрости? Сами же мудрецы или смѣялись, или высокомѣрно отрекались отъ религiи, думая возвыситься надъ народными суевѣрiями, или съ лицемѣрiемъ наружно чтили народную святыню, въ духѣ поруганную ими предъ самымъ народомъ!...

Подобное случилось у грековъ и съ властiю, представительницею

Промысла Божественнаго. Отвращаясь деспотизма Восточнаго, греки болѣе и болѣе забывали и уничтожали священное значеніе власти, и, вмѣсто свободнаго подчиненія власти, распространялось и усиливалось у нихъ самоволіе. Цари, болѣе и болѣе ограничиваемые, почти совсѣмъ изчезли. Власть нерѣдко бывала игрушкою случайности, произвола и страстей. Въ критическія минуты, отличающіеся личнымъ достоинствомъ, люди успѣвали завладѣть каждымъ гражданскимъ обществомъ, и увлечь воспріимчивыхъ грековъ на поприще блистательныхъ подвиговъ; но лишь проходила критическая минута, оказавшіе великіе заслуги отечеству или сами стремились къ незаконному преобладанію незаконными путями, или бывали жертвою зависти, народной неблагодарности и легкомыслія. И потому свободные греки постоянно были рабами или честолюбцевъ, или, что еще хуже, собственныхъ необузданныхъ страстей. Такъ было внутри греческихъ гражданскихъ обществъ! Что касается до взаимныхъ ихъ отношеній, - извѣстно вѣчное ихъ враждебное соперничество между собою, насилія сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими, злорадное желаніе ослабить другъ друга какимъ бы ни было образомъ. Опять что касается до отношеній Эллиновъ къ тѣмъ, которые не были Эллинами, извѣстно ихъ самохвальное презрѣніе къ варварамъ (слово отъ Эллиновъ перешедшее къ другимъ народамъ,—) и извѣстно ихъ варварское обращеніе съ своими рабами.

Явился властитель, который своимъ личнымъ достоинствомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, успѣлъ завладѣть всѣми Эллинами и всѣхъ увлечь къ рѣшительному низложенію деспотизма Восточнаго, самовластительный царь свободныхъ подданныхъ, воспитанникъ Аристотеля, словомъ Александръ Македонскій. Вся народная греческая жизнь какъ будто шла къ тому, чтобы явился этотъ царь; всѣ лучшія стихіи сей жизни, казалось, выразились въ его личности, въ его власти и дѣлахъ, и въ исторіи его столь слышно высокое и благодѣтельное значеніе Эллинскаго народа въ человѣчествѣ.... Дряхлѣющій подъ деспотизмомъ Востокъ освѣжился свободными и живыми идеями эллинскими.... это, пожалуй правда! Но здѣсь еще одна сторона дѣла. Въ исторіи Александра Македонскаго особенно видна и зрѣлая уже разтлѣнность народной греческой жизни. Благородный врагъ деспотизма стремился къ насильственному самоуправному преобладанію надъ всѣми владыками востока. Царская власть, блистающая, по видимому, такимъ свѣтлымъ, значеніемъ въ великомъ Александрѣ, въ немъ-же въ тоже время является и крайне низвращенною страстями; ибо представитель и

первый слуга власти высшей, каковъ всякій Царь, претендовалъ на достоинство и названіе сына боговъ. Эллинскія идеи, разносимыя по Востоку, извѣстны уже намъ по своей несостоятельности и потому уже не могутъ обольстить насъ своею прелестною наружностію. И такимъ образомъ, полная всесторонняя истина, касательно значенія Эллина во Всемірной исторіи, выходитъ слѣдующая; язычествующій человѣкъ, отпадшій отъ Церкви, удалясь отъ Отца своего, въ лицѣ Эллина, живо, расторопно и блестящимъ образомъ распорядился отцовскимъ наслѣдіемъ, сбывая его поскорѣе съ рукъ, хотя многое пустилъ и въ хорошій оборотъ.... Послѣ Александра, Греція, лишась средочной силы и изживъ всю жизненность своихъ идей, распадалась и затлѣла и въ общимъ составѣ и въ частяхъ своихъ. Смѣнившіе владыкъ Востока, наслѣдники Александра дѣлили между собою міръ какъ захваченную добычу, по праву силы и страстей, не прикрываемыхъ уже блестящимъ видомъ личнаго достоинства этихъ новыхъ властителей. Находились такіе ревнители эллинскихъ идей, которые съ жестокимъ насиліемъ вводили эллино-языческія идеи въ тѣ мѣста, гдѣ никакъ не хотѣли покориться ихъ вліянію.

Въ сихъ крайностяхъ міра, нашлось еще въ языческомъ же мірѣ средство къ поддержанію распадающагося міра, средство, уже давно готовимое Промысломъ. Выходятъ на открытое всемірное поприще Римляне, несокрушимо могучіе духомъ и физическою силою, умѣющіе все и внѣ себя и въ себѣ, нѣкоторымъ образомъ самыя даже страсти свои покорить избранной своей идеѣ.

Римляне съ самаго начала умѣли, въ своей разсѣянной, бродяжнической жизни, соединиться въ одну твердую и согласную общину; безъ средствъ къ продолженію сей общины, они умѣли не только силою завладѣть сими средствами, но и получить власть надъ окружающими ихъ общинами. Благоговѣйно слышали они, какъ и другіе языки въ началѣ своей исторіи, правящую всѣми высшую Власть, и старались во всемъ читать волю сей вседержавной Власти, направляя это къ серьезно-практическимъ общественнымъ цѣлямъ. Представители сей власти сначала были цари, не посягающіе деспотически на права подданныхъ, столь мужественныхъ духомъ и тѣломъ.

Казалось бы, что такой именно народъ и нуженъ для поправленія всемірнаго дѣла, оставшагося незаконченнымъ и даже растроеннымъ послѣ Грековъ. Но и Римляне были язычники, отпадшіе отъ Христа грядущаго! Послѣ этаго нечего уже и говорить о разнообраз-

ныхъ видахъ ихъ общественнаго суевѣрія, о могучемъ и самоуправномъ эгоизмѣ, положенномъ въ самое основаніе Римской общины, о коварно-насильственномъ покореніи другихъ сосѣднихъ общинъ, наконецъ о воспитавшихся въ нихъ, въ слѣдствіе всего этого исполинскихъ видахъ на покореніе всѣхъ прочихъ народовъ. Цари, по сему общему духу стремящіеся къ рѣшительному деспотическому преобладанію, были отмѣнены Римскимъ народомъ, неудержимо стремящимся къ неограниченному ничѣмъ и властному надъ всѣмъ самоволію. Согласно и дружно Римляне преслѣдовали болѣе и болѣе идею всеміρнаго Владычества, опредѣляющуюся для нихъ; и кто болѣе другихъ входилъ въ эту могущественную идею, тотъ, естественно, становился властительнымъ двигателемъ народа. Народы покорялись Риму одинъ за другимъ, будучи не въ состояніи противиться всеувлекающей политикѣ и всепобѣждающей силѣ Рима. Каждому изъ сихъ народовъ оставляемы были и его религія, и его законы съ нравами, только съ верховнымъ владычествомъ надъ народомъ Римскаго Сената, и надъ богами сего народа Юпитера Капитолійскаго: такъ что въ одно и тоже время слышалось и признаніе Римомъ человѣческаго достоинства даже въ тѣхъ, которые не были Римлянами, и желаніе сковать все человѣчество цѣпями этаго владыки міра—Рима. Въ одно и тоже время казалось, что духъ человѣческій какъ бы сталъ видимо созрѣвать къ пріятію единой духовной власти надъ всѣмъ человѣчествомъ, и вмѣстѣ очевидно открывалось, что буквою развивающагося Римскаго права, хотѣли на вѣки утвердить внѣшнюю власть Римлянъ надъ всѣми иноплеменными или иноименными человѣками.

Цезарь вполнѣ понялъ и усвоилъ Римскую идею всемірнаго владычества, и явился владыкою Рима и міра. Онъ помышлялъ объ освобожденіи невольниковъ и всѣ стороны власти умѣлъ сосредоточить въ своемъ лицѣ, въ своей мысли и волѣ.... Во имя той же идеи независимаго и всевластнаго самоволія Римлянъ, Цезарь кознями и насиліемъ былъ низвергнутъ съ той страшной высоты, на которую взошелъ было по праву непобѣдимости своей въ политическихъ хитростяхъ и военной силѣ. Но послѣ него уже не была тайною эта Римская идея; самое имя Цезаря, представителя сей величественной идеи, стало безцѣнно и священно для Римлянъ; ловкій, находчивый Римлянинъ, родственникъ цезаря, могъ воскресить и упрочить въ нравственно-падающемъ Римѣ, Цезаря, и значеніе власти Цезаря могло быть развито до послѣднихъ своихъ результатовъ. Такъ на-

конецъ образовалась и открылась эта безпримѣрная власть. Римскій Императоръ, признанный Владыкой міра, не обинующійся именовать себя: **Dominus Deus!** Такъ наконецъ язычество созрѣло, и въ своемъ плодѣ, въ сихъ, законною буквою обоготворенныхъ и самообожающихъ, Императорахъ Римскихъ прямо и совершенно открыло свою внутреннюю силу! Обоготворенію чувственно естественнаго идти далѣе не возможно. Жизненность религіи языческой уже въ конецъ истощена; слѣдовательно основаніе истины, добродѣтели, довольства внутренняго, давно подорванное, теперь ниспровергалось рѣшительно для языческаго міра, который весь почти сведенъ былъ тогда подъ единодержавіе Рима. Упадокъ нравственный и развратъ былъ почти всеобщій и въ самыхъ грубыхъ и вмѣстѣ безтыдно-открытыхъ или еще безстыднѣе прикрытыхъ тайною религіи видахъ, и въ утонченныхъ образованностію и тѣмъ безстыднѣйшихъ видахъ. Не увлекающіеся разливомъ нравственнаго разтлѣнія, но не находящіе спасительной истины, вооружались истиною, судящею и безпощадно карающею неправду, и писали приговоръ всему древнему разтлѣнному въ язычествѣ міру. Въ такомъ нравственномъ состояніи безвѣрія, безнадежія или упорнаго и жесткаго суевѣрія, распространилась всюду страшная тоска и недовольство, въ которыхъ человѣкъ холодно поднималъ руки на себя самаго какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ народныхъ классахъ. Греческая, давно обращенная въ игрушку, мудрость до того вывѣтрилась, что даже въ столицѣ сей мудрости (Аѳинахъ) въ томъ только и проводили время, что говорили или слушали что нибудь новое. На востокѣ еще продолжался этотъ деспотическій духъ-фанатизмъ, обнаруживающійся въ *самовольномъ смиренномудріи и непощадѣніи тѣла*.... (*)

Міръ явно погибалъ. Гдѣ спасеніе? Не въ появляющихся ли на Сѣверѣ и надвигающихъ на Югъ, Германскихъ племенахъ? Германцы дики и вольны. Идеи язычества, выжившіи всѣ остатки жизненности, какая могла еще въ нихъ затаиться по отпаденіи языковъ отъ области жизни церкви, не имѣли уже властнаго и сдерживающаго ихъ буйство значенія; и потому Германцы, какими они являются въ первый разъ, не имѣли даже прочной, опредѣленной власти, и жили въ разсыпную, ища одной добычи и выгоднѣйшею добычею считая людей. Только это стремленіе къ добычѣ и связывало ихъ и

(*) Ибо онъ, смѣшенный съ Іудействомъ, проторгался и въ христіанство. См. послан. Ап. Павла къ Кол. гл. 2, ст. 18. 23.

устремляло на Имперію. Словомъ: Германскія племена были сила великая, не початая, но дикая и необузданная, сила не управляемая уже ничѣмъ твердо-разумнымъ и человѣческимъ. Но не восполнится ли этотъ недостатокъ самаго главнаго для силы разумнаго закона—Римскимъ гражданскимъ правомъ и эллинскою образованностію, уже вполнѣ развившимися? Пусть, вникая въ сущность положенія тогдашнихъ дѣлъ, можно было бы гадать, что Риму, дряхлѣющему въ своемъ разтлѣнномъ преобладаніи надъ міромъ, не уцѣлѣть и не устоять предъ свѣжими и буйными Германскими племенами, что Риму придется уступить симъ племенамъ и свое гражданское право и эллинскую образованность. И это право и эта образованность были точно развиты въ высшей степени, и столько же и безжизненны сами по себѣ. Римъ перенялъ у Эллиновъ образованность именно въ той степени ея разтлѣннаго развитія, до какой она развита была Эллинами, и превратилъ эту внѣшнюю пищу въ свой внутренній составъ, въ свое внутреннее, еще болѣе разтлѣнное развитіе.... И такъ, поэтъ, умѣющій соприкасаться къ живой сущности всего дѣйствительнаго! скажи, что бы далѣе было съ міромъ, если бы Германскія племена своей огромной неразумной силѣ подчинили разтлѣнныя эллинскія идеи и безжизненное, грозное своею безпощадностію, право Римское.... Нѣтъ, это уже выходитъ изъ предѣловъ возможнаго на землѣ, правимой и блюдомой еще, а не отвергаемой всевластною Любовію.... Изъ одной Римской провинціи, самой ничтожной, испытавшей на себѣ всѣ ужасы всемірнаго владычества Римскаго, самой презрѣнной міромъ и даже, по видимому, лучшими въ немъ, уже разносилось по всему міру благовѣстіе о совершившемся всеобщемъ спасеніи рода человѣческаго....

Что же это за провинція, что это за страна, столь ничтожная въ самомъ дѣлѣ, что можно было проглядѣть ее при обозрѣніи судьбы великихъ языческихъ народовъ Востока и Запада? Это Іудея, оставленная нами, поэтъ, въ разцвѣтѣ своей, едва ли не всемірной въ то время, славы. Посмотримъ, что же это сталось съ нею, какъ она стала самою ничтожною и презрѣнною, страною и наконецъ Римомъ доведена была до запустѣнія; вникнемъ, какъ же это совершилось въ сей землѣ всеобщее спасеніе, и между тѣмъ никто въ погибающимъ мірѣ того не зналъ и не подозрѣвалъ, хотя въ тоже время безсознательно и глухо міръ ожидалъ чего—то съ Востока.

Въ самомъ избранномъ народѣ, въ слѣдъ за славною эпохою Давида и Соломона, началось быстрое внутреннее отпаденіе отъ

спасающей Благодати, которая сему народу ввѣрила свои сокровища. Область образовъ и сѣней стала потому становиться темнѣе и темнѣе; Ветхозавѣтное устройство церковное, восполняемое и подтверждаемое прибавляющимися откровеніями, но болѣе и болѣе обезсиливаемое грѣхомъ, оказывалось болѣе и болѣе недостаточнымъ для спасенія человѣческаго. Въ эпохѣ особеннаго духовнаго омертвѣнія какъ въ семъ избранномъ народѣ, такъ и въ мірѣ языческомъ, первый приходилъ въ такое внутреннее и сильное соприкосновеніе съ послѣднимъ, что избранный народъ, при тяжкомъ преобладаніи языковъ надъ нимъ, возбуждался къ жизни, а языческій міръ освѣщался въ своей темнотѣ свѣтомъ небеснымъ, припоминая хотя на минуту своего Верховнаго Владыку и Судію и возгрѣвалъ въ себѣ свою, слабую, темную надежду будущаго всемірнаго избавленія. Будемъ слѣдить за послѣдовательностію самыхъ событій.

Еще при Соломонѣ и въ немъ самомъ поразительно открылось, что въ обожаніе твари вмѣсто Творца впадали изъ избраннаго народа уже не столько по увлеченію мечтательныхъ чувствъ и помысловъ, пораженныхъ величіемъ твореній Божіихъ, сколько по пристрастію прямо къ порокамъ язычества, которые вели и въ религію язычества и при которыхъ всѣ внѣшніе великолѣпные виды самой Богоданной религіи теряли свое свѣтлое и живое значеніе для души. Въ слѣдъ за тѣмъ и именно по причинѣ уклоненія сердецъ отъ Спасающей Небесной благодати, цари, измѣняли своему назначенію быть представителями и первыми слугами Того на землѣ, Кто есть сама Любовь: какъ бы по образу Восточныхъ деспотовъ (съ которыми уже естественно и неизбѣжно было тогда сообразоваться всякому царю Евреевъ, коль скоро онъ измѣнялъ значенію царской власти, въ Божіемъ народѣ) одинъ изъ царей въ первый день своего царствованія грозилъ своимъ подданнымъ бить ихъ скорпіонами, а другой царь для упроченія за собою подданныхъ своихъ не усомнился отвлечь ихъ отъ законнаго храма и служенія тому Богу, Который и далъ ему царство. Тогда же и по той же причинѣ подданные, забывши свой долгъ благоговѣйнаго уваженія и покорности къ священной особѣ царя, который отвѣчаетъ за все Единому Богу и страшною отвѣтственностію предъ Нимъ избавленъ отъ отвѣтственности предъ людьми, мятежно требовали уменьшенія тягостнаго для мятежныхъ ига царской власти; а по поводу отказа, совсѣмъ отступили отъ царя, воздвигая мятежъ противъ самаго Бога, котораго представителемъ былъ царь. Такъ въ самомъ избранномъ на-

родѣ произошло враждебное раздѣленіе, началось рѣшительное отпаданіе наибольшей части сего народа отъ спасительной Благодати, предъявляемой въ сѣни внѣшнихъ установленій. Въ царствѣ Израильскомъ соблазны и искушенія для благочестія слѣдовали отъ самыхъ царей, не хотѣвшихъ знать ничего кромѣ своихъ личныхъ видовъ и произвола. Отсюда зло перенималось и царствомъ Іудейскимъ, хотя въ семъ царствѣ являлись еще на престолѣ нѣкоторые достойные потомки Давида, и въ самомъ царствѣ Израильскомъ, въ самыя худшія времена, были тысячи, не преклонявшія колѣно предъ Богами чуждыми. Верховный Царь Израилевъ, Іегова ощутительно и какъ бы видимо царилъ надъ тѣмъ и другимъ царствомъ, воздвигая въ нихъ пророковъ, одушевляя ихъ Святымъ Духомъ, вооружая ихъ властію надъ всѣмъ міромъ для смягченія жестоковыйныхъ знаменіями и чудесами. Пророки громами гремѣли противъ презрителей высокаго и спасительнаго избранія Божія. На сколько сѣни и образы теряли свое свѣтлое значеніе для Евреевъ, отпадающихъ сердцемъ отъ истинной вѣры, и прообразовательныя жертвы и праздники или пренебрегались, или были у многихъ одною внѣшностію; столько требовалось открывать ничтожность, безъ внутренней вѣры, всѣхъ внѣшнихъ прообразовательныхъ видовъ религіозности, болѣе и болѣе раскрывать потребность и сущность духовнаго благодатнаго служенія Богу, и грядущаго Мессію и его царство изображать многими уже прямыми и открытыми чертами. Кто не знаетъ, напр. у Исаіи чисто Евангельскаго повѣствованія о страданіяхъ и смерти Христа за наши грѣхи, Евангельскаго изображенія его царства? Кто не знаетъ прямыхъ пророчественныхъ указаній на рожденіе напр. Христа отъ Дѣвы и именно въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, на открытіе общественнаго его служенія въ Галилеи и т. п.? Всѣ эти свѣтлыя чаянія внушаемы были вѣрующимъ, среди обличеній и угрозъ, и властителямъ и подвластнымъ, невѣрнымъ своему Богу.

Наконецъ, по предварительно—возвѣщенному чрезъ Пророковъ мановенію Божію, одна и наибольшая половина избраннаго народа (царство израильское) была и внѣшнимъ образомъ отсѣчена отъ церкви и разсѣяна въ языки, съ которыми внутренно уже давно болѣе и болѣе она соединялась. Сей отверженной половинѣ оставлена надежда возстановленія и помилованія въ самыя отдаленныя, недовѣдомыя, грядущія времена. Вскорѣ за тѣмъ сдвинута съ святаго мѣста и другая половина; все, съ чѣмъ соединялась, чѣмъ питалась и оживлялась вѣра Ветхозавѣтнаго человѣка, и что Іудеи своимъ

развращеніемъ успѣли почти сдѣлать для себя одною внѣшностію, было ниспровергнуто. Но это грозное прещеніе правды Божіей такъ воздѣйствовало къ возбужденію и оживленію мертвѣющей вѣры Іудеевъ, что въ грозномъ ликѣ правды Божіей не замедлила торжественно и славно снова открыться для помилованнаго народа спасительная и всепрощающая Любовь. Самый гордый и самовластный царь Востока смирялся и благоговѣлъ предъ вышеестественными явленіями сей вседержавной власти и силы, какія открылись ради плѣнниковъ его Іудеевъ (Навуходоноссоръ). Самый могущественный царь, который стремился своему деспотизму покорить весь Востокъ, съ благоговѣніемъ самъ покоряется вѣчной державѣ Іеговы и даетъ Іудеямъ свободу возвратиться въ отечественную святую землю (Киръ).

Іудеи возвратились въ землю обѣтованную. Храмъ и Іерусалимъ снова созданы. Возвращеніе изъ земли чуждой въ отечество, которое по силѣ Божія обѣтованія, отъ начала было для избраннаго народа залогомъ грядущаго благодатно-свѣтлаго царства, возстановленіе видимыхъ образовъ и сѣней, которыя были разрушены и къ возсозданію которыхъ было столько препятствій, снова оживило и освѣжило сѣновное Ветхозавѣтное домостроительство, начинавшее меркнуть. Да, поэтъ, вспомните эту пѣснь плѣнниковъ Вавилонскихъ, этотъ покаянный голосъ вѣры, воскресающей по отнятіи того, что было видимою опорою и пищею сей вѣры: *«на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона.... Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей?.... Прилпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего....* Войдите въ самый духъ поющихъ, для которыхъ Іерусалимъ и гора Сіонская были тоже, что для насъ наша церковь, которая сохранилась у насъ отъ временъ Апостольскихъ, какъ дѣва цѣломудренная, которая и съ глубокими догматами своими и съ внѣшними обрядами снесена точно съ неба. Потомъ подумайте умомъ и сердцемъ, каково должно быть состояніе духа ихъ при возвращеніи въ Іерусалимъ, при возсозданіи его и храма. И вы увидите или почувствуете, что Ветхозавѣтное сѣновное домостроительство точно снова воскресло, и что для вѣры еще спасительно свѣтло и удобно въ видимомъ Іерусалимѣ и на чувственномъ Сіонѣ.... Но уже новый храмъ былъ не то, что древній Соломоновъ храмъ; самой важнѣйшей и первой святыни уже не было въ немъ, не говоря уже о великолѣпіи и богатствѣ. Въ землѣ, обѣтованной Отцамъ, Іудеи свободно, правда, могли жить и служить Богу, но

уже въ безсиліи, безъ царя, въ зависимости отъ языческаго владыки. И посланникамъ высочайшаго и всемірнаго Владыки удобно было ясными и живыми указаніями на Мессію и на обстоятельства открытія благодатнаго царства, какъ бы прямо предпосылать Іудеевъ въ срѣтеніе сего праведнаго и спасающаго Царя благодати, имѣющаго придти въ храмъ свой (тогда возсозидаемый). Не опустимъ изъ вида ученія Пророковъ, въ это время, и относительно нравовъ. Прежде смягчалась строгость нѣкоторыхъ, касающихся общежитія обязанностей, по той причинѣ, что и человѣкъ, кипѣвшій чувственными страстями, какъ бы невольно увлекался преступать сіи обязанности; и сія уступка, дѣлаемая естественной жестоковыйности, служила къ удержанію жестоковыйныхъ въ сердечной вѣрности Іеговѣ. Но теперь этою самою уступкою человѣкъ уже начиналъ питать прямо свое пристрастіе къ пороку, и могъ оправдывать свою внутреннюю невѣрность предъ Богомъ дозволеніемъ самаго закона Божія. Снисхожденіе въ семъ случаѣ уже не могло имѣть мѣста. Теперь долгъ нравственности слѣдовало объяснять и предписывать въ большей духовной чистотѣ: такъ, Пророкъ Малахія сильно возставалъ противъ *разводовъ*, дозволенныхъ Моисеемъ, и противъ самаго *многоженства*, такъ извѣстнаго въ вѣкъ Давида и Соломона.

Дальнѣйшія судьбы избраннаго народа, ставшаго въ зависимость отъ языковъ, тѣсно соединяются съ судьбами и перемѣнами языческаго міра, въ которомъ тогда деспотическій Востокъ долженъ былъ самъ преклониться предъ свободолюбивыми и властолюбивыми Эллинами. И въ этомъ народномъ состояніи Іудеевъ сколько возбуждалась и проявлялась въ нихъ вѣра, столько благодать являла въ нихъ чудное могущество свое надъ самыми сильными и мечтательными умами язычниковъ; самъ завоеватель Востока, этотъ высокоумный Эллинъ, которому хотѣлось прослыть сыномъ Юпитера, преклонился предъ именемъ Іеговы. Разсѣеваемые или сами расходящіеся по языкамъ, сыны Израиля незамѣтно разносили всюду и слово о забытомъ почти всѣми и никого не забывающемъ, Единомъ Богѣ. И, съ распространеніемъ на самомъ Востокѣ эллинскаго свободнаго и открытаго любовѣдѣнія, сами язычники позаботились, чтобы слово Единаго Бога—Еврейскія священныя книги были переведены на эллинскій языкъ; а Іудеи, углубляясь въ священныя книги мыслію и чувствомъ вѣры, стали сочинять благочестивыя и иногда глубокія творенія, нетолько въ назиданіе своихъ соплеменниковъ, но съ намѣреніемъ и *иностранныхъ пользовати* (напр. книга Сираха, книга

премудрости Соломона....). Вѣрующій человѣкъ какъ будто, казалось уже, приближался къ тому возмужанію, когда ему излишне будетъ давать новыхъ чрезвычайныхъ приставниковъ, когда для назиданія и просвѣщенія его вѣры достаточно будетъ уже прежнихъ Божественныхъ уроковъ. Ветхозавѣтныхъ пророковъ уже не являлось болѣе.

Но, съ другой стороны, эллинскій, глубоко испорченный духъ, стремительно проторгался своимъ губительнымъ вліяніемъ въ самое святилище Іеговы. Самая священная власть, которая осталась главною въ избранномъ народѣ,—первосвященство, сдѣлалась у Іудеевъ предметомъ любочестія, достигалась деньгами, кознями, насиліемъ. Нашелся первосвященникъ, который научилъ Іудеевъ стыдиться отечественныхъ установленій и самыхъ священниковъ, предпочитать священному служенію зрѣлища языческія, который посылалъ изъ Іудеи на языческія игры въ честь Геркулеса зрителей и серебро....) Какой свѣтъ могла найти въ Сіонѣ вѣра? Вслѣдъ за внутреннимъ конечнымъ разстройствомъ Іудеевъ не замедлилъ открыться праведный судъ во внѣшнемъ всегубительствѣ. Послѣ разныхъ видовъ крайняго насилія и убійствъ и въ сопровожденіи ихъ, на олтарѣ Божіемъ поставленъ идолъ Юпитера Олимпійскаго; храмъ наполненъ мерзостями языческими; священныя книги, какія на сей разъ найдены, сожжены; самое имя *Іудея* запрещено. И многіе Іудеи приняли всеобщую эллинскую религію, у самыхъ Эллиновъ уже изжившую и малѣйшіе остатки жизненности, какіе въ ней могли еще сначала затаиться, и обличенную въ своей пустотѣ эллинскими же мудрецами. Лучшее тому доказательство былъ самый этотъ бѣшеный Антіохъ, являющій въ себѣ уже или одно жесткое и упорное суевѣріе, или такую политическую разчетливость, для которой уже нѣтъ ничего святаго.

Сей крайне тяжкій крестъ для церкви Ветхозавѣтной успѣлъ еще возбудить въ избранномъ народѣ живую вѣру, и оживить въ послѣдній разъ Ветхозавѣтное церковное устройство видимо ветшающее. Нашлись люди, которые показали въ себѣ торжество церкви, еще въ Ветхозавѣтномъ, образовательномъ ея устроеніи. Чтобы не преступить воли Божіей даже въ отношеніи къ пищѣ, девяти-десятилѣтній старецъ, какъ юноша, подвизался и достигъ мученическаго вѣнца. Даже женщина и притомъ мать, умѣла нетолько великодушно смотрѣть на страданіе седьми сыновъ своихъ за вѣрность Іеговѣ, но и материнскою любовію подкрѣплять и поощрять ихъ въ семъ чудномъ подвигѣ....

Такъ еще Ветхозавѣтная вѣра могла предусвоять благодатную

силу. И слѣдовательно для спасенія человѣка еще достаточно сѣни грядущей благодати, хотя въ семъ же самомъ чудно могущественномъ дѣйствіи благодатной силы, несопровождаемомъ поразительными образами ея, уже слышится близость того времени, когда вѣрующія души будутъ въ состояніи принять благодать, и она откроется въ духовной своей существенности. Торжество вѣры надъ язычествомъ было такъ рѣшительно, что спасеніе Божіе не замедлило и внѣшнимъ образомъ открыться въ избранномъ народѣ. Послѣ многихъ и оборонительныхъ и наступательныхъ подвиговъ за вѣру, иго языческое наконецъ свержено, и избранный народъ, въ своей независимости, съ своимъ правителемъ Первосвященникомъ, достигъ и внутренняго благоденствія и внѣшней славы. Знаменитые прежнею силою изъ Эллиновъ и входящіе въ силу и величіе Римляне были въ союзѣ съ Іудеями и уважали ихъ.

Это была послѣдняя и самая краткая прекрасная вспышка угасающаго Ветхозавѣтнаго домостроительства. Но по минованіи критической минуты, прежній порядокъ вещей возвратился и шелъ далѣе...

. . . .
. . . .

Дѣло остановлено обстоятельствами.

Свято-Троицкая Сергіева Лавра.

1848 года.

ПОЗДНѢЙШАЯ ПРИПИСКА.

Обстоятельства не дозволили мнѣ окончить мои письма при жизни Гоголя. Но издавая въ свѣтъ эти письма, нахожу необходимымъ присовокупить эту позднюю приписку и въ ней докончить прерванное въ третьемъ письмѣ....

Слѣдя развитіе жизни древняго человѣчества, мы не только въ области язычества нашли, что человѣку самому по себѣ идти далѣе можно было только къ открытой гибели, но и въ нѣдрахъ церкви и вѣры увидѣли, что уже истощились всѣ Ветхозавѣтные способы къ духовному оживленію человѣка. Самый Богоучрежденный Ветхозавѣтный порядокъ вещей, вспыхнувъ жизнію на самое короткое время при Маккавеяхъ, становился для Іудеевъ болѣе и болѣе мертвѣющею буквою и формою, распространявшею въ народѣ Божіемъ нравственно-рабскій духъ вмѣстѣ съ фарисейскимъ отчужденіемъ отъ прочаго человѣчества; самая идея о обѣщанномъ Спасителѣ міра, раскрытая такъ блистательно въ Ветхозавѣтныхъ пророчествахъ, превращалась разтлѣнностію міра въ мечту о блистающемъ мірскою славою завоевателѣ и властелинѣ всего міра. Итакъ вся древняя жизнь рода человѣческаго, безостановочно шедшая впередъ, шла или велась собственно къ смерти?!.. Да не будетъ этого во вѣки вѣковъ! Въ самое время наиболѣе усиленнаго и открытаго омертвѣнія языковъ и Израиля и пришелъ Тотъ, Кто Самъ есть жизнь и истина для всего человѣчества. Онъ, вынесши на Себѣ всю мертвость человѣческую до собственной крестной смерти, въ воскресеніи и при вознесеніи Своемъ открылся въ полной силѣ «свѣтомъ къ просвѣщенію язычниковъ и славою для народа Божія Израиля». И вотъ, такимъ образомъ, вся прежняя жизнь человѣче-

*

ства, достигшая въ Изралѣ до явленія Богочеловѣка, къ пріятію Котораго нашлись изъ среды того же народа и Пресвятая Дѣва Богоматерь и необходимый предуготовитель вѣры Предтеча и Св. Апостолы, а въ мірѣ языческомъ доведенная, съ одной стороны, до очевидности крайней нужды въ Вышней помощи, а съ другой до раскрытія созданія, достаточнаго къ уразумѣнію и усвоенію Христовой истины и благодати, до приготовленія заранѣе новыхъ свѣжихъ народовъ въ почву для насажденія христіанства,—вся эта общечеловѣческая жизнь древняго міра оказывается шедшею путемъ самаго вѣрнаго, свыше разсчитаннаго, *прогресса.* И это, какъ все Ветхозавѣтное, произошло въ образъ для временъ самаго христіанства.

Обращаясь теперь къ образу мыслей Гоголя, для повѣрки котораго мы слѣдили жизнь древняго человѣчества, мы не находимъ нужды указывать, какъ глубоко-вѣрно чувство истины во взглядѣ Гоголя на содержаніе и времена Одиссеи, какъ оправдывается и самою исторіею воззрѣніе Гоголя на свѣтъ и силу Христова воскресенія. Но особенно нужнымъ и умѣстнымъ считаемъ, именно теперь, замѣтить проницательность и вѣрность взгляда Гоголя на такъ называемыхъ у него, Восточниковъ и Западниковъ. Тѣ и другіе, дѣйствительно, видятъ одно и тоже зданіе истины, раскрывающейся въ самыхъ событіяхъ міра, но каждые—съ своей одной стороны, и не хотятъ никакъ отступиться отъ своего привычнаго односторонняго положенія для обозрѣнія зданія со всѣхъ сторонъ; и виноватѣе въ этомъ именно Восточники. Вотъ въ жизни древняго міра (развивавшейся въ образъ и для новаго міра) только по Христу и есть прогрессъ, несомнѣнный прогрессъ. Западники съ особенною живостію сознаютъ истину прогресса, но не доразумѣваютъ возвести его, какъ слѣдуетъ по самой исторіи, къ Христовой истинѣ и благодати, а Восточники, ревнуя о славѣ Христа, подозрительно и даже иногда съ упорнымъ осужденіемъ смотрятъ на самую мысль о прогрессѣ, который однако и составляетъ именно Христову славу. Чѣмъ болѣе послѣдніе хвалились бы истиною Христовою, тѣмъ не извинительнѣе было бы для нихъ не примѣчать въ этой истинѣ такого свѣта, который однако прозрѣваютъ первые.

Остается теперь повѣрить и оправдать мысли Гоголя, касающіяся исторіи христіанства, взаимнаго отношенія Восточной и Западной церкви, развитія человѣчества на Западѣ, особенно Россіи и нашего времени.

Характеръ и внутренній порядокъ Новозавѣтнаго времени (который надо намъ прежде всего уяснить для отчетливаго разумѣнія исторіи христіанства до нашей современности, включительно), опредѣляется характеромъ и порядкомъ самаго Христова дѣла и служенія, совершившаго Новый Завѣтъ и открывшаго новый путь человѣчеству и его судьбамъ. Господь нашъ, воспріявъ въ Свою личность ради насъ человѣческое естество и явясь въ мірѣ для его спасенія, благоволилъ войти въ порядокъ вещей, Богоустановленный въ Ветхомъ Завѣтѣ: былъ обрѣзанъ, свято чтилъ Іерусалимскій храмъ съ его праздниками и другими священными его учрежденіями, требовалъ должнаго вниманія и послушанія къ занимавшимъ тогда Моисеево сѣдалище, и проч. Но такъ какъ Христосъ «былъ подъ закономъ» (Гал. IV, 4), выдерживая самую живую его силу и духъ, а современное Ему іудейство, съ своими узкими, плотскими понятіями, дѣлало изъ всего закона Божія только мертвую букву, изъ подзаконнаго порядка форму, въ однихъ бездушную, въ другихъ даже служащую личиною лицемѣрія и другихъ низкихъ пороковъ, и только въ немногихъ не совсѣмъ убитую: то въ слѣдствіе этого и произошло съ достойною Божественной премудрости простотою, что Господь, противъ омертвѣлаго іудейства, выдерживая въ жизни и раскрывая въ ученіи самую силу и живую сущность закона и всего Ветхаго завѣта, чрезъ это и раскрывалъ и совершалъ свой Новый завѣтъ, завѣтъ самаго существа благодати и истины Божіей (*). Такъ въ ученіи преподавалъ Господь истины духовнаго совершенства, прямо противупоставляя его законной правдѣ, какъ она понималась книжниками и фарисеями (см. напр. Мат. V); раскрывалъ глубочайшія тайны благодати, также противупоставляя ихъ плотскимъ понятіямъ о Ветхозавѣтныхъ образахъ благодати (Іоан. VI гл. и др.). Равно и въ жизни своей Спаситель міра, при возраставшей съ постепеннымъ раскрытіемъ несовмѣстности съ Его духомъ мертваго іудейства, враждебности представителей и вождей сего послѣдняго,—и совершалъ свое крестоносное служеніе Агнца Божія, жертвующаго самимъ Собою предъ Отцемъ Своимъ за всемірныя заблужденія и грѣхи; пока наконецъ, не былъ обвиненъ Іудеями, какъ злодѣй, предъ самымъ языческимъ (Римскимъ) правительствомъ и умеръ на крестѣ, къ рѣшительному со-

(*) Все это съ полною обстоятельностію разслѣдовано въ особомъ сочиненіи *о Новомъ Завѣтѣ*, которое приготовляется къ печати.

вершенію Своего Новаго завѣта, завѣта искупленія Своею кровію безраздѣльно іудеевъ и язычниковъ, и вообще всего міра. Вся такая Божія во Христѣ любовь къ людямъ, съ превознесеніемъ Его и по человѣчеству въ славу, вѣчно-принадлежащую Ему по Божеству у Отца, и открылась въ силѣ Св. Духа для общенія пріемлющихъ на всѣ времена и на самую вѣчность.—Такой Божественный порядокъ Христова дѣла и служитъ основаніемъ и первообразомъ для всѣхъ проявленій Его же благодати и истины въ дальнѣйшихъ судьбахъ міра и Церкви. Именно въ какомъ отношеніи и въ какой мѣрѣ духъ и силы истины и благодати Христовой были бы закрываемы для вѣры или задерживаемы въ вѣрующихъ ложью и зломъ, въ томъ самомъ отношеніи вѣра вводилась бы въ соразмѣрное общеніе крестоносной жизни и крестныхъ страданій и смертныхъ скорбей Господа, въ живое и дѣйственное участіе въ любви Христовой, низведшей Его на землю и здѣсь возведшей на крестъ; и такимъ образомъ самая враждебность лжи и зла назначена служить только поводомъ къ постоянному надъ нею торжеству Христовой истины и благодати до раскрытія ихъ въ славу вѣчной жизни. Такое шествіе вѣры и церкви путемъ креста къ раскрытію высшей жизни должно было начаться съ той, наиболѣе простой и грубой, враждебности лжи и зла, что іудейство и язычество просто не давали вѣрѣ и церкви Христовой мѣста въ мірѣ, а кончиться оно должно тѣмъ, что въ противленіи и лжи послѣдняго врага Христова едва для вѣры самыхъ избранныхъ останется что либо, не извращенное и не подавленное зломъ и неправдою. Мы увидимъ, что это крестоносное шествіе спасаемаго человѣчества впередъ раскрывается въ исторіи съ самою строгою послѣдовательностію.

Сначала только бы обрѣлась въ комъ, іудеѣ или язычникѣ, открытость дѣтской вѣры въ Христову истину и благодать; и такой человѣкъ становился благодатнымъ общникомъ Христовой жизни, жизни во свѣтѣ истины и благодати и для разума и для сердца, для всѣхъ силъ его, такъ что и самые тѣлесные члены его становились благодатными Христовыми членами. Но въ томъ-то и бѣда была, что вѣрѣ іудеи и язычники не давали никакого мѣста въ мірѣ, что вѣра должна была отстаивать самое свое бытіе противъ всѣхъ ужасныхъ гоненій со стороны іудейства, владѣвшаго всѣми прежними откровеніями Божіими о спасеніи человѣка (Рим. III, 2), и язычества, въ рукахъ котораго была гражданская власть надъ міромъ. И вотъ, открылось главное для вѣры того времени поприн-

ще добропобѣднаго мученичества за Христа, этого кроваваго общенія въ силѣ Христовыхъ страданій и смерти, дивнаго общенія Св. мучениковъ и мученицъ въ могуществѣ, расположеніяхъ и сладости любви Господней, проявленной въ Его страданіяхъ и смерти за людей (*).

Св. добропобѣдные мученики завоевали своимъ общеніемъ въ Христовыхъ страданіяхъ ничѣмъ совнѣ не стѣсняемое удобство для вѣры къ предъявленію въ себѣ той силы Христовой истины и благодати, чтобы Христосъ вселялся въ души, какъ верховное начало для всей ихъ жизни, какъ Богъ ихъ мысли, чувства, желаній, всякаго движенія. Но немедленно внутри самой церкви открылись новыя именно къ этому препятствія и затрудненія со стороны лжи и зла. Ложь посягнула сначала (въ Аріанствѣ) на самое значеніе Христа, какъ высочайшаго для насъ начала: оспаривала Его Божество, Его единосущіе со Отцемъ по Божеству. Чрезвычайнымъ напряженіемъ и подвигами вѣры истина восторжествовала надъ возмутившею весь христіанскій міръ ложью. Но ложь не замедлила противопоставить новую преграду ко вселенію въ вѣрующихъ душахъ Христа, истиннаго Бога нашего, унизивъ (въ Македоніанствѣ) до тварнаго ничтожества Св. Духа, въ силѣ Котораго усвояется Христосъ вѣрующимъ и дѣйствуетъ въ нихъ. Когда подвигами вѣры, съ раскрытіемъ и утвержденіемъ истины о Св. Духѣ, обезпечена была (такъ сказать) для вѣрующихъ Божественная сила и возможность къ единенію во Христѣ съ Божествомъ: то ложь стала настаивать (въ Несторіанствѣ), что въ Самомъ Христѣ человѣческое съ Божественнымъ соединилось только случайно, что Христосъ родился отъ своей матери будто бы простымъ человѣкомъ, съ которымъ уже въ послѣдствіи соединился Богъ Слово, пребывая Своею личностію всегда отдѣльно отъ личности Христовой; отъ чего самое основаніе къ благодатному союзу людей съ Богомъ распадалось бы внутренно въ Самомъ Христѣ. Чрезъ новые крестные подвиги вѣры раскрыто и утверждено, что Богъ Слово, Единосущный Отцу, Самъ Своею личностію, Своимъ «Я» снисшелъ ради насъ, ради нашей личности до принятія въ единеніе съ Собою человѣческой природы, и что потому, Матерь Его есть истинно Богородица, открывшая въ себѣ входъ къ намъ Божеству Христову чрезъ Его въ ней вопло-

(*) (2) См. въ кн. «о православіи въ отношеніи къ современности», *статьи первую и вторую о современности въ отношеніи къ православію.*

щеніе, готовая по сему и въ насъ матерински поддерживать духъ Сына Своего.—Ложь и здѣсь нашла, чѣмъ подкопать Христову истину, къ остановкѣ въ насъ дѣйствія благодати: стала утверждать (въ Монофизитствѣ), будто во Христѣ человѣчество поглотилось Его Божествомъ, какъ капля въ морѣ и слѣдовательно мы все таки не имѣли бы во Христѣ ничего сроднаго и удободоступнаго намъ для нашего единенія съ Нимъ. Вѣра стала съ обычною ей вѣрностію до смерти за истину, что во Христѣ, съ Его Божествомъ, осталось цѣлымъ и Его человѣческая природа, что Онъ, сущій въ лонѣ Отца по Божеству, жилъ на землѣ истиннымъ человѣкомъ съ душею, съ тѣломъ, со всѣми законами и требованіями человѣческаго ума, сердца воображенія, равно какъ и съ физическими потребностями и ихъ удовлетвореніемъ; и все это для насъ, для того, чтобы жизнь и раскрытіе и духовной и физической стороны нашего существа были во Христѣ, подъ осѣненіемъ любви Отца нашего небеснаго. Зло и тутъ нашлось съ своимъ губительствомъ, утверждая (въ Монофелитизмѣ), будто во Христѣ по крайней мѣрѣ воля и дѣятельность есть только одна Божеская; отъ чего намъ съ человѣческою волею и дѣятельностію, чрезъ которыя только мы и можемъ благонаправить и развивать всѣ наши силы, опять не было бы общей со Христомъ среды. Мученическіе подвиги требовались отъ вѣры для постановленія благодатной, неоцѣненной для человѣковъ истины, что ради насъ въ Христовой личности неприкосновенны остались и человѣческая Его воля и дѣятельность. Ложь пыталась, наконецъ, сдѣлать изъ христіанства, съ его жительствомъ во Христѣ, какой-то отвлеченный и мечтательный идеализмъ, отвергая почитаніе Св. иконъ. Чрезъ подвиги мученичества, какъ нѣкогда въ гоненіяхъ отъ язычниковъ, вѣра удержала вѣрность иконопочитанію на основаніи досточтимости въ насъ образа Божія, выражаемой (по Св. Іоанну Дамаскину) и въ простыхъ поклонахъ нашихъ другъ-другу; вѣрность иконопочитанію въ этомъ его основаніи и духѣ, очевидно, должна простираться отъ церковности на всю наглядную нашу дѣйствительность на знаемость нашу другъ-другу, на всѣ взаимныя отношенія, въ особенности на раскрытіе въ насъ образа Божія чрезъ истинное, свободное отъ односторонностей, просвѣщеніе или образованіе. Все это совершалось чрезъ самое живое и дѣятельное служеніе Іерархіи, собиравшейся для того по временамъ вмѣстѣ со всей вселенной, при такомъ же содѣйствіи къ этому владыкъ гражданскихъ, представлявшихъ въ себѣ какъ бы, по выраженію равно-

апостольнаго Константина, «Епископовъ по внѣшнимъ дѣламъ церкви,» при всеобщемъ сочувствіи тому же всего народа вѣрныхъ. Такой общій духъ, естественно, возвышался въ избранныхъ до аскетической ревности по благочестію, проявлявшейся въ необыкновенныхъ подвигахъ духовнаго самоумерщвленія, силою котораго было именно нравственное и созерцательное общеніе въ Христовыхъ страданіяхъ и смерти за насъ, въ животворной и просвѣтительной любви Его къ человѣкамъ. Такимъ образомъ какъ въ періодъ гоненій удержать въ страданіяхъ до смерти вѣру значило выдерживать и раскрывать въ себѣ всю красоту и величіе благодатной во Христѣ жизни: такъ, и въ періодъ Вселенскихъ соборовъ, противъ напоровъ лжи на самое существо вѣры отстоять или твердо опредѣлить и поставить существенные догматы вѣры значило также удерживать и всю, свѣтоносную для человѣчества во всѣхъ его средахъ, силу этихъ догматовъ.

Такъ самыя основанія Православія, утвержденныя въ періодъ вселенскихъ соборовъ, оправдываютъ тѣ мысли и стремленія Гоголя, чтобы во всѣхъ средахъ мысли и жизни человѣческой проводить и раскрывать Христову истину и благодать...

Само собою разумѣется, что въ той же самой древности ложь, посягавшая на подрывъ общенія и союза человѣческаго во Христѣ съ Богомъ, оставляла осадки послѣ всякаго своего напора на Православіе, и приражалась своимъ духомъ и къ самымъ православнымъ. Чрезъ это самое на Востокѣ, на которомъ, и въ живой связи его съ Западомъ, сосредоточивались обыкновенно всѣ волненія и боренія по дѣлу Православія, открылось мѣсто для появленія и преобладанія лживой религіи *ислама*, предлагавшей мнимый союзъ всего человѣческаго (и духовно и чувственной стороны человѣка) съ Богомъ уже прямо и рѣшительно помимо Христа (*). Вотъ въ какую бездну духовнои низвергается что бы то нибыло человѣческое, о возведеніи чего ко Христу—или своеволіе не считало бы нужнымъ даже и думать,—или само благочестіе небрегло бы, занимаясь только прямо-духовными предметами!

Продолжимъ слѣдить внутренній порядокъ жизни и судебъ Христовой церкви.

(*) Въ журнальныхъ статьяхъ А. Казембека съ глубокою проницательностію раскрыто, что Магометово «преобразованіе Востока» было приготовлено именно осадками разныхъ ересей и сближеніемъ въ нихъ Христіанства съ духомъ іудейства или язычества.

Чрезъ точнѣе раскрытіе догмато вѣвравой вѣры, въ періодъ Вселенскихъ соборовъ, утверждено было для христіанъ полное духовное удобство держаться, во всѣхъ человѣческихъ своихъ дѣйствіяхъ и въ самой наглядной дѣйствительности, Христа Бога и въ Немъ съ сыновнею свободою и сознательностію, состоять подъ благоволеніемъ Отца Небеснаго, открывающемся въ животворной силѣ Св. Духа. Сатанинская ложь ухитрилась лишить многихъ и этого благодатнаго рая: на христіанскомъ Западѣ не захотѣли единственнаго надъ всѣмъ земнымъ и небеснымъ главенства Христова, дѣйствующаго въ церкви силою Св. Духа и содержащаго вѣрующихъ въ живомъ общеніи любви Отца небеснаго, но облекли въ значеніе полновластнаго намѣстника Христова и главы церкви папу или просто архіерея римскаго (*). А чтобы, по возможности, угашать и связывать въ западной церкви самый благодатный святоотеческій церковный духъ, ложь извратила на Западѣ воззрѣніе вѣры на самаго Духа благодати: она вымыслила будто Св. Духъ, въ силѣ котораго подвизались за вѣру Св. Отцы, имѣетъ въ самомъ Божествѣ своимъ корнемъ или источникомъ не одно отчество, но исходитъ будто уже отъ Отца и Сына. И вотъ такимъ образомъ на основаніи и по первообразу самаго Божества, какъ стали представлять его на Западѣ, латинству стало уже свойственно содержать и развивать церковной порядокъ уже не просто по святоотеческому духу, а и по собственному, по соображеніямъ и помышленіямъ своего новаго превратнаго направленія. Такъ въ римскомъ католичествѣ истинный церковный духъ, принадлежащій именно благодати Св. Духа, становился бездѣйственнымъ, а открылось страшно обширное мѣсто духу человѣческаго превозношенія и суетныхъ нововведеній, о чемъ съ удивительною мѣткостію и говоритъ Гоголь.—Православной церкви Востока, оставшагося вѣрнымъ истинѣ, предлежалъ въ борьбѣ противъ лжи папства крестный подвигъ истинныхъ ея чадъ—*невозлюбить душъ своихъ даже до смерти* (Апок. XII,II.). Ибо Восточнымъ Христіанамъ надо было противопоставлять обольщенію папства живую истину единаго Христова главенства надъ церковію и исхожденія Св. Духа только отъ Отца въ такое время, когда имъ рѣшительно грозило иго магометанское, а римскій папа льстилъ и успѣвалъ подвигнуть, какъ бы въ ихъ защиту, весь Западъ. И истинно блаженны они и

(*) См. изслѣдованіе о семъ въ книгѣ «о православіи» и проч., именно третью статью *о современности въ отношеніи къ православію.*

подъ масульманскимъ игомъ, отяготѣвшимъ наконецъ на всемъ Востокѣ. Ублажитъ этихъ страдальцевъ, угнѣтаемыхъ и внѣшне и духовно когда нибудь и самъ Западъ: настанетъ же когда нибудь такое благословенное время, когда для сознанія и жизни человѣчества раскроется вѣрою полный свѣтъ и сила Христова церковнаго *главенства*, простирающагося на *все*, нетолько *небесное*, но *и земное* (Еф. I, 10), и когда свѣтоносный духъ и сила истины исхожденія Св. Духа только отъ *Отца Господа нашего Іисуса Христа, изъ Негоже всяко Отчество на небеси и на земли именуется,* (Еф. III,14, 15), будутъ свѣтить во всякую среду, не только прямо-церковную но и семейную, гражданскую, во всѣ связи общежитія, въ исторію, во всѣ логическія движенія мысли нашей...

Но теперь православные сыны Востока продолжаютъ свое кровавое общеніе пока только еще въ страданіяхъ и смерти Христовой. А Западъ? Западъ не остановился на лжи папства, а пошелъ далѣе. Съ продолженіемъ времени открылось, что римское католичество, превращая самую вѣру во Христа и благодатную свободу христіанъ въ нѣкоторую форму рабскаго подчиненія человѣческой мысли и чувства гордому самовластію римскаго первосвященника, не можетъ удовлетворять духовныхъ потребностей человѣка. Поднялись протесты противъ папства; произведены разныя преобразованія западнаго христіанства. Но преобразователи, по правдѣ не захотѣвъ оставлять вѣру свою въ рабствѣ у римскаго папы, не подчинились своею мыслію и волею и самому Христу Богу, Спасителю и Царю человѣческихъ душъ. Они рѣшились, правда, повиноваться слову Божію, но не иначе, какъ собственной ихъ мысли и волѣ угодно было бы разумѣть и примѣнять слово Божіе. Чрезъ это они подчиняли само слово Божіе и съ нимъ вѣру собственной человѣческой мысли и произволу; и значитъ, духу папскаго самовластія и своевольнаго преобладанія надъ вѣрою дали только другое выраженіе, именно, вмѣсто ложно-церковнагоили ложно-іерархическаго—выраженіе, или проявленіе *мнимо-раціональное*. Такъ открылось новое губительнѣйшее зло въ христіанскомъ мірѣ—направленіе умовъ и сердецъ, внутренно независимое отъ Христа Бога, свѣтящаго человѣку и въ самыхъ врожденныхъ идеяхъ и законахъ его духа. Изъ этаго направленія и проистекли всѣ крайности новѣйшей философіи, разнузданной свободы и ложнаго раціонализма (*) и вообще все противухристіанское

(*) См. *четвертую статью о современности въ отношеніи къ православію* въ книгѣ» о Православіи» и проч.

развитіе ложной человѣческой чести и правды и односторонняго западнаго просвѣщенія, о чемъ такъ хорошо разсуждалъ покойный Гоголь. Сколько ни смягчаются въ своемъ значеніи такія крайности тѣмъ, что онѣ, первоначально или въ корнѣ своемъ, направлены противъ духовнаго рабства самой вѣры и человѣка въ западномъ католичествѣ, но тѣмъ не менѣе отъ этихъ крайностей *западнаго-раціональнаго* направленія всюду, куда онѣ проникаютъ, человѣкъ страждетъ и гибнетъ, вопія къ *имущимъ уши слышати* о помощи и спасеніи....

Для вѣры само собою разумѣется, что существенной помощи человѣчеству, страждущему и на Востокѣ и на Западѣ, надо искать единственно въ Христовой благодати и истинѣ, въ ихъ чистотѣ отъ всякихъ ложныхъ человѣческихъ направленій,—въ чемъ и состоитъ само по себѣ Православіе. И не трудно видѣть, въ какой особенно силѣ и въ свѣтѣ надо раскрываться Православію, чтобы также вѣрно и дѣйственно помогать страждущему человѣчеству противъ нынѣшняго преобладанія надъ нимъ—на Востокѣ Ислама, а на Западѣ лжи папства и мнимо-раціональнаго направленія, — какъ вѣрно и могущественно спасало оно человѣка во времена гоненій или вселенскихъ соборовъ противъ ересей. Православные Востока, донынѣ піющіе чашу кроваваго общенія въ Христовыхъ страданіяхъ подъ тяжкимъ игомъ Ислама, могутъ въ своемъ положеніи испытать и силу воскресенія Христова, именно—съ раскрытіемъ живительнаго Христова свѣта и въ земномъ ихъ бытѣ, въ гражданской жизни и устройствѣ. Такъ и римское католичество, возглавясь подъ самовластіемъ простаго человѣка, съ допущеніемъ мірскаго духа въ свою область и чрезъ это низринувъ у себя христіанство съ небесной его высоты до значенія просто-земнаго гражданства,— можетъ быть и здѣсь настигнуто свѣтомъ Православія, когда свѣтомъ его будутъ озарять и самое земное, мірское, возглавляя все во Христа и разумѣя всякой видъ и *земнаго отчества* не помимо единаго во Христѣ Отца нашего небеснаго. Равно и западное раціональное направленіе было бы, такъ сказать, силою схвачено стремленіемъ православныхъ не одну только букву Православія хранить въ неприкосновенности, но содержать и раскрывать силу его такъ, чтобы видны были именно «во Христѣ всѣ сокровища мудрости и знанія» (Кол. II, 3) и Православіе явилось бы міру именно какъ солнце истины для всего. Можно съ благоговѣніемъ усматривать благую волю Божію и о томъ, что послужить такому великому дѣлу Православія

можетъ и должна особенно Россія. Ибо Западъ духовно, а Востокъ внѣшнимъ образомъ находятся въ положеніи связанныхъ; малой части свободныхъ грековъ (разумѣемъ греческое королевство) впору пока заботиться о томъ, чтобы покрѣпче утвердить и устроить свое самостоятельное бытіе, для чего нужны и благонадежны также главнымъ образомъ опоры Православія. Америка, эта свѣжая, новая часть—что она? Американскому христіанству предлежитъ неоплатный долгъ, отвѣтить за то, что оно, при открытіи этой части свѣта, находило по мѣстамъ какъ бы остатки рая Божія въ простосердечіи и добродушіи жителей и успѣло, увы, почти только разтлить ихъ. Америка, въ духовномъ отношеніи, — такой страждущій ребенокъ, который, можетъ быть, болѣе другихъ зоветъ одну истинную матерь человѣческихъ душъ церковь православную.

Совсѣмъ иное видимъ въ Россіи отъ самаго начала ея христіанства. Православная церковь возродила нашъ народъ въ благодатную жизнь въ такое время, когда сама уже не только съ точностію опредѣлила самое существо своего Православія, но твердо противостала только что открывшемуся тогда обольщенію папства, готовая лучше страдать отъ опустошительнаго масульманства. Итакъ намъ досталось сокровище Православія, раскрытое въ своемъ значеніи, испытанное въ своемъ небесномъ достоинствѣ. Видно и самыя особенности народнаго нашего духа глубоко воспріимчивы къ свѣту и жизни Православія (какъ утверждаетъ и прекрасно выясняетъ это Гоголь), когда множество въ древней Россіи Святыхъ Божіихъ угодниковъ (фактически) показываетъ, какъ глубоко воспринято было у насъ Православіе. Но для насъ, въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи, наиболѣе важно то, что у насъ, съ водвореніемъ христіанства, и самая общественная, мірская (*), гражданская жизнь стала раскрываться и устроиваться, какъ жизнь по вѣрѣ православной, самыя междоусобицы древней Руси, кромѣ темной стороны своекорыстія и другихъ страстей, свойственныхъ всѣмъ грѣшнымъ людямъ,—имѣютъ еще такую сторону, значеніе которой, свѣтлое значеніе, можетъ быть выяснено изъ нашего святаго Православія, Св. Владиміръ, въ личности котораго, по его возрожденіи, такъ ощутительно свѣтлое отображеніе благостнаго отчества Самаго небеснаго нашего Отца,—съ открытостію отеческой любви дѣлаетъ или назначаетъ каждаго изъ своихъ сыновей участниками

(*) Для любящихъ придираться къ словамъ нужно конечно, замѣтить, что подъ этимъ мы разумѣемъ не грѣховность, а земную сторону общественной жизни.

въ наслѣдіи власти, съ поставленіемъ впрочемъ старѣйшаго изъ нихъ «отца вмѣсто» т. е. съ завѣщаніемъ въ будущіе роды священной животворной идеи отчества (*). Каждый изъ его сыновей и потомъ изъ ихъ преемниковъ по родамъ, становясь участникомъ власти, получалъ и самъ священный авторитетъ отца въ своемъ народномъ удѣлѣ и въ лично своемъ семействѣ. Съ одной стороны открывалось чрезъ это для каждаго искушеніе къ своекорыстію, къ стремленію поживиться, сколько можно, на счетъ другихъ родичей. Это такъ! Но съ другой стороны, по дѣйствующей въ дѣтской вѣрѣ благодати Сына человѣческаго, какимъ сталъ ради человѣковъ Самъ Единосущный Сынъ *Божій*, открывалось мѣсто къ проявленіямъ и движеніямъ въ каждомъ князѣ отцѣ духа и силы Высшаго Отчества, положившаго и въ немъ свое отображеніе; у каждаго по отношенію къ своему семейству и наслѣдію имѣли мѣсто и высокоразумныя (а не просто только своекорыстныя) особенныя расположенія и виды отеческой заботливости и предусмотрительности. Понятно такимъ образомъ, что и въ путаницѣ междоусобій нашихъ было удобное мѣсто къ проявленію чистаго Христова *свѣта, во тьмѣ свѣтящагося и тьмою не объемлемаго*, подобно какъ тотъ же свѣтъ свѣтится въ движеніи и бореніи въ человѣчествѣ разныхъ понятій или идей, взятыхъ въ своей отвлеченности. Справедливость сказаннаго нами утверждается тѣмъ, что, когда въ извѣстномъ частномъ родѣ и домѣ властительнаго поколѣнія (при способствованіи къ тому и татарскаго порабощенія) возникла и опредѣлилась мысль о единовластіи общаго всѣмъ отца — властителя народнаго, церковь православная съ особенною живостію сочувствовала и помогала осуществленію этой мысли, не затрудняясь представленіемъ о своекорыстіи или о насиліяхъ другимъ родамъ: безъ всякаго сомнѣнія, она подвизалась въ этомъ случаѣ не за что либо плотское, а за духовное, ощутительное для нея и въ земномъ властительствѣ и гражданствѣ. Тоже доказывается и тѣмъ, что значеніе Высшаго отчества, въ народномъ созданіи у насъ, крѣпко сроелось съ личностію народнаго единовластителя. Итакъ нашъ народъ, отъ начала своей общественной жизни въ христіанствѣ, такъ и веденъ былъ самымъ путемъ этой жизни къ тому, чтобы и въ земномъ, мірскомъ

(*) Мы указываемъ на Св. Владиміра, какъ первоначальника и представителя подобнаго отеческаго дѣлежа власти вообще въ древней Россіи; и потому обозначаемъ здѣсь внѣшно-фактическую сторону Владимірова дѣлежа, можетъ быть, безъ строгой точности.

умѣть или учиться раскрывать свѣтоносный и живительный духъ Православія (что такъ нужно нынѣ для всего міра). Подъ конецъ древне-русской жизни торжественно открылось, что русскіе не напрасно проводили эту свою школьную жизнь: они, послѣ всевозможныхъ нестроеній междуцарствія, избрали себѣ царя именно такъ, какъ достойно православныхъ, имѣющихъ и на землѣ жительство во Христѣ небесное, и въ земномъ умѣющихъ выдержать отвѣтъ горній. Мы видѣли, какъ живо Гоголь чувствовалъ значеніе этого событія.

Но и то правда, что, какъ выразился Гоголь, духовная дремота сильно стала одолѣвать русскаго человѣка, въ большинствѣ народномъ и въ господствующемъ у него направленіи. Дѣло именно въ томъ, что русскіе сами же начали было опускать изъ виду свое, оправдываемое для нихъ уже и самою ихъ исторіею, избраніе или назначеніе на то, чтобы и въ земномъ или внѣшне-мірскомъ, какъ вообще во всемъ человѣческомъ, выдерживать и раскрывать животворный и свѣтоносный духъ Православія. Не довольно вразумило ихъ и татарское порабощеніе въ томъ, что народная власть и жизнь, при преобладаніи въ ней духовной безсознательности и своекорыстныхъ безпорядковъ, естественно сближалось бы у христіанъ съ владычествомъ невѣрныхъ. Не утверждали въ истинѣ и примѣры самыхъ великихъ отшельниковъ, которые не только духовно входили своимъ соучастіемъ въ движенія и опасности народной гражданской жизни, но и отряжали изъ духовнаго своего воинства ратоборцевъ въ ряды велико-княжескаго войска, какъ въ чинъ сподвижниковъ во Христѣ (*). Господствующее въ періодъ Вселенскихъ соборовъ направленіе вѣры къ раскрытію и опредѣленію самыхъ высшихъ истинъ вѣры, это направленіе къ горнему, приводившее въ движеніе всю глубину благодатной жизни въ православныхъ, у насъ въ большинствѣ стало обращаться въ какой то идеализмъ, пренебрегающій земнымъ, какъ бы только грѣшнымъ и для грѣха пригоднымъ. Сознаніе несравненнаго ни съ чѣмъ достоинства Православія, которымъ мы обладали, склонялось у многихъ болѣе и болѣе къ презрительному отчужденію отъ другихъ (неправославныхъ) народовъ, къ надмѣнному осужденію и отверженію ихъ, какъ басурмановъ. И владѣя въ Православіи всеозаряющею истиною, мы стали болѣе и болѣе закоснѣвать въ невѣжествѣ, видящемъ всю глубину истины только въ буквѣ, обрядѣ (*)

(*) Рѣчь о преп. Сергіѣ радонежскомъ.

(*) Идеалистическое по вѣрѣ пренебреженіе къ земной дѣйствительности, какъ бы

Петръ великій и явился избраннымъ орудіемъ Божіимъ къ заблаговременной остановкѣ этаго мертвящаго духовнаго направленія. Духовное значеніе дѣла Петрова съ геніальною мѣткостію выражено имъ самимъ, когда Патріарху, подвигнувшемуся съ Св. Иконами умолять Петра о пощадѣ стрѣльцевъ, царь съ силою выразилъ, что и онъ царь не менѣе Патріарха служитъ Христу. Но далеко, далеко еще было до народнаго сознанія, что и на карабельной верфи, и за токарной работой, и въ совѣтахъ правительства, и въ рядахъ войска можно, и безъ натянутаго прозелитизма, такъ же вѣрно и свято служить Господу, какъ и въ келліи молящагося за весь міръ великаго подвижника. Народный же духъ русскій, какъ извѣстно, желѣзно-упрямъ, въ чемъ мало-мальски закоснѣетъ. И великому преобразователю Россіи, чтобы упрочить за нею едва начатое имъ сознательное служеніе Христу и въ земныхъ средахъ чрезъ народное просвѣщеніе и неразрывное сближеніе съ успѣвшими на этомъ поприще народами, приходилось многое и самому терпѣть и заставлять терпѣть многое другихъ. Тутъ доброе неизбѣжно перемѣшивалось съ разными излишествами.... Какъ бы то ни было, Петръ умѣлъ цѣнить великія духовныя свѣтила, какъ истинно достойный ихъ сотрудникъ предъ Христомъ Богомъ: разумѣемъ просіявшихъ уже благодатію Божіею святителей Димитрія Ростовскаго и Митрофана Воронежскаго, которыми и самъ взаимно былъ понимаемъ высоко. И все безпримѣрное дѣло его преобразованія произведено во многомъ именно, какъ мирный блистательный маневръ предъ цѣлымъ свѣтомъ, по выраженію Гоголя.

Петромъ, дѣйствительно, начаты для Россіи новое время, новая исторія. И какъ странно наше духовное положеніе донынѣ отъ того, что мы доселѣ еще не достаточно, еще только безсознательно входимъ въ силу дѣла нашего новаго времени, нашей новой исторіи! Наше положеніе это не просто борьба новаго съ старымъ; это скорѣе походитъ точно на пожаръ, какъ чудесно понято это Гоголемъ. Въ нашей общественной жизни донынѣ примется человѣкъ за высшіе духовные интересы и идеи, и измѣняетъ уже Петровскому настроенію или направленію проводить эти духовные интересы и идеи и въ самое положительное земное. Возьмется за это послѣднее, и перестаетъ уже обращать свое дѣло въ служеніе

совсѣмъ погрязшей въ грѣхи и заблужденія, вмѣстѣ съ невѣжествомъ и фарисейскимъ осужденіемъ другихъ, и выразилось именно въ расколѣ.

самому Христу, какъ начато Петромъ. Будетъ сочувствовать и сближаться съ иностраннымъ, и забываетъ свое завѣтное родное, самую святыню Православія, эту надежду для всего міра. Станетъ ревновать за Православіе, и весь міръ, все дѣло Петровское у него обращается запросто въ одну изгарь. Сколько такимъ образомъ перегорѣло духовно или обгорѣло славныхъ дѣлъ и личностей на всякихъ поприщахъ, въ нашей матушкѣ Россіи! Вотъ, напр. недавно и знаменитый нашъ Державинъ, на основаніи его же записокъ о себѣ самомъ, оказался (конечно, предъ судомъ, разбиравшимъ дѣло безъ вниманія къ духовно-запутанымъ особенностямъ его времени) и нравственно и умственно очень невысокимъ человѣкомъ. Но въ послѣднее или въ наше время, можно сказать, точно будто *до нельзя* доходитъ наша путаница отъ неумѣнія однихъ и отъ нехотѣнья другихъ серьезно и добросовѣстно обсудить наше положеніе и задачу. А, по истинному духу Православія или съ надлежащей точки зрѣнія на Православіе, какъ просто и удобно бы было видѣть истину, безъ плачевныхъ жертвъ односторонностей! Вотъ Бѣлинскій, на котораго мы указали въ самомъ началѣ нашего сочиненія и котораго нельзя не имѣть въ виду при обсужденіи дѣла Гоголя, геніально постигалъ, съ пламенною силою убѣжденія, что Высшую истину должно нынѣ созерцать не только саму въ себѣ, но особенно въ приложеніи ко всѣмъ областямъ дѣйствительности земной, что иначе мыслитель или художникъ былъ бы измѣнникомъ предъ истиною, что плевелы лжи или пустоты и суетности «надо подвижническою борьбою» истреблять изъ души своей, вырывая съ кровью. Помочь бы этому человѣку съ братскимъ самопожертвованіемъ увидѣть эту самую истину, такъ пламенно имъ любимую, прямо въ исполненномъ благодати и истины Христѣ Богочеловѣкѣ: дѣло Петра нашло бы въ этомъ человѣкѣ самый достойный отвѣтъ со стороны отчетливаго уже сознанія и мысли русскаго ума. Но у насъ разумѣющіе Христа, какъ Высочайшую истину, не только Бѣлинскаго не хотѣли или не могли признать за борца той же истины, только еще не вполнѣ *вѣдомой* ему во всемъ своемъ значеніи, но и Гоголя, послѣ уже изданія «выбранныхъ мѣстъ» его переписки, случалось, называли попросту *пустымъ человѣкомъ*. И донынѣ у насъ еще такъ бываетъ, что одни подвигомъ ревности за православіе считаютъ не столько твердое разумное обличеніе тѣхъ или другихъ видовъ лжи, сколько ловлю разныхъ обмолвокъ, недомолвокъ; за то гдѣ нибудь другіе, говорившіе нѣкогда, что вполнѣ сознанная истина будетъ любовію разливающеюся, какъ кровь,

въ организмѣ всего человѣческаго, теперь доходятъ уже до того, что глубоко истинную мысль о переведеніи каждой іоты или черты истины въ живую силу изъ нашей рутинной мертвости, думаютъ осуществлять, между прочимъ, такимъ дикимъ образомъ, чтобы и самыя названія священныхъ лицъ или предметовъ измѣнять какъ нибудь, и измѣнять притомъ чрезъ рабскую вѣрность какой нибудь буквѣ. Одна крайность вызываетъ всегда другую противуположную, но восточники точно упрямѣе и виноватѣе въ своей односторонности западниковъ, какъ замѣтилъ Гоголь. Попробуйте сдѣлать опытъ, поставить на видъ истину Православія хотя сколько нибудь такъ, чтобы она разумѣвалась по истинному духу Христа, Сына Божія, сошедшаго съ неба на землю, чтобы и земное не пропало, а взыскалось бы, если бы уже оно и пропадало, по духу Бога Слова, содѣлавшагося полнымъ человѣкомъ, чтобы все человѣческое спасти отъ грѣха и заблужденія. Такъ называемые западники или цивилизаторы, отзовутся живѣйшимъ восторгомъ, какъ бы въ прямое доказательство, что мнящіеся одни быть православными напрасно и ихъ отлучаютъ отъ Православія, прежде суда церковнаго. Чтожъ Восточники? Обрадуются ли, что хотя (выразимся такъ, чтобы никакая безпощадность не въ состояніи была оспоривать насъ) хотя слѣдъ блуждающей по горамъ овцы отысканъ, что слышно, гдѣ она? Нѣтъ; такого западника за его голосъ, что и онъ у насъ въ Россіи есть не Римскій католикъ или лютеранинъ, а Православный же, да и васъ вмѣстѣ съ нимъ назовутъ Восточники ни больше, ни меньше, какъ ренегатами, вѣроотступниками. Захотители вы принять братское участіе въ нашихъ труженикахъ—ремесленникахъ или фабричныхъ, чтобы напр. облагородить сколько нибудь ихъ отдыхъ, возвысивъ его надъ обычнымъ во дни отдыха грустнымъ объяденіемъ или пьянствомъ: западники будутъ готовы воспользоваться вашимъ трудомъ для воскресныхъ школъ, а восточники назовутъ васъ просто кощунникомъ. Пожаръ, о которомъ говорилъ Гоголь,—видите, и доселѣ еще въ разгарѣ.

Долго ли этому быть? Вникните въ существо и исторію Православія, посмотрите на вопіющія духовныя нужды человѣчества повсюду, пожалѣйте, что угодно—Востокъ или Западъ, Америку или собственное отечество Россію, до Петровскую Россію или имъ преобразованную. Все говоритъ намъ объ особенномъ назначеніи *нашемъ*, нашей Россіи православной, дружно всѣмъ, мірскимъ и духовнымъ, послужить такому раскрытію свѣта и силы Православія, чтобы освя-

тить имъ все земное, оживить все человѣческое по благодати и истинѣ самаго Христа, такъ безмѣрно возлюбившаго человѣчество, такъ глубоко снизшедшаго къ землѣ, Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. Само собою, разумѣется, что Богъ всячески исполнитъ Свою благую волю. Недаромъ же было столько жертвъ у насъ, хотя бы имѣть въ виду только время отъ Петрова преобразованія. Истина все уяснялась по немногу; въ каждой изъ лучшихъ нашихъ личностей выражалась же та или другая истинно-русская, православная сторона, и притомъ такъ, какъ началъ Петръ Великій. Развитіе и одной нашей свѣтской поэзіи это ясно доказываетъ, какъ то прекрасно раскрыто у Гоголя; особенно, если Гоголево изображеніе того, какъ шла у насъ словесность, будемъ дополнять дѣломъ, съ одной стороны, самаго Гоголя, а съ другой, да хоть того же Бѣлинскаго, возвышавшагося часто до одушевленія поэзіи и глубоко (хотя и односторонне) постигавшаго и ощущавшаго истину. Пора, пора всякому, на всякомъ мѣстѣ, съ разумнымъ сознаніемъ дѣла взяться, въ слѣдъ за Петромъ великимъ за вѣрную службу Самому Христу, также досточтимую, также Ему угодную, какъ и подвижническое служеніе пустынника, пламенѣющаго молитвою за весь міръ Божій.

Но возвратимся еще разъ, и уже послѣдній, къ мыслямъ Гоголя Говорить ли намъ уже что въ оправданіе мыслей его о Поэзіи, о собственномъ дѣлѣ? это уже совсѣмъ лишнее дѣло, послѣ того, какъ мы слѣдили, какъ собственными его твореніями оправдываютъ воззрѣнія его на искуство или личныя объясненія его о себѣ. Не будемъ останавливаться и на оправдываемой всею нашей исторіею мысли Гоголя о томъ, что точно слышна воля Божія о созданіи въ Россіи власти Царя въ истинномъ Богоподобномъ величіи, именно въ сознательно-благостномъ величіи царя, какъ носящаго въ себѣ образъ Того, Кто Самъ весь любовь высочайше-разумная. Понятна сама по себѣ вѣрность и той глубокой въ своихъ основаніяхъ мысли Гоголя, что особенно, христіански настроенная, женщина можетъ и должна служить къ незамѣтному смягченію и освѣщенію жесткости духовной въ обществѣ. Но скажемъ слова два о мысляхъ Гоголя объ образованіи народномъ. Мы еще въ первомъ письмѣ говорили, что онъ, такъ свѣтло понимавшій преобразованіе Петровское, не могъ идти противъ народнаго просвѣщенія, а высказывалъ горячую антипатію собственно противъ вліянія односторонняго западнаго просвѣщенія на простой народъ. Теперь дополнимъ сказанное тѣмъ, что пусть бы только у насъ, съ одной стороны, духов-

ное образованіе шло въ живомъ и разностороннемъ вниманіи къ разнымъ средамъ земной дѣйствительности, а съ другой-свѣтское образованіе съ благородною свободою обозрѣвало бы все дѣйствительное и мыслимое во свѣтѣ Христовомъ: тогда и мысль Петрова о просвѣщеніи Россіи совершилась бы, и народъ весь раздѣлилъ бы благо и дары просвѣщенія. Безъ образованія вообще, и безъ образованія самаго простаго народа, очевидно, свѣтъ Православія не можетъ раскрыться такъ, чтобы имъ все освѣтилось ко благу Востока и Запада и всего міра.

Дай Богъ, чтобы это исполнилось у насъ не такъ, какъ было съ Божіимъ народомъ, у котораго истина Божія, обезсиленная въ большинствѣ фарисейскимъ духомъ, открылась чрезъ Христа только избраннымъ и чрезъ нихъ пронеслась во весь міръ съ отверженіемъ іудейской толпы (Гоголь слышалъ и такую начальную возможность, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его выраженій),—но дай Богъ намъ хоть понемногу дойти до того, чтобы торжественно исполнилось вотъ это золотое слово покойнаго Гоголя: «и воспразднуется свѣтло Христово воскресеніе прежде у насъ, нежели во всякой другой землѣ.»

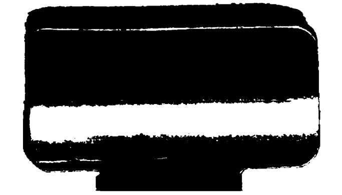
ПОПРАВКИ ОПЕЧАТОКЪ.

стран.	Строки сверху	снизу	НАПЕЧАТАНО.	Надобно читать.
11.	—	7.	въ собственности	въ особенности
13.	2	—	олицетворенными безсиліями	олицетвореннымъ безсиліемъ
14.	10	—	благодарною душею	благородною душою
17.		7.	поступительнымъ	попустительнымъ
18.	—	1.	Богослужебными	Богослужебными пѣснями.
19.	—	14.	свѣтлыя	святыя
33	—	9.	съ любовію	съ Любовію
—	4.	—	содержаніе	содержаніе ея
—	18.	—	направленію	направленію; но
37	15.	—	и воспразднуетъ	и воспразднуется
39	3.	—	вниманія, къ	вниманіе къ
40	17.	—	Божескую любовь	Богоподобную любовь
41	—	6.	главою и повелителемъ	главою
45	—	8.	все было	все было бы
53	—	7.	русской природы,	русской крещеной природы
—	—	16	благоразумнѣйшій	благороднѣйшій
60	17	—	общей, вы близскій	общей, по которой вы близкій
67	—	3	что ни какъ	что ни какъ бы
69	—	10	и не одной	и дѣло не одной
70	5	—	Такъ, выходитъ	Такъ выходитъ
—	—	11	къ нимъ	къ намъ
72	20	—	; какъ вы говорите,	, какъ вы говорите;
83	—	13	вами же Коробочками, Маниловыми,	вами же. Коробочка ли Маниловы ли,
84	—	16	физіономіями	физіономіямъ.
89	5	—	заставляетъ	заставляемъ
94	—	9	уклоняться	свободы уклоняться
—	—	8	слѣоящихъ	слѣдящей
96	5	—	любопытства	изъ любопытства
97	—	14	гостепріимномъ	гостепріимнымъ.
101	—	12	путяхъ	путяхъ и
110	—	13	исторійки	исторійки,—
111	—	18	благодарнымъ	благороднымъ
112	—	1	обличающій и осуждающій.	обличающей и осуждающей
114	—	12	освѣжющихъ	освѣжающихъ
117	1	—	пререкается	предрѣкается
—	5	—	обновленіе кого?	обновленіе. Чье?
118	—	17	дѣтскую	дамскую

стран.	Строки сверху	снизу	напечатано.	Надобно читать.
118	—	1	положитъ	положишъ,
119	13	—	душахъ	думахъ
123	14	—	чиновника	чиновниковъ
128	—	17	частной общественной	частной и общественной
135	13	—	высоко-христіанскою	высоко-христіанскаго значе_нія
138	12	—	о движеніи	движенію
140	15	—	въ одной	по одной
—	—	13	этой	въ этой
141	—	8	сложенія	сложенія міра,
—	—	9	предуставлено	предуставленъ
143	5	—	о	и
144	6	—	искусно	искренно
146	10	—	унынѣе	унылѣе.
151	—	13	словомъ	словомъ,—
154	—	14	во	со
159	—	8	исполненіе	исполненіе (полнота)
—	—	11	дышетъ	и дышетъ
161	12	—	Нотъ его	отъ Него
162	13	—	, ко всѣмъ виновнымъ	ко всѣмъ виновнымъ,—
164	—	2	слово міра	слова мира
165	—	1	хлѣба вина	хлѣба и вина
—	—	11	Во всемъ	Во всемъ церковномъ
167	5	—	тайны	—тайны,
—	7	—	слишитъ	слышитъ
—	—	12	в	въ
168	5	—	нашай	нашей
170	—	6	хулою,	хулою
—	—	13	дойти, и до	дойти и до
184	8	—	покориться	покорится
187	11	—	творецъ	Творецъ
—	—	19	одинъ	одна
—	—	9	, приспособившею	приспособившей
190	—	2	его	этого
192	6	—	чѣмъ	тѣмъ
—	—	15	тоже	тотже
193	16	—	Христа, по плоти	Христа по плоти,
—	19	—	породила въ своемъ духѣ	входила въ своемъ духѣ чрезъ смерть
194	—	10	зміемъ, и	зміемъ. И
195	—	15	въ словѣ	въ славѣ.
196	—	3	получалъ	получилъ
198	13	—	знаете духъ	знаете, что духъ
199	—	11	мужа	и мужа

Строки			напечатано.	Надобно читать.
стран.	сверху	снизу		
—	—	19	должно бығь,	должно быть
200	—	6	и въ послѣдствіи	и надолго въ послѣдствіи
203	10	—	Отчую	Отчую;
204	—	9	во плоти,	во плоти
206	9	—	вселено	во Христѣ вселено
—	—	18	н забота	и забота,
208	12	—	онъ этотъ,	онъ, этотъ
210	3	—	на меня	мнѣ
—	—	14	и произволъ	, имѣютъ мѣсто и произволъ
216	15	6	внято	внятно
220	—	2	праведникъ	праведникъ патріархальныхъ временъ (Іовъ).
221	—	6	слово	Слово
224	5	—	Который и Самъ	который и самъ
—	12	—	сего	всего
—	—	1	прекращеніемъ оной	прекращенной
225	—	5	огкрываются впервые и зрѣлища	открывается впервые и зрѣзрѣлище
230	—	10	Nγς	*Noῦs*
—	—	7	истиною	истинною
231	—	5	святыни	святыня
233	11	—	средочной	средоточной
—	—	7	жизни церкви	жизни—Церкви.
236	—	7	презрѣпною,	презрѣнною
240	8	—	общежитія	общежитія,
243	—	8	при вознесеніи	превознесеніи
244	6	—	созданія	сознанія
245	—	9	возраставшей	возраставшей,
249	—	12	духовно	духовной
—	—	12	духовною	духовно
250	1	—	догмато въ правой	догматовъ правой
353	—	6	Православія,	Православія.
254	—	8	созданіи	сознаніи
258	—	12	грусгнымъ	грубымъ
—	—	1	освятить	освѣтить
259	9	—	Разъвитіе	Развитіе
—	—	17	оправдываютъ	оправдываются
260	—	5	начальную	печальную

89092535350
b89092535350a